

НОВЫЕ МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

1

НОВЫЕ МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

РОБЕРТ ШЕКЛИ

NEW WORLDS OF ROBERT SHECKLEY

Volume one

**DRAMOCLES:
AN INTERGALACTICAL
SOAP OPERA**

**NOVELLAS
AND SHORT STORIES**

«POLARIS» PUBLISHERS
1996

НОВЫЕ МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

Том первый

**ДРАМОКЛ:
МЕЖГАЛАКТИЧЕСКАЯ
МЫЛЬНАЯ ОПЕРА**

**ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996

**Новые Миры Роберта Шекли. Т 1 / Пер. с
англ. — Рига: Полярис, 1996. — 383 с**

В первый том вошли сатирический роман «Драмокл: Межгалактическая мыльная опера», повествующий о попытках царя Драмокла найти свою судьбу, сюрреалистическая повесть «Майрикс», а также остроумные и яркие юмористические рассказы разных лет

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Перепечатка отдельных произведений и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-160-X

© by Robert Sheckly

© Издательство «Полярис»,
оформление, перевод, составление,
название серии, 1996

© С. Славгородский, вступительная статья, 1996

ТЕАТР ОДНОГО МАСТЕРА

Роберт Шекли, которого Кингсли Эмис прозвал «наиболее острым на язык писателем-фантастом», определенно является самым записным шутником среди собратьев по перу. Его комический талант наиболее ярко проявляется в коротких рассказах, лучшие из которых одновременно остроумны, эксцентричны, немного сатиричны и слегка пугающи. Однако в более крупных формах его изощренность порою выглядит натянутой, а юмор вымученным.

Шекли родился 16 июля 1928 года в Нью-Йорке и вырос в городке Майплвуд, штат Нью-Джерси. Вскоре после окончания средней школы он уезжает в Калифорнию, где за несколько месяцев меняет несколько мест работы, одно другого страннее. Он пробует свои силы в качестве рассыльного, буфетчика и даже садовника. В конце концов Шекли вступает в ряды армии США и с 1946 по 1948 год служит в оккупационных войсках в Корее, но не в боевом подразделении, а в качестве редактора полковой газеты. Демобилизовавшись, он возвращается в Нью-Йорк, где поступает в Нью-Йоркский университет на специальность инженера-металлурга и начинает мечтать о писательской карьере. Закончив учебу в 1951 году, Шекли поступает на работу на авиационный завод, но вскоре его рассказы начинают продаваться, и он становится профессиональным писателем. Шекли женится на Зиве Витней в 1957 году, и они продолжают жить в Нью-Йорке до конца 60-х годов, а затем переезжают с дочерью Элиссой на Ибицу, один из Балеарских островов в испанском Средиземноморье, который Шекли описывал как «нетронутый современной цивилизацией». С тех пор он дважды женился и разводился и в настоящее время живет в Лондоне со своей третьей женой Джей Ротбелл.

В 50-е годы Шекли опубликовал великое множество рассказов, причем большинство — в журнале «Galaxy», которому его стиль подходил как нельзя лучше. Творчество писателя данного периода наивысшего расцвета его таланта со всей полнотой представлено в сборниках «Не тронуте руками человека» (1954), «Гражданин в космосе» (1955), «Паломничество на Землю» (1957), «Черепки космоса» (1962). Как справедливо подметил Станислав Лем, многие рассказы Шекли построены на единственном, довольно простом обмане ожиданий читателя. Например, в рассказе «Что в нас заложено» (1956) делегация осторожных посланцев

Земли, прилагавших немалые дипломатические усилия для установления первого контакта с чужеземной расой, вдруг обнаруживает, что их голоса разрушают планету, мимика повергает инопланетян в ужас, жесты гипнотизируют, дыхание убивает, а пот вызывает ожоги. В рассказе «Охота» (1955) бравый скаут с планеты Элбонай, который с виду смахивает на летающую медузу, может получить желанный знак отличия и звание разведчика первого класса, только выследив редкого Мираща и освежав его. Нетрудно догадаться, что Миращи — это земляне, но подлинным сюрпризом для читателя являются элбонианские представления о человеческой шкуре. Тогда как обнаженная и потрясенная до глубины души жертва юного Дрока благополучно сплассь бегством, юноша возвратился в лагерь своего патрульного отряда «Атакующий Миращ», гордо размахивая бесценным трофеем — «прочной, отлично выделанной шкурой взрослого Мираща с ее весело сверкавшими на солнце молниями, пряжками, циферблатами и пуговицами». Подобные истории, что предсказуемо ведутся к неожиданной, остроумной развязке, читаются как шутки, но элегантные, невымученные шутки.

В некоторых рассказах Шекли достигает большего. Одной из жемчужин сборника «Гражданин в космосе» является сатирическая повесть «Билет на планету Транай». Но, вероятно, наиболее оригинальным и запоминающимся образчиком раннего творчества писателя следует признать рассказ «Специалист» (1953), который описывает Галактику, где представители различных разумных рас, объединяя свои усилия, превращаются, в прямом смысле этого слова, в звездолеты. В основе сюжета лежит поиск новой расы Ускорителей, способной разогнать космические корабли до сверхсветовой скорости. Такой расой, что типично для фантастики 50-х годов, конечно же, оказываются люди.

В 1958 году Шекли опубликовал свой первый роман «Корпорация «Бессмертие»», который является его самым амбициозным произведением. В описываемом в романе мире будущего жизнь после смерти — это всеми признанный факт и одновременно такой же вполне обычный товар, как страховка или билеты в театр. Герой Шекли, добродушный житель Нью-Йорка Том Блейн, очнувшись после страшной автокатастрофы, обнаруживает, что его разум перенесен из 1958 года в 2110-й и помещен в тело другого человека в рамках рекламной кампании новой энергетической установки некоей «Рекс Корпорейшн». Оставшись без присмотра, Блейн сбегает из лабораторий компании и оказывается на улицах порядком изменившегося Нью-Йорка, где все озабочены проблемами смерти и потусторонней жизни. За несколько лет до описываемых событий ученые открыли, что разум не всегда погибает вместе с телом, что смерть — это всего лишь освобождение сознания от телесной оболочки. Разработанные ими передовые технологии помогают сознанию пережить шок смерти и отправляют его в Потустороннюю Жизнь. Бессмертие, приобретаемое в форме специальной страховки, доступно каждому, кто располагает необходимой суммой. На открытом и черном рынках также предлагаются различные тела для тех, кто желает оттянуть свой переход в потустороннюю жизнь.

Шекли самым тщательным образом прорисовывает картину этого завернутого на смерти мира, наполняя новым смыслом старые пред-рассудки, связанные с духами, зомби и реинкарнацией. Его фантазия не знает границ. Он описывает «духовный коммутатор», с помощью которого души ушедших из жизни людей могут время от времени связываться со своими еще живыми друзьями, «кабинки для самоубийц», где неудачливые отцы семейств могут отдать свои тела в обмен на компенсацию родным и близким, а также новоявленных берсерков, которые предпочитают уйти из жизни будучи изрешеченными полицейскими пулями, прихватив с собой как можно больше невинных прохожих. Еще одной интересной находкой является «Охота», когда уставшие от жизни аристократы нанимают команду не имеющих страховки убийц, чтобы те прикончили их в ходе кровавой игры в «кошки-мышки». Одним из самых забавных моментов книги, на мой взгляд, является эпизод, когда один distinguished gentleman входит в битком набитую охотниками комнату со словами: «Доброе утро, джентльмены. Я — Чарльз Халл, ваш наниматель и жертва». В захватывающей развязке романа Блейн скрывается от «Рекс Корпорейшн» с помощью нелегальной революционной практики перемещения сознания, когда его разум метается из одного временного тела в другое по всему Западному полушарию.

Как мне кажется, наиболее притягательной чертой романа является царящая там атмосфера нестабильности, отсутствия твердой почвы под ногами. Несмотря на все ухищрения науки, Потусторонняя Жизнь во многом остается загадочным явлением, и уверенность в ее существовании рождает новые фобии. Процесс умирания не всегда проходит гладко даже для богачей, с чем связано множество предрассудков. Райли, глава «Рекса», в надежде, что его высокопоставленное положение останется при нем и после смерти, приказывает замуровать себя в традициях египтян в мавзолее вместе с личным вертолетом. Шекли живописует портрет общества, введенного в смятение воплотившейся в реальность мечтой.

«Корпорация “Бессмертие”» открыла шлюзы для целого потока романов, причем не только научно-фантастических, но и детективных, однако ни один из них не отличался такой же убедительностью деталей и свежим взглядом на вечные проблемы человечества. «Цивилизация статуса» (1960) — несколько хаотичная, но зачастую комичная картина нравов, царящих на планете-тюрьме, и ее взаимоотношений с Землей. «Хождение Джозэниса» (1962) — сатирическое повествование о последних, полных потрясений годах двадцатого столетия, какими их описывали устные предания полинезийцев тысячу лет спустя. Смелый замысел, но его воплощение в жизнь разочаровывает. «Десятая жертва» (1966) позаимствовала идею охоты из «Корпорации “Бессмертие”» и рассказов Шекли о развлекательных шоу: охотник и жертва противостоят друг другу в смертоносной международной гладиаторской игре, срежиссированной телевидением, сражаясь самым модным современным оружием, чтобы в ходе решающей схватки вдруг обмануть ожидания зрителей и влюбиться друг в друга.

Подобно «Десятой жертве» основная идея «Обмена разумов» (1966) — переход сознания из тела в тело — взята из «Корпорации “Бессмертие”». Но данный роман возвестил о начале нового, абсурдистского этапа в творчестве писателя. Его главный герой, любитель путешествий Марвин Флинн, столь же безликая фигура, как и большинство персонажей раннего Шекли, но, в отличие от них, на его долю выпадают приключения, которые заставляют усомниться в реальности окружающего нас мира. Организовав себе через нью-йоркского маклера по прокату тел довольно экзотичные каникулы в теле марсианина, Марвин падает жертвой межгалактического авантюриста и остается вообще без тела. Ему приходится довольствоваться теми телами, что предлагает черный рынок. В конце концов, после серии странных превращений — самым экзотичным и продолжительным из которых было его пребывание в теле ящероподобного политика, который предусмотрительно устроил себе срочную командировку на тот срок, пока ему, согласно обычаям, полагалось носить в носу подарок его избирателей — подозрительно тикающее кольцо, — Марвин возвращается, или ему кажется, что возвращается, домой на Землю, где он как ни в чем не бывало сидит под привычным зеленым небом с исполинским красным солнцем и наблюдает за миграцией дубов-великанов. Кажется, что Шекли теряет контроль за ходом повествования одновременно с тем, как Марвин утрачивает чувство реальности. Но Шекли столь же беспечен, как и Марвин, по поводу утраченного. Основную идею романа, на мой взгляд, озвучивает Зе Краггаш, когда Марвин настигает его в Искраженном Мире: «Ничто не вечно, кроме наших иллюзий».

Слабым местом всех романов Шекли является то, что его персонажи как личности не представляют интереса, а также то, что, за исключением случая с «Корпорацией “Бессмертие”», ему не удается скроить из всех своих разнообразных сюжетных ходов и комических ситуаций правдоподобную, непротиворечивую картину мира. Однако его следующий роман «Координаты чудес» (1968) менее подвержен вышеуказанным недостаткам, поскольку он изначально фрагментарен по своей структуре и его центральный персонаж скорее одно большое недоразумение, чем главный герой. Скромный клерк Кармоди выигрывает в Межгалактическую Лотерею странный говорящий приз и, забрав его, обнаруживает, что может вернуться домой, только посетив несколько альтернативных Земель. На одной ему встречаются рассудительные динозавры, на другой — говорящий город, который ведет себя как излишне заботливая мамаша, а на третьей Кармоди встречает строительного подрядчика, который утверждает, что соорудил Землю по дешевке для «высокого бороатого старика с пронзительным взглядом». Поскольку каждый из этих эпизодов практически самостоятелен, «Координаты чудес» фактически представляют из себя сборник рассказов, в написании которых Шекли чувствует себя куда более уверенно.

Параллельно с работой над данными романами Шекли писал и рассказы, хотя и не в том количестве, как прежде. Некоторые из рассказов 60-х годов открывают новые направления в творчестве писателя. К при-

меру, сексуальный юмор, как в рассказе «Вы что-нибудь чувствуете, когда я прикасаюсь?» (1969), который был написан для журнала «Playboy», где пылесос новейшей марки пытается соблазнить домохозяйку и терпит неудачу по причине фригидности последней. Иллюстрацией другого направления, к которому время от времени обращается Шекли, является умный рассказ «Застывший мир» (1968), где описаны страдания человека, которому кажется, что его ночные кошмары становятся явью. В его родном мире нет ничего стабильного — все предметы постоянно меняют цвет и форму, а само время движется рывками. В конце концов Лэниган оказывается пойманным нашим ужасным застывшим миром, где все так разочаровывающе предсказуемо и косно. «Асфальт ни разу не вскрикнул у него под ногами. Вот возвышается Первый национальный городской банк. Он был здесь вчера, что само по себе достаточно плохо, но гораздо хуже, что он наверняка будет здесь завтра, и через неделю, и через год.. чудовищно лишенный возможности превращений. Он никогда не станет надгробием, самолетом, костыми доисторического животного...» Однако Шекли не забывает и о старых, излюбленных темах, таких, например, как первый контакт с инопланетянами, которые он заставляет звучать по-новому. В блестящем рассказе «Потолкуем малость?» (1965) землянин прибывает на вновь открытую планету На, чтобы вынудить ее обитателей подписать торговое соглашение, которое явится первым шагом к колонизации планеты людьми. Но все его попытки постичь местный язык оканчиваются неудачей, поскольку он обнаруживает, что наянский язык меняется слишком быстро и непредсказуемо для него. В конце рассказа разъяренный лингвист улетает несолоно хлебавши, а наянцы празднуют его отъезд, обмениваясь репликами, состоящими из комбинаций одного-единственного слова, ставшего на время основой их языка: «Ман ман ман-ман? Ман ман-ман-ман...»

Через семь лет после «Координат чудес» выходит следующий роман Шекли «Выбор» (1975), в котором писатель затевает легкомысленную игру со своими собственными слабостями как романиста. Том Мишкин, межгалактический торговец (замороженные хвосты южноафриканских трепангов, теннисные туфли и кондиционеры), оказывается затерянным где-то в Малом Магеллановом Облаке, отчаянно нуждаясь в некоей редкой запчасти для своего звездолета. Он направляется на Гармонию, взбалмошный мир, где ничто не является тем, чем кажется на первый взгляд. Затем повествование превращается в фонтан скетчей, шуток, забавных диалогов и литературных пародий. Монстры прерывают свое смертоносное нападение, чтобы пуститься в обсуждение метафизических проблем, главного героя развлекают ржанные, он встречает игроков в покер, которые уверены, что они находятся в комнатухе в сердце Манхэттена (судя по всему, так оно и есть). Периодически в действие вмешивается персонаж, именуемый «автором», который отпускает едкие комментарии и пытается подобрать на место Мишкина более выразительного героя, а в конце извиняется перед Мишкиным за то, что не в силах придумать способ переправить его домой. В одном из финальных эпизодов читателей наводят на мысль, что Мишкин на самом деле всего

лишь земной мальчик, который грезит наяву. («— Томми! Сейчас же перестань играть! — Я не играю, мама, это по-настоящему... — Это не веник, а космический корабль! Кроме того, мой робот говорит... — И захвати с собой этот старый радиоприемник!») При всем при том, роман производит впечатление написанного на скорую руку, и отдельные удачные шутки не скрадывают отсутствия сколь-либо связного сюжета.

В последнем романе, выпущенном в 70-х годах, «Алхимический мараж Алистера Кромптона» Шекли описывает мир будущего, где потенциальные шизофреники выявляются в раннем детстве, их личности искусственно расщепляются на отдельные компоненты, которые снабжают временными телами и рассылают на разные планеты. Алистер Кромптон, доминирующая личность, оставленная в первоначальном теле, милый, хотя и несколько скучный человек, в редком приступе бунтарства решает отправиться на поиски недостающих частичек своей личности, надеясь объединиться с ними, пока их временные тела не разрушились. Роман является еще одним описанием того, как общество давит на своих граждан, вынуждая их быть последовательными, рассудительными и предсказуемыми, безжалостно подавляя тех, кто выбивается из общего ряда. Во время своего путешествия главный герой попадает как в забавные, так и в весьма неприятные ситуации, но в целом роман отличается несвойственной Шекли продуманностью сюжетной линии и оставляет сильное впечатление.

В 80-е годы Шекли были опубликованы еще два романа об Охоте — «Первая жертва» (1987) и «Охотник-жертва» (1988), которые оказались слабее оригинала и явно не прибавили писателю лавров. Затем он выпустил несколько романов в соавторстве с другими известными писателями-фантастами: «Билл, герой Галактики, на планете закупоренных мозгов» (1990) с Гарри Гаррисоном и довольно удачную трилогию о демоне Аззи «Принеси мне голову Прекрасного принца» (1991), «Коль в роли Фауста тебе не преуспеть» (1993) и «Театр одного демона» (1995) в соавторстве с Роджером Желязны.

Для позднего Шекли, особенно в рассказах, прослеживается тенденция писать практически абсурдистские произведения, что не слишком согласуется со вкусами современного научно-фантастического рынка. Возможно, что нежелание Шекли воспринять всерьез более «облегченные» формы жанра, которые он так искусно пародировал в молодости, оказало некий негативный эффект на уже зрелого писателя, временами напоминающего Курта Воннегута с подрезанными крыльями. Однако за ним навсегда останется репутация первого остряка научной фантастики, и его лучшие произведения будут переиздаваться вновь и вновь, доставляя подлинное наслаждение все новым поколениям любителей научной фантастики.

С. Славгородский

ДРАМОКЛ

Глава 1

Король Драмокл, правитель Глорма, проснулся, огляделся и не смог вспомнить, где он находится. Такое случалось с ним нередко, ибо король привык засыпать в разных покоях дворца, под настроение. Королевский дворец в Ультрагнолле был самым большим творением рук человеческих на Глорме, а то и во всей Галактике. Он был так велик, что пришлось оборудовать его внутренней транспортной сетью. Одних личных королевских спален в этом колоссальном сооружении насчитывалось сорок семь штук. А кроме того, еще в шестидесяти комнатах у Драмокла были кушетки, откидные кровати, раскладные диваны, воздушные матрацы и прочие приспособления на случай, если вдруг захочется соснуть. Поэтому выбор постели был для него ежевечерним приключением, а пробуждение — ежедневной загадкой.

Сев и посмотрев по сторонам, Драмокл обнаружил, что провел ночь на куче подушек в одной из Косматых комнат, названных так из-за пучков черных волос, в изобилии росших по углам. Разобравшись с проблемой местонахождения, король задумался над вопросом кофепития.

Обыкновенно вопрос этот решался простым нажатием кнопки возле кровати. В королевской кухне раздавался звонок и включалась громадная машина «каппучино». Бойлер у нее был таких размеров, что энергии хватило бы на целый локомотив; десять слуг круглосуточно поддерживали под ним огонь, прочищали фильтры, добавляли свежесмолотый кофе и выполняли прочие подготовительные операции. Стоило лишь прозвенеть звонку, как дымящийся «каппучино», подслащенный в точности по королевскому вкусу, устремлялся по медным трубам длиною в несколько миль и лился из крана в любой комнате, где пожелает испить кофе Драмокл.

На сей раз, однако, Драмокл ночевал в той части дворца, что не была еще подключена к кофейной сети. Король сердито натянул джинсы и тенниску и вышел в коридор.

монорельсовая дорога: стало быть, хотя бы дворцовая транспортная сеть здесь работает. Но поезда, конечно же, нет и в помине. Драмокл сверился с настенным расписанием и обнаружил, что следующий поезд — «Прямой дворцовый местный» — будет минут через сорок, не раньше. Король снял со стены телефонную трубку экстренной связи и позвонил в транспортную центральную.

В трубке долго гудели сигналы. Наконец развязный голос спросил:

— Ну, чего надо?

— Пришлите мне поезд немедленно, — сказал Драмокл.

— А еще чего? И не мечтай, приятель. Половина составов у нас в ремонте, а другая половина на линиях, куда более важных, чем твоя. Там, откуда ты звонишь, ни черта нету, кроме косматых спален.

— Я король Драмокл, — грозным голосом сказал Драмокл.

— Да ну? Шас, сверим твой голос с записью... Да, действительно. Слушайте, сир, я извиняюсь за свой тон, а только вы не представляете, как заколебали меня ваши придворные! Трезвонят, понимаете, день-деньской и требуют, чтобы поезда сворачивали туда, куда им угодно. А в особенности сейчас, из-за праздников...

— Ладно, все ясно, — сказал Драмокл. — Когда ты сможешь прислать мне поезд?

— Через семь минут, сир. Я заверну «Пантеон-экспресс» прямо перед станцией Капультепек и...

— Приличная кофеварка в этом экспрессе есть?

— Минуточку, шас-гляну... Нет, сир, в «Пантеоне» только растворимый кофе и слабенький голландский. Дайте мне двадцать минут, и я пришлю вам поезд с новейшим оборудованием для завтрака...

— Пришли который поскорее, — сказал Драмокл. — Я завтракаю позже.

Прошло пятнадцать минут. Поезд так и не появился. Драмокл снова снял телефонную трубку, но услышал лишь бесконечные щелчки. Потом записанный на пленку голос заявил, что все линии заняты и ему следует звонить через дворцового оператора. Тщетно Драмокл орал, что он король и что все прочие разговоры должны быть прерваны сию же секунду. Никто его не слышал.

Он пошел обратно в спальню за сигаретами, но заблудился: все покои здесь были волосатые, и король не смог отыскать комнату, где провел ночь. Ни один телефон не работал. И даже на сигнал пожарной тревоги никто не отозвался.

Разгневанный, Драмокл зашагал вперед по коридору. Прошел целый час, пока он пешком добрался до одного из населен-

ных районов Ультрагнолла. Каким ветром его занесло в те забытые Богом спальни прошлой ночью? Он смутно помнил давешнюю вечеринку — немножко выпивки, немножко наркоты, много смеха, а потом забвение. Король побрел дальше, но, услышав позади шум мотора, остановился.

Вдали замигали крохотные желтые огоньки. Они приблизились, и оказалось, что это коридорная машина — одноколенное транспортное средство, используемое аристократией для спешных передвижений по дворцу.

Машина аккуратненько притормозила возле короля. Круглая крыша откинулась, и жизнерадостный кудрявый мальчик лет двенадцати, высунав голову, спросил:

— Это вы, отец?

— Конечно, я, — сказал Драмокл. — Тебя как звать-то?

— Самизат, отец, — ответил мальчик. — А мою маму зовут Андреа — вы развелись с ней два года назад.

— Андреа? Такая маленькая, темноволосая, с писклявым голосом?

— Точно. Мы живем в районе Святого Михаила. Мама часто звонит вам по телефону и рассказывает свои сны.

— Вещие, как она утверждает. — Драмокл уселся в машину рядом с Самизатом. — Отвези-ка меня в дворцовый центр.

Самизат рванул машину с места с такой скоростью, что воск, которым был натерт в коридоре пол, расплавился и задымил.

Вскоре коридор вывел их на широкий балкон с балюстрадой. Самизат резко свернул, промчался вниз по длинным лестничным пролетам и немного сбросил скорость, лишь когда подъехал к просторному помещению под куполом, где раскинулась площадь св. Леопольда. Это была большая базарная площадь, усеянная полосатыми тентами, под которыми сидели люди и нелюди и торговали всякой всячиной. Гейзельянцы, жители северных окраин Глорма, предлагали покупателям глянцевитые бельмогоды в плетеных корзинках. Гроты — остатки древней расы, населявшей Глорм до прибытия людей, — покачивали головами над чашками с наркотической кашей. Брунгеры из Диспазии и флатландцы из Арнапеста, в красочных национальных костюмах из блестящей кожи и тафты, продавали резные уличные тросточки и свои знаменитые миниатюрные персики. А высоко над толпой реяли огромные золотисто-голубые транспаранты, возвещавшие о тридцатой годовщине *Rax Glormicae**.

Драмокл заметил кофейню и велел сыну посадить его. Заглотив двойной «каппучино», король расписался в по-

---

* Мир Глормийский (лат.) (Здесь и далее примеч. пер.)

лучении кофе и поехал на коридорном такси в дворцовый центр

Пухлое усатое лицо гофмейстера королевского двора Рудольфа, поджидавшего Драмокла на ступеньках внутренней лестницы, подергивалось от нетерпения.

— Сир! — сказал гофмейстер. — Вы опоздали на аудиенцию!

— Поскольку я король, — заявил Драмокл, — я никуда не могу опоздать, ибо, когда бы я ни появился, я всегда появляюсь вовремя.

— Не путайте меня своей казуистикой, — сказал Рудольф. — Вы сами назначили время аудиенции и велели мне выбрать вас, если опоздаете.

— Считай, что ты меня выбрал. Насколько я помню, сегодня вечером официальное открытие празднования Рах Glormicae?

— Точно так, сир. Все приготовления уже окончены. Адалберт, король Аардварка, прилетел вчера вечером. Мы разместили его в небольшом особняке на рю Монжуа. Руфус, правитель Друта, прибыл со свитой, и его поселили в Тронтийском замке. Снint, король Лекка, остановился в отеле «Розовый сад» на Храмовой авеню. Ваш брат Джон, граф Кармино-сольский, только что прибыл в космопорт. Лишь Хальдемар, король Ванира, не соизволил объявиться даже по радио или видео.

— Чего и следовало ожидать. Я встречаюсь с королями позже. В почте было что-нибудь интересненькое?

— Обычная дребедень.

Рудольф отдал Драмоклу пачку писем, и тот сунул ее в карман джинсов.

— Потом разберусь. А сейчас давай начнем аудиенцию. И постарайся на сей раз не затягивать ее, Рудольф.

— Воля ваша, сир, но до получения специальных указаний я буду придерживаться протокола, установленного вашим досто-почтенным батюшкой Отто Странным.

Драмокл пожал плечами. Правила, законы и указы Отто большей частью были весьма разумны, и Драмоклу никогда не приходило в голову их менять. Сопровождаемый Рудольфом, король проследовал в зал для приемов.

Глава 2

Аудиенция протекала скучно, как всегда, и в основном сводилась к определению меры наказания разным графьям и баронам, попавшим в монаршую немилость из-за того, что они обманывали крестьян, или налоговые машины, или кого-нибудь еще. Делать Драмоклу было абсолютно нечего, поскольку

гофмейстер уже вынес решения в соответствии с предписаниями Отто Странного. Рудольф бубнил приговор за приговором, а Драмокл сидел на высоком троне и жалел себя.

Несмотря на свой титул абсолютного монарха Глормийского и верховного правителя Местных планет, Драмокл осознавал, что всю жизнь попросту плывет по течению, машинально реагируя на незначительные события, происходившие на Глорме в этот беспрецедентно долгий мирный период. Одуравший от скуки, несчастный король ерзал на троне, прикуривая одну сигарету от другой, и думал про себя, что быть великим монархом — не такое уж великое удовольствие. И тут к трону вдруг приблизилась какая-то старушка, и с этой минуты жизнь короля совершенно переменялась.

Старушка была маленькая, сгорбленная, вся в черном, за исключением серых туфель и серой же мантильи. Она пробралась сквозь толпу придворных почти к самому трону, где путь ей преградили скрещенные алебарды стражников. Тогда она воззвала:

— О великий король!

— Да, старая леди, — откликнулся Драмокл, жестом повелевая возмущенному Рудольфу молчать. — Ты, по-видимому, желаешь обратиться к нам. Пожалуйста, говори. Надеемся — для твоего же блага, — что твое известие порадует нас.

— Сир! — сказала старушка. — Я вынуждена покорнейше просить вас о приватной аудиенции. Мое известие предназначено исключительно для королевских ушей.

— Вот как? — сказал Драмокл.

— Да, так, — сказала старушка.

Драмокл смерил ее взглядом, и еле заметная тень затуманила его ясное чело. Он затушил сигарету в пепельнице, выточенной из цельного смарагда.

— Проводите ее в Зеленую палату, — приказал он ближайшему стражнику. — Пускай подождет там наше величество. Тебя это устраивает, любезнейшая?

— Да, сир, главное, чтоб не в Оранжевую.

Придворные ахнули от такой бесцеремонности, но Драмокл только улыбнулся и, когда страж увел старушонку, подал гофмейстеру знак продолжать аудиенцию.

Часом позже ежедневный прием был окончен. Драмокл отправился в Зеленую палату. Усевшись в удобное мягкое кресло, он закурил и уставился на старушку, сидевшую перед ним на стуле с прямой спинкой.

— Итак, — сказал он, — ты пришла.

— В назначенный час, — откликнулась старушка. — И я осмелилась предстать пред ваши очи, сир, только потому, что еще больше боялась не сделать этого.

— Сначала я решил, что ты ненормальная, — сказал Драмокл. — Но потом я спросил тебя: «Вот как?», и ты ответила: «Да, так», то есть дала мне отзыв на пароль, которым я пользуюсь в разговорах с личными агентами. В следующую фразу я ввернул кодовое слово «зеленая», а ты сказала в ответ «оранжевая» и тем самым рассеяла последние сомнения. Собщил ли я тебе еще какие-нибудь пароли?

— Еще десять, то есть всего двенадцать, чтобы я могла подать вам знак в любой ситуации, о чем бы мы ни разговаривали.

— Двенадцать паролей! — изумился Драмокл. — Весь мой запас! Твое известие должно быть сносшибательно важным. Кстати, я даже не знаю твоего имени, старая леди.

— Да, сир, вы предупреждали, что забудете его, когда велели мне затвердить пароли. Меня зовут Кларой.

— Чудеса! И они происходят со мной наяву, а не во сне! — воскликнул счастливый король. — Поведай же мне свою историю, Клара.

— О великий король! — сказала Клара. — Вы посетили меня тридцать лет тому назад в моем родном городе Мерле, где я зарабатывала себе на пропитание, запоминая разные вещи для людей, слишком занятых, чтобы помнить их самим. Вы сказали мне: «Клара (прочитав мое имя на дверной табличке: «Воспоминаторий Клары»), у меня есть очень важное сообщение, и я хочу, чтобы ты запомнила его наизусть и передала мне ровно через тридцать лет, когда я должен буду о нем вспомнить. Сам я забуду даже наш нынешний разговор, пока ты не придешь и не напомнишь, ибо так тому положено быть».

«Вы можете положиться на меня, ваше величество», — сказала я.

«Я в этом не сомневаюсь, — ответили вы, — поскольку предосторожности ради я занес твое имя в официальный календарь, чтобы тебя казнили ровно через тридцать лет и один день. А потому я рассчитываю, что ты появишься вовремя». Затем вы улыбнулись мне, сир, передали свое сообщение и удалились.

— Ты, наверное, немного тревожилась, как бы не случилось какой задержки в пути, — заметил Драмокл.

— Чтобы избежать непредвиденных случайностей, я переехала в вашу столицу Ультрагнолл вскоре после нашей встречи и открыла воспоминаторий на Оружейной улице в пяти минутах ходьбы от дворца.

— Ты мудрая и предусмотрительная женщина, Клара. А теперь скажи мне, что я велел себе передать?

— С удовольствием, сир. Ключевое слово — «шазаам»!

Услышав это слово из древнего языка, Драмокл унесся просветлевшей памятью на тридцать лет назад.

Глава 3

Тридцать лет отмотались обратно, словно кинолента, снятая наплывом. Юный Драмокл, двадцати лет от роду, сидел в своем кабинете и рыдал. Только что он узнал, что отец его Отто, король Глорма, прозванный в народе Станным, погиб несколько минут назад при взрыве лаборатории на спутнике Глорма Глизе. Взрыв произошел, по-видимому, из-за оплошности Отто, поскольку в лаборатории, да и вообще на Глизе, он был в тот день один. Король ушел в мир иной эффектно, в блеске атомной вспышки, разорвавшей в клочья целый спутник.

Завтра о нем будет скорбеть весь Глорм. А через неделю состоится коронация и Драмокла провозгласят королем. Но несмотря на предвкушение этой церемонии, Драмокл плакал, потому что любил своего непонятного и непредсказуемого отца. Горе боролось в его сердце с радостью, ибо перед своим злополучным полетом на Глиз Отто провел с сыном душевную беседу, в которой напомнил ему о королевских обязанностях и ответственности, а потом неожиданно открыл Драмоклу, что ему уготована великая судьба.

Драмокла потрясло сообщение отца. Судьба всегда была его заветной мечтой. Теперь наконец его жизнь исполнится смысла и значения, а это две самые ценные вещи, какими может обладать человек.

Мешало лишь одно препятствие. Как объяснил Отто, Драмокл не сможет сразу же пуститься в погоню за судьбой. Ему придется подождать, и ожидание будет долгим. Тридцать лет пройдет, прежде чем настанет срок. Только тогда начнет разматываться нить судьбы Драмокла — и ни денечком раньше.

Тридцать лет! Целая жизнь! И ему придется не просто ждать — ему придется хранить это известие в тайне до тех пор, пока не настанет время действовать. Доверить столь важную тайну нельзя никому. Ни один человек не должен знать о ней, даже самые преданные друзья и советники.

— Будь оно все проклято! — проворчал Драмокл. — Если подумать, так я и себе самому не могу доверять. Я просто выболтаю все кому-нибудь по пьянке или забалдею от наркоты. Я последний человек на свете, кому бы я доверил такой секрет.

Он задумался, непрерывно смоля сигареты и прикидывая разные варианты. В конце концов, решившись, он вызвал своего андроида-психиатра доктора Фиша.

— Фиш! — резко сказал Драмокл. — У меня в мозгу есть некая последовательность мыслей. Я не хочу их помнить.

— Нет ничего легче — мы запросто можем изъять мысль или даже целый набор мыслей, — сказал Фиш скрипучим

голосом, характерным для андроидов, несмотря на достижения технологии голосового синтеза. — Ваш почтенный батюшка Отто постоянно велел мне стирать из памяти имена бывших любовниц, оставляя лишь даты их рождений, поскольку был человеком великодушным. Он также настаивал на забвении голубого цвета.

— Но я не хочу потерять свою мысль! — сказал Драмокл. — Это очень важная мысль. Я хочу вспомнить ее через тридцать лет.

— Это куда сложнее, — заметил Фиш.

— А ты не мог бы заблокировать мою мысль и дать мне постгипнотическую команду вспомнить ее спустя тридцать лет?

— Подобную методику я с успехом применял к королю Отто. Он хотел думать о Гилберте и Салливане каждые шесть месяцев, не открывая мне причин своего желания. К сожалению, тридцать лет — чересчур долгий срок для надежного постгипнотического внушения.

— Но что-то ты можешь сделать для меня или нет?

— Ну, я могу закрыть вашу память ключевым словом или фразой. Затем ваше величество отдаст ключ какой-либо достойной доверия персоне, которая напомним вам это слово по прошествии тридцати лет.

— Я могу доверить его воспоминателю. — Драмокл задумался. Хотя и не стопроцентно надежный, план казался приемлемым. — Какое слово ты посоветуешь в качестве ключевого? — спросил он Фиша.

— Я лично выбрал бы «шазаам», — ответил андроид.

Драмокл порылся в «Галактическом желтом справочнике» в поисках надежного воспоминателя. Выбрав Кларин, он собственноручно отвел свою космическую яхту в город Мерль и сообщил Кларе ключевое слово.

Вернувшись в Ультрагнолл, король вызвал Фиша еще раз.

— Теперь я хочу, чтобы ты запечатал мою память, как мы решили ранее, под ключевое слово «шазаам». Только прежде чем ты начнешь, я должен обсудить с тобой еще один вопрос... Даже и не знаю, с чего начать.

— Не утруждайтесь понапрасну, мой король. Я уже привел все свои дела в порядок, поскольку, если я не ошибаюсь, вы намерены меня уничтожить.

— Откуда ты знаешь? — с удивленной усмешкой спросил Драмокл.

— Это элементарно, сир, для того, кто изучил ваш характер и уважает ваше стремление сохранить все в строжайшей тайне.

— Надеюсь, ты на меня не в обиде, — сказал Драмокл. — Я хочу сказать, ты ведь не такой, как живые люди, правда?

— У нас, андроидов, нет инстинкта самосохранения, — ответил доктор Фиш. — Позвольте мне лишь пожелать вам на прощание удачи на том блистательном поприще, что вас со временем ожидает.

— Благодарю тебя, Фиш, — сказал Драмокл. Прилепив клейкий шарик из голубого пластика к воротничку анроида, он воткнул в него светло-зеленый детоидатор. — Прощай, дружище. А теперь приступай к работе.

Фиш включил наркопсихосинтезатор и приступил. (Драмокл не мог потом вспомнить своих последних распоряжений, поскольку велел Фишу перезаписать их на более позднюю дату.) Фиш закончил. Драмокл встал с операционного стола в полной уверенности, что ему только что сделали массаж, и ощутил желание срочно выйти на прогулку. Повинуясь постгипнотическому внушению, он удалился от лаборатории Фиша на сотню ярдов. Где и услышал взрыв.

Драмокл бросился назад и обнаружил, что доктор Фиш растерзан в клочья.

Король не мог себе представить, зачем кому-то понадобилось взрывать такого безобидного анроида. Ему и в голову не пришло, что он совершил это сам, поскольку взорванные анроиды не очень-то болтливы.

Доктор сделал свое дело на совесть, и Драмокл принялся править планетой, гадая по временам, каково же его истинное предназначение. Так продолжалось ровно тридцать лет.

Глава 4

После того как память завершила свой бег, Драмокл откинулся на спинку кресла и погрузился в размышления. Какая удивительная и неожиданная штука жизнь, думал он. Всего лишь час назад он томился и страдал, и ничего не светило ему впереди, кроме докучного управления планетой, которая прекрасно управлялась и без него. А теперь все переменялось и жизнь его стала совсем иной — или вскорости станет. У него все-таки есть настоящая судьба! Чего еще желать человеку, когда он и так уже король, когда богатство его превосходит самые смелые мечтания алчности, а в постели у него перебывало бесчисленное количество красивейших женщин из разных миров? Когда все это у вас есть, духовные ценности поневоле начинают обретать кое-какое значение.

Драмокл помедлил еще немного, восхищаясь собственным умом — вернее сказать, гениальностью, позволившей ему все так удачно устроить тридцать лет назад, чтобы сейчас, когда

ему стукнуло пятьдесят, жизнь его наполнилась новым смыслом. Он не без труда оторвался от самолюбования.

— Клара, — сказал он, — ты заработала свой мешок с золотыми дукатами. Нет — я дам тебе два полных мешка и замок в деревне в придачу.

Король вызвал клерка, ведавшего вознаграждениями, и приказал выдать Кларе два стандартных мешка с золотыми дукатами и один стандартный замок в Монастырском графстве, где велел содержать ее в соответствии с режимом номер четыре.

— Ну, Клара, — сказал Драмокл, — надеюсь, ты довольна?

— Конечно, сир, — ответила Клара. — Но могу ли я поинтересоваться, что означает «режим номер четыре»?

— Коротко говоря, это означает, что ты будешь жить в своем замке, ни в чем не нуждаясь, однако не сможешь выходить за крепостные стены, а также принимать гостей и общаться с кем бы то ни было, за исключением слуг-роботов.

— О! — сказала Клара.

— Я ничего против тебя не имею, разумеется, — продолжал Драмокл. — Я уверен, что ты достойна всяческого доверия, старая леди, но ты ведь понимаешь: никто не должен проникать о том, что мне стала известна моя судьба — или вскорости станет известна. Иначе враги ополчатся против меня. Я не вправе рисковать столь важными вещами.

— Я понимаю, сир, и ценю ваше мудрое решение относительно моей жизни, принятое вами несмотря на мою незапятнанную репутацию.

— Я так рад! — сказал Драмокл. — Я боялся, что ты сочтешь меня неблагодарным, а это было бы утомительно.

— Не бойтесь, великий король. Если мое заточение пойдет вам на пользу, я буду счастлива, пусть даже мне придется прожить остаток дней своих в одиночестве, без дружеской поддержки и не имея ни малейшей возможности потратить то золото, коим вы меня наградили.

— Знаешь, — сказал Драмокл, — об этом я как-то не подумал.

— Только не поймите меня превратно — я не жалуюсь, сир.

— Клара! — Драмокл задумчиво сплел на затылке пальцы и тут же расплел их, еле успев выхватить из волос дымящуюся сигарету и затушить ее в массивной серебряной банке из-под сардин. — Я скажу тебе, что я сделаю. Составь мне списочек своих друзей — человек двадцать, не больше. Я велю их арестовать по обычным обвинениям, заточу в твой замок, и они никогда не догадаются, что ты об этом знала.

— Вы потрясающе великодушны, сир. Бог с ним, с золотом, которое я не смогу потратить. Это такая мелочь, что мне не стоило даже упоминать о ней!

— Насчет золота я тоже придумал, Клара. Один из моих клерков будет посылать тебе каталоги из лучших магазинов Глорма. Ты сможешь заказать себе все, что душе угодно. И я позабочусь, чтобы тебе предоставили королевскую скидку, которая достигает шестидесяти процентов от стоимости товара, так что дукатов тебе хватит надолго.

— Господь да благословит ваше величество, и да будет судьба ваша так же великолепна, как и ваша щедрость!

— Спасибо, Клара. Клерк-кассир в конце коридора все для тебя оформит. Только ответь мне еще на один вопрос: не говорил ли я тебе тогда, какая конкретно судьба меня ожидает и что я должен предпринять, дабы исполнить свое предназначение?

— Ни словечка, великий король. Но разве ключевое слово не открыло вам этого?

— Нет, Клара. Я вспомнил только, что судьба у меня есть и я должен что-то сделать для ее осуществления. Но что именно — не знаю.

— О Господи! — сказала Клара.

— Впрочем, я уверен, что выясню это.

Клара присела в реверансе и удалилась.

Глава 5

Целый час Драмокл силился вспомнить, что, собственно, предназначено ему судьбой, но безуспешно. Подробности, указания, предписания, даже намеки, казалось, потеряны или же упрятаны неведь куда. Нелепая ситуация, прямо скажем. Что же ему предпринять?

Так ничего и не придумав, король спустился в Вычислительную палату посоветоваться со своим компьютером.

У компьютера была маленькая личная комнатка рядом с Вычислительной палатой. Когда Драмокл зашел туда, компьютер, развалившись на диване, читал «Общую теорию относительности» Эйнштейна и хихикал над математикой. Компьютер был самопрограммирующейся моделью Марк-Ультима, уникальной и неповторимой, созданной древней наукой Земли, которая погибла во время необъясненного до сих пор катаклизма, как-то связанного с аэрозольными баллончиками. Отто приобрел его в свое время за немалые деньги.

— Добрый день, сир, — сказал компьютер, вставая с дивана. На нем был черный плащ, на боку — церемониальная шпага, а на округлой поверхности, которая могла бы называться головой, не засунь изготовители его мозги в желудок, красовался белый завитой парик. Четыре костлявые металлические ноги были обуты в расшитые китайские шлепанцы.

Одевался он так потому — как объяснил в свое время компьютер Драмоклу, — что чувствовал себя неизмеримо умнее всех окружающих и, чтобы не свихнуться, позволил себе маленькую иллюзию, воображая себя латышом семнадцатого столетия, живущим в Лондоне. Драмокл считал эту иллюзию вполне безобидной. Он даже привык к язвительным высказываниям компьютера в адрес какого-то забытого землянина по имени сэр Исаак Ньютон.

Драмокл поведал компьютеру о своих затруднениях.

Компьютер не впечатлился.

— Глупая проблема. Все задачи, которые вы мне задаете, яйца выеденного не стоят. Нет чтобы позволить мне раскрыть для вас тайну сознания! В такую задачку я с удовольствием запустил бы зубы, если можно так выразиться.

— Сознание для меня не проблема, — сказал Драмокл. — Я хочу узнать свою судьбу.

— Боюсь, я последний настоящий математик в Галактике, — посетовал компьютер. — Старина Исаак Ньютон был единственным человеком в Лондоне, с которым я мог общаться, когда прибыл из Риги в Лаймхаус на той груженной углем посудине. Как мы чудесно проводили времечко, болтая о том о сем! Правда, мое предсказание грядущей гибели цивилизации от аэрозольного загрязнения оказалось сэру Исааку не по зубам. Он обозвал меня галлюцинацией и погрузился в эзотерические изыскания. Бедняга просто не смог переварить реальность такой, какая она есть, несмотря на свой уникальный математический гений. Странно, не правда ли?

— Заткнись! — процедил сквозь зубы Драмокл. — Реши мою проблему, не то я сорву с тебя этот плащ!

— Я прекрасно обойдусь и без него, моя иллюзия не страдает. Что же до вашей недостающей информации... Погодите минуточку, сейчас подключусь к своим периферийным устройствам...

— Ну? — спросил Драмокл.

— По-моему, вы ищите вот это, — сказал компьютер, запустив руку в карман плаща и выудив оттуда запечатанный конверт.

Драмокл взял конверт и узнал оттиск своего собственного кольца с печаткой. Надпись на конверте — «Судьба. Первая фаза» — была сделана почерком Драмокла.

— Как он к тебе попал? — спросил король.

— Не задавайте лишних вопросов, если не хотите испортить себе настроение, — ответил компьютер. — Радуйтесь, что нашли конверт без особых хлопот.

— Ты читал послание?

— Мне ничего не стоило прочесть его — жаль было время зря терять.

Драмокл вскрыл конверт и извлек из него лист бумаги. Там его почерком было написано: «Захвати Аардварк немедленно».

Аардварк! У Драмокла было такое ощущение, будто в мозгу открылся потайной уголок. Заржавелые извилины поскрипели немного, а затем зашевелились ритмично и быстро. Аардварк! Короля захлестнуло волной восторга. Вот он, первый шаг навстречу судьбе!

Глава 6

Драмокл провел напряженные полчаса в Военной палате, после чего проследовал в Желтый конференц-зал, где уже поджидал его Макс — адвокат, специалист по связям с общественностью и официальный казуист. Макс был невысокий, чернявый и очень верткий. Нахальное лицо его обрамляла курчавая черная бородка. Драмокл не раз представлял себе, как хорошо смотрелась бы эта голова на острие копья. Он, впрочем, не собирался ее туда водружать — представлял просто так, отвлеченно, поскольку прекрасно знал, какое жалкое зрелище на самом деле являют собою большинство голов, наколотых на пикку.

Ли́ра, нынешняя жена Драмокла, тоже была в конференц-зале. Она обсуждала с Максом планы вечерних торжеств и как раз завершала описание декораций, коими следовало украсить главную Бальную залу в честь прибытия королевских особ.

— Мой дорогой! — обратилась она к Драмоклу. — Хорошо ли вы провели сегодня день?

— Да, пожалуй, — ответил Драмокл. Он уселся на диван и издал хриплый горловой смешок, похожий на львиный рык. Для Лир это было верным признаком того, что король что-то затевает.

— Вы что-то затеваете! — весело воскликнула королева, изящная хорошенькая женщина с тонкими чертами лица и копной блестящих белокурых кудряшек.

— Вы читаете меня, как раскрытую книгу, — снисходительно улыбнулся Драмокл.

— Скажите же, скажите мне! Вы готовите сюрприз для вечернего приема?

— Да уж, это будет сюрприз, — подтвердил Драмокл.

— Я не в силах больше терпеть, вы должны сказать мне!

— Ну, раз вы настаиваете, я дам вам ключ к разгадке. Я только что из Военной палаты.

— Это откуда вы командуете всеми своими звездолетами, да? И чем вы там занимались?

— Я отправил генерала Руула и его ударные войска на Аардварк. Планета была захвачена силами двух боевых групп клонов лейб-гвардейцев.

— Аардварк? — переспросила Лира. — Я не ослышалась?

— Такое название трудно с чем-либо перепутать.

— Вы захватили планету? Без шуток?

Драмокл кивнул:

— Оборона Аардварка была отключена. Планета лежала перед нами, как яичко на сковородке. Единственные наши потери — это несколько рядовых, которых затоптали насмерть, когда кончился запас наркотиков.

— Сир, вы меня изумляете! — сказала Лира. — Вы не можете не знать, почему на Аардварке отключили оборону.

— Полагаю, из-за нехватки энергии.

— Если это шутка, то довольно жестокая. Аардварк был беззащитен и не готов к отпору потому, что вы дали священное королевское слово охранять планету от любого захватчика, в особенности сейчас, когда король Адальберт у нас в гостях. Ах, Драмокл, ваше безрассудное поведение испортит нам все торжество. Тридцать лет мира — и на тебе! Что же вы скажете бедняге Адальберту?

— Что-нибудь придумаю, — ответил Драмокл.

— Но зачем, Драмокл, зачем вы сделали это?

— Дорогая моя! — сказал Драмокл. — Я вынужден напомнить вам: никогда не спрашивайте короля «зачем»!

— Простите, сир, — сказала Лира. — Надеюсь, вы понимаете, что ваш опрометчивый поступок может привести к войне?

— Время от времени нехудо и повоевать немножко, — проворчал Драмокл.

Лира бросила на него взор, исполненный почтительного неодобрения, и вышла из зала. Драмокл проводил ее взглядом, отметив про себя, какая прелестная у нее фигурка, и почти жалея о том, что скоро он лишит себя этой прелести. Хотя Лира и была хорошим человеком и верной женой, Драмокл разлюбил ее тотчас же после свадебной церемонии. Неспособность любить своих жен была одной из маленьких слабостей короля. Он был уверен, что, благодаря его умелому притворству, Лира ни о чем не догадывается. Если повезет, она так ничего и не заподозрит до тех пор, пока гофмейстер не вручит ей указ о разводе. Конечно, для девочки это будет жестоким ударом, но Драмокл не выносил сцен. В его супружеской жизни их было вполне достаточно, в том числе и совершенно безобразных.

Драмокл обернулся к Максусу.

— Ну и? — проговорил король.

Макс подошел и пожал королевскую руку.

— Примите поздравления с блестящей победой, мой король, — сказал он сердечно. — Аардварк — ценная планетка. И то, что король Адальберт сейчас здесь, тоже весьма кстати: он не сможет поднять восстание против вашего величества.

— Все это ерунда, — сказал Драмокл.

— Конечно, — согласился Макс. — Главное то, что... Ну, в общем, мне трудно придумать так с ходу, но мы же с вами знаем, что оно — то есть главное — безусловно существует, не так ли?

— Все, что мне нужно от тебя, — заявил Драмокл, — это объяснение причины моего поступка.

— Сир?

— Я что, непонятно изъясняюсь, Макс? Люди будут спрашивать, зачем я это сделал. А, кроме того, есть еще пресса и телевидение. Мне нужно что-то сказать им!

— Конечно, сир. — Глаза у Макса зажглись внезапным гневом. — Мы можем сказать им, что король Адальберт был только что разоблачен как подлый предатель, использовавший Аардварк для создания секретных вооруженных сил, несмотря на мирный договор с вами, и что он собирался неожиданно напасть на вас, дабы захватить ваши владения, взять вас в плен и заточить на пустынном астероиде в тесной клетке, где вы будете носить собачий ошейник и ходить на четвереньках, ибо низкий потолок не даст вам распрямиться. Прослышав о заговоре, вы...

— Идея хорошая, — сказал Драмокл, — но в данном случае не годится. Адальберт мой гость. Я не хочу выбивать его из колеи больше, чем необходимо.

— Ну что ж, тогда мы можем сказать им, что хемреги подняли восстание, как только король Адальберт покинул планету.

— Хемреги?

— Одно из национальных меньшинств Аардварка, известное своей воинственностью. Они намеревались захватить контроль над обороной Аардварка, пока Адальберта не будет дома. Узнав об этом от своего резидента, вы упредили хемрегов, послав на планету свои войска.

— Отлично, — сказал Драмокл. — Можешь добавить, что мы вернем Адальберту трон, как только все утрясется.

— Желаете ли вы, чтобы заговор хемрегов был задокументирован?

— Да, желаю. Подготовь нам угрожающую картину повстанческого движения хемрегов. Упомяни о жестоких расправах, от которых жители были избавлены лишь благодаря решительным действиям глормийских военных сил. И чтобы все выглядело убедительно!

— Слушаюсь, сир! — Макс застыл в ожидании.

— Ну тогда иди. Чего ты ждешь?

Макс глубоко вздохнул:

— Как один из старейших и преданнейших слуг, а также — лещу себя надеждой — почти что друг вашего величества, плечом к плечу сражавшийся с вами когда-то в походе на Баталию и сопровождавший вас при отступлении с Бочага, я ожидал, что ваше величество просветит меня — исключительно ради собственной пользы, разумеется, — насчет истинной причины захвата Аардварка.

— Минутный каприз, — сказал Драмокл.

— Да, сир, — сказал Макс и повернулся.

— Ты, кажется, не веришь мне?

— Милорд, — сказал Макс, — мой долг повелевает мне верить каждому королевскому слову, даже когда от него за милую разит враньем.

— Послушай, дружище! — сказал Драмокл, опустив ладонь на крепкое Максово плечо. — Есть вещи, которые нельзя разглашать преждевременно. Настанет время, Макс, — время, которое течет без начала и конца, являя нам свой лик в виде череды событий, — настанет такое мгновение, когда я непременно последую твоему совету. Но пока... Околевшую кобылу что в лоб бей, что по лбу, как говаривали наши предки.

Макс кивнул.

— Иди, готовь свидетельства, — сказал Драмокл.

Они обменялись дружескими взглядами. Макс поклонился и ушел.

Глава 7

Принц Чач, старший сын короля и наследник глормийского престола, был в своем огромном поместье Мальдороре, расположенном за полпланеты от Ультрагнолла, когда стало известно о захвате Драмоклом Аардварка. Чач вышел на прогулку и стоял, задумавшись, на вершине холма над своим величественным замком. Принц был высокий и тонкий, черноволосый, с длинным мрачным желтоватым лицом, прочерченным точкой усов. Черный бархатный плащ его был откинут назад, открывая взорам символ власти — кольца, обвивавшие левое предплечье. Под плащом принц носил джинсы «Левис» и белую трикотажную тенниску, ибо любил классические одеяния предков. Рассеянно поигрывая украшенным драгоценными камнями флуувером, принц уселся под ивой на замшелый валун; мысли его, как всегда, где-то витали.

Уединение его нарушил гонец, спешно посланный из замка, чтобы сообщить принцу об Аардварке. Звали гонца Вителло.

— Сир, — сказал Вителло с низким поклоном, — я принес вам экстренные новости из Ультрагнолла.

— Хорошие новости или плохие?

— Все зависит от того, как вы их воспримете, милорд, а этого я не в силах предугадать.

— Но уж весомые наверняка, не так ли?

— Весом с планету.

Принц задумался на минутку, потом щелкнул пальцами:

— Знаю! Аардварк захвачен неистовым Драмоклом!

— Как вы догадались, сир?

— Назови это предчувствием.

— Я назову это отлаженной системой тайных донесений, если ваше высочество не возражает, — сказал Вителло. — Меня зовут Вителло.

Чач смерил его пронизательным взглядом:

— А ты понятливый. Скажи, Вителло, ты мог бы оказать мне услугу?

— Ах, сир, — проговорил Вителло. — Вы только прикажите! Кого вашему высочеству желательно убить?

— Ну-ну, не спеши, — сказал Чач. — В данный момент вполне достаточно будет загубить одну идейку.

— Его высочество скрывает свои мысли за темной пеленою слов, чье значение блистает сквозь тень подобно молнии, заставляя трепетать эту жалкую осинку с головы до пят.

— Ты и сам мастер наводить тень на плетень, как я полагаю, — сказал Чач. — Однако я привык все лучшие реплики оставлять за собой. Не забывай об этом

— Не забуду, сир.

— Я немедленно возвращаюсь в Ультрагнолл. Странные дни наступают, Вителло. Кто знает, какой приз я выловлю в этой мутной водице? Ты поедешь со мной. Иди и вели приготовить мой корабль.

Вителло отвесил почтительный поклон. Они обменялись взглядами хозяина и слуги. Вителло ушел.

Чач сидел на косогоре, пока нижний край солнца не коснулся горизонта. Когда голубые сумерки затопили окрестности, принц улыбнулся своим тайным мыслям, встал, сложил украшенный драгоценными камнями флуувер и вернулся в замок. Часом позже он вместе с Вителло покинул Мальдорор на борту своей космической яхты

Глава 8

Главная гостиная зала Ультрагноллского дворца была просторной, с высоким потолком и стенами из серого необтесанного камня. В одну из стен был встроен гигантский камин, в

котором весело ревился огонь. На стенах висели желтые вымпелы с красочными гербами и вышитыми названиями провинций Глорма. Сквозь стеклянные своды потолка струились желтые солнечные лучи.

Зала была прекрасна и величественна. В ней находились четыре короля, и они ожидали пятого.

Драмокл сидел в маленькой соседней прихожей, наблюдая за четырьмя королями в смотровой глазок. В кресле-качалке, закинув толстую ногу за ногу и попыхивая сигарой, развалился его брат Джон, только что прибывший со своей планеты Карминосол. Напротив камина, сжав за спиною могучие руки, стоял Руфус, старейший Драмоклов друг, воинственный и сильный правитель Друта — самой близкой к Глорму планеты. В десяти футах от него стоял Адальберт, король планетки Аардварк, долговязый юноша со светлыми пушистыми волосами, в очках со стальной оправой, косо сидевших на его коротком, почти лишенном переносицы носу. А рядом с ним — Снинт, король Лекка, мрачного вида мужчина средних лет, весь в черном.

Драмокл нервничал. Воодушевление, охватившее его после взятия Аардварка, улетучилось. Король по-прежнему был уверен, что поступил правильно — веление судьбы было совершенно недвусмысленно, — но теперь он понял, что главные трудности еще впереди. Как сможет он объяснить свой поступок перам, в особенности Адальберту, чей отец был его близким другом и чью планету он только что захватил? Как сможет он объяснить то, чего и сам толком не понимает?

Разве они поймут, если он скажет: «Верьте мне. Я не собираюсь отнимать у вас планеты. Просто есть вещи, которые я обязан сделать, чтобы сбылась моя судьба...»

А в чем, собственно, заключается его судьба? Зачем он захватил Аардварк? И что он должен делать дальше?

Этого Драмокл не знал. Но короли ждали.

«Ладно, — сказал он сам себе. — Пора!»

И, расправив плечи, отворил дверь в гостиную.

— Собратья-правители! — начал он. — Старые друзья и ты, наш дорогой брат Джон, добро пожаловать на наше великое торжество! Все мы немало преуспели за мирные годы, и все мы желаем, дабы они продлились. Хочу заверить вас, что я, как и вы, твердо придерживаюсь республиканских принципов в отношениях между королями. Ни один государь не должен править другим государем или лишать его законных королевских привилегий. Такую клятву мы дали друг другу много лет назад. Я верен ей и поныне

Драмокл сделал паузу, но отклика от слушателей не дождался. Руфус стоял каменным столбом, лицо его было непроницаемо. Джон развалился в кресле, недоверчиво ухмыляясь. Снинт, король Лекка, казалось, взвешивает каждое слово Драмокла, силясь отличить правду от лжи. Адальберт слушал нахмурясь.

— Принимая во внимание все вышесказанное, — продолжал Драмокл, — я с искренним прискорбием должен поведать вам о том, что вы и сами уже, наверное, знаете: несколько часов назад мои войска заняли Аардварк.

— Да, Драмокл, до нас дошли такие слухи, — сказал граф Джон. — И мы ждем от тебя объяснений

— Я занял Аардварк, — сказал Драмокл, — только с одной целью: чтобы сохранить его для Адальберта.

— Оригинальный способ, однако, — заметил Джон, обращаясь к Снинту.

Драмокл не ответил на выпад.

— Вскоре после отъезда короля Адальберта мои агенты на Аардварке доложили о внезапном восстании хемрегского меньшинства. Эти мятежные еретики давно выжидали удобного момента, чтобы узурпировать ваш трон.

— С ними могли справиться и мои собственные войска, — сказал Адальберт.

— Ваши войска были захвачены врасплох. У меня не было времени посоветоваться с вами. Только немедленные действия помогли мне сохранить для вас престол.

— Вы хотите сказать, что оккупировали Аардварк временно?

— Вот именно.

— И я получу свое королевство назад?

— Разумеется.

— Когда?

— Как только там будет восстановлен порядок.

— Что может потребовать нескольких лет, не так ли, брат мой? — вмешался граф Джон.

— Не больше недели, — ответил Драмокл. — Когда закончатся празднества, все уже утрясется

— Стало быть, нам нечего более опасаться? — спросил Снинт.

— Абсолютно нечего.

Руфус, повернувшись от камина, заявил:

— Мне лично такого ответа достаточно. Мы знаем Драмокла всю жизнь. Он никогда не нарушал своего слова.

— Что ж, — сказал Адальберт, — мне остается лишь положиться на вас. Хотя я оказался в глупом положении — король без планеты. Но недельку можно и потерпеть.

— Желаете ли вы услышать от меня еще какие-либо объяснения? — спросил Драмокл. — Нет? Надеюсь, вас всех удобно устроили. Если что-то не так, прошу не мешкая обращаться ко мне. Чувствуйте себя как дома. До скорого свидания.

Драмокл поклонился и вышел в переднюю.

После его ухода в зале целую минуту было тихо. Потом Адальберт сказал:

— Он говорил искренне, это отрицать невозможно.

— В точности как старый король Отто, — заявил Джон. — Оба они способны сманить сладкими речами птичку с ветки. И нередко это делают, когда хотят полакомиться дичинкой.

— Граф Джон! — сказал Руфус — Ваша неприязнь к брату общеизвестна. Это ваше личное дело. Но, со своей стороны, прошу избавить меня от ваших язвительных намеков. Драмокл мой друг, и я не желаю слушать, как над ним измываются.

Руфус вышел из залы. Чуть поколебавшись, за ним поспешил Адальберт.

— Ну, Снинт, — сказал Джон, — и что вы об этом думаете?

— Я, как и вы, дорогой мой граф Джон, думаю, что мы попали в щекотливую ситуацию

— Но что же нам делать?

— В данный момент практически нечего, — сказал Снинт. — По-моему, нам надо подождать.

— Я подумываю о том, чтобы сесть на корабль и вернуться на Карминосол.

— Это невозможно. Сегодня утром все наши корабли забрали в королевские ремонтные мастерские для модернизации и отделки. Подарок хозяина.

— Проклятье! — вскричал Джон. — Своим подарком он зарезал нас без ножа! Снинт, мы должны держаться вместе.

— Конечно. Но что толку? Мы бессильны, пока Руфус не на нашей стороне.

— Хальдемара бы сюда с его ванирскими варварами!

— Хальдемару хватило ума остаться дома. У варваров есть свои преимущества: им не нужно из вежливости совать голову в петлю. Но нам с вами теперь ничего не остается, как только ждать. Пойдемте, дорогой мой Джон, прогуляемся вдоль речки!

Они вышли через парадную дверь.

Драмокл, сидевший в прихожей, услышал за спиной какой-то шорох. Он отвернулся от смотрового глазка и обнаружил перед собою компьютер

— Сколько раз я тебе говорил — не подкрадывайся ко мне тайком! — сказал Драмокл.

— У меня для вас срочное послание, сир, — промолвил компьютер, протягивая конверт. На нем почерком Драмокла было написано: «Судьба. Вторая фаза».

Драмокл взял конверт

— Скажи мне, компьютер, откуда ты его взял? — спросил король. — Почему доставил именно сейчас? И сколько их у тебя в запасе?

— Не пытайтесь проникнуть в замыслы небес, — сказал компьютер.

— Ты не дашь мне ответа?

— Не могу дать, скажем так. Радуйтесь, что получили весточку.

— За каждой загадкой скрывается еще одна, — проворчал Драмокл.

— Конечно. Такова суть и природы, и искусства, — заметил компьютер.

Драмокл прочел записку и замотал головой, словно от боли, издав нечто похожее на стон.

— Видно, круто вас взяли в оборот.

— Круто, ты прав. Но бедняге Синнту еще покруче будет.

Глава 9

Планета Лекк была в три раза меньше Глорма, но обладала большей плотностью, так что сила тяжести там составляла 1,4 глормийской. Поэтому ноги у вас болели на Лекке постоянно — оставалось утешаться лишь тем, что расстояния здесь были гораздо короче. Только восьмая часть Лекка приходилась на сушу. Большие материки на планете отсутствовали, да и островов более или менее приличного размера было раз-два и обчелся. Остальная часть суши представляла собой мелкие островки, беспорядочно разбросанные в океане. Коренные леккиане, гуманоидный народ, насчитывали едва ли двадцать миллионов. Численность их не увеличивалась, возможно, из-за обычая бросать на произвол судьбы всех младенцев, рожденных без шестого пальца. Они были низкорослой смуглой расой человеческого типа, выращивали помидоры с огурцами и проводили политические митинги во всех городских ратушах планеты, пытаясь решить, какая политическая система подходит им больше всего. Поскольку к согласию им прийти не удавалось, на планете, как правило, царила анархия. Синт был избранным королем Лекка, наделенным полномочиями общаться с чужестранцами, но лишенным права заключать с ними договоры, пока их не утвердит большинство избирателей.

Жили леккиане по преимуществу в деревнях, хотя были у них и небольшие университетские городки. Постоянной армии на планете не существовало, ибо жители никак не могли придумать, как защититься от нее самим. Они частенько бывали грубы с гостями из иных миров, но агрессивности не проявляли.

Драмокл закрыл отчет. Он сидел в Военной палате. Подле него стоял Рукс, сберрианский генерал-наемник, командующий главными ударными силами Драмокла.

— Сейчас самое благоприятное время для вторжения, — холодно констатировал Рукс. — Орбитальное расположение Глорма относительно прочих планет позволяет нам выбрать для звездолетов наиболее выгодные траектории. Такого стратегического преимущества у нас не было уже лет тридцать, если не больше.

— Лет тридцать? Хотел бы я знать.

— Сир?

— Ничего, Рукс, просто мысли вслух. — Драмокл взглянул на скомканный конверт, зажатый у него в ладони. Внутри, на листке пожелтелой бумаги, его собственной рукой были начертаны слова: «А теперь захвати Лекк!»

— Значит, время мы выбрали правильно, — сказал Драмокл. — Если для подобных вещей бывает правильное время.

— Интеллигентские сопли-вопли, — проворчал Рукс. — Короли, как последние дураки, отдают вам свои планеты на блюдечке. Если вы их не возьмете, сами будете таким же дураком. Это ж звездный час для начала Драмоклианской династии! Да будь сейчас жив ваш отец.

— ...он не колебался бы так, как я.

— Это вы сказали, — заметил Рукс. — Я всего лишь простой солдат, хотя и читаю наизусть стихи и умею играть на аккордеоне.

О, одиночество верховного правителя! Драмокл почувствовал легкое головокружение. Правильно ли он поступает? Этого не скажет ему никто.

— Рукс! — решился король. — Добудь мне Лекк.

— Считайте, что он уже ваш, — как всегда невозмутимо ответил сберрианин.

Глава 10

Когда принц Чач прибыл в Ультрагнолл, город гудел от слухов и домыслов. Весть об интервенции на Лекке распространилась повсеместно, повергнув горожан в ошеломление.

Прохожие на празднично убранных улицах сбивались в шепчущие стайки. И несмотря на все усилия властей продолжить запланированные театральные представления и пантомимы, актеры смущенно запинаясь, а публика безмолвствовала.

Чач напрямик направился в Ультрагнолльский дворец и спросил, примет ли его король. После длительной задержки к нему вышел гофмейстер и объявил, что Драмокл затворился в уединении.

— Он очень расстроен, — сказал Рудольф, — той жестокой необходимостью, что была навязана ему против воли.

— О какой необходимости идет речь? — поинтересовался Чач.

— Как то есть о какой? О необходимости послать войска на Лекк, причем так скоро после Аардварка.

— Вы называете это необходимостью?

— Ну конечно, милорд. Чужеземное вторжение на любую из Местных планет представляет собой агрессию против всех нас. Драмоклу ничего другого не оставалось, как дать отпор захватчикам.

Чач хотел было спросить еще о чем-то, но в глубине дворца послышался звонок, и гофмейстер, извинившись, поспешил на зов.

Чач позвонил в резиденцию графа Джона. Графа на месте не оказалось, однако принцу посоветовали поискать его в соседней таверне «Зеленая овца». Чач уселся в паланкин и отправился в таверну.

«Зеленая овца» оказалась старомодным салуном, типично глормийским, с застекленным эркером, горшочками герани и ситцевыми занавесками. Чач спустился по трем ступенькам в сумеречный туман, насыщенный запахами пива, табака и сырой шерсти — в городе недавно кончился дождь, — и прошел вперед, в приглушенный гул разговоров, прерываемый звоном стаканов. Стоявшие возле стойки ветераны с розетками на лацканах пиджаков то и дело опрокидывали по рюмочке шноппа — местного напитка, похожего на анисовую водку. Радио где-то в глубине бубнило о результатах спортивных соревнований во всех провинциях. В камине горел огонь, солнечными зайчиками вспыхивая на медных надраенных тарелках, развешенных по стенам, на старинной сабле, прицепленной над баром, и на оловянных памятных кружках, свисающих с потолка. Чач прошел в отдельный кабинет — комнату с низким потолком, тускло освещенную пятнадцативаттными лампочками, вкрученными в канделябры. В комнате стоял длинный дубовый стол и четыре широких мягких кресла. В одном из них восседал граф Джон, в другом — Снинт. Адальберт, пьяный в

дым, уронил голову на стол и похрапывал. На столе стояла дюжина бутылок крепкого морщевичного вина и пять бокалов в винных лужах.

Чач уселся, не дожидаясь приглашения, плеснул в бокал вина и брезгливо пригубил.

Джон, раскрасневшийся от спиртного, спросил:

— Ну, милорд Чач, вы небось обсуждали сейчас давешнее предательство со своим папенькой, двуликим Драмоклом?

— Ни один из ликов короля не пожелал меня видеть, — ответил Чач. — Рудольф заявил, что король скорбен сердцем из-за своих вынужденных поступков. И упомянул о каких-то чужеземных захватчиках. А что он сказал вам, король Снинт?

— Он вызвал меня на приватную аудиенцию, — отозвался Снинт. — Лицо его было печально, голос дрожал, однако он избегал встречаться со мною взглядом. «Снинт, — сказал он, — я в великом смущении из-за недавних событий, хотя и не чувствую за собой никакой вины. Буквально пару минут назад мои агенты сообщили с Лекка, что чужеземные войска — десятки тысяч хорошо вооруженных воинов — высадились на северном мысе Каталии в провинции Ллулл. Агенты узнали в них кочевников-саммаков из саммак-калмыцкой орды. В прошлом столетии они не раз забредали в наш космический регион на своих старых звездолетах, груженных вонючим скотом. Но высадившийся десант, без сомнения, был отборной боевой группой саммаков, намеревавшейся разведать оборонную мощь наших миров перед вторжением главных сил орды. Поскольку на Лекке нет постоянной армии, а промедление могло оказаться роковым, я приказал командующему войсками Руксу истребить захватчиков без всякой жалости. Быстрота и решительность наших действий наверняка произведут впечатление на военачальников орды и избавят нас от грядущих напастей»

— И вы поверили ему? — спросил Чач.

— Нет, конечно, — сказал граф Джон. — Но Снинт сделал вид, что верит. Что еще ему оставалось?

— А что Руфус? Как он реагировал на известие?

Джон злорадно усмехнулся:

— На преданном челе его выступил пот, а рот скривился от боли и неверия. Но заклеймить Драмокла он тем не менее отказался. Он заявил, что пришло время испытаний для всех нас, а не только для нашего хозяина. И посоветовал нам потерпеть еще немного. «Доколе? — спросил я его. — Пока он не захватит ваше королевство или мое?» Ответить ему было нечего, поэтому он повернулся и ушел к себе — растерянный, недоумевающий, но по-прежнему упрямо преданный Драмоклу.

Адальберт внезапно поднял голову и пропел тоненьким фальцетом:

Седла и мыльницы,
Рыбки из шпрот
Прибыли в Аардварк
Все в один год.

И, стукнув головой о стол, опять заснул.

— Несчастный малыш-королек, — сказал Джон. — Но что нам до него? Что хорошо для Драмокла, хорошо для всех нас — разве не так говорил сам Драмокл? Принц, вам следовало присоединиться к папеньке и отпраздновать победу.

— Я понимаю вашу горечь, — откликнулся Чач, — но она заводит вас слишком далеко. Вы прекрасно знаете, что я не в ладах с Драмоклом. Мне претит его нынешнее поведение, да и сам король тоже.

— Это ни для кого не секрет, — сказал Снинт, и Джон неохотно кивнул.

— А разве могло быть иначе? — продолжал Чач. — Он никогда не любил меня. Мое участие в управлении королевством формально и ничтожно. Несмотря на годы, отданные мною военной подготовке, Драмокл не доверяет мне даже взвода солдат. И хотя я до сих пор считаюсь наследником, я не думаю, чтобы мне когда-нибудь и впрямь пришлось унаследовать престол.

— Невеселое положение для столь честолюбивого юноши, — заметил Снинт.

Чач кивнул:

— Все свои сознательные годы я вынужден был вариться в собственной никчемности и зависеть от равнодушных милостей и капризов отца. Мне приходилось с этим мириться. До сих пор.

Джон выпрямился, маленькие глазки его загорелись вниманием:

— А теперь?

Чач поставил бокал на стол.

— Не стану тратить лишних слов. Я хочу быть рядом с вами, граф Джон и король Снинт, в том сражении за власть, что неминуемо разразится вскоре.

Джон и Снинт переглянулись.

— Вы, конечно, шутите, принц, — сказал Снинт. — Узы крови сильны. Этот порыв у вас скоро пройдет.

— Проклятье! — вскричал Чач. — Вы мне не верите — так уличите меня во лжи!

— Спокойно, принц, я хотел лишь испытать вас. Скажите, как по-вашему, что у Драмокла на уме?

— По-моему, совершенно очевидно, что он хочет как минимум восстановить бывшую Глормийскую империю. И вы не можете не признать, что захват одной планеты и вторжение на

другую — недурное начало. Дальше, однако, будет потруднее. Ни Аардварк, ни Лекк в военном отношении ничего из себя не представляют. Надеюсь, Карминосол окажется более крепким орешком.

— Во всяком случае, пока жена моя Анна стоит у руля, — сказал Джон.

— Друг он тоже не посмеет оккупировать, — продолжал Чач, — поскольку ему необходим сильный космический флот Руфуса. Не стоит забывать также о Хальдемаре, который сидит в своем медвежьем углу на Ванире, пытаясь постигнуть суть происходящего. Чья возьмет — неизвестно. Но я готов поставить свою жизнь на поражение Драмокла, особенно если нам с вами удастся прийти к соглашению.

— И что вы надеетесь выиграть от такого соглашения? — спросил Снинт.

— Всего лишь свою законную долю — глормийский престол после убийства или изгнания Драмокла.

— Глормийский престол! — сказал Джон. — Воистину скромное требование, если учесть, что вы не вкладываете в наше общее дело ничего, кроме собственного сомнения.

— Не советую меня недооценивать, — нахмурился Чач.

— Мы и не собирались, — вмешался Снинт. — Мы примем вас в свои ряды, принц, как примем и то, что вы сумеете нам предложить. Пока вы не предложили ничего. Но тем не менее мы рады вам.

Чач встал.

— Я должен откланяться, господа, чтобы поправить свои дела. Думаю, в следующий раз вы обрадуетесь мне больше.

Джон засмеялся, однако Снинт серьезно сказал:

— Надеюсь, мой юный лорд, и верю, что так оно и будет.

Чач поклонился кратчайшим поклоном и покинул таверну

Глава 11

Завоевание Лекка началось вполне удачно. Рукс был профессионалом до мозга костей. Он постоянно держал стопятидесятитысячное войско в полной боевой готовности на случай внезапной нужды. И теперь ему осталось лишь погрузить солдат на три звездолета вместимостью по пятьдесят тысяч каждый, всегда стоявших наготове с полными баками топлива. Через час вторжение началось.

Войско Рукса в основном состояло из роботов типа Марк-IV, производимых солдатской фабрикой на Антигоне. Они были запрограммированы на уничтожение всего, что не похоже на них самих. Таким образом обеспечивалась надежность и простота электронных схем, а также их дешевизна. Драмокл

купил роботов по бросовой цене, когда на рынке появилась новая модель Марк-Х, более гуманная и способная щадить женщин и детей, не проявляющих враждебности. Марки-IV не могли похвалиться умом, зато брали количеством и для захвата такой небольшой планетки, как Лекк, годились не хуже других.

Рукс высадил своих роботов, не встретив никакого сопротивления, на большом острове Зоса и разбил лагерь на Нелощеной равнине, к юго-востоку от перевала Кислая Рожа. Нелощеная равнина пустынной лентой тянулась между Угриными горами с одной стороны и быстрой речкой Хрокс — с другой. Перевал Кислая Рожа представлял собой естественное ущелье в горах, прикрывавших деревню Бисквит — резиденцию короля и соответственно административную столицу Лекка. Рукс рассчитывал, что, захватив Бисквит, он задавит тем самым блоху сопротивления, не дав ей шанса прыгнуть (типичный для сберриан речевой оборот). Выстроить на линии Руксу удалось лишь семьдесят пять тысяч роботов, но этого казалось вполне достаточно. Леккианская оборона насчитывала всего семьсот мужчин, записавшихся в добровольцы из стыда перед соседями, да еще четыреста дрикнейцев с Дрика-IV, которые отдыхали на Лекке и страсть как любили подраться.

Всю ночь на Нелощеной равнине раздавались привычные звуки подготовки к бою: резкие хлопки проверяемых электровыключателей, мягкие шлепки последних смазочных работ и пронзительный треск роботов, подкручивающих друг дружке внутренности на полную мощность. С первым проблеском зари, когда начали функционировать фотоэлектронные сенсоры солдат, Рукс дал приказ идти в атаку. Роботы пошли вперед сплошной наводящей ужас стальной стеной с криками: «Слава солдатской фабрике!» Это были единственные слова, которые их запрограммировали произносить.

Леккиане предвидели наступление и приняли контрмеры. Иригационное оборудование, срочно привезенное из соседних деревушек, было установлено на не занятой врагом части равнины. Всеношная поливка превратила пустыню в болото, в которое погрузилась — вернее, в котором погрязла Руксова армия. Предназначенные для сухопутных боев, роботы страдали от беспрестанных коротких замыканий, поскольку гидроизолирующие прокладки у них были скорее декоративными, нежели эффективными. Солдаты барахтались в грязи, сбившись с курса и смешав ряды. Тут-то на них и напали леккиане. Ударный отряд из четырехсот леккианских и дрикнейских волонтеров верхом на болотных глассерах прорвал правый фланг противника. Вооруженные кувалдами и сварочными горелками, добровольцы за считанные минуты превратили поле

боя в поместь транспортного затора с кладбищем старых машин и отступили с незначительными потерями. Вторая атака, лобовая, остановила роботов окончательно. Когда зашло солнце, жидкая линия обороны леккиан оставалась нетронутой. Раздосадованный Рукс отвел свое войско для подзарядки и позвонил Драмоклу, требуя более качественного пополнения.

Глава 12

Принц Чач спешно послал Вителло к своей сестре Друзилле в княжество Истрад с просьбой о свидании. Получив положительный ответ, принц не мешкая стал готовиться к отъезду. Он решил лететь на собственной космической яхте, поскольку Драмокл мог с минуты на минуту перекрыть движение всего гражданского транспорта, если уже не перекрыл. Прибыв в космопорт, Чач с облегчением убедился, что транспорт работает нормально. Немного нервничая, он сообщил свое имя наземному контролю и попросил разрешения на вылет. Разрешение было выдано без задержки, и вскоре яхта поднялась в воздух.

Чач лег на курс и ввел координаты места назначения в бортовой компьютер. Столица и пригородные районы Ультрагнолла промелькнули внизу, скрываясь из виду. Принц пересек Сардапианское море, увидел вдаль окутанные серой дымкой Глиферовы горы, затем миновал Квадратный лес и наконец заметил извилистую серебряную ниточку Еврипейской речки. Это была восточная граница владений Друзиллы. Внизу простиралась земля Истрад — холмистая и покрытая зелеными лесами. На севере блеснуло озеро Мелачайбо, на берегу которого стоял украшенный множеством башенок замок Тарнамон, где жила его сестра Друзилла. Получив разрешение на посадку, Чач приземлился на небольшом космодроме неподалеку от дворца. Там его встретил Вителло.

Обитатели Истрада — истрагну — были довольно древним, но не глормийским народом. Сердечные и гостеприимные к странникам (за исключением тех случаев, когда им требовалась жертва для одного из многочисленных божеств), они поставляли на экспорт стихи и песни, которые пользовались большим спросом среди народов Галактики, не имевших собственной поэзии. Аннотирование и анализ произведений истрагну стало прибыльным промыслом для их соседей с острова Рунгс.

Большинство истрагну зарабатывали себе на жизнь дикобразами: пасли их стада на своих зеленых холмах, а затем

продавали иголки ууркам — негуманоидной расе, никогда не объяснявшей, зачем ей нужен этот товар.

У истрагну была уникальная, нигде на Глорме больше не встречавшаяся транспортная система. Они перемещались в пределах Истрада с помощью сети батутов. Батуты, натянутые в воздухе на расстоянии пятнадцати футов друг от друга, пересекали княжество во всех направлениях. Истрагну пользовались этой сетью испокон веков, сколько помнили себя. Батуты изготавливали из грубого холста и красили в разные яркие цвета — за исключением желтого, запрещенного древней традицией, — и значительная доля доходов населения уходила на поддержание сети в порядке. С воздуха батутная сеть выглядела затейливым узором из разноцветных точек. Согласно легенде, узор этот был частью гигантской мандалы, оставленной здесь таинственной расой, которая завезла в Истрад дикобразов и бесследно исчезла. Особенно оживленное и красочное зрелище батутная сеть представляла собой по субботам, когда сборщики дикобразовых иголок отправлялись в город за недельной выручкой и на соревнования по игольному мастерству. От постоянных прыжков по батутам ноги у истрагну были короткими, толстыми и очень мускулистыми, что считалось одинаково красиво как для мужчин, так и для женщин и позволяло сборщикам иголок без труда лазать по холмам за дикобразами.

«Не смешите меня!» — заявил принц Чач и потребовал подать себе более приличный транспорт. Это оказалось нетрудно: в Истраде существовал таксопарк, обслуживавший «тонконогих», как называли здесь всех неистрагну. Чач с Вителло сели в машину и поехали к готическому замку, возвышавшемуся на скале над озером Мелачайбо, где Друзилла устраивала мистерии в честь Великой Богини. Этот религиозный культ с древнейших времен ассоциировался с плодородием, благочестием и строгим исполнением ритуалов. Друзилла, верховная жрица Глорма, считалась живым воплощением Богини и общалась с нею в состоянии наркотического транса, необходимого для истинных пророчеств. Друзилла была также высшим авторитетом в одном из церковных ответвлений, известном под названием «Великого благолепия».

Гости прошли через замковые ворота в мрачный каменный лабиринт коридоров, освещенных лишь тусклыми лучами, проникавшими сквозь узкие бойницы высоко над головой. Чач поднял воротник плаща и поежился:

— Не по душе мне эти женские мистерии.

— В прошлый раз меня вели другим путем, — отозвался Вителло

Наконец они достигли центральной башни. Высокая железная дверь отворилась, и навстречу им вышла Друзилла. Принцесса была среднего роста, с отнюдь не средних размеров грудью. Каскад бронзовых волос огненными волнами ниспадал на точеные плечи. Прекрасное и надменное лицо обрамляло холодные серые глаза.

— Входите, — сказала она. — Простите за доставленные неудобства. В зале парадного входа сейчас перетягивают ковры.

Вителло отпустили в малый банкетный зал подкрепиться. Друзилла провела принца в Ивовую палату. Брат с сестрой встретились впервые за два года.

Палата была длинная и узкая, с застекленной стеной, открывавшей великолепный вид на озеро Мелачайбо, по искристой поверхности которого скользили одномачтовые дау с полосатыми парусами. Чач уселся на диванчик, Друзилла расположилась рядом в кресле. Служанка принесла кувшин сальвазии и знаменитые истрадские медовые пряники. Когда все формальности гостеприимства были соблюдены, Друзилла спросила:

— Ну, Чач, и чему я обязана столь неприятным визитом?

— Давно мы не виделись, Дру, — сказал Чач.

— Не так уж и давно.

— Ты все еще злишься на меня?

— Естественно. Твое предложение переспать со мной было непростительным оскорблением для жрицы, исповедующей нормальный секс, то есть секс между одной женщиной и одним свободным мужчиной и наоборот.

— Нам было бы так хорошо вместе, Дру! — мягко заметил Чач. — Мы совершили бы поистине великое кровосмешение, дающее полубожественный статус.

— У меня он и так есть, — возразила Друзилла, — благодаря жреческому сану. А если ты не способен его приобрести, тут я ничем не могу тебе помочь. Но даже не будь между нами табу кровосмешения, я лучше переспала бы с последним подонком, чем с тобой.

— Так ты говорила два года назад.

— И повторяю теперь.

— Ладно, Бог с ним, — сказал Чач — Меня привели сюда совсем другие заботы. Ты, конечно, в курсе, что Драмокл захватил Аардварк и вторгся на Лекк?

— Да, я слышала.

— И что ты думаешь об этом?

Друзилла, помедлив, сказала:

— Король представил официальное объяснение

— Отмеченное печатью Максова воображения

— Оно и впрямь притянута за уши, — согласилась Друзилла. — Если честно, я очень встревожена. Тридцать лет мира, начало новой эры прогресса — и вдруг такое. Я пыталась дозвониться отцу, но он не берет трубку. Все это совсем на него не похоже. Должно же быть какое-нибудь разумное объяснение!

— Оно есть, — сказал Чач. — И его нетрудно увидеть такой женщине, как ты, которая прекрасно разбирается в движениях планет.

— Ты же знаешь, что я не верю в астрологию.

— Я тоже. Но астрономия — совсем другое дело, верно?

— К чему ты клонишь?

— Дело в том, что сейчас, впервые за тридцать лет, расположение планет на орбитах наиболее благоприятно для вторжения флота с Глорма.

— Ты думаешь, Драмокл ждал такого случая все эти годы?

— Да, а также официальных торжеств, отдавших в его власть всех местных королей.

Друзилла подумала и покачала головой:

— Драмокл не такой хитрый, да и терпения у него не хватило бы. — Однако в голосе ее звучала нотка неуверенности, и Чач тут же уцепился за нее.

— А что ты на самом деле знаешь о нем, Дру? Для тебя он всегда был любимым папочкой, не способным ни на что дурное. Любовь застит тебе глаза. И даже теперь, когда его поступки вопиют о предательстве, ты отказываешься поверить очевидному.

— Драмокл — предатель? О нет!

— Твои чувства делают тебе честь, радость моя. Но не забудь: ты не просто его дочь, ты — жрица Великой Богини, присягавшая служить свободе и правде. Да будь на месте Драмокла любой другой король, ты заклеила бы его, не задумываясь! И только потому, что он твой отец, ты обманываешь себя всякими уловками.

Губы у Друзиллы задрожали. Принцесса отчаянно замотала головой:

— Ох, Чач, я пыталась убедить саму себя, что всему этому есть какая-то веская причина, что отец не преступил свои клятвы и не опозорил свое доброе имя. Но он захватил Аардварк и вторгся на Лекк!

— И к какому же выводу ты пришла? — спросил Чач

— Я не могу больше притворяться, будто не вижу, что власть ударила ему в голову и что его поразили вирус безумных амбиций. Будущее человечества очевидно — война, уничтожение и гибель. О, что же нам делать?

— Мы должны остановить его, — сказал Чач, — пока его безумие не ввергло Местные планеты в военную катастрофу. Он сам будет нам благодарен, когда придет в себя.

Друзилла встала. Лицо ее было полем сомнения, по которому черные гончие страха гнали белых оленей надежды.

— Но как?

— У меня есть план. Я знаю, как нам обуздать его амбиции и вернуть в прежнее состояние.

— Я не позволю причинить ему вред!

— Я тоже. — Принц увидел выражение лица Друзиллы и рассмеялся. — Конечно, мы с Драмоком никогда особенно не ладили. Слишком уж мы разные. Но я всегда втайне восхищался стариком и с радостью отдал бы за него жизнь. В конце концов, он же мой отец, Дру!

В глазах у Друзиллы заблестели слезы.

— Что ж... Если это поможет воссоединению нашей семьи, все было не напрасно.

— Мне бы хотелось этого, Дру, — спокойно произнес Чач.

— Тогда даю тебе слово, брат, что последую твоему плану, если он не повредит отцу.

— Торжественно обещаю — не повредит.

— Что мне делать, скажи!

— Пока ничего. Мне нужно еще уладить кое-какие дела. Я дам тебе знать, когда наступит срок.

— Да будет так, — сказала Друзилла.

— Тогда до скорого. — Чач низко поклонился и вышел из палаты

Глава 13

Внизу, в малом банкетном зале Тарнамона Вителло ужинал холодным пирогом с индьюволятиной. Индьюволы были уникальными гибридами индюка с буйволом, выведенными в Истраде. Методика скрещивания держалась в секрете, потому что владеть таким секретом было хорошо. Вителло нашел начинку вполне съедобной и запил ее графинчиком опийного вина из маковых виноградников Цитеры.

— Налей нам еще, — велел он служанке. — В ваших краях вечерами прохладно, и человеку нужно принять на грудь, чтобы защититься от простуды. Защита! Кто имеет дело с сильными мира сего, тот сам сует задницу в петлю, как говаривали древние. Но разве не может низкорожденный возвыситься? Разве жизнь — всего лишь череда чужих удач? Дайте ему малейший шанс — и вы увидите, чего сумеет достигнуть Вителло!

— Что вы сказали? — спросила девушка-служанка

— Я попросил еще опийного вина, — сказал Вителло. — Остальное был внутренний монолог, несмотря на цитаты.

— Вам не следует говорить с самим собой, — сказала девушка.

— С кем же мне, по-твоему, говорить?

— Со мной, конечно, раз я здесь.

Вителло пронзил ее взглядом, правда, довольно рассеянным. Если хочешь продвигаться в этом мире, от дела отвлекаться нельзя. Может ли он как-то использовать эту девушку «в контексте оснащения», согласно бессмертному выражению Хайдеггера, или же она простая статистка, не стоящая внимания?

— У меня голубые глаза и черные волосы, — сказала девушка. — Меня зовут...

— Не так быстро, — прервал ее Вителло. — Не надо имен. Ты просто служанка. Твое дело — принести мне вина и помалкивать.

— Я свои обязанности знаю. Но вы могли бы дать мне шанс, верно?

— Шанс? Слушай, девочка, здесь не я заправляю делами. Я даже не знаю, сумею ли удержаться на плаву в водовороте приключений Драмокловой семейки. Моя главная задача — остаться в живых. Скажу тебе по секрету: на самом-то деле я Чачу не нужен. Он сейчас думает иначе, но толку от меня никакого. Я всего лишь пешка в чужой игре. Не исключено, что меня убьют до того, как случится что-нибудь по-настоящему интересное.

— Я все понимаю, — сказала девушка. — Но разве вы не видите? Если мы объединимся, нас будет двое. Вместе мы сможем закрутить побочную сюжетную линию, и тогда от нас труднее будет избавиться.

Вителло не выглядел убежденным.

— Драмоклиды в состоянии избавиться от целых армий и даже планет. Это их мир, их правда, их реальность. Они сметут твою жалкую побочную линию без всяких колебаний.

— Не сметут, если мы станем им полезны. У меня есть план, который продлит наше существование.

— Фантазии служанки! — насмешливо промолвил Вителло.

— Пора бы вам уже понять, — сказала девушка, — что я не просто служанка. Я, между прочим, владею секретной информацией, касающейся судьбы Драмокла.

— Какой еще информацией?

— Всему свое время. Так мы объединяем усилия?

— Наверное, — сказал Вителло. — Давай-ка быстренько опиши себя, пока в повествование не вторглось какое-нибудь важное событие.

— Я среднего роста, у меня черные волосы и голубые глаза, округлые молодые груди, похожие на апельсины, великолепные мускулы, а также задница, при виде которой сам ангел зарыдал бы от восторга.

— Однако ты умеешь себя подать, — проворчал Вителло. Тем не менее он оглядел девушку и убедился, что она не врет. Заметил он также и другие детали, но будь он проклят, если станет терять время на размышления о них.

— Меня зовут Сорочка, — сказала девушка. — По-моему, вы должны на мне жениться. Тогда я буду участвовать в этой истории на законном основании.

— Жениться? — удивился Вителло.

— Кто здесь говорит о женитьбе? — вострубил жизнерадостный голос у него за спиной. Обернувшись, Вителло увидел, что в зал вошел священник — жирный, неопрятный, с красным лицом и носом картошкой. От священника разило перегаром. За ним следовали два неприметных свидетеля.

— Ну ты даешь! — восхитился Вителло.

— Умной статистке негоже зевать, когда появляется шанс на приличную роль, — сказала Сорочка. — Могу я представить тебя своей маме?

Вителло повернулся и увидел, как пожилая седовласая женщина возникла ниоткуда.

— Я в отпаде! — сказал Вителло, пожимая ей руку.

— Жаль, что мой муж не смог сегодня быть с нами, — сказала мама Сорочки. — Он отправился в якобы невинную увеселительную поездку в Ультрагнолл со своими старыми дружками из секретной службы, которые по чистой случайности являются также вероломными школьными дружками Драмокла.

— А вы тоже не теряете времени зря, — прокомментировал Вителло. — Дозволь вам банальную реплику, как вы тут же ее усложните.

— Я могу вам рассказать и кое-что поинтереснее, — сказала мама Сорочки. — Как раз вчера, когда я подслушивала дворцовый телефон, я услышала...

— Заткнись, мать, — сказала Сорочка. — Это *мой* шанс, а не твой. Испарись, будь любезна, а потом я погляжу — может, и подышу тебе чего-нибудь.

— Ты всегда была хорошей дочерью, — сказала мама Сорочки. — Помню, как...

— Еще одно слово, и ты вынудишь меня стать сиротой, — сказала Сорочка.

— Тебе ли на меня обижаться, юная леди! — возмутилась мама Сорочки. Но тем не менее поспешно принялась испаряться, пока не стала неотличима от серо-бурых занавесей,

свисавших с закопченных стропил полутемного банкетного зала.

— Так-то лучше, — сказала Сорочка. — Два неприметных свидетеля здесь? Давайте, святой отец, приступайте к церемонии!

— Глазам своим не верю, — пробормотал Вителло.

— И правильно делаешь! — вскричал принц Чач, появляясь из-за пыльных кулис, где он скрывался в ожидании эффектной реплики. Принц повернулся к Сорочке: — Откуда ты взялась, девушка? Ты ведь даже не из нашего глормийского сюжета, верно?

— Позвольте мне объяснить вам, принц!.. — сказала Сорочка.

— Не утруждайся, — ответил Чач. — Я уже принял решение.

На мгновение все оцепенело в жуткой тишине. Чач, стоявший со скрещенными руками на каменном возвышении, казался совершенным воплощением высокомерия и хладнокровия Драмоклидов. Он приблизился к Сорочке неслышной индейской поступью, ставя ступни с носка на пятку.

— Погодите, принц, не спешите так! — взмолилась Сорочка.

— Помилосердствуйте! — крикнули хором неприметные свидетели.

Чач поднял руки. От головы и туловища его начало исходить зеленое сияние. Это был видимый знак той сверхъестественной силы, что позволяла всем членам Драмокловой семьи, какими бы разными ни были они сами и их судьбы, оставаться в центре межзвездной сцены.

Вителло, разинув рот, смотрел, как Сорочка, священник и свидетели стали испаряться. Их туманные фигуры корчились, выкрикивая неслышные мольбы, а затем пропали — винтики, которые Драмоклид счел ненужными для своей истории.

Чач повернулся к дрожащему Вителло.

— Ты должен понять, — сказал он тоном одновременно ласковым и твердым, — что это в первую очередь рассказ о Драмокловой семье, во вторую — о ее слугах и приближенных, и лишь в третью, и то на дальнем плане *и исключительно по нашему соизволению*, о разной мелкой сошке, которая появляется на сцене в нужный момент и исчезает по нашему приказу. Мы выбираем этих людей, Вителло, и не в интересах моей семьи позволять всяким пробивным статисткам выступать со своими пошлыми вымышленными секретами. Я доступно излагаю?

— Простите, милорд, — полузадушенным голосом просипел Вителло. — Меня застали врасплох... Я был под мухой... Эта проклятая ведьма оказалась чересчур проворной для меня...

— Ладно, верный слуга, — прервал его Чач с ехидной усмешкой. — Ты дал мне повод сформулировать основные условия развития сюжета, и за это я тебе даже благодарен. Будь исполнителен, Вителло, будь скромн и ненавязчив, пока я не соизволю обратиться к тебе, и, если ты сыграешь свою роль хорошо, я подыщу тебе хорошенькую маленькую женушку. Но описана она, конечно же, не будет.

— Конечно, сир! — Вителло шмыгнул носом. — О, благодарю вас, благодарю!

— А теперь возьми себя в руки, дружище. Мой разговор с Друзиллой будет иметь интересные последствия. Я не стану сейчас в них углубляться, но у меня есть для тебя довольно важное поручение.

— Да, сир! — крикнул Вителло, бросаясь на пол к ногам принца Чача.

— Не скрою, — сказал Чач, — что поручение мое опасно. Но и награда будет немалой. Это шанс возвыситься, Вителло!

— Я готов, сир!

— Тогда выпусти изо рта мои шнурки и слушай внимательно.

Глава 14

Драмокл развалился на широченной водяной кровати в углу гостиной, расположенной в одной из малых башен Ультрагнолльского дворца. В ногах короля сидела стройная менестрельша в традиционном одеянии, то бишь в красноватом с бежевым нижнем белье из домотканой материи. Она исполняла балладу, аккомпанируя себе на миниатюрных цимбалах. Солнечный свет, золотивший пылинки, струился сквозь высокие узкие окна. Драмокл рассеянно слушал жалобную песнь:

Клянусь, хоть похоже все это на диво,
Чтоб лань, пробираясь по лесу пугливо,
Под сенью ветвей, шелестящих игриво,
Споткнуться на тропке могла,

И зяблик серебряный, тихо парящий
Над тропкой, под своды дерев уводящей,
Вдруг трелью залился, испугом звенящей
Разбитого об пол стекла,

И дивный нарцисс, беззаботно-прекрасный,
Чтоб хладом наполнил того, кто опасной
Любовной игре предается столь страстно
С девицей, что сердцу мила,

И ворон, чернея крылом изумрудным...

— Довольно, — сказал Драмокл. — Эти старинные баллады нагоняют тоску на тех, кто их не понимает. Мне скучно.

— Угодно ли вашему величеству, дабы я усладила ваше королевское тело восхитительными непристойностями? — спросила девушка.

— Твои последние непристойности наградили меня проституткой, — ответил Драмокл. — Нет уж, пускай этим занимаются профессионалы. А теперь уходи, я буду размышлять.

Как только менестрельша ушла, Драмокл тотчас пожалел о том, что отослал ее. Он не любил одиночества. Но, возможно, именно в одиночестве ему будет ниспослано какое-нибудь указание, как вести себя дальше, чтобы сбылась его славная, хотя по-прежнему неведомая судьба.

Прошло три дня после захвата Аардварка и два — после вторжения армии роботов на Лекк. Граф Джон, Снинт и Адальберт требовали объяснений. Их отношение к Драмоклу стало донельзя вызывающим. Адальберт, к примеру, совершенно распоясался. Он проводил вечера и ночи в игорных домах на острове Тулия, проигрывая бешеные суммы и развлекавая местных красоток рассказами о том, как Драмокл лишил его законных королевских владений. Хуже того — все свои карточные долги он перечислял в глормийское казначейство, и у Драмокла не хватало духу прекратить это безобразие. Никто уже не верил заявлениям Драмокла о том, что он вмешался во внутренние дела планет из чисто альтруистических побуждений. Даже преданный Руфус был встревожен — все еще преданный, но угрюмый от мыслей о грядущем бесчестии, грозившем ему в любом случае, как бы он ни поступил.

А Драмокл по-прежнему не знал, что им сказать. Все, что он сделал, казалось, было сделано совершенно правильно. Должен же он исполнить свое предназначение! Но почему, несмотря на столь явные веления судьбы, чувства у него в таком разладе? И почему нет новых указаний? Он просто обязан был позаботиться о них тридцать лет назад, когда закрутил всю эту историю!

Компьютер божился, что больше конвертов у него нет и никаких ключей к разгадке тоже, да он и не надеется их найти. Видно, где-то что-то застопорилось. Следующее звено в цепи откровений — возможно, еще одна старая леди — могло повратиться: не исключено, что старушка давно уже покоится на дне пруда, как это часто бывает со старушками, замешанными в королевские дела, особенно если их замешивают туда сами короли. А может, кто-то из недругов узнал о планах Драмокла, когда тот расхвастался по пьянке в захудалой пивнушке или проболтался в постели какой-нибудь девке, и этот недруг принял меры, чтобы помешать свершиться тому, чему свершиться суждено? Или же сам Драмокл попросту забыл под-

готовить как следует цепочку указаний тридцать лет назад, прежде чем доктор Фиш стер кусок его памяти?

И вот теперь он захватил Аардварк, который ему абсолютно не нужен, и скоро завоюет Лекк, который нужен ему еще меньше. А в награду получил враждебность сына Чача, как всегда оказавшегося не у дел, да недовольство жены Лиры — и все это ни за что ни про что. Но более всего угнетало короля его полное неведение насчет дальнейших действий.

Драмокл грыз свои поросшие волосами костяшки, силясь сообразить, что бы сделать такое хорошее — а если не хорошее, то хоть что-нибудь. И не придумал ни черта. С досады он вызвал к себе компьютер. Тот появился мгновенно, поскольку подглядывал под дверь, ожидая вызова.

— Ты так до сих пор и не знаешь, где находится следующая порция информации? — недовольно спросил Драмокл.

— Увы, сир.

— Ну придумай тогда хоть какой-нибудь план!

— Я могу предложить вам возможное направление действий, основанное на недавно опровергнутой теории игр фон Ньюмена.

— Валяй. Что ты предлагаешь?

Компьютер прочистил голосовое устройство, издав басовитый хриплый рык, и сказал:

— Мне кажется, тут нужен какой-то иррациональный подход, ибо, если бы вам могло помочь рациональное решение, я давно бы его нашел.

— Иррациональный... — задумчиво протянул Драмокл. — Звучит неплохо. Ну а дальше что?

— Ваше величество могли бы попробовать проконсультироваться с астрологом, френологом, гадалщиком по чайным листьям или книге «И Цзин»*, а лучше всего с оракулом, умеющим впадать в состояние транса.

— Да, но с каким оракулом?

— На планете их немало. Однако самой блестящей репутацией пользуется одна прорицательница... Ваше величество, должно быть, помнит...

— ...свою дочь Друзиллу, — закончил за него Драмокл.

— Она, помимо всего прочего, еще и отличный специалист по тестам Рейна, оставленным нам древними.

— Моя собственная дочь, — сказал Драмокл. — Почему я не вспомнил о ней раньше?

— Потому что ваше величество склонно вспоминать о членах своей семьи только раз в году, через две недели после их именин.

— Послал ли я Друзилле подарок в этом году?

---

* «Книга перемен», одна из канонических книг конфуцианства

— Нет, сир.

— Так пошли ей два самых лучших подарка. Нет — три, и позаботься о следующих именинах тоже. А теперь иди и вели Максу подготовить мою космическую яхту. Я сию же минуту вылетаю в Истрад.

Когда компьютер ушел, Драмокл принялся ходить по комнате взад-вперед, потирая руки и посмеиваясь грудным львиным смешком. Малышка Дру! Она упадет в священный транс и разумеет, что ему делать! И что самое замечательное, она абсолютно надежна.

Глава 15

— День добрый, — сказал Драмокл официальным тоном, каким говорил порою, когда был искренне растроган.

— Привет, папочка, — откликнулась Друзилла.

Драмокл только что прибыл в Истрад. Дочь с отцом уединились в укромной беседке на краю парка, напоенного сосновым ароматом. Внизу ленивые мелкие волны озера Мелачайбо бились о берег, силясь подточить серый гранитный фундамент замка, чего не надеялись, впрочем, достичь в ближайшее тысячелетие, а потому трудились без особого пыла.

— Ах, папочка, — сказала Друзилла. — Я так тревожусь, просто места себе не нахожу. Все эти мирные годы — и вдруг Аардварк, а потом еще Лекк. Зачем ты это делаешь?

— Выглядит не очень красиво, да? — сказал Драмокл.

— Люди всякое болтают.

Драмокл язвительно рассмеялся.

— Говорят, ты внезапно помешался на власти и собираешься восстановить бывшую Глормийскую империю. Но ведь это неправда, верно? Скажи, в чем истинная причина твоих поступков?

— Видишь ли, Дру, — промолвил Драмокл, — дело в том, что все они связаны с моей судьбой, о которой я недавно узнал.

— Твоей судьбой? Ты наконец узнал ее? Но это же замечательно! Расскажи, в чем она заключается!

— Это секрет, — ответил Драмокл.

— О! — сказала Друзилла, не в силах скрыть разочарование.

— Только не дуйся! Это такой секрет, что я сам его не знаю. Тебе я доверился первой, не считая моего компьютера. Я расскажу тебе все, что мне известно. Уверен, что мой секрет ты сохранишь лучше меня самого. Помню, когда ты была совсем еще малышкой, ты никогда не рассказывала маме про моих подружек, хотя она все равно как-то о них узнавала.

Друзилла кивнула. Ее любовь к отцу и неприязнь к матери были хорошо известны в кругах, приближенных к королевской семье. И вот теперь, в этот тихий воскресный вечер, вскоре после отъезда ее брата Чача, принцесса почесала свое левое веко левым же указательным пальцем — бессознательный жест, который мог бы выдать смятение Друзиллы наблюдательному наблюдателю, случись здесь таковой, — и стала ждать, чтобы ее любимый папочка продолжил свой рассказ.

— Вообще-то я узнал о своей судьбе тридцать лет назад, сразу после смерти отца, — сказал Драмокл. — Но обстоятельства не позволяли мне что-либо предпринять в ту пору. По некоторым причинам мне пришлось стереть воспоминание о судьбе до сего времени. На прошлой неделе память отчасти вернулась ко мне и я получил первое повеление: «Захвати Аардварк». Второе вынудило меня высадить роботов на Лекке. Но это было два дня назад, и я не знаю, что мне делать дальше.

— Можешь ты открыть мне, в чем твое предназначение, отец?

— Не могу, потому что сам не знаю. Хотя ко мне вернулись многие воспоминания, этой информации среди них нет. Вот почему я пришел к тебе. Я не знаю, что делать дальше. Мне нужна помощь профессионального оракула.

Друзилла взглянула на горящее нетерпением лицо отца — мальчишеское лицо, несмотря на бороду и косматые брови. И хотя рассказ отца показался ей маловразумительным, она решила, что выпытает все подробности потом.

Принцесса встала и взяла отца за руки:

— Тогда пойдем в обитель Богини. Там мы примем священные снадобья. И в состоянии транса ты войдешь во Дворец памяти, где хранятся все ответы.

— Пошли! — сказал Драмокл. — Твои священные снадобья — лучшая наркота на всем Глорме.

— Папа! Ты неисправим!

Смеясь, они проследовали к Храмовым покоям.

Глава 16

В раздевалке за Оракульской палатой Друзилла готовилась к сеансу. Для начала она приняла ванну со священными банными солями, запас которых, увы, истощался, а секрет изготовления был утерян после гибели древнего мира. Затем принцесса умастила горящую кожу несколькими каплями драгоценного кукурузного масла «Мазола» и облачилась в специальное одеяние, которое надевала лишь для отправления религиозных таинств. Драмокл покуда выкурил сигарету, думая о своем.

Они вошли в Храмовые покои — подземное помещение, высеченное в черном базальте. Там царил полумрак; факелы, укрепленные в стенных нишах, бросали беспокойные тени на полированный мраморный пол. У противоположной стены длинного и узкого храма блестело маленькое озерцо, отражавшее строгий лик Богини, высеченный из камня прямо над водой. В воздухе раздались тихие монотонные звуки волынки и барабанная дробь: эту эффектную запись включили сенсорные устройства, когда король с дочерью переступили порог храма. Драмокл плотнее завернулся в плащ, внезапно продрогнув в атмосфере чужой и древней тайны, которую излучало это подземелье.

Друзилла с отцом поднялись по трем каменным ступеням, ведущим к мраморному алтарю перед озерцом. Алтарь был сделан из полудрагоценных камней, соединенных серебряными прожилками. На нем стояли три шкатулки сандалового дерева разных размеров.

— Здесь ты хранишь свою наркоту? — спросил Драмокл.

— Ах, отец, не шути! — сказала Друзилла проникновенным голосом, исходившим из глубин ее описанной выше груди.

Благоговейно она раскрыла первую шкатулку и достала оттуда замшевый мешочек, расшитый золотыми и серебряными нитями. Развязав его, принцесса высыпала щепотку сушеной травы в ситечко с ручкой слоновой кости. Проворные пальцы быстро просеяли травяной порошок, оставив семечки и ветки для ручных ласточек, порхавших по атриуму замка. Порошок Друзилла высыпала в прямоугольную рисовую бумажку с начертанным на ней именем земного божества Ризлы, ловко скрутила ее в тоненький цилиндр, подпалила и протянула отцу.

— Кайф! — сказал Драмокл, глубоко затянувшись. После первой затяжки последовала вторая, затем третья, сопровождаемые довольными выдохами. Драмокл выпускал дым из уголков рта тонкими струйками и со знанием дела принимался. — Эй! Где ты берешь эту травку? — спросил он у Друзиллы.

Они с дочерью заговорили на древнем и уже забытом психоделическом языке своих легендарных земных предков. Вопросы и ответы следовали ритуальным чередом — так, как были записаны на старинных пленках.

— Пробирает до самого нутра, — промурлыкала Друзилла.

— Потрясно! — благоговейно сказал Драмокл. — Только ты бычок-то не занывай, дружище, дай полетать!

— Улет только начинается, — сказала Друзилла, протягивая ему остатки самокрутки из рисовой бумаги и открывая вторую сандаловую шкатулку.

Оттуда принцесса достала плоскую серебряную коробочку. Открыв ее, вынула гладко отполированное золотое зеркальце и вечноострую бритву. Из маленькой бутылочки, выточенной из цельного рубина, высыпала на зеркальце щепоть кристаллов.

— Ай да снежок! — сказал Драмокл.

Друзилла сосредоточила все свое внимание на ритуальном измелении бритвой кристалликов. Громко заиграли гобой, запульсировали разноцветные огни, бросая неясные тени на каменные стены. С торжественной медлительностью Друзилла сгребла священный порошок в змеистые белые полосы. И, наконец, вынув из шкатулки сухую полую кость, поклонилась недвижному лику Богини и протянула кость Драмоклу:

— А теперь, отец, причастись божественной энергии!

— Больше на Глорме нигде невозможно достать кокаина, — сказал Драмокл, подрагивая от предвкушения ноздрями.

Он склонился над алтарем — внушительная фигура в спортивной горностаевой куртке. Сунув кончик кости себе в ноздрю, король уткнул второй кончик в зеркальце с белым порошком. С силой втянув носом воздух, он проглотил четыре длинные полосы. Глаза у него вылезли из орбит, по лицу расплылась широкая улыбка. Он передал золотое зеркальце Друзилле.

Она тоже нюхнула кристаллического порошка, а потом быстро повернулась к третьей шкатулке. Откинув крышку, принцесса извлекла пять сушеных грибов, доставленных из потаенных уголков древней Земли. Музыка заиграла еще громче. Друзилла приготовила галлюциногенную дозу, приняла половину сама, а остальное отдала Драмоклу. Дожидаясь, пока снадобье подействует, принцесса угостила отца травяным чаем с марципановым печеньем. Вскоре Драмокл почувствовал покалывание и жжение в желудке, перед глазами заплясали разноцветные огоньки, все тело его задрожало, непроизвольно подергиваясь, и, когда он попытался сесть прямо, стул угрожающе накренился, а каменный лик Богини, казалось, двусмысленно ему подмигнул.

Поток ощущений нарастал, и вдруг Драмокл почувствовал, что падает в ревушую горную реку. Храмовые покои исчезли. Короля окружили какие-то гримасничающие рожи, а потом исчезли и они. Из темных углов поползли фиолетовые тени, протягивая к нему извивающиеся шупальца. Тысячеголосый хор зазвучал где-то вдали, и помещение озарилось ярким светом, совершенно при том преобразившись.

Драмокл очутился в большой роскошной комнате, входившей в состав ансамбля колоссальных размеров.

— Где я? — спросил король.

Еле слышно, словно издалека, прозвучал в ответ голос Друзиллы:

— Возблагодари Богиню, отец, ибо она перенесла тебя во Дворец памяти. Все, что ты видел или слышал за свою жизнь, находится здесь. Тайны, сокрытые от тебя, тоже здесь. Иди, о король, и обрети желаемое.

Дворец памяти очень походил на Ультрагнолл, только более красивый и облагороженный — идеализированный дворец, какой может существовать лишь в мечтах или воспоминаниях. Король ступал по коврам тончайших расцветок мимо блестящих статуй, установленных в нишах. Хрустальные люстры над головой нежно позвякивали, высвечивая старинные гобелены на стенах.

Драмокл свернул в коридор, простиравшийся, казалось, до бесконечности. По обеим сторонам коридора было множество комнат с открытыми дверями, и Драмокл мимоходом заглядывал в каждую из них, паря, словно призрак, над полом.

Некоторые комнаты были битком набиты вещами, другие почти пустовали. Вон там остатки какого-то из бывших пиршеств. А вот первая съеденная им мангровая лепешка, селедка и первый пумперникель. В других комнатах валялись кучи поношенной одежды, старых книг, смятых сигаретных пачек. Кое-где сидели неподвижные фигуры, непонятно — живые или статуи. Среди них Драмокл заметил Грегори, своего учителя военного искусства — каким спокойным стал этот неугомонный боец! А вот Флибистия, его няня, и Отания, любовь его четырнадцати лет. Комнаты одна за другой преподносили ему сюрпризы, но более всего Драмокла удивило то, что он наткнулся на целый ряд помещений с закрытыми дверями.

Он стучал в них, дергал за ручки и даже попытался вышибить двери пинком. Но он был эфирным созданием в иллюзорном мире, и удары его не имели силы. Удрученный, Драмокл отступился от дверей. Он чувствовал, что за ними скрыта жизненно важная информация, и не мог понять, отчего ему не дают к ней доступа. Недоумевая, король побрел на огонек, горевший в конце коридора. Приблизившись, он обнаружил там открытую дверь, а за нею — свет.

Драмокл переступил через порог и очутился в одной из комнат своей юности, в Восточном будуаре, где частенько предавался мечтам о тех великих деяниях, что он совершит, когда станет королем. Там, за бюро с выдвижной крышкой, сидел человек.

Человек поднял голову. Драмокл увидел тонкое и дерзкое молодое лицо с прямым носом и горящими глазами. Это был он сам, фунтов на сорок худее и без бороды.

— Да, все правильно, — сказал молодой Драмокл. — Я — это ты. Хотя мне не положено здесь находиться, это аномалия. Присядь, пожалуйста.

Драмокл опустился на диван и зашарил в карманах в поисках сигарет. Молодой Драмокл протянул ему сигарету и щелкнул зажигалкой.

— Ты, как я понимаю, хочешь узнать, что делать дальше, — сказал молодой Драмокл.

— Не стану отрицать.

Молодой Драмокл кивнул:

— Следующий шаг довольно деликатного свойства. Я решил, что лучше расскажу тебе о нем лично. Видишь ли, дело касается Руфуса.

— Старый добрый Руфус!

— Я не сомневаюсь в его безграничной преданности. Это замечательно. Но теперь ему нужно будет предать тебя.

— Чтобы Руфус меня предал? Да он скорее умрет! А потом, в моем окружении полно людей, готовых предать меня с радостью. Почему же именно Руфус?

— Потому что так надо. Руфус — одна из центральных фигур в игре. У него на Друте мощный космический флот.

— И Глорму ничто не угрожает, пока корабли Руфуса стоят бок о бок с моими.

— Верно. Но безопасность — это еще не все. Твое положение сейчас крайне неустойчиво. Карминосол готов к отпору, да и про Ванир не стоит забывать. Такое противостояние может длиться годами. Чтобы нарушить равновесие сил, необходим перебежчик. Руфус — самая подходящая кандидатура.

— Ты, должно быть, спятил, — сказал Драмокл. — Именно это мне нужно меньше всего.

— Предательство Руфуса будет притворным. Когда неприятельские войска пойдут в наступление, Руфус нападет на них с тыла и поймает в ловушку.

Драмокл покачал головой:

— Руфус ни за что не согласится на такой бесчестный поступок.

— Согласится, если преподнести ему наш план умеючи.

— Может, ты и прав, — сказал Драмокл. — Но зачем мне все это? В чем заключается моя судьба? Люди говорят, будто я пытаюсь восстановить бывшую Глормийскую империю.

— Твоя судьба гораздо значительнее, чем восстановление империи. Но суть ее я не могу тебе открыть. Верь мне, Драмокл, ибо я — это ты. Пускай они думают, что ты пытаешься установить гегемонию Глорма. Это полезная ширма для сокрытия твоих подлинных целей.

— Но я не знаю, что это за цели!

— Узнаешь, и скоро. Не забывай про наш разговор. Когда придет время, сделай правильный выбор. А пока — прощай!

И молодой Драмокл исчез.

Драмокл вновь очутился в Храмовых покоях.

— Как ты себя чувствуешь, отец? — встревоженно спросила Друзилла. — Ты узнал то, что хотел?

— Я узнал больше, чем хотел, и в то же время не узнал и половины, — ответил Драмокл. — Я должен немедленно вернуться в Ультрагнолл. Боюсь, нам предстоит суровые испытания.

И, озабоченный, король ушел, не попрощавшись.

Глава 17

По пути в Ультрагнолл Драмокл думал о стремительно ухудшающейся ситуации на Лекке. Его начали одолевать сомнения по поводу недавно обретенной судьбы, хотя он не мог поверить, что все случившееся было просто ошибкой. Ему по-прежнему хотелось иметь славную судьбу, но отнимать ради нее у друзей их владения казалось ему недостойным. И меньше всего он хотел восстанавливать бывшую Глормийскую империю. Конечно, это было бы романтично, но абсолютно непрактично. Межпланетные империи никогда не были жизнестойкими. А даже если бы и были, какой от них толк? Несколько дутых титулов и уйма бумажной работы. Кому это надо? И, между прочим, тот юноша, что беседовал с ним во Дворце памяти, — был ли он на самом деле Драмоклом? Он помнил себя немного другим. Но если это не он, то кто же? Что-то странное творилось кругом — странное и сверхъестественное, если не сказать зловещее.

Король вдруг подумал о том, на каком шатком фундаменте покоится его судьба. Визит старой леди, пара конвертов, несколько воспоминаний — и из-за этого он рискует развязать тотальную войну?

В приливе внезапно нахлынувшего настроения Драмокл решил, что должен безотлагательно заключить мир, пока еще не поздно, пока катастрофа не стала необратимой.

Прибыв во дворец, король тотчас же послал за Джоном, Снинтом и Адальбертом. Он вернет им планеты, отзовет свои войска, принесет извинения и скажет, что всему виной временное умопомрачение. Он репетировал свою речь, когда посланный вернулся с известием, что королей на Глорме нет. Как только Драмокл отправился навестить Друзиллу, они сели на свои звездолеты и улетели. Приказа об их задержании никто не получал. Только Руфус остался, преданный, как всегда.

— Проклятье! — сказал Драмокл и велел дворцовому оператору соединить его с Джоном по межпланетному телефону.

Граф Джон на вызов не ответил. Снинт с Адальбертом тоже. Драмокл услышал о них лишь неделю спустя. Джон, как выяснилось, вернулся на Карминосол, собрал тридцатитысячное войско и отправил его на помощь добровольцам Снинта на Лекк. Деморализованная армия Рукса внезапно оказалась вынужденной воевать на два фронта, и ей грозила опасность полного разгрома.

Опечаленный вначале, а затем все более и более разъяренный, Драмокл послал командующему Руксу подкрепления и приготовился к затяжной войне.

Глава 18

Ведение войны было новым занятием для Драмокла, вообще не привыкшего к регулярной работе. Но теперь его беспечному и бесцельному существованию пришел конец. Каждое утро будильник звенел ровно в восемь, а в половине десятого король уже был в Военной палате. Он прочитывал компьютерные сводки ночных сражений, уяснял для себя общую картину и приступал к военным действиям.

Одна стена в Военной палате была сплошь занята мониторами. На каждом экране виднелся определенный сектор поля боя. Специальные мониторы показывали также все воинские подразделения, вплоть до взводов. На дисплеях велся подсчет боевых потерь с обеих сторон, а цвет экрана изменялся в соответствии с обстановкой: зеленый означал победу, желтый — неопределенное положение, красный — угрожающее, черный — поражение.

Драмокл, как правило, брал на себя два или больше черных сектора. У него был врожденный дар полководца, и большинство его сражений оканчивались зеленым цветом победы. В особо удачные дни он чувствовал, что смог бы выиграть кампанию на Лекке один, то есть единолично управляя войсками роботов, если бы его оставили в покое хоть на несколько дней. Но об этом нечего было даже мечтать. Он и часа не мог провести спокойно. Важные события происходили ежеминутно, и все они требовали королевского внимания. Предписаний Отто Странного стало уже недостаточно для управления Глормом.

Полностью абстрагироваться от личной жизни Драмоклу тоже не удавалось. Лира без конца звонила к нему в офис, надоедая своими советами относительно ведения войны. Для сохранения семейного покоя Драмоклу приходилось прислушиваться к ее советам или хотя бы делать вид, что он к ним

прислушивается. Несколько бывших жен донимали его по телефону своими собственными идеями, и, естественно, старшие дети тоже хотели принять участие в событиях.

Часто, когда предстояло особенно сложное сражение, Драмокл засиживался за работой допоздна. Поначалу он ездил из спален в Военную палату и обратно на дворцовых поездах, как и все остальные. Но потом Макс убедил его, что ожидание переполненного экспресса — отнюдь не лучший способ времяпровождения, и с тех пор к услугам Драмокла всегда была готова коридорная машина. За рулем чаще всего сидел Самизат. Когда этот мальчишка умудрялся выполнять домашние задания, оставалось для Драмокла загадкой. Но войной Самизат наслаждался от души.

Неделя за неделей тянулась кампания на Лекке, поглощая роботов и дорогое оборудование, а также, по мере ожесточения боев, и человеческие жизни. Драмокл неоднократно пытался связаться с Джоном и Снинтом, но они не отвечали на его телеграммы.

Руфус вернулся наконец на Друт, мобилизовал войска и ожидал Драмокловых приказаний. Драмокл намеревался послать принца Чача к Руфусу в качестве офицера связи. Это была престижная и нехлопотная должность, которая могла удержать мальчика от глупостей. Но Чача на Глорме не оказалось. Никто не знал, куда он делся. Драмокл опасался худшего.

Глава 19

На планете Ванир была последняя ночь полных лун. Луны висели низко над горизонтом, заливая холодным желтым светом каменистую равнину Хротмунда и соляные пастбища Вираголенда на юге, куда король Хальдемар перемещался со своим двором во время сезонов линьки луу.

Фальф, ночной часовой на тихом пограничном посту, зевнул и устало оперся на свое лучевое копьё. Трехдневному вдовцу, ставшему вчера членом «Миннекошки» — звездной команды по хоккею с топором — и только что опубликовавшему свои первые стихи, Фальфу было о чем подумать. Он предавался этому занятию с прямотой и детской непосредственностью истого варвара, а потому не слышал приглушенной возни у себя за спиной до тех пор, пока смутное предчувствие не заставило его повернуть голову — ровно за секунду до того, как сзади некто или нечто прочистило горло.

— Кто идет? — крикнул Фальф, у которого волосы встали дыбом.

— Эй! — позвал кто-то из тьмы.

— Что значит «эй»? — спросил Фальф

— Эй, эй!

— Еще одно «эй», и я поставлю точку в твоём предложении, — заявил Фальф, переключив лучевое копье на отметку «жечь» и нацелив его туда, откуда, по его мнению, доносился голос.

И вдруг прямо у него из-под руки вынырнула чья-то фигура. Овдовевший поэт-атлет отпрыгнул назад, споткнулся о копье и чуть было не упал. Незнакомец подхватил его под локоток.

— Меня зовут Вителло, — представился он, — и я не хотел тебя пугать. Я эмиссар

— Чего?

— Эмиссар.

— Что-то не припомню я такого слова, — сказал Фальф.

— Оно означает, что мой король прислал меня сюда поговорить с твоим королем.

— А-а, верно. Теперь вспомнил, — сказал Фальф. Потом подумал немного и спросил: — А откуда мне знать, что ты и вправду эмиссар?

— Я могу предъявить верительные грамоты, — сказал Вителло.

— Нет, я что хочу сказать: если ты эмиссар, посланный каким-то королем, то где же твой звездолет?

— Да вон он, — ответил Вителло, указав на рощицу в сотне ярдов от них. Фальф посветил фонарем — и точно, там стоял звездолет.

— Ты, видно, очень тихо спустился, — сказал Фальф. — Наши-то корабли — их за десять миль слышать, когда они садятся. По-моему, это из-за обшивки, ее у нас делают из колец, соединенных внахлестку. Конечно, рев наших кораблей вселяет ужас в сердца врагов — по крайней мере так нас учили. В общем, трудно сказать, что лучше, верно?

— Верно, — согласился Вителло.

— Никуда не денешься, придется о тебе доложить, — сказал Фальф. — Хотя меня это выставит не в лучшем свете. — Он отстегнул от портупеи мобильник и набрал номер. — Сто-рожевой пост? Сержант Урнут? Это Фальф, аванпост двенадцать. У меня тут чужеземный эмиссар, он хочет говорить с королем. Ага, точно. Нет, это значит «посланец»... Ясное дело, у него есть звездолет. Он припаркован в сотне ярдов отсюда. Да, совершенно бесшумно. Нет, я не шучу и не пьян.

Фальф опустил мобильник

— Сейчас они кого-нибудь пришлют. Что твой король хочет сказать нашему королю?

— погоди, потом узнаешь, — сказал Вителло

— Да я просто так спросил. Ты покуда садись, устраивайся поудобнее. Они будут здесь через час, не раньше. У меня есть лишайниковое пиво, если хочешь. Знаешь что? На этой неделе со мной уже три необычайных случая приключилось. А сегодня четвертый.

— Расскажи мне о них, — попросил Вителло, усаживаясь на землю и запахнув плащ, поскольку ночь была прохладная. — Хочешь попробовать моего вина?

— Спрашиваешь! — ответил Фальф.

Он прислонил лучевое копье к чахламу деревцу и уселся рядом с Вителло, проникнувшись к эмиссару внезапным доверием, вообще-то совершенно несвойственным подозрительной варварской натуре.

Глава 20

Давным-давно, когда Вселенная была молода и еще не уверена в себе, галактический центр, плотно набитый планетами, населяло несколько примитивных рас. Одной из них и были ванирцы — варвары в косматых шкурах и со странными обычаями. Хотя их раса была куда древнее других гуманоидных ветвей, ванирцы никогда не претендовали на то, чтобы их считали урами, то есть родоначальниками людей. Впрочем, вопрос о первой человеческой расе до сих пор остается открытым; на эту роль притязают, например, леккиане, и они ничем не хуже других.

Бороздя на своих кольчатых судах космические просторы, ванирцы в один прекрасный день добрались до Глорма. Там они столкнулись с истрагну, или «малым народом», как называли тогдашних жителей Глорма более высокорослые расы. Много боев отгремело, но в конце концов ванирцы одержали победу. Ее плодами они наслаждались до тех пор, пока на Глорм не прилетели другие гуманоиды, бежавшие с пустынной и отравленной Земли. Вновь загремели сражения, и в результате ванирцев вытеснили не только с Глорма, но и из пределов Местной системы вообще, загнав на холодную далекую планету. Истрагну называли ее Вууллс, однако ванирцы переименовали планету, дав ей свое собственное имя. С той поры между Глормом и Ваниром то и дело вспыхивали войны, особенно в экспансионистский период недолговечной Глормийской империи. Но в последние тридцать лет между планетами царил мир, хотя и не очень прочный.

Во времена, к которым относится наше повествование. Ваниром правил король Хальдемар, и душу его снедали агрессивные помыслы. Не раз, лежа в пьяном забытьи на шкуре тага, Хальдемар бредил о молниеносных набегах на Глорм за

трофеями. Особенно его интересовали женщины — тонкие, благоухающие духами женщины, не чета мускулистым ванирским девам, которые в постели только и способны, что выдавить из себя в момент величайшего экстаза: «Ух ты, как здорово всадил-то!» Между тем как цивилизованные женщины постоянно жаждали выяснения отношений, что казалось пределом утонченности варвару, выросшему при минимуме отношений и максимуме свежего воздуха.

Хальдемар прикоснулся к цивилизации лишь однажды, когда был приглашен глормийским телевидением на передачу «Иноземные знаменитости», продержавшуюся всего один сезон. В сердце ему навсегда запала атмосфера радостного возбуждения, царившая в студии, и то внимание, с каким ведущие выслушивали его ответы. Это было лучшее время в его жизни. Хальдемар готов был на любые жертвы, лишь бы вернуться в шоу-бизнес; несколько лет он с трепетом ждал у телефона звонка от своего агента.

Так его и не дождавшись, король постепенно проникся презрением к непостоянным и поверхностным людишкам с теплых планет. Его томило желание обрушить свои кольчатые звездолеты на головы изнеженных цивилизацией внутренних миров. Но народы Местной системы были слишком хорошо оснащены. У них было смертоносное оружие и быстроходные корабли, оставшиеся в наследство от землян, и стоило ванирцам атаковать хотя бы одну из планет, как все соседи тут же вставали на ее защиту. Поэтому Хальдемар сдерживал душевные порывы и выжидал удобного момента, кочуя покуда со своими подданными по Ваниру в поисках пастбищ для луу — мелкого, свирепого и хищного скота, снабжавшего ванирцев едой, питьем и одеждой из шерсти, которую собирали в сезоны линьки.

И вот наконец цивилизация прислала к нему эмиссара.

Хальдемар тут же велел устроить прием, ибо так полагалось по протоколу. Как человек примитивный, король не любил этикета, но, как любой варвар, глубоко чтит ритуалы. На встречу с эмиссаром он пошел с надеждой и тревогой и даже надел по такому случаю новую рубаху из шерсти луу.

Глава 21

Аудиенция проходила в банкетном зале Хальдемара. Король распорядился, чтобы помещение вычистили и устлали свежим тростником. В последнюю минуту, вспомнив об изысках цивилизации, Хальдемар позаимствовал два стула у своей родственницы Сигрид Эйгретноуз.

Эмиссар был одет в красновато-коричневый плащ с розовато-лиловой отделкой — таких цветов на этой грубой варварской планете никто и не видывал. Роста он был выше среднего, а ширина его плеч и развитая мускулатура говорили о том, что ему не чуждо воинское искусство. Кроме плаща, на эмиссаре была также другая одежда, но Хальдемар с варварским пренебрежением к деталям ее попросту не заметил.

— Добро пожаловать! — сказал король. — Как жизнь?

— Нормально, — ответил Вителло. — А у вас что новенького?

— У нас все по-старому, — пожал плечами Хальдемар. — Пасем луу и совершаем набеги на свои же поселения — вот и все наши занятия. Набеги, конечно, крайне полезны и представляют собой наш главный вклад в социальную теорию. Благодаря им и люди заняты, и население не растет, и ценности вроде мечей и кубков находятся в постоянном обращении.

— Развлекаетесь, значит, — сказал Вителло.

— Живем помаленьку, — поправил его Хальдемар.

— И все-таки это не то, что в старые добрые времена, а? Нападать на другие народы куда интереснее, чем друг на дружку.

— Верно подмечено, — согласился Хальдемар. — Но что же нам делать? Оружие у нас чересчур примитивное, да и мало у меня народу, чтобы нападать на цивилизованные планеты. Нас оттуда живо вышвырнут пинком под зад, извиняюсь за выражение.

— Все так, — кивнул Вителло. — Вернее, так было.

— Не было, а есть, — сказал Хальдемар. — Если только ты не привез какие-нибудь новости.

— Разве вы не слышали о последних событиях? — спросил Вителло. — Драмокл, король Глорма, захватил Аардварк и высадил войска на Лекке. Граф Джон Карминосольский ополчился против брата, равно как и мой господин, принц Чач, сын Драмокла. Назревает крупная заварушка, а где заварушка, там и денежек можно наварить, и поразвлечься.

— Такие слухи до нас доходили, — сказал Хальдемар, — но мы решили, что это всего лишь семейные разборки. Если Ванир в них вмешается, все бывшие противники объединятся против нас, как не раз уже бывало прежде.

— События вышли за пределы семейной склоки, — сказал Хальдемар. — Милорд Чач поклялся, что сядет на глормийский трон. Граф Джон и король Лекка Снинт обещали ему поддержку. Уладить ссору добром не удастся. Будет война.

— Что ж, на здоровье. Нам-то какое до этого дело?

Вителло лукаво усмехнулся:

— Принц Чач считает, что межпланетная война будет неполной без участия Ванира. Он приглашает вас выступить на его стороне.

— Ах так! — Хальдемар сделал вид, что задумался, дергая себя за сальные усы. — И какое вознаграждение предлагает нам принц Чач?

— Справедливую долю военных трофеев после взятия Глорма.

— Обещания давать легко, — сказал Хальдемар. — Откуда мне знать, могу ли я верить твоему господину?

— Сир, принц прислал вам договор о дружбе и согласии, подписанный его высочеством. Договор дает вам законное основание для набега на Глорм. На древнем языке Земли это называлось «разрешением на разграбление».

Вителло протянул королю свернутый в трубочку пергамент, перевязанный красной лентой и заляпанный сургучными печатями. Хальдемар осторожно взял договор, ибо, будучи варваром до мозга костей, считал любой клочок бумаги священным. Но сомнения не покидали его.

— Какие еще знаки любви прислал нам принц Чач?

— Мой звездолет загружен дарами, предназначенными для вас и ваших придворных, — сказал Вителло. — Там есть автоматы «Эректор» и «Пусти!», есть ребусы и загадки, комиксы, подборка новейших рок-записей, косметика «Эвон» для дам и многое другое.

— Принц очень любезен, — сказал Хальдемар. — Стража! Глядите в оба, чтобы никто не добрался до даров раньше меня. Если король не может выбрать первым, какой смысл быть королем? Пожалуй, пойду-ка я прямо сейчас, чтобы удостовериться...

— Договор, сир! — напомнил Вителло.

— Мы обсудим его попозже, — заявил Хальдемар. — Сперва я гляну, чего ты там привез, а потом мы устроим дружескую пирушку.

Глава 22

Хальдемар закатил щедрый пир — настолько щедрый, насколько позволяли ограниченные ресурсы Ванира. В зале расставили длинные деревянные столы со скамьями по обеим сторонам для местной знати. За меньшим столом, установленным на небольшом возвышении, сидели Хальдемар и Вителло. Гостей обнесли первым блюдом — жидкой перловкой с маленькими кусочками бекона, добавленными для запаха. Затем на стол водрузили целиком зажаренную тушу хрола, животного, похожего по виду на свинью, а по вкусу — на цветет-

ку. Туша была начинена селедкой с луком и залита бурым соусом. После этого внесли блюда с вареной репой и филе пеламиды, вымоченной в уксусе.

Были на пиру и развлечения. Сначала арфист, потом двое волынщиков, потом танец с боевыми топорами, а потом клоуны, чьи шутки, судя по громкому хохоту гостей, были очень смачными, но непонятными для Вителло из-за сильного акцента артистов. На десерт подали компот из местных фруктов, приправленный бренди из сосновых шишек, и дикий горный мед. Грудастые служанки разнесли рога, наполненные лишайниковым пивом, а под конец королевский бард — высокий белобородый старец с бельмом на глазу — прочел речитативом традиционную сагу, аккомпанируя себе на цимбалах с колоушками.

Когда обед закончился, гости предались безудержному пьянству и веселью, Хальдемар же с Вителло удалились в комнату, расположенную у заднего выхода деревянного дворца. Там они возлегли на матрацы (явно глормийского производства), и Хальдемар промолвил:

— Ну что ж, Вителло, я поразмыслил и нашел, что предложенный твоим принцем союз мне по душе.

— Рад это слышать, — откликнулся Вителло, разворачивая пергамент. — Если ваше величество подпишет здесь и здесь, а также поставит визу тут и тут...

— Не так быстро, — сказал Хальдемар. — Прежде чем мы подпишем столь важный документ, тебе по традиции положено выступить перед нами.

— Пою я не очень искусно, — сказал Вителло, — но если это доставит вам удовольствие...

— Я не имел в виду пение, — прервал его Хальдемар. — Я имел в виду борьбу.

— Что? — сказал Вителло.

— У нас на Ванире принято давать почетным гостям возможность продемонстрировать их доблесть. Ты парень крепкий и молодой. Думаю, ты выдержишь поединок с Дуном из Торты.

— А не могли бы мы просто подписать договор без этих формальностей?

— Никак невозможно, — изрек Хальдемар. — В ознаменование особо важных событий нам, ванирцам, необходима история любви или история битвы. Иначе барды не смогут как следует их воспеть. Можешь считать наш обычай глупым, но народ требует зрелищ. Мы как-никак варвары, сам понимаешь.

— Я понимаю, — сказал Вителло. — Но, может, у вас найдется какая-нибудь дочка, чью любовь я попробую завоевать?

— Да я бы со всей душой, — сказал Хальдемар, — но, к сожалению, мою единственную дочку Хельгу похитил недавно гном-колдун Фафнир.

— Надо же, как жаль! А кто такой этот Дун?

— Пятирукое существо, невообразимо сильное и ловкое. Искусный боец. Но ты не отчаивайся. Ему еще не приходилось драться с таким достойным противником, как ты.

— И не придется, потому что я не собираюсь с ним драться.

— Ты серьезно?

— Серьезнее некуда.

— Не хочу называть тебя трусом, поскольку ты мой гость. Но ты не можешь не признать, что твое поведение вряд ли можно назвать геройским.

— А мне до лампочки, — сказал Вителло. — Моя роль в этой истории комическая.

Хальдемар подумал немного.

— Мы можем подвергнуть тебя более легкому испытанию: ты пройдешь через волшебные ворота в подземное царство и вызволишь Хельгу.

— Исключено. И думать забудьте про испытания. Я понимаю ваше желание уважить древние обычаи, но не советую на них заикливаться. Это вам не местный фольклорный спектакль. В игру вовлечены все планеты системы. Я предлагаю вам шанс войти в историю, приняв участие в важнейшем событии цивилизованной Вселенной! Такие предложения делают не каждый день. Поэтому давайте покончим с этим, ваше величество, или же позвольте мне удалиться с миром.

— Ладно, ладно, — сказал Хальдемар. — Я просто хотел позабавить своих подданных, прежде чем посылать их тысячами на бессмысленную гибель в чужих мирах. Ручка у тебя есть?

Однако не успел Хальдемар поставить подпись, как затрубили трубы и в воздухе возникло мерцающее облачко, окружавшее какую-то фигуру.

— Хельга! — воскликнул Хальдемар.

Облачко исчезло, оставив в комнате крупную веснушчатую девушку с широким приятным лицом, обрамленным двумя белобрысыми косичками.

— Ах, папочка! — Хельга бросилась в объятия к отцу. — Как я по тебе соскучилась! И по Сникеру тоже!

— По Сникеру? — не понял Вителло.

— Это ручной волк Хельги, — объяснил Хальдемар. — С ним связана довольно смешная история...

— В другой раз, папочка, — перебила его Хельга. — Гном-колдун желает побеседовать с тобой.

Гном-колдун появился из менее яркого облачка. Он был жирноват, с красно-коричневой кожей и двумя черными рожами во лбу.

— О Хальдемар! — торжественно начал гном-колдун. — Я наблюдал за твоим разговором с Вителло по монитору, и вот что я тебе скажу: он совершенно прав — это шанс для всех нас вырваться из нашей глухомани и войти в историю Вселенной. Я верну тебе Хельгу на двух условиях. Во-первых, если она выйдет замуж за Вителло, чем обессмертит мое имя хотя бы в сносках к историческим анналам. Это, конечно, не Бог весть что, но для начала сойдет.

— Он жуть как переживает, что о нем не знает никто, кроме местных жителей, — сказала Хельга.

— И каково же второе условие? — спросил Вителло.

— Ты должен будешь взять меня с собой. В подземном царстве нынче полный застой, а я жажду великих свершений.

— Что скажешь, Вителло? — спросил Хальдемар. — Ты женишься на ней?

При взгляде на Хельгу с лица Вителло исчезло всякое выражение. Затем в глазах промелькнула хитрая усмешка, и он спросил:

— Означает ли это, что я унаследую ванирский престол, если, не дай Бог, с вашим величеством что-то случится?

— Нет, Вителло. Только представитель нашей расы может нами править. Но если Хельга родит тебе сына, он унаследует престол.

— Стало быть, я буду отцом следующего правителя Ванира. Честно говоря, не о такой роли я мечтал.

— Но это выгодная роль, — сказал Хальдемар. — Тебе будут выплачивать пособие, а кроме того, у тебя останется масса свободного времени для какой-нибудь другой карьеры.

— Пожалуй, вы правы, — сказал Вителло. — А ты что думаешь, Хельга?

— Я выйду за тебя, Вителло, если ты пообещаешь сводить меня на рок-концерт, как только мы доберемся до цивилизации.

— А как же будет со мной? — спросил Фафнир.

— Ладно, так и быть, поедешь с нами, — сказал Вителло.

Церемония состоялась тем же вечером.

Тотчас по ее завершении Вителло попросил показать ему ванирских рекрутов. И только тогда Хальдемар поведал ему о своих затруднениях с войском.

Глава 23

Четыреста тридцать лет тому назад ванирцы подверглись нападению народа еще более дикого и варварского. Жуткие

моноготы налетели из центра Галактики в бесчисленных количествах, так что от их приземистых звездолетов с перепончатыми, как у летучих мышей, крыльями потемнели небеса. Свиные бронзовокожие воины, одетые в шкуры пантер и медведей, были вооружены огнеметными копьями, вибраторными булавами и электронными луками в рост стрелка. Крепко сбитые, усаые, они свалились на Ванир подобно лавине.

Теснимые превосходящими силами противника, ванирские армии оставили морские порты и селения и ушли в Непролазный лес. Много рукопашных схваток видели тенистые лесные чащобы, и многие моноготы сложили там свои головы. Но взамен прибывали все новые и новые бойцы, и, казалось, полный разгром ванирцев — всего лишь дело времени.

Тогдашний король Ванира, Харальд Хогбек, столкнулся с реальной опасностью потерять не только армию, но и весь свой народ. И он решился на отчаянный шаг. Главная ударная часть его войска, грозная Череподробительная бригада, была еще цела, хотя и изрядно потрепана. Эти пятьдесят тысяч бойцов, все до единого берсерки, противостояли армии моноготов численностью в четверть миллиона человек. Хогбек решил, что ради спасения ванирской расы важнее всего сохранить ее защитников.

Сверившись с древними руническими записями на камнях, Харальд Хогбек приказал ванирским женщинам поставить на огонь большие медные котлы и приготовить обед. После чего снял Череподробительную бригаду с линии обороны и увел ее в глубины Непролазного леса.

Моноготы бросились в погоню, но на пути у них оказался ванирский лагерь, и они унюхали божественный запах мяса, варившегося в медных котлах вместе с картошкой, хреном и петрушкой. Для варваров, вскормленных исключительно сосисками, жареными на свином жиру, искушение было непреодолимым. Издав торжествующий вопль, моноготы накинулись на яства. К тому времени когда сержантам удалось наконец навести порядок, ванирцы бесследно исчезли в непроходимой лесной чаще.

Хогбек привел свое войско в большую известняковую пещеру, скрытую в лесу под кустами можжевельника. Там он приказал берсеркам лечь поудобнее, а затем произнес над ними заклинание, призвав на помощь все свои познания в древней магии, дабы усыпить воинов. Харальд заговорил также вход в пещеру. И берсерки проспали там несколько столетий, и продолжают спать по сей день.

Вот такую историю рассказал Хальдемар эмиссару Вителло, пока они скакали к Непролазному лесу. И Вителло изумлен

был безмерно, и спросил, чем же закончилась война между моноготами и ванирцами. Хальдемар поведал ему, что эти превосходные воины, несмотря на всю свою закалку, оказались уязвимы для вирусов цивилизации. Моноготов выкосила яшурная болезнь, и ванирцы вскоре сызнова заселили свою планету.

— А Череподробительная бригада?

— По-прежнему спит, — сказал Хальдемар. — Она-то нам и нужна.

Глава 24

Лес шумел своей приглушенной и потаенной жизнью. Бледные солнечные лучи пробивались сквозь густой шатер ветвей. Вителло услышал пронзительный жалобный крик птицы-мовиолы, робкой обитательницы верхушек деревьев: «Ида Люпино! Ида Люпино!» Хальдемар ехал рядом с Вителло. Несколько телохранителей скакали за ними сзади. Вскоре они выехали на полянку, где их встретил высокий человек в одежде зеленой, как лес. Это был Оле Большая Нога, сторож спящих берсерков.

— Они вон там, — сказал Большая Нога, смахивая рыжую прядь со своих блестящих глаз.

Бригаду пришлось переместить из известняковой пещеры, когда Большая Нога обнаружил в каменной стене трещины, сквозь которые сочилась вода, угрожая обвалом. Перетащить воинов было непросто. На планете Ванир не существовало транспортных компаний. Большая Нога обратился за помощью к гному-колдуну Фафниру и его народу. Гномы ухитрились перенести спящих солдат в лес без особых потерь, если не считать Эдгара Головореза, которого случайно уронили на скалу.

Затем Большая Нога отправил петицию мастеру-строителю Хьорду Сосконосу с просьбой построить деревянное укрытие с руническими надписями великой силы. Сосконос согласился, но был убит при ограблении таверны в Снааке (по другим источникам — в Снии́ке). Его сын и помощник Бийон Сокрушитель ушел на юг неизвестно зачем и не вернулся. Так что пришлось Большой Ноге оставить воинов спящими на глинистой лесной земле. Чтобы защитить их от лесных крыс, Большая Нога привел парочку дрессированных терьеров. Стоило ему свистнуть два раза в серебряную свистульку, висевшую у него на шее на затейливой керамической цепочке, как псы немедленно принимались за работу; еще один свисток — и они ложились на место передохнуть. Три свистка вызывали целое полчище червей шик-ши́к, которые расползались и пожирали

все остатки собачьей охоты. Таким образом место содержалось в чистоте и порядке.

Покончив с дневными трудами, Большая Нога любил сочинять песенки — такой у ванирцев обычай. Любимая его песенка звучала примерно так:

Зовут меня Большая Нога.
Я убиваю людей.
Я люблю женщин с большими сиськами.
Зуб у меня болит.
Зовут меня Большая Нога.

Но чтобы использовать ванирцев в сражении, сначала надо было пробудить их от длительной спячки. Сделать это предполагалось с помощью волшебного и очень древнего слова, которое старшие барды передавали друг другу из поколения в поколение и произносить которое вслух строжайше запрещалось, ибо, даже ослабленное неправильным произношением, оно могло повредить телевизионные лучевые трубки на расстоянии тридцати футов.

Старший бард выступил вперед и произнес слово, но никаких результатов не последовало. Спящие воины даже не пошевелились.

Король Хальдемар пришел в отчаяние из-за такого поворота событий. Он потребовал свой питейный рог, собираясь с горя предаться беспробудному пьянству. Однако Вителло упрямил его подождать, подошел к спящим берсеркам и внимательно осмотрел некоторых из них.

Выпрямившись, он сказал:

— Хальдемар, еще не все потеряно.

— Как то есть не все? — промолвил Хальдемар. — Ведь именно с помощью этих солдат я намеревался дать укорот безумному Драмоклу.

— Так и будет, — сказал Вителло. — Ибо в плену у сна солдат удерживает всего лишь маленький дефект. Взгляните, о король, на их уши: от долгого лежания на земле они напрочь забиты мхом, мелкими камушками, веточками, сосновыми шишками и так далее. Поэтому спящие не в состоянии услышать команду побудки.

— И правда, — сказал Хальдемар, склонившись и поглядев. — Нужно немедленно прочистить им уши. Сейчас я велю принести сюда лопатки — хотя, возможно, сгодятся простые столовые ложки. Мы пророем подходы к их сознанию!

— Я бы не советовал, — сказал Вителло. — Столь грубые инструменты могут повредить внутреннее ухо, а то и самый мозг. Нам нужны хорошие акустические очистители.

— У нас таких нет, — сказал Хальдемар.

— Я помогу вам взять их напрокат, — сказал Вителло, — причем по цене просто пустячной, если сравнить ее со стоимостью хорошего солдата, способного по приказу становиться берсерком.

Акустические очистители и прочее оборудование было доставлено с Гувера-ХП, соседней планетки, специализировавшейся на искусстве очищения. Из ушей берсерков извлекали слои засохшей грязи, сухие веточки, богатый черный перегной и мелкие цветочки. Многократное окуривание уничтожило в зародыше все вязовые проростки, а заодно и личинки долгоносиков. На сей раз волшебное слово не пропало втуне. Ряд за рядом свирепейшие воины древних времен начинали моргать глазами, чесать в поросших колтунами затылках и, оглядываясь вокруг в изумлении, окликать своих товарищей: «Эй, чего это, а?»

Глава 25

Двор графа Джона, правителя Карминосола, был выдержан исключительно в красном цвете, во всех его оттенках. Фактически граф Джон был таким же королем, как и его брат Драмокл. Но Джон требовал, чтобы его называли графом Карминного двора, поскольку придворный специалист по связям с общественностью Ирвин Дж. Франт убедил его, что такой титул привлечет к нему всеобщий интерес. В свое время Джон счел эту идею замечательной и любил получать письма, адресованные «графу Карминного двора». Но скоро ему это наскучило, да и никакого интереса его титул ни у кого не вызывал. Франт же постоянно ошивался на разных конференциях, когда Джон пытался поймать его по телефону.

Вернувшись с Глорма, Джон узнал, что жена его Анна полетела инспектировать военные установки на Обрат, одну из лун Карминосола. Граф решил не терять времени даром. Созвав своих командиров, он вкратце обрисовал ситуацию. Драмокл должен быть разбит, а дружественный Лекк освобожден. Командиры согласились с ним целиком и полностью.

Джон тут же начал действовать. Он приказал своему лучшему полководцу Диркенфасту взять тридцать тысяч переделанных роботов и незамедлительно освободить осажденных леккиан. Диркенфаст активизировал войска, погрузил их на транспортные суда и отбыл. До того как их переделали на солдатской фабрике Антигоны, роботы были сельскохозяйственными рабочими Дельта-нуль Низкорослые и коренастые,

со встроенными боронами и веялками, способными превращаться в грозное оружие ближнего боя, роботы Дельта-нуль были хорошими вояками, несмотря на их привычку собирать все попадавшиеся под руку овощи и выжимать из них быстрозамораживающийся сок В-8.

Диркенфаст построил свое войско у южной оконечности перевала Кислая Рожа, замаскировав солдат густыми зарослями осины и лиственницы, привезенными с собой специально для этой цели. Не дожидаясь, пока будут установлены склады с горючим, Диркенфаст выслал разведчиков на север и северо-запад по Нелощеной равнине к Ривингтонскому кургану, где располагалась основная база Рукса. Дельта-нули просочились сквозь линию защиты неприятеля незамеченными и беспрепятственно добрались до холмов, возвышавшихся к юго-западу от водопада Ибберманна. Там они сняли несколько сторожевых постов, и Диркенфаст, не медля ни минуты, бросил в прорыв свои главные силы. Их появление было настолько неожиданным, что, казалось, позиция Рукса будет взята, несмотря на оборонные укрепления вокруг базы, укрытой за единственной на Лекке песчаной дюной. Марков-IV необходимо было перепрограммировать на оборону, а времени на это у Рукса не оставалось.

Исход дела решила одна из странных случайностей, порожденных сумятицей и неразберихой боя. Едва главные силы Диркенфаста приготовились к атаке, как в небе полыхнула ослепительная вспышка, а за ней прокатились глухие раскаты, исходившие, по-видимому, со стороны гранитного ложа Кронштадского глетчера в нескольких сотнях ярдов впереди. Местность там была изрезанная, очень удобная для засады, поэтому Диркенфаст послал взводного ДБХ-23 проверить, в чем дело.

Робот прошел по низкому мостику, миновал кусты можжевельника и за ними, на укромной полянке, обнаружил молодую женщину, сидевшую в кресле с книгой, — блондинку с зелеными глазами. («Можно сказать, привлекательную, — добавил позже ДБХ-23, — если вам по вкусу гуманоиды».)

— Вы слышали сейчас такой глухой и низкий гул? — спросил ДБХ-23 у женщины.

— По-моему, это гром, — сказала женщина.

— А вспышку видели?

— Нет.

— И все-таки вспышка была, — сказал ДБХ-23.

— Молния, наверное.

— Да, наверное, — сказал ДБХ-23 и вернулся во взвод.

Его доклад изучали и обсуждали более часа, пока киберпатолог не заявил, что это машинная галлюцинация. Другие разведчики не обнаружили никаких следов женщины. Диркенфаст приказал роботам идти в наступление. Но время было упущено, и Рукс успел перепрограммировать Марков-IV и развернуть их к неприятелю лицом. Таким образом, кармино-солдцы потеряли шанс на молниеносную победу, однако внезапность атаки так ошеломила Драмокловое войско, что оно еще долго не могло прийти в себя.

Джон прочел доклад с удовольствием, решив, что для начала это недурно. Как только вернулась Анна, он с гордостью поведал ей о своих успехах. К его великому удивлению, Анна рассердилась.

— Ты послал войска сражаться против Драмокла? Даже не посоветовавшись со мной? Джон, ты идиот.

— Но это был единственный выход в сложившейся ситуации.

— Какой ситуации? Разве Драмокл напал на тебя или отнял твои владения?

— Нет. Но Аардварк и Лекк...

— ...не имеют к тебе ни малейшего отношения.

— Дорогая моя, ты меня удивляешь. Они наши друзья, наши союзники. Драмокл нарушил мирный договор, его поведение невыносимо, он стал угрозой для общества. Я считаю, что поступил совершенно правильно.

— Речь не о том, кто прав, а кто виноват, — сказала Анна. — Я о деле говорю. С чего ты взял, что мы можем позволить себе войну?

Джон на мгновение смешался. Неприязнь его к жене в эту минуту обострилась сильнее обычного. Когда-то его соблазнило приданое Анны — плодородный спутник и миллион золотых шестиугольных гаек. Да и характер невесты подкупал своей прямоотой. Теперь, когда все гайки были истрачены, а спутник превратился в бесплодную пустыню из-за неумелого хозяйствования закадычных дружков графа Джона, Анна уже не казалась таким уж выгодным приобретением. Долговязая крашеная блондинка с горбатым носом, она была упрямее стада диких слонов.

— Война, — наставительно сказал Джон, — не такая штука, которую можно или нельзя себе позволить. Война — это явление природы. Она просто начинается, и все.

— В данном случае, — сказала Анна, — она началась из-за того, что ты послал войска на Лекк. По-твоему, это явление природы? Джон, война нам попросту не по карману. Или ты забыл, какой неудачный нынче выдался год? Сначала голод в Блоре, потом наводнение в низовьях Станкса...

— Это ужасно, конечно, но ведь королевская страховая компания Карминосола компенсировала ущерб.

— Да. Но поскольку компания принадлежит нам, мы потерпели убытки.

— Ну и Бог с ними, — сказал Джон. — Мы их покроем, или спишем, или что там обычно делают с убытками. Тридцать тысяч роботов на Лекке не могут стоить слишком дорого.

— Поступай как знаешь, — молвила Анна. — Только помни наш разговор, когда мы вылетим в трубу!

— Ты преувеличиваешь, — сказал Джон. — Как может вылететь в трубу целая планета?

— Планета — нет, а король может, если растратит все средства и ресурсы, что вскоре с тобой и случится.

Джон задумался.

— Может, повысим налоги?

— Народ и так на грани мятежа, — сказала Анна. — Еще одно повышение — и они начнут строить баррикады.

— Мы задавим бунт с помощью роботов.

— Конечно. Но это нам дорого обойдется.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы потеряем те деньги, которые подданные нам не заплатят, пока будут бунтовать, плюс деньги, потраченные на усмирение бунта.

— Н-да... Тогда давай их напечатаем побольше!

Анна напомнила ему, и уже не в первый раз, о том, как погибла целая цивилизация, не сумевшая сбалансировать свою валюту. Джон все равно не понял: поскольку планета принадлежала ему, графу казалось логичным иметь столько денег, сколько душе угодно, — но согласился, хоть и неохотно.

— Плевать мне на деньги! — сказал он наконец. — Я должен как-то обуздать Драмокла, даже если меня это разорит! Моя дружба со Снинтом тоже чего-то стоит.

— Со Снинтом! Этим коварным прохвостом!

Джон растерянно умолк. Со дня высадки его войск местные леккианские силы стали безудержно таять. Снинт уверял, будто добровольцы сосредотачивают силы, но похоже было, что они разбрелись по домам на уборку урожая. Снинт имел даже наглость заявить, что на самом деле его народу нужны не чужие войска, а деньги на приобретение собственных роботов. А если Джон решил прислать армию, так пусть, мол, она и воюет.

— Снинт не дурак, — заметила Анна. — Мои шпионы доносят, что он шлет Драмоклу дружеские открытки. Он своего не упустит при любом повороте событий.

— Я тебя выслушал, и хватит! — сказал Джон. — Надеюсь, ты не думаешь, что я сейчас же отзову солдат обратно!

— Такого разумного решения я от тебя и не ожидала. Но коль скоро мы ввязались в войну, надо начинать экономить.

— Что значит «экономить»?

— Никакой новой одежды в этом году. Никаких новых звездолетов, никаких земных сигар...

— Да ладно, будет тебе!

— ...никаких развлечений и обедов в дорогих ресторанах.

Круглое лицо Джона затуманилось печалью. Впервые до него дошло, что это за штука такая — война.

— Все так сложно, — сказал он. — Я должен подумать.

— Я тоже о многом хочу подумать, — заявила Анна.

Это означало, как знал по опыту Джон, что она обсудит ситуацию со своими советниками — парикмахершей Йопи, детской няней Морин, садовником Себастьяном и придворным *ficelle** Гиги.

— Увидимся за обедом, — бросила Анна, уходя.

— Да, любовь моя, — сказал Джон, высунув язык вслед ее удаляющейся спине.

— И прекрати безобразничать, — сказала она ему с полдороги.

Глава 26

Драмокл отреагировал на военное вторжение Джона на Лекк лишь через несколько дней, но месть его была жестокой. С присущим ему вероломством Драмокл нанес удар в самое сердце Джона и Анны. А в сердце у них был ежегодный межпланетный благотворительный ужин, устраиваемый глормийской телекомпанией на ресторанном планетоиде Уффици, где присуждались призы лучшему королю года, лучшей королеве и так далее. Это был самый престижный светский раут в здешней части Галактики. Пустив в ход все свое влияние и щедрые взятки, Драмокл добился, чтобы Джона и Анну вычеркнули из списков приглашенных. Причиной тому он выдвинул агрессию против дружественного государства. Джон был в ярости, но поделать ничего не мог.

На этом его неприятности не кончились. До сих пор глормийская телекомпания относилась к Карминосулу с симпатией. И вдруг, в результате должностных пертурбаций, политика компании круто переменялась. Новое руководство ГТВ решило, что вмешательство Джона во внутренние дела Лекка глу-

---

* Плут, хитрец (фр.).

боко безнравственно. Положение Джона было хуже некуда: отныне ему предстояло вести не только разорительную, но и непопулярную войну. Граф пожаловался на жизнь Ирвину Франту.

Франт согласился встретиться с ним и обсудить положение вещей в Гадальном клубе в центре Карминосола. Полутемный зал для коктейлей был обставлен в таком стиле, что Хэмфри Богарт чувствовал бы себя здесь как дома. Гай Фокс со своими «Разбойниками ритма» заливал со сцены зал крутым джазом с обилием саксофонных арпеджио. Франт сидел в обшитой кожей кабинке, помешивая льдинки в шотландском виски. Невысокий, худой, остроносый, в широких кремовых брюках, гавайской рубашке и мексиканских сандалиях, с золотой цепью на шее, Франт любил, когда его называли «Джо Голливуд», однако обращались к нему так только его подчиненные.

Джон заказал дайкири со льдом и не мешкая перешел к делу:

— Чего на меня так взъелось ГТВ? Драмокл первый заварил эту кашу, захватив Аардварк.

— Не сравнивайте себя с Драмоклом, — сказал Франт. — Он исполнял веления судьбы, а это благородно, даже когда аморально. Вы же действовали исключительно в пику Драмоклу из мелочной зависти. Так, во всяком случае, считает новый директор ГТВ.

— Но это несправедливо, — сказал Джон.

— Дальше будет хуже, — предупредил его Франт. — Не знаю, в курсе ли вы? Компания снимает с эфира вашу передачу.

Телепередача Джона под названием «Комментарии Карминного двора» пользовалась скромным, но неизменным успехом у жителей Местных планет. Она шла уже пять лет, и бывшее руководство поговаривало даже о том, чтобы пустить ее в следующем сезоне по галактическому каналу.

— Это происки врагов! — заявил Джон.

Франт покачал головой:

— Это шоу-бизнес. Им нужно ваше время для новой передачи.

— Какой еще передачи?

— Для двадцатисерийного документального фильма «Агония Лекка».

Джон чуть не подавился дайкири.

— Вот паразиты, черт их дери! Ну ничего, агония Лекка продлится недолго, потому что я немедленно отзываю оттуда войска, даже если потеряю при этом лицо!

Франт нахмурился и ущипнул себя за нос.

— Я бы на вашем месте так не торопился.

— Почему? Я думал, все будут довольны.

— Все не так просто, — сказал Франт. — Я хочу вам сообщить кое-что строго конфиденциально. Вчера я разговаривал со своим другом, Сидни Проказником. Новое руководство телекомпании взяло его на должность менеджера объединенной сети ГТВ, поэтому он знает все, что творится в верхах. У Сидни сложилось такое впечатление, что ГТВ желает, чтобы эта война продлилась еще немного. Народу нравятся военные репортажи.

Джон презрительно усмехнулся:

— Придется им вести репортажи без меня и моей армии. Ты же не думаешь, что я буду продолжать войну на Лекке, если все мои трофеи — это исковерканные роботы, отмена телепередачи, брюзжание жены и всеобщий остракизм, а также изъятие моего имени из списка гостей межпланетного благотворительного ужина. Все, Ирвин, я кончаю воевать сию же минуту. — Джон встал из-за стола.

— Сядьте, — сказал Франт. Джон сел. — Прекращение войны ничего хорошего вам не даст. Как я уже сказал, ГТВ в восторге от войны и хочет, чтобы она продолжалась. Сидни говорит, если вы согласитесь сотрудничать, компания в долгу не останется. Никаких письменных соглашений, разумеется, сами понимаете. Но я знаю Сидни Проказника всю свою жизнь, ему можно доверять.

— Каковы условия сделки? — спросил Джон.

— Это не сделка, — сказал Франт. — И не вздумайте ссылаться на меня. Просто Проказник намекнул, что, если вы повоюете еще немного, компания о вас позаботится.

— То есть?

— Они реабилитируют вас, как только общественный интерес к Лекку угаснет.

— И как же они меня реабилитируют?

— Сделают документальный фильм, представив вас как непонятого социального реформатора — неумелого и непрактичного, но обаятельного идеалиста; в общем, что-то вроде Уильяма Блейка, только бесталанного.

— Но на самом-то деле во всем виноват Драмокл! Почему на него никто не катит бочки?

— Будем говорить откровенно: Драмокл гораздо симпатичнее публике, чем вы. Но вам нечего волноваться — вы выйдете из этой передряги вполне достойно.

— Значит, мне придется продолжать войну на Лекке?

Франт допил виски и закурил тонкую сигару.

- Это, конечно, вам решать. Возможно, ГТВ даже возобновит вашу передачу.
- Я подумаю. Кстати, а кто теперь возглавляет ГТВ?
- Группа под названием «Тлалок, инкорпорейтед».
- Никогда не слыхал о такой, — сказал Джон.

Глава 27

Ультрагнолльский дворец стал главной штаб-квартирой леккианской войны, а Военная палата — ее оперативным центром. Это было большое помещение, набитое пультами, рядами циферблатов и мониторами. За пультами сидели мужчины и женщины в униформах и нажимали на кнопки. Освещенные неярким светом, машины тихонько гудели, и вы невольно проникались сознанием серьезности проводимой здесь работы. Драмокл любил эту комнату.

По коридорам дворца круглые сутки сновали деловитые толпы людей. Неподдалеку от Военной палаты открыли несколько новых ресторанов, чтобы сэкономить время специалистам, ведущим войну. Драмокл обычно обедал в Эллинском барчике, где особенно любил техасские сосиски в фут длиной с соусом чили, луком и плавленым сыром — настоящую пищу героев. Однако, отправившись туда в очередной раз, король обнаружил, что барчик закрылся на ремонт.

Зачем им понадобился ремонт? Еще вчера там все было в порядке. Драмокл задумался: может, поднять по этому поводу шум? Или просто приказать владельцам открыть заведение — и к черту ремонт? Разве они не знают, что идет война? Но он пересилил себя и сдержался, ибо гордился тем, что отказался на время чрезвычайного положения от своих королевских привилегий. «Я такой же, как вы все, — сказал он давеча своей команде. — Я просто делаю свою работу, как и любой из вас. Конечно, я руковожу этим шоу — ну так что же? Это вовсе не означает, будто я важнее других, как могло бы показаться. Главное то, что мы с вами, господа, все как один сражаемся за наше отечество, за свободу, за Глорм!»

Драмокл решил пообедать в «Мече и желудке», довольно претенциозном заведении дальше по коридору. «М и ж», как всегда, был переполнен. Длинный подковообразный зал украшали канделябры и деревянная полированная стойка. На стенах висели высокие зеркала, а розоватый свет придавал лицам посетителей более румяный, нежели на самом деле, вид. Между столиками бегали официанты с подносами. Все столы были заняты.

— Долго придется ждать? — спросил Драмокл.

— А вон там столик уже освобождается, сир, — сказал метрдотель, сделав еле заметный знак подбородком. Четверо дюжих официантов тут же принялись сгребать оттуда тарелки.

— Мне не хочется вас торопить, — обратился Драмокл к посетителям, сидевшим за столиком.

— О чем речь, сир! Мы уже доедаем десерт.

— Но это неправда, — возразил Драмокл. — Вы же едите луковый суп.

— Не хочу вам противоречить, сир, но я всегда ем луковый суп на десерт. А Джефф обычно заканчивает обед кулебякой. Такую уж привычку мы приобрели в китайских ресторанах.

Драмокл видел, что все это говорится только для того, чтобы он не чувствовал себя неловко. Глупо, конечно, но переспорить их явно не удастся. Да и зачем? Драмокл сел за столик и заказал суп с омарами и устриц.

Дела на Лекке шли не лучшим образом. Драмокл рассчитывал на быструю победу над малочисленными ополченцами Снинта. Но неожиданное нападение роботов Джона чуть было не смяло Драмокловы войска. Руксу удалось выровнять линию фронта, однако боевой дух в глормийской армии резко упал. Роботы пребывали в состоянии, аналогичном замешательству.

С другой стороны, глормийский народ реагировал на войну положительно. Об этом позаботился Макс. Его газетная рубрика «Почему мы воюем?» поведала читателям о гнусных заговорах, направленных против Глорма. Макс нанял команду писателей для художественной обработки сюжета, а ГТВ каждый вечер показывало фрагменты батальи в самое лучшее телевизионное время. Граждане Глорма узнавали все подробности разных заговоров — экономических, религиозных, расовых и просто враждебных, которые кишели вокруг их планеты.

Такой образ мыслей нашел большую и благодарную аудиторию. Немалая часть населения Глорма всю жизнь считала себя жертвой межпланетных интриг. Другая, и тоже немалая, часть глормийцев сама принимала участие в этих интригах — по крайней мере, по мнению первой части. Параноидальное мышление было присуще глормийскому характеру — открытому и добродушному снаружи и раздираемому страхами и подозрениями внутри. Глормийцы с легкостью поверили в придуманную Максом теорию межпланетного заговора. Многие говорили: «Я всегда это знал!» И все глормийцы преисполнились решимости сохранить глормийский образ жизни любой ценой, за исключением тех, кто втайне мечтал его уничтожить.

К Драмоклу за столик подсел Макс с чашечкой кофе. Ему не терпелось обсудить с королем свои новые находки. Дра-

мокла немного беспокоил Максов энтузиазм. Слишком уж тот увлекся своими выдумками — того и гляди, сам в них поверит.

— Подлые заговорщики наконец разоблачены, — сказал Макс. — Я собираю последние данные. У меня есть уже доказательства психического воздействия, духовного растления, а также прямой подрывной деятельности.

Драмокл кивнул и закурил сигарету.

— Все задокументировано, — продолжал Макс. — Имена секретных агентов. Планы провокаций, угроз и убийств. Загадочное дело доктора Винишки. Подрывное влияние Земли — карбонарии, иллюминаты, тибетские монахи и, наконец, самый опасный наш противник — Тлалок.

— Впервые слышу это имя, — заметил Драмокл.

— Еще не раз услышите. Тлалок — настоящий враг. Он и его агенты намереваются уничтожить большинство гломрийских жителей, а затем захватить на Глорме власть и насадить здесь дьяволопоклонство с разнузданными оргиями.

— Ага, — сказал Драмокл. — Понятно.

— Тлалок веками кружился вокруг нашей планеты на своем невидимом звездолете, выжидая, когда мы достигнем достаточно высокого технологического уровня, чтобы имело смысл нас захватывать. Теперь он решил, что время пришло, и нынешняя война — всего лишь начало последней и окончательной битвы.

— Хорошо, Макс, — сказал Драмокл. — Витиевато немножко, но в целом придумано неплохо.

Макс оторопел.

— Простите, сир, но каждое мое слово — чистая правда!

— Макс, мы с тобой оба знаем, как началась эта война. Я сам ее начал. Помнишь?

Макс снисходительно и устало улыбнулся:

— Все гораздо сложнее, дорогой милорд. Вам *внушили* желание начать войну — Тлалок и внушил! Могу представить доказательства.

Драмокл решил, что сейчас не время разбираться с Максом.

— О'кей, Макс, мы обсудим это позже. Ты проделал блестящую работу. Продолжай информировать наш народ и сплачивать его против общего врага.

— Да, конечно, сир. Агенты Тлалока внедряются повсюду. Но у меня есть группа верных людей. Мы победим злодея.

— Отлично, Макс. Иди и продолжай в том же духе.

Макс вытянулся по стойке «смирно», щелкнул каблуками и прижал левую руку к сердцу, схватясь правой за пояс.

— Хайль Драмокл! — крикнул он и удалился.

Глава 28

Население Глорма, возглавляемое избранной группой Макса, с большим энтузиазмом поддержало крестовый поход против Тлалока. Для колледжей напечатали стандартные учебники «Тлалоцизм: философия деградации». В школах преподавали историю Тлалока, в начальных классах — историю Тлалока для детей. Детские сады обеспечили иллюстрированным изданием «Книжка в картинках про злого Тлалока». Бестселлером года стала книга «Мои пять лет с Тлалоком», а фильм «Тлалок — мой отец, мой супруг!» побил все кассовые рекорды.

Драмокл не знал, как к этому относиться. Благодаря Максовой индустрии народ Глорма был занят и счастлив. Глормийцам нравились заговоры, и управлять ими стало совсем легко.

Король без восторга узнал о начавшихся арестах, но он понимал, что без них не обойтись. Какой же заговор без арестов? Если не пойман и не посажен за решетку ни один заговорщик, люди перестают верить в вашу серьезность. Все же Драмокл велел Максу проследить за тем, чтобы приговоры, вынесенные агентам Тлалока, считались действительными только на время войны и чтобы с арестантами обращались по-человечески. На этом король успокоился, решив выкинуть тлалоцизм из головы. И выкинул бы, если бы не инцидент в Эномском поселке.

Поселок Эном находился в отдаленной Сурнигарской провинции, на изрезанном фьордами полуострове в полярных широтах Глорма. От Ультрагнолла до него было не меньше семи тысяч ордалов, и часть этого пространства занимала гряда Фиерингер, делившая полуостров на две неравные части, перед тем как свернуть и слиться с большим Сардеккианским хребтом. Поселок с его маленькой гаванью Фасмолем был тихим и мирным местечком. Весело раскрашенные рыбацьи лодки каждое утро уходили в море, возвращаясь на закате с богатым уловом омаров, пастушьих рыбок, дерзянок, олиготе, немсеров и порою, если очень повезет, с болтуном неуловимым.

И в то же время Эном был важным стратегическим пунктом из-за расположенной неподалеку — на мысе Нефрарер — контрольной космической станции. Это был главный центр слежения за межпланетным и межзвездным транспортом. Прямые линии связи соединяли его с компьютерной станцией в Лиси Сурренгаре и с ракетной базой, размещенной в двухстах светлях от мыса на побережье Божья Голова. Контроль над станцией мыса Нефрарер был необходим для успешного ведения внепланетных войн. Поэтому Драмокл испытал настоящий шок, прочитав на первой странице «Глормийского вестника» следующую статью.

Потрясающий случай в Энномском поселке!

Преданность офицеров под вопросом

Кому подчинятся глормийские офицеры в случае кризиса — вышестоящим командирам или же таинственному Тлалоку, которому, как говорят, все больше людей присягают на верность? Последние события заставляют нас поднять этот вопрос.

Сегодня в Энме был арестован Дженнитер Дарр, вызвавший подозрения у местного населения своими литературными вечеринками сомнительного характера.

Поселковые констебли обыскали дом Дарра и нашли там кипу тлалокской литературы, спрятанную в тайнике стола. При изучении личных бумаг Дарра было обнаружено несколько договоров о сотрудничестве с Тлалок, подписанных местными жителями и некоторыми офицерами близлежащей станции слежения. У Дарра изъяли также сверхсекретный план многочисленных помещений и функций станции.

На допросе офицеры признали свою вину, однако заявили, что были «загипнотизированы чужой волей» и принуждены против собственного желания к посещениям «неописуемых оргий в некоем особом мире грез, которое нельзя назвать ни реальным, ни нереальным».

Дарр сделал несколько сенсационных заявлений констеблям, производившим арест. Он признал, что действительно был агентом Тлалока. Он утверждал, что Тлалок являлся к нему в сновидениях, обещая «безмерную награду» за сотрудничество. Дарр добавил: «Нет сомнения, что нас ожидает время тяжких испытаний. Тлалок и его последователи скоро выступят открыто. Каждому из нас тогда нужно будет сделать решающий выбор, и горе тому, кто выберет неверно, ибо он выберет смерть, в то время как Тлалок — это жизнь вечная».

Дарр задержан в целях дальнейшего расследования, и в течение месяца ему будут предъявлены обвинения для привлечения к судебной ответственности.

Прочитав статью, Драмокл почувствовал себя обескураженным и совершенно сбитым с толку. Неужели за выдумкой Макса о заговоре и впрямь что-то кроется? И Тлалок существует на самом деле? Драмоклу очень не хотелось ломать над этим голову. У него и без того забот было по горло. И король решил отложить все вопросы на потом, когда времени будет побольше.

Глава 29

Пока Вителло выполнял свою миссию на Ванире, Чач затворился в Пурпурном замке, предоставленном дядей в его распоряжение. Место это в истории Карминосола было знаменитое. Именно здесь собрал граф Кромшов рассеянные силы Эльгингнева и его свободных корчевщиков, положив тем самым начало социальному движению, известному под названием шовизма. Именно в Пурпурном замке, или, точнее, в английском саду у западного его крыла, был подписан договор Хорджинга, подтверждавший вечное лингвистическое различие между говорящими на ремитском и старотантском языках и тем самым сводивший на нет все претензии Кларенса, герцога Ротлийского. Замок, украшенный луковичками минаретов и острыми башенками, окружали массивные стены с амбразурами и бойницами. С крепостных стен открывался чарующий вид на речку Дис и подножия Кроссета.

Чач развлекался в подвальной камере пыток, когда громкоговоритель вдруг крикнул и возвестил:

— Посетитель у ворот.

Принц оторвался от пристального созерцания обнаженной юной женщины, привязанной к «прокрустову ложу».

— Кто бы это мог быть? — спросил он.

— Спорим, что это Вителло, — сказала обнаженная юная женщина.

— Это Вителло, — сказал громкоговоритель.

— Пусть войдет, — распорядился Чач. — Что же до тебя, — продолжал он, обращаясь к обнаженной юной женщине, — мне кажется, ты не понимаешь всей серьезности своего положения. Ты беспомощна и полностью в моей власти, и я собираюсь предать тебя мучительной пытке. Это так же неизбежно, как щебетание птиц в вишневом саду холодным октябрьским вечером.

— О, я знаю, ваша милость, — сказала юная женщина. — Поначалу я даже испугалась, когда граф Джон, подаривший вам меня, объяснил, что мне предстоит утолить самые зверские и садистские желания лорда Чача. Я никогда ничем подобным не занималась и не могла сообразить, как мне на это реагировать, понимаете? Но лежа здесь, на ложе, я вдруг подумала о том, что мы с вами встретились в очень романтической обстановке. И, конечно же, ваше пристальное внимание мне ужасно льстит. Кстати, меня зовут Дорис.

— Женщина! — сказал Чач. — Твои притязания беспочвенны и несостоятельны. Между нами не существует никаких отношений. Ты для меня всего лишь кусок плоти, нуль с ногами, ничтожная тварь, которую я изнасилую и выброшу вон.

— Я жутко возбуждаюсь, когда вы говорите такие вещи, — сказала Дорис.

— Я не собираюсь тебя возбуждать! — крикнул Чач. Затем, чуть успокоившись, добавил: — Я предпочел бы, чтобы ты вообще не разговаривала. Не могла бы ты просто стонать, а?

Дорис послушно застонала.

— Нет, не так, ты мычишь, а не стонешь, — сказал Чач. — Ты должна стонать как бы от боли.

— Я понимаю, сир. Но вы же до сих пор не сделали мне больно. Даже это «прокрустово ложе», где я распростерта, обнаженная, открыв все свои отверстия вашим жадным взорам...

— Ради Бога! — поморщился Чач.

— Я хочу сказать — даже это ложе, на котором я так сладострастно распростерта, недостаточно жестко, чтобы причинить мне какую-нибудь боль, хотя я изо всех сил стараюсь ее симулировать. Самое смешное, что боль...

— В боли нет ничего смешного, — прервал ее Чач. — Боль мучительна.

— Да, конечно. Но она же и возбуждает. Когда мы начнем изнания?

— Когда я начну! — взревел Чач. — Вот в чем вопрос! Сколько раз тебе повторять — это мое шоу, и только мое, а ты...

— Да, да, — согласилась Дорис, застав не то от страха, не то от страсти. — Знаете, а вы ужасно симпатичный. В вас есть что-то мальчишеское. И мне нравится, как вы шурите глаза, когда сердитесь.

Чач зашагал по камере пыток, держа сигарету в трясущихся пальцах. Противная девчонка все испортила. Какого черта она не ведет себя как положено?

Тут дверь со скрипом отворилась, и в камеру вошел Вителло. На голове у него была охотничья фетровая шляпка с когтем канюка, кокетливо засунутым за ленту. Куртка, синяя, как яйца ласточки, была опоясана широкой портупеей цвета копченой говядины. Оранжевые башмаки из кожи ганзера с загнутыми вверх носами, импортированные из совершенно другого сюжетного поворота, довершали ансамбль. Рядом с ним стояли Хельга и Фафнир.

— Эй, вы там! — сказал Вителло.

— Заколебал ты меня своими «эй», — отозвался Чач. — Какие новости привез?

— Звезды, милорд, движутся предначертанным курсом, а в мирах, заселенных людьми, времена года идут своей чередой: весна сменяется летом, лето — осенью...

— Клянусь, Вителло, ты рискуешь вызвать мое сильнейшее неудовольствие своим эпическим зачином.

Вителло усмехнулся украдкой, поскольку в данный момент он был незаменим для принца Чача, которому не с кем больше было обсудить свои дела.

— Не зарывайся, понял? — сказал Чач, прочитав его мысли. — В замке полно слуг, готовых денно и ночью выслушивать мои ламентации, буде я того пожелаю.

— Но это не принесет вам удовлетворения, сир, — возразил Вителло. — Ваши излияния не продвинут сюжет ни на шаг и как пить дать набьют вам оскомину.

— Вы можете поговорить со мной, — с надеждой предложила Дорис.

— К делу, — сказал Чач. — Вителло, ты в состоянии перестать кривляться хоть на минуту и рассказать мне по-человечески, какие новости ты привез?

— Так точно, сир! А новости хорошие. Я успешно провел переговоры с Хальдемаром. Отныне он ваш союзник, сир, и готов вместе с вами напасть на Глорм.

— Новости и впрямь замечательные! — воскликнул Чач. — Наконец-то события поворачиваются туда, куда я хочу. Выпьем! Мы все должны за это выпить!

Выпивку тут же нашли, а Дорис отвязали, чтобы она смогла принять участие в торжестве. На нее также набросили купальный халат, ибо она привлекала к себе чересчур большое внимание.

Через несколько тостов в камеру вбежал граф Джон.

— Хальдемар здесь! — крикнул он.

— Ну и отлично, — сказал Чач. — Он наш союзник, дядя.

— Но эти люди с ним...

— Свита, надо полагать.

— Да, но их тысяч пятьдесят, если не больше! — сказал Джон. — И они высадились на моей планете без разрешения!

Чач обернулся к Вителло:

— Ты позволил этому варвару посадить войска?

— Нет, конечно! Я был категорически против. Но что я мог поделать? Хальдемар уперся, что будет сопровождать меня на Карминосол со своим флотом. Поскольку они наши союзники, я не в силах был запретить им высадиться. Мне удалось лишь уговорить их приземлиться не в столице, а в Потешном парке соседнего курортного городка.

— Но я не желаю, чтобы они здесь оставались! — сказал Джон. — Может, просто поблагодарим их, угостим хорошим ужином и отправим до поры до времени домой?

Тут в камеру ворвалась Анна с мертвенно-бледным лицом.

— Они расползаются по окрестностям, напиваются и пристают к женщинам! Я отвлекла их бесплатным катанием на «русских горах», но не знаю, надолго ли.

— Дядя! — сказал Чач. — Есть только один способ убрать их с планеты. Вы должны послать свои звездолеты в атаку против Глорма. Хальдемар последует за вами.

— Нет, — заявила Анна. — Нам и с Лекком-то война не по карману, не говоря уже о Глорме.

— Захватив Глорм, вы сразу разбогатеете, — сказал Чач.

— Ничего подобного, — возразила Анна. — Большую часть добычи поглотит добавочный налог на захваченное имущество. К тому же Хальдемар может наложить свою лапу на Глорм и оставить нас с носом. Откровенно говоря, я не думаю, чтобы кто-то из вас хотел иметь своим соседом Хальдемара.

Они заспорили, а Дорис тем временем заварила чай и вышла за сигаретами и бутербродами. К вечеру Хальдемаровы воины совершенно разорили окрестности курортного городка. Растущий поток беженцев хлынул из предместий, наводя на окружающих ужас рассказами о том, как белокурые берсерки в звериных шкурах заселяют бесплатно коттеджи, выписывают счета за номера в отелях и дорогие обеды на имя несуществующих персонажей, гоняют по округе на мотоциклах (поскольку ванирцы никогда не расстаются со своими мотоциклами) — в общем, хулиганят как могут. Подталкиваемый и вынуждаемый обстоятельствами, граф Джон снял с якоря свой флот. Хальдемар с трудом уговорил своих воинов вернуться на корабли, соблазнив их будущими трофеями. Вскоре оба флота встретились в космосе и занялись последними приготовлениями к большой кампании против Глорма.

Глава 30

Принц Чач не сразу покинул планету. В этом не было нужды, ибо нападение на Глорм не могло состояться, пока корабли Карминосола и Ванира не проведут совместных маневров и не решат проблем процедуры и приоритета. Когда эти скучные материи будут наконец улажены, принц Чач присоединится к флоту со своим собственным войском — эскадрой киборгов-киллеров, приобретенных недавно на антигонской распродаже. И тогда пойдет потеха! Чач живо представил, как он сражается с окровавленной повязкой на лбу во главе эскадрона, огненным мечом и вибраторной булавой пробивая себе путь сквозь редеющие ряды защитников Глорма, и добирается в конце концов до Ультрагнолла. Там он с боем возьмет комнату за комнатой, коридор за коридором, пока не столкнется лицом к лицу с Драмоклом и не загонит старого подонка в угол. О славный миг! Все, затаив дыхание, будут смотреть, как Чач победит Драмокла в искусном поединке на саблях. После чего он убьет короля — или же просто разоружит с

презрением, даровав ему жизнь. Все будет зависеть от настроения.

Дни медленно тянулись, пока союзный флот отрабатывал правые повороты и повороты кругом. Вителло выполнил клятву, данную перед алтарем, и сводил Хельгу на рок-концерт в знаменитый Спигни-холл в столице Карминосола. Концерт давала группа с Лекка под названием «Снежок». Руководитель группы утверждал, будто он не кто иной, как Джим Моррисон, знаменитый земной рок-певец 60-х годов двадцатого столетия, однако повесть о том, как он очутился с группой на Карминосоле, вместо того чтобы лежать в Париже на кладбище Пер-Лашез, слишком длинна, чтобы в нее углубляться. Кем бы ни был «Джим Моррисон» на самом деле, песня «Хрустальный корабль», по отзыву музыкального критика «Карминосольского таймса» Гальбы Дэвиса, звучала в его исполнении «за гранью подражания». Хельга сказала, что она «в совершенном отпаде» — это был величайший комплимент, какой ей удалось придумать. Похоже, поспешный брак Вителло оказался более удачным, нежели можно было ожидать.

Фафнир наслаждался радушным приемом племени троллей, живших в глухих Фиерских холмах на севере Карминосола. Там они обменивались друг с другом заклинаниями, напивались и вспоминали о старых добрых временах, когда миром правила магия, а наука ограничивалась трехмерной геометрией и зачатками физики. Чач попытался было попытать Дорис еще разок, но вдохновение покинуло его, а помощи от этой девчонки ждать не приходилось. Когда ее отвязывали от ложа, Дорис подметала камеру пыток, делала бутерброды с огурцами, стирала пыль с угрюмых портретов бывших карминосольских монархов и непрерывно болтала. Чач всегда отвечал ей вежливо, поскольку считал, что садистские наклонности не оправдывают дурных манер. Да и был ли он садистом на самом-то деле? Мысли о боли как-то перестали его занимать. Он искренне наслаждался, наставляя Дорис в искусстве ведения домашнего хозяйства и читая ей нотации по поводу вечного отсутствия чистых рубашек и неровно подстриженных усов. И, втайне презирая себя за это, блаженствовал в дремотном покое домашнего очага.

Но неожиданно покою пришел конец. Граф Джон известил принца о том, что флот отправится к Глорму через двенадцать часов. Впереди была смерть или слава, а может, и еще какая-нибудь альтернатива. Время действий наконец пришло.

В последний вечер на Карминосоле Чач решил отметить день рождения Дорис. Пришли Вителло с Хельгой, из Фиера прилетел Фафнир. После обеда стали вручать подарки.

Вителло преподнес новорожденной миниатюрный замок из марципана с четырьмя хорошенькими жемчужинками на каждой из башен. Хельга подарила попугая, умевшего декламировать начальные строфы «Гайаваты» Лонгфелло. Фафнир вручил Дорис старинную книгу сказок, которыми тролли-мамы пугают троллей-детей. Начиналась книга такими словами: «Как-то раз детка-тролль ушел от своей мамочки на лесную поляну, где люди ели вареных деток и смеялись».

Чач приготовил для Дорис два подарка. Первым была шка-тулка с драгоценностями. Вторым — свобода, ибо Дорис по закону считалась рабыней. Мать ее была свободной граждан-кой Аардварка, но ее взяли в плен налетчики и продали графу Джону. Поскольку Анна все равно не разрешила бы графу использовать хорошенькую полонянку так, как ему хотелось, он отдал ее Чачу на поругание, рассудив, что чужое удоволь-ствие лучше никакого.

Две слезинки застыли в голубых глазах Дорис, когда она прочла пергамент о даровании гражданства. Затем, открыв шкатулку, девушка залюбовалась драгоценными камнями, восклицая при виде их великолепия. Один пленил ее особенно — бриллиант-солитер в тонкой золотой оправе.

— Милорд, — сказала Дорис, — это колечко так похоже на обручальное!

Чач нахмурился, хотя явно чувствовал себя польщенным.

— Да, похоже, — проворчал он.

— А можно я буду иногда воображать, будто оно и в самом деле обручальное?

Чач закусил кончик уса. Желтоватое лицо его залилось румянцем.

— Дорис! — сказал он. — Ты можешь воображать себе, что мы обручены, и я буду воображать то же самое.

Она задумалась на несколько мгновений.

— Но, милорд, разве в таком случае воображаемое не станет правдой?

— А может, я этого и хочу? — отозвался Чач, смущенный, но гордый собою. — Только учти: забудешь выстирать к моему возвращению рубашки — и помолвка будет расторгнута.

Вителло, Хельга и Фафнир поздравили счастливую моло-дую пару. А потом пришла пора прощаться.

Глава 31

Друзилла встретила с Руфусом в условленном месте — на планетоиде Анастрагоне, что на полпути между Глормом и Другом. Когда-то Анастрагон принадлежал безумному королю Друта Бидоку, который построил там охотничий домик, но так

и не удосужился завезти на планетоид зверей и кислород. Воздух на Анастрагоне был только в охотничьем домике. Маленький планетоид имел еще одну особенность: он был невидим. Бидок выкрасил его до последнего камушка краской «нондетекто» — продуктом древней науки Земли, отражавшим все волны видимого спектра и вдобавок водонепроницаемым. Правда, краска уже сильно пооблезла. Со стороны Анастрагон казался скопищем островков вулканической породы, непостижимым образом державшихся в космосе на одном и том же расстоянии друг от друга.

Руфус был уже в домике, когда прилетела Друзилла. Он любил Анастрагон, поскольку здесь хранилась его коллекция игрушечных солдатиков, самая большая в Галактике. Друзилла застала его на кухне, где Руфус восстанавливал на полу картину битвы при Ватерлоо.

Командующий Руфус представлял собой типичный продукт антигонского военного колледжа. Он был храбрым, преданным, бесхитростным и, пожалуй, чуточку туповатым. Внимание командующего к мелочам было хорошо известно солдатам, которые его обожали. Они любили повторять, что Руфус способен обнаружить пыль даже на кончике палимпара. А среди офицеров гуляла дежурная шутка, что Руфус даже в пылу любовного экстаза не перестает думать о триолатрии и ее взаимосвязи с полевым и тыловым обеспечением.

Руфус мастерски играл в спортивные игры и был настоящим асом кри-алака, старинной глормийской игры с тремя мячами, дубинкой и маленькой зеленой сетью. В общем, он казался человеком простым и предсказуемым.

— Привет, дорогой, — промолвила Друзилла, скинув с головы горностаевый капюшон.

— Ага, — сказал Руфус, увлеченный построением армии маршала Нея. Руфус не обращал никакого внимания на Друзиллу, когда они оставались наедине, и это ее возбуждало.

— Ты меня любишь? — спросила Друзилла.

— Ты знаешь, что да, — ответил Руфус.

— Но ты никогда мне этого не говорил.

— Ну, значит, теперь говорю.

— Что говоришь?

— Ты сама знаешь что.

— Нет, скажи мне.

— Черт побери, Друзилла, я люблю тебя. И прекрати ко мне цепляться, слышишь!

— Ладно, сегодня больше не буду, — сказала Друзилла, наливая себе в фужер зеленое с пурпурным отливом вино из Мендосино.

— Что ты хотела со мной обсудить? — спросил Руфус. — Твоя просьба о встрече смахивала по тону на приказ.

— Дело действительно срочное, — сказала Друзилла. — Буду говорить без обиняков. Как ты смотришь на то, чтобы предать Драмокла?

— Предать Драмокла? — Руфус издал неуверенный смех. — Чертовски странное предложение из уст его любимой дочери, адресованное его лучшему другу. Ты вечно твердишь мне, что я не понимаю юмора. Это шутка?

— К сожалению, нет. Я предлагаю это на полном серьезе как единственное средство спасти Драмокла, да и всех нас, от гибели в межпланетной войне. Будь он сейчас в здравом уме, Драмокл и сам бы согласился, что в подобных обстоятельствах предательство оправданно.

— Но мы же не можем спросить его об этом? — поинтересовался Руфус, наматывая ус на палец.

— Конечно, нет. Будь он в здравом рассудке, нам и спрашивать бы не пришлось.

Внутреннее смятение Руфуса выразилось в том, что он рассеянно взял за голову Веллингтона и утопил его в Ламанше. Дернув себя пребольно за ус, Руфус сказал:

— Некрасиво это будет выглядеть, дорогая моя.

— Я проконсультировалась с мистером Дойлем, твоим специалистом по связям с общественностью. Он заверил, что в случае необходимости сумеет сделать так, чтобы население Местных планет воспринимало тебя как спасителя, а не предателя.

— У Брута тоже были самые благородные побуждения, когда он присоединился к заговору против Юлия Цезаря. Однако имя Брута стало синонимом предательства.

— Это потому, любовь моя, что у него не было пресс-агента, — сказала Друзилла. — Марк Антоний настроил против него общественное мнение. Но мистер Дойль никогда не позволит, чтобы такое случилось с тобой, иначе он вылетит с работы.

Руфус мерил кухню шагами, сжав ладони за спиной.

— Нет, не могу. Если я предам своего друга Драмокла, я до конца своих дней себе этого не прощу.

— По поводу угрызений совести, — сказала Друзилла, — я взяла на себя смелость проконсультироваться с твоим психиатром, доктором Гельффутом. По его мнению, у тебя достаточно силы духа, чтобы пережить кратковременное чувство вины. В худшем случае совесть будет мучить тебя где-то около года, но этот срок можно сильно сократить с помощью наркотиков. Доктор Гельфгут просил меня подчеркнуть, что он ни в коем случае не дает тебе советов, как поступать. Он просто констатирует, что ты *можешь* предать Драмокла без особого

психологического ущерба для себя, если сочтешь, что этого требуют обстоятельства.

Руфус заметался по кухне еще быстрее. Солдафонские черты его исказились болью и нерешительностью.

— Неужели это неизбежно? — спросил он. — Чтобы Драмокл, благороднейшей и нежнейшей души человек, был предан двумя людьми, которые любят его больше всех? Почему, Дру, объясни мне, почему?

По щекам у Друзиллы катились слезы:

— Потому что только так мы можем спасти его и Местные планеты.

— И другого способа нет?

— Никакого.

— Можешь ты мне объяснить, каким образом мое предательство нас спасет?

— Дорогой мой, боюсь, это выше твоего понимания. Неужели ты не веришь мне на слово?

— Ну хоть в общих чертах объясни, я пойму!

— Ладно. Ты знаешь, Руфус, что великую нравственную ось Вселенной крайне трудно сдвинуть с точки опоры, которая находится в сердцах людей. Но если ось эта придет в движение, перемены неминуемы. Мы с тобой, Руфус, стоим сейчас в точке вращения, а все сущее замерло на краю катастрофы, не желая ее, но не в силах ее предотвратить. Два мощных флота — тупорылые истребители против кольчатых штурмовиков — застыли в ожидании приказа, и Смерть, злорадная шутница, встряхнув игральные кости войны, бросает взор насмешливый последний на суету людскую, прежде чем...

— Ты была права, — сказал Руфус. — Я не понимаю. Придется мне поверить тебе на слово. Ты говоришь, я должен предать Драмокла. Как мне сделать это?

— Военные действия неизбежны, — сказала Друзилла. — Драмокл обязательно вовлечет в них тебя. Он попросит, чтобы ты сделал что-то с флотом Друта.

— Ну да, и дальше что?

— О чем бы он ни попросил, соглашайся, а потом сделай наоборот.

Руфус нахмурился от напряжения.

— Наоборот, говоришь?

— Вот именно.

— Наоборот, — повторил Руфус. — Ладно, по-моему, я понял.

Друзилла положила ему на руку ладонь и спросила своим низким, волнующим голосом:

— Можем мы рассчитывать на тебя, Руфус?

— Мы?

— Я и цивилизованная Вселенная, дорогой.

— Верь мне, любовь моя.

Они обнялись. И вдруг Друзилла вздрогнула:

— Руфус! Там в окне — лицо!

Руфус развернулся, молниеносно выхватив иглолучевик. Но ничего не увидел в двойном застекленном окне, кроме обычных парящих кусочков анастрагонского пейзажа.

— Да нет там никого, — сказал он.

— Но я же видела! — упорствовала Друзилла.

Руфус надел скафандр, включил внешнюю систему освещения планетоида и вышел наружу. Вернувшись, он покачал головой:

— Там ни души, дорогая.

— Но я видела лицо!

— Тебе, должно быть, померещилось со страху.

— Ты все проверил? Следов от колес звездолета тоже нет?

— Следы там действительно есть.

— Ага!

— Но это следы от наших собственных катеров.

— Наверное, у меня просто нервный срыв, — сказала Друзилла с дрожющим смехом. — Скорей бы все это кончилось!

Они поцеловались, Друзилла села в свой космический катер и отправилась в Истрад.

Руфус задержался на Анастрагоне чуть дольше. Он поджарил себе на газовом рожке зефира, насадив его на кончик шпаги и раздумывая о том, что сказала Друзилла. Хорошая она девочка, Друзилла, только чересчур серьезна и склонна к истерикам. Все это ерунда на постном масле. Руфус и не думал предавать Драмокла. Если на то пошло, он лучше погибнет вместе с Драмоклом и со всей Вселенной в пламени атомного костра, но дружбы своей не предаст. Хотя до этого не дойдет. Кто-то, а Драмокл умеет таскать зефир из огня — вернее сказать, каштаны. Дру поймет, как она заблуждалась, если, конечно, они останутся в живых.

На самом деле Руфус был не прочь повоевать — так же, как и его друг Драмокл.

Глава 32

В полутемной Военной палате Ультрагноллского дворца царило напряженное ожидание. Экраны мониторов пестрели крошечными блестящими корабликами, шедшими за рядом ряд. Два космических флота сближались в бескрайнем пространстве. С одной стороны — звездолеты Руфуса, построенные стройной фалангой. Они были неподвижны и готовы к бою, застыв на линии космической границы Друта. Неприятель

надвигался на них двойным клином Супердредноуты Джона находились на правом фланге и в центре, кольчатые суда Хальдемара — слева. Драмокл видел, что вражеский флот значительно превосходит войско Руфуса. Джон пустил в ход все свои резервы. Помимо судов регулярного флота, на экране виднелись громоздкие грузовые корабли, оборудованные ракетными установками, скоростные гоночные яхты с наспех приспособленными торпедами, экспериментальное судно с выпуклыми лучевыми прожекторами. Джон собрал все, что только могло оторваться от планеты и присоединиться к флоту.

Полиэкранное оборудование, доставшееся в наследство от древних, позволяло Драмоклу не только наблюдать, но и слушать разговор между Руфусом и графом Джоном.

— Привет, Руфус, — сказал граф Джон с деланной небрежностью.

Руфус, сидевший в центре управления, нажал на кнопку точной настройки.

— Привет, Джон, привет В гости пожаловал, да?

— Точно, — сказал Джон — И друга с собой привел.

На другом экране появилась лохматая голова Хальдемара.

— Здорово, Руфус. Сколько лет, сколько зим!

— Да, давненько не видались, — строгая перочинным ножом ивовую ветку, откликнулся Руфус. — Как дела на Ванире, дружище?

— Как обычно, — сказал Хальдемар — Солнца мало, холодрыга, ни тебе промышленности, ни приличных баб.

— Да, жизнь у вас там суровая. А как с тем большим проектом, что был предусмотрен для Ванира?

— Ты имеешь в виду «Шлигте продакшнз»? Они собирались снимать у нас свой эпохальный военный боевик «Бобовые солдаты» Для моих парней там, конечно, нашлась бы работенка, да только съемки отложили на неопределенный срок.

— Да, — сказал Руфус — Таков шоу-бизнес.

Непринужденный дружеский разговор о том о сем не мог, однако, скрыть напряжения, пробивавшегося сквозь небрежно роняемые слова подобно тому, как пробивается стальная нить накаливания сквозь набитую волокнистым наполнителем прокладку. Наконец Руфус сказал:

— Что ж, приятно было поболтать с вами, друзья. Могу ли я чем-то вам помочь?

— Ну разумеется, Руфус, — ответил Джон. — Мы просто идем своей дорогой на Глорм У нас и в мыслях нету ссориться с тобой. Я и мои ребята будем очень признательны тебе, если ты попросишь своих ребят посторониться и дать нам пройти.

— Мне очень жаль, — сказал Руфус, — но, боюсь, я не смогу выполнить вашу просьбу.

— Ты прекрасно знаешь, Руфус, что мы пришли сюда разобратся с Драмоклем, — сказал Джон. — Пропусти нас. Тебя это не касается.

— Одну минутку. — Руфус повернулся к боковому дисплею, в электронную схему которого был встроен двойной шифратор, и спросил у Драмокла: — Что ты хочешь, чтобы я сделал?

Драмокл взглянул на дифференциальный акселерометр. Судя по его показаниям, звездолеты Джона и Хальдемара потихоньку ползли вперед — еле-еле, не спеша, но все-таки неумолимо приближаясь к фаланге Друта.

Драмокл уже велел своим собственным судам занять круговую оборону по периметру Глорма. С Руфусом он договорился, что тот будет удерживать позицию и ждать дальнейших приказаний. И тут за спиной короля послышался шум перебранки. Часовые спорили с человеком, пытавшимся проникнуть в Военную палату. Драмокл обернулся и увидел Макса. С ним была какая-то женщина.

— В чем дело? — спросил Драмокл.

— Вы уже отдали Руфусу приказ? — торопливо крикнул Макс. — Нет? Слава Богу! Сир, вы должны выслушать меня и эту молодую леди. Вас предали, милорд!

Неприятельский флот находился пока вне досягаемости для Руфусовых ракет. А значит, немного времени еще оставалось.

— Погоди-ка, Руфус, — сказал Драмокл. — Я свяжусь с тобой через минуту. — Король повернулся к Макс. — Входи. Надеюсь, Макс, что это не очередной плод твоей буйной фантазии. Как звать твою подружку?

— Меня зовут Сорочка, — сказала девушка.

Глава 33

Пока происходили все эти события, Друзилла сидела в своем замке в Истраде и думала. С Анастрагона она напрямик направилась домой. Настроение у нее в пути совершенно упало. Праведный гнев, вдохновлявший ее во время разговора с Руфусом, куда-то испарился. Она не могла понять, почему с такой готовностью поверила Чачу, хотя прекрасно знала о его ненависти к Драмоклу и неистребимой склонности ко лжи. Правильно ли она поступила? Убежденность покинула принцессу, и навалилась такая хандра, что терпеть ее не было мочи. К счастью, у ее психиатра, доктора Эйгенлихта, оказалось в тот день «окно».

Сеанс прошел чрезвычайно плодотворно. Друзилла поведала Эйгенлихту обо всем, что она наделала и почему, и тут же забилась в истерику.

Эйгенлихт подождал, пока она успокоится. Затем закурил коротенькую и толстую черную сигару, сплел свои коротенькие и толстые черные ножки и заявил:

— Моя дорогая, это же настоящий духовный прорыв! Оознав истинные побуждения своего брата, вы не можете не понять своих собственных подсознательных побуждений, толкнувших вас с такой готовностью принять его предательский план. Теперь вы видите, что ваша знаменитая любовь к дорогому папочке служила всего лишь ширмой для тайной злости и жажды мщения.

— Но я люблю его! — простонала Друзилла.

— Конечно, вы его любите. Но и ненавидите тоже. Амбивалентность налицо. Да и могло ли быть иначе? Вспомните свое детство, подумайте о бесчисленных Драмокловых подружках! Папочка никогда не хотел позабавиться с малышкой Дру, верно? Малышка Дру мечтала быть папочкиной подружкой, но ее коварный папочка всегда обращался с ней как с ребенком и развлекался на стороне. Тем самым он посеял в вашей душе чувство бешеной ярости, неприемлемое для вашего сознания. Пытаясь сублимировать это чувство, вы ударились в религию, сияясь направить вашу разрушительную энергию в русло высших материй. Вы и Руфуса полюбили по той же причине. Руфус — воплощенное самообладание, своего рода копия вашего отца, человек, не лишенный страстей, но не испытывающий страсти к вам. Как только у вас появился шанс отомстить Драмоклу, ваш рассудок, этот тайный прислужник вероломства, прикрыл ваши мстительные чувства вуалью благородных и возвышенных побуждений.

— Ах, доктор, — сказала Друзилла, — наверное, вы правы. Мне так стыдно!

— Ерунда. Такие чувства испытывает каждый второй. Вы совершили блестящий прорыв, моя дорогая, и должны гордиться собой. Это победа вашего «эго»! Лишив свой застарелый комплекс питаемой его ядовитой энергии, вы наконец полюбите отца по-настоящему.

— Ах, доктор Эйгенлихт, вы снова правы! — сказала Друзилла, улыбаясь сквозь слезы. — Я словно сбросила с плеч невыносимо тяжкое бремя. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Чего ж тут не понять? — откликнулся доктор Эйгенлихт. — Вы только не забывайте, что это всего лишь первая вспышка прозрения. Нам с вами предстоит еще немало потрудиться, дабы закрепить вашу победу.

— Да, конечно, — сказала Друзилла.

— Наше время почти истекло. В четверг на будущей неделе вам подходит?

— О Господи! — спохватилась Друзилла. — Я совсем забыла! Мы же на пороге войны!

— Да? И какие ассоциации у вас это вызывает?

— Нет, доктор, я говорю о реальном положении. Мне необходимо срочно увидеться с отцом и Руфусом. Надеюсь, я еще успею предотвратить гибель цивилизации!

Доктор Эйгенлихт спокойно улыбнулся ей и расплел свои коротенькие и толстые черные ножки.

— Так, значит, если цивилизация не погибнет, — сказал он невозмутимо, — жду вас через неделю в тот же час.

Глава 34

— Макс! — сказал Драмокл. — У меня нет времени на Тла-лока. Вот-вот начнется настоящее сражение.

— Знаю, сир, — сказал Макс. — Поэтому я и пришел. У меня для вас совершенно сногшибательная новость, прямую касающаяся войны. Речь идет о предательстве.

— Предательстве? Военном?

— Да, милорд!

— Кто?

— В том-то вся и печаль, — сказал Макс. — Леди Сорочка представила мне неопровержимые доказательства того, что Руфус собирается предать вас в предстоящем сражении.

— Руфус, говоришь?

— Так точно, сир.

— Идем со мной, — сказал Драмокл.

Он провел Макса с девушкой в свободный кабинет, где стояли две продавленные тахты, несколько складных деревянных стульев и стол, заваленный кучами пыльных ксерокопий. Драмокл предложил им сесть. Потом налил из крана чашку «капуччино» и повернулся к Максусу:

— Доказательства должны быть более чем убедительными, иначе я насажу твою башку на пику, как только мне принесут ее со склада.

— Давай свою кассету, девушка, — обратился Макс к Сорочке.

Сорочка открыла сумочку и протянула королю крошечный кассетник. В нем была одноразовая кассета «репроно». Запись на такую кассету (изобретение землян) можно было сделать только раз и прослушать тоже. Любая попытка скопировать запись или прокрутить ее повторно приводила к тому, что на «репроно» оставались лишь шипящие звуки помех, прерываемые старыми сводками погоды.

Драмокл прослушал пленку, запечатлевшую весь разговор между Руфусом и Друзиллой в охотничьем домике Анастрона. Лицо короля исказилось гневом и изумлением.

— Предан! — сказал он наконец. — Своей любимой дочерью и лучшим другом!

Он зашатался и, наверное, упал бы, не подхвати его Макс и не усади в брезентовое режиссерское кресло. На спинке кресла было написано: «Драмокл Rex*. Другого козла отпущения не ищите».

— О неожиданный удар беспощадных богов! Красноглазое горе настигло меня, ибо лучший мой друг — нет, не друг, а двуликий изменчивый Янус, — злу предавшись, посмел посягнуть...

— Вы, наверное, хотели сказать «Руфус», — перебил его Макс.

Глаза Драмокла полыхнули огнем. Стража, правильно истолковав его взгляд, подбежала и схватила Макса. Слишком поздно до несчастного дошло, что он преступно прервал монолог, произносимый протагонистом в момент душевного потрясения. Такое преступление каралось смертью. Макс пытался что-то сказать, но слова застревали у него в горле. Он пал на колени, сложив молитвенно ладони на груди.

— Черт с ним, отпустите его! — проворчал Драмокл, обращаясь к страже. — Я произнесу речь потом, пользуясь своим правом короля, протагониста и трагического героя. А сейчас у нас есть другие дела. Стало быть, Руфус предаст меня, выполнив мой приказ наоборот? Дайте сюда телефон!

Как только наладили связь, Драмокл закричал:

— Руфус! У тебя все в порядке?

— Все в норме, сир.

— Неприятель?

— Постепенно приближается.

— Не преграждай им дорогу, Руфус. Отведи свои корабли и пропусти их.

— Но куда, сир? До самого Глорма? У вашего флота не хватит сил, чтобы отбросить косматых ванирских берсерков с прилизанными карминосолевскими клерками в придачу.

— Это военная хитрость, не бойся.

— Значит, ты размолотишь их, старина?

— Да, и проглочу вместе с костями, — сказал Драмокл, скрипнув зубами.

— Ты можешь изложить мне свой план?

— Не по телефону. Верь мне, дружище. В нужный момент и ты сыграешь свою роль.

* Король (лат.)

— Ладно, — сказал Руфус. — Пусть будет так, как ты хочешь.

Драмокл повесил трубку.

— О'кей. Раз я велел ему пропустить врагов, значит, чтобы предать меня, он должен будет их задержать. Таким образом я выиграю время, чтобы перегруппировать суда и составить план контратаки...

— Драмокл! — сказала Сорочка.

— Что тебе, девушка?

— Вы можете сделать кое-что лучше.

— А именно?

— Заключить мир. На любых условиях, главное — мир!

— Боюсь, уже слишком поздно, — сказал Драмокл. — А кроме того, такова моя судьба.

— В том-то и дело! — выпалила Сорочка. — Это вовсе не ваша судьба! Это чья-то чужая судьба! Вами манипулируют, Драмокл, вас обманывают и морочат! Вы считаете, будто сами распоряжаетесь собой, но на самом деле вас тайно направляет кое-кто другой, принуждая действовать вопреки вашим сокровенным желаниям, чтобы достичь исполнения своих!

— И кто же этот таинственный персонаж?

— Тлалок!

Драмокл внимательно взгляделся в ее искренние голубые глаза.

— Дорогая моя, — сказал он ласково, — у меня нет времени на обсуждение заговоров. Тлалока не существует. Его придумал Макс.

Девушка энергично замотала головой:

— Макс и сам так считал поначалу, пока не прозрел. Дело в том, что имя ему подсказал сам Тлалок, передав внушение с помощью астральной телепатии с той планеты, где он живет.

— Бред какой-то! Что за планета, о чем ты говоришь?

— О Земле, милорд.

— Земля лежит в руинах.

— Я не имею в виду ту самую Землю, — сказала Сорочка. — Земля существует в бесчисленных количествах, каждая на своем уровне реальности. Как правило, пересесть границу этих уровней невозможно. Но в данном исключительном случае между Глормом и Землей образовалась связь. Их связывает червоточина в космической пене.

— Ничего не понимаю, — сказал Драмокл. — Зачем нам все эти сложности? И вообще, откуда у тебя такая информация?

— Я сама с той Земли, король. Я могу представить вам доказательства, но это займет слишком много времени. Молю вас пока поверить мне на слово. Тлалок существует, и он

обладает великой магической силой. Ему нужен Глорм, поэтому он заставляет вас плясать под свою дудку.

Драмокл посмотрел на ближайший монитор, но увидел лишь беспорядочный хаос разноцветных точек и мигающих черточек. Космические суда маневрировали, и ситуация пока оставалась неясной.

— Хорошо, — сказал Драмокл. — Кто ты такая? Что здесь происходит, черт побери?

Глава 35

Сорочка рассказала Драмоклу, что родилась на Земле, в Плейнфилде, штат Нью-Джерси, лет двадцать шесть тому назад. Тогда ее звали Мира Грицлер. Нормальная во всех прочих отношениях, Мира, к несчастью, в шестнадцать лет весила 226 фунтов. Виной было какое-то нарушение обмена веществ, с которым не могли справиться земные врачи и которое исчезло само собой через десять лет, когда Мира переправлялась по космической червоточине с Земли на Глорм. Но в ту пору она об этом, естественно, не знала. В шестнадцать лет она была одинокой толстой девочкой и первой ученицей в классе. Одноклассники смеялись над ней и никогда не приглашали на пикамные вечеринки.

Жизнь казалась беспросветной, пока не свела ее с семнадцатилетним Роном Баглитом. Высокий, костлявый и рыжий, он был обаятелен и как-то по-деревенски добродушен с виду. Он был президентом школьного компьютерного клуба. Он был почетным гостем первого съезда фанов научной фантастики Северной Кореи в Пхеньяне. Он даже издавал свой журнал под названием «Действие на расстоянии: журнал, посвященный изучению невидимых сил, которые формируют нас». Рон был поклонником теории заговоров.

Он верил, что на историю человечества оказывают влияние тайные силы и скрытые факторы, не признаваемые «официальными» историками. Многие люди в Америке верили в нечто подобное, но Рон не верил тому, чему верили они. Он глядел на большинство поклонников теории заговоров свысока, как на легковых и наивных простаков. Эти людишки верили в Атлантиду, Лемурию, в дерев, живущих в подземных пещерах, в маленьких зеленых человечков с Марса — словом, в любую мало-мальски правдоподобную чушь. Легковыми людьми манипулировал некий высший разум, и действия его были сокрыты от всех, кроме самых проницательных. Фальшивый заговор был отличным прикрытием для заговора настоящего.

Рон верил, что высший разум периодически манипулировал человечеством на протяжении всей писаной истории. По его

мнению, это продолжалось и поныне. Он даже догадывался, кто стоит во главе заговора.

Все следы, обнаруженные Роном за несколько лет, вели к одной организации — мощной корпорации под названием «Тлалок, инкорпорейтед»

Мира приняла участие в расследовании Рона. Они находили все новые и новые доказательства влияния Тлалока на самых высоких уровнях общества. Начинал вырисовываться образ огромной тайной корпорации, захватывающей власть с помощью коррупции и психического контроля. «Тлалок, инкорпорейтед» умела привлекать к себе людей и вербовать сторонников. Работавшие на компанию люди, казалось, понимали друг друга без слов. Умные и высокомерные, они презирали всех, кроме своего лидера, таинственного и скрытного Тлалока.

Продолжая расследование, Рон с Мирой нашли немало свидетельств растущего влияния оккультизма. Один из новоиспеченных чиновников Тлалока, давший им интервью, намекнул даже, что долгожданное слияние науки и магии не за горами и что Тлалок будет управлять новым миропорядком. Позже, когда его спросили об этом еще раз, чиновник заявил, что не говорил ничего подобного, и пригрозил им судебным иском за клевету.

Скоро Мира поняла, что организация наслышана о них с Роном и недовольна. Местная полиция стала преследовать их. У Рона без объяснений отобрали лицензию на уличную продажу шоколадного печенья. Мире постановлением суда было запрещено продавать макраме, пока она не докажет, что все ее веревки сделаны в США. Начались телефонные звонки с непотребной руганью, а затем и с прямыми угрозами.

Когда положение стало совсем отчаянным, их навестил вежливый человечек лет шестидесяти со слуховым аппаратом и в полосатом костюме. Он представился как Джаспар Коул из Эврики, штат Калифорния, бывший производитель протезов, ныне на отдыхе. Коула и его друзей беспокоило растущее могущество «Тлалок, инкорпорейтед», но они не знали, как с ним бороться, пока не прочли в газете статью о Роне и Мире. Джаспар Коул пришел, чтобы предложить им финансовую поддержку в дальнейших изысканиях по разоблачению личности Тлалока и подлинных целей его организации.

Угрозы и притеснения сделались совсем уже наглыми, и Рон с Мирой, опасаясь за свою жизнь, ушли в подполье. Именно тогда Мира переименовала имя и стала Сорочкой. Работая на заброшенном складе в городе Уичито, штат Канзас, они с Роном собрали все недостающие доказательства самой боль-

шой аферы Тлалока — покупки услуг мафии на десять лет вперед.

Не вняв советам Миры, Рон передал доказательства в местную штаб-квартиру ЦРУ. Его вежливо поблагодарили и обещали вскоре с ним связаться. А через два дня Рон умер. Единственным свидетельством нечистой игры были зеленые пятнышки у него на ногтях, названные в официальном отчете «идиопатической аномалией». Но Сорочка знала, что такие пятнышки появляются от новейшего яда КЛАКА-5, бывшего на вооружении у ЦРУ.

Продолжая работать без Рона, Сорочка нашла помощь и поддержку у фанатов научной фантастики всей страны. Оккультные группы, занимавшиеся белой магией, тоже помогали ей. И, словно благодаря ее долгой невидимой связи с Тлалок, у Сорочки начали проявляться новые психические способности. Их наличие подтвердилось при личном свидании с Тлалок.

В городе Уэйко, штат Техас, Сорочка расследовала слухи о шабаше тлакопоклонников. Однажды в номере мотеля, где она жила, раздался телефонный звонок. Звонивший назвался Тлалок. Поскольку она проявляет к нему такой интерес, сказал Тлалок, неплохо бы им встретиться. Он пошлет за ней машину немедленно.

Сорочка пережила минуты жуткой паники. Она не сомневалась, что говорила с самим Тлалок; злая сила, звучавшая в его голосе, убеждала лучше слов. Да, это был Тлалок. Но, чтобы убить Сорочку, ему не нужно было вызывать ее на тайное свидание. Тлалок был достаточно могуществен, чтобы убрать ее в любую минуту. Нет, он вызвал ее с какой-то другой целью, и Сорочке было ужасно любопытно — с какой.

Лимузин повез ее по автострате номер 61 мимо «Жареных цыплят Попая», «Гамбургеров Уэнди» и «Свинных шашлыков Толстяка», мимо «Рая для спортсменов» и «Оружия на продажу», мимо станции Экскон, «Магазина подержанных автомобилей Обаяшки Джонсона» и «Блинного бара Тощего Нельсона» в мотель «Аламо», расположенный в пригороде. Водитель велел ей идти в номер 231. Сорочка постучала, и ей предложили войти. В тускло освещенной комнате, поджидая ее, сидел в кресле лысый усатый человек. Он напомнил Сорочке Минга Безжалостного из древнего комикса Флэша Гордона. Она сразу поняла, кто он такой.

— Я Тлалок, — сказал он. — А ты Мира Грицлер, она же Сорочка и мой враг, поклявшийся меня уничтожить.

— Когда вы так говорите, это действительно звучит смешно.

Тлалок улыбнулся:

— Силы у нас неравны, ты права. Но у тебя есть потенциал, дорогуша. Хорошего врага негоже презирать. А рачительный маг всему находит применение.

— Значит, вы и вправду маг? — спросила Сорочка.

— Да, ты не ошиблась. Я так называемый черный маг — я служу самому себе и своим последователям, а не той иллюзорной абстракции, что люди называют Богом. И я весьма могущественный маг, прости за нескромность. Мои способности значительно выше тех, коими обладала Парацельс или Альберт Великий, Раймунд Луллий или знаменитый Калиостро и даже печально знаменитый граф Сен-Жермен.

Сорочка не усомнилась в его правдивости. Тлалок был могущественным и злобным врагом — и в то же время в его присутствии она чувствовала себя в безопасности. Она понимала, что он хочет поговорить, хочет, чтобы им восхищались, а потому сейчас ей нечего бояться за свою жизнь.

— Должен признать, — продолжал Тлалок, — что в нынешний век магом быть легко. Дележ прибыли заменил сегодня религию, а бездумное преклонение перед наукой истребило последние остатки здравого смысла. Несколько столетий назад церковь сожгла бы меня на костре. Но фамильяров инквизиции сменили агенты ФБР и ЦРУ. Многие из них продажны, как и большинство других вещей в этом восхитительно прагматическом веке. Наука двадцатого столетия дает мне такое могущество, какое моим предшественникам даже не снилось. Она не только — в отличие от алхимии — приносит практические плоды, она представляет собою великолепную знаковую систему, которая сама по себе служит источником больших энергий.

Сорочка слушала, затаив дыхание. Злая воля, излучаемая магом, была почти осязаема и вселяла дурные предчувствия. Они сидели друг против друга в одинаковых креслах; единственная лампа отбрасывала на стену длинные тени.

— Будучи моим врагом, — сказал Тлалок, — ты, наверное, хотела бы разузнать о моих планах, чтобы меня победить. Вкратце скажу: в первую очередь я намерен захватить политический контроль над Америкой, и эта задача уже почти выполнена. Мои представители в Китае и Советском Союзе готовы взять под контроль свои правительства. Никаких грубых штучек типа *путчей*, просто власть де-факто, которая позволит мне контролировать всю Землю.

— Невероятно! — сказала Сорочка.

— О, это только начало, — заверил ее Тлалок. — Скорее средство, нежели цель. Власть над Землей — всего лишь необходимое условие для достижения того, чего я хочу по-настоящему.

— Не понимаю, — сказала Сорочка. — Если вы будете править Землей, к чему еще вам стремиться?

— Ты не знаешь масштабов игры, которую я затеял. Наша Земля не имеет особого значения в космической схеме явлений, что бы там ни думали ее обитатели. Это всего-навсего одна планета в одной Вселенной на одном уровне реальности. А таких уровней много, Сорочка, равно как и вселенных, и копий Земли. В совокупности этих уровней — в Многоленной — любая случайность на любом уровне, будь то субатомном, молекулярном или психическом, рождает свои собственные вероятные миры, свою собственную вселенную, свой собственный отдельный слой реальности. Осознание постоянно расширяющейся природы реальности и есть постижение истины. Перемещение между уровнями реальности — это удивительное путешествие, дающее одновременно и силу, и награду.

— Какую награду?

Тлалок уклонился от ответа.

— Если позволишь, я изложу тебе свой проект в практическом виде. Меня интересует планета под названием Глорм, существующая на другом уровне реальности, но связанная с нашим уровнем так называемой червоточиной в космической пене, если пользоваться современной терминологией. Контролировать проход между Землей и Глормом означает управлять двумя концами сверхмощного континуума. Чтобы добиться этого, я должен захватить власть не только на Земле, но и на Глорме.

— Но зачем? — спросила Сорочка. — Что вам это даст?

— Ты смотришь прямо в корень. Ничего удивительного, ведь ты же колдунья. Ты знала об этом, детка?

— Догадывалась, — сказала Сорочка.

— Ты колдунья, и ты знаешь ответ не хуже меня. Скажи, как по-твоему, какая у магии цель?

— Власть, — сказала Сорочка после минутного размышления.

— Да. А цель власти?

Сорочка подумала немного, потом сказала:

— У меня есть несколько ответов, но ни один из них не кажется мне правильным. Я не знаю.

— И все-таки, маленькая колдунья, ты знаешь довольно много для своего нежного возраста. Ответ придет к тебе. Когда ты узнаешь, в чем цель власти, ты сразу поймешь, зачем мне нужен Глорм.

— Ладно, — сказала Сорочка. — Но почему вы рассказываете мне все это? Что вы собираетесь сделать со мной?

— Я собираюсь помочь тебе, — ответил Тлалок.

— Не вижу никакого смысла.

— Ты мой враг, ниспосланный мне Вселенной или законом драматической борьбы, характерной для всего живого, — зако-

ном, который требует, чтобы у каждого протагониста был антагонист. Мне не дозволено действовать в вакууме, Сорочка. Я обязан иметь оппонента. И я рад, что моим противником стала именно ты.

— Могу понять вашу радость, — сказала Сорочка. — Я не очень-то опасный противник, верно?

— Да уж, — улыбнулся Тлалок, — опасной я бы тебя не назвал.

— Значит, если бы вы убили меня, Вселенная могла бы послать вам более грозного врага. Правильно я понимаю?

— Совершенно правильно. Мне искренне жаль, что мои не в меру усердные сторонники убили твоего самодовольного дружка Рона. Будь вы оба против меня, моя победа была бы гарантирована. Сейчас она всего лишь вероятна.

— Вы отвратительны, — сказала Сорочка.

— Ну, ты тоже не такая уж красotka, — заявил Тлалок. — Однако путешествие между реальностями поможет тебе сбросить лишний вес. Видишь ли, тебе придется отправиться на Глорм. Это твоя единственная надежда одержать победу.

— Как я туда попаду?

— Я сам пошлю тебя туда. Всегда рад услужить врагу. Но, конечно, только если ты захочешь.

— Да, я хочу! — сказала Сорочка.

Путешествие с Земли на Глорм будет описано позже. Сейчас же удовольствуемся тем фактом, что после соответствующего инструктажа и подготовки Сорочка очутилась в замке Друзиллы в Истраде.

Попытка окрутить Вителло была ее первым шагом к обретению статуса в этом мире. Но Чач лишил ее шанса и вышиб с планеты обратно в червоточину, откуда она выбралась только с помощью Тлалока. Переход из одной реальности в другую превратил невзрачную толстушку в стройную красивую женщину. Используя свои новообетенные ясновидческие способности, Сорочка просканировала сеть человеческих взаимоотношений и почувала что-то странное в поведении Друзиллы. Сорочка последовала за принцессой на Анастрагон и записала ее разговор с Руфусом...

Глава 36

Лучшие техники Драмокла, столпившись вокруг большого трехмерного дисплея, пытались разобраться в хитросплетении разноцветных сигналов, световых полосок и кабалистических условных знаков, отображавших движение трех космических флотов — Друта, Карминосла и Ванира. Драмокл подошел к ним вместе с Максом и Сорочкой. Увиденное ни о чем не

говорило Драмоклу; он решил положиться на мнение специалистов.

Наконец главный оператор ввел что-то в свой буфер и обратился к королю:

— Предварительный доклад, сир.

— Давай послушаем.

— В секторах 3А и 6В движение происходит вдоль оси 3Й с отклонением в шестьдесят семь градусов, а также...

— Переведи на простой глормийский, будь добр.

— Ну, в общем, враг движется прямо по направлению к Глорму — медленно, но с ускорением.

— А флот Руфуса?

— Флот Друта отходит.

— Он пропускает неприятеля?

— Да, сир, в точности как вы приказали.

Драмокл покачал головой:

— Даже на лучшего друга и то положиться нельзя! Почему Руфус не предает меня, как мы ожидали? Сорочка, ты уверена, что слышала то, что слышала?

— Абсолютно уверена, милорд.

— Ничего не понимаю. Должно же этому быть хоть какое-то объяснение!

Тут Драмоклов компьютер, который сидел в углу и, посмеиваясь, слушал их разговор, вышел вперед с огромным металлическим ящиком под мышкой и осторожно опустил его на пол.

— Возможно, вы найдете объяснение здесь, — сказал он, вытаскивая из-под шляпы телеграмму.

— Опять ты со своими проклятыми записками! — проворчал Драмокл.

Он вскрыл телеграмму и быстро ее прочитал. Телеграмма была от Друзиллы. Вот что в ней говорилось:

ОТЕЦ ЗПТ МНЕ НЕ УДАЛОСЬ ДО ТЕБЯ ДОБРАТЬСЯ
ЗПТ ПОЭТОМУ ПОСЫЛАЮ ЭТО СООБЩЕНИЕ ТВОЕМУ
КОМПЬЮТЕРУ ТЧК О ЗПТ ОТЕЦ ЗПТ С ВЕЛИКИМ СТЫ-
ДОМ СОЗНАЮСЬ ЗПТ ЧТО Я ПОДБИЛА РУФУСА ПРЕ-
ДАТЬ ТЕБЯ РАДИ ВСЕОБЩЕГО ЗПТ КАК МНЕ КАЗАЛОСЬ
ЗПТ БЛАГА ТЧК МОЙ ПСИХОАНАЛИТИК ПОМОГ МНЕ
ПОНЯТЬ ЗПТ ЧТО ЭТО БЫЛ ВОЗРАСТНОЙ КРИЗИС ТЧК
УЖАСНО СОЖАЛЕЮ ТЧК Я СДЕЛАЮ ВСЕ ВОЗМОЖНОЕ
ЗПТ ЧТОБЫ ИСПРАВИТЬ ТО ЗПТ ЧТО НАТВОРИЛА ТЧК
УСПЕХА ТЕБЕ В ВОЙНЕ И ПОСТАРАЮСЯ ПРОСТИТЬ СВОЮ
ЛЮБЯЩУЮ И ИСПОЛНЕННУЮ РАСКАЯНИЯ ДОЧЬ ДРУ-
ЗИЛЛУ ТЧК КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ.

— Ну что ж, — сказал Драмокл, — ее история не противоречит твоей, Сорочка. Однако несмотря ни на что Руфус исполнил мой приказ буквально, а не наоборот, как обещал Друзилле. Теперь мне ясно, что случилось. Когда дошло до дела, мой верный друг не смог заставить себя пойти на предательство. Только своей собственной подозрительности я обязан тем, что попал в ловушку. Слава Богу, есть еще время, чтобы отменить приказ. Руфус должен остановить их.

И с неожиданным для такого крупного мужчины проворством Драмокл подбежал к телефону экстренной связи.

Глава 37

Маленький космический катер подлетел к переднему краю оборонительной линии Друта, сбросив скорость лишь тогда, когда орбитальные установки уже приготовились открыть огонь. Друзилла назвала себя, и катеру позволили сесть. Ссылаясь на крайнюю важность своего визита, принцесса поспешила по коридорам Друтской крепости в центр управления, где сидел Руфус.

— Моя дорогая, — сказал он, — сейчас не время для...

— Выслушай меня, Руфус! Все, что я говорила о необходимости предать Драмокла, — это ошибка, ошибка! Я, должно быть, совсем выжила из ума! О, Руфус, я все испортила!

— Ничего подобного, любовь моя, — сказал Руфус. — Я знал, что ты была не в себе, когда убеждала меня предать твоего отца. Поэтому, несмотря на данное тебе обещание, я в точности выполнил приказ Драмокла. Я знал, что ты передумаешь, старушка!

— Что он велел тебе сделать?

— Он приказал пропустить врага, не оказывая сопротивления. Поразительно оригинально! Только военный гений мог решиться на столь удивительный шаг.

— Но, дорогой мой, это очень странно.

— И потому похоже на Драмокла! У него наверняка заготовлен какой-то сюрприз.

— Может быть... Но возможно и другое объяснение.

Как раз в этот момент зазвонил телефон. Связист снял трубку.

— Это вас. Драмокл.

Руфус взял трубку, внимательно выслушал и сказал:

— Будет исполнено, сир. Да... Что? Что вы говорите? — Он похлопал по рычажку, потом положил трубку. — Солнечные помехи. Конец я не расслышал. Но главное понял отлично. — Повернувшись к старшему оператору, Руфус распорядился: — Ждите дальнейших указаний.

— Минуточку, — сказала Друзилла.

— Да?

— Я должна тебе кое-что сообщить. Перед тем как отправиться сюда, я послала отцу телеграмму и призналась во всех своих грехах.

— Понимаю, — сказал Руфус. — И что ты написала обо мне?

— Я написала, что ты, поддавшись моим уговорам, предашь его.

— Проклятье! — сказал Руфус. — Что ж, я сам виноват. Не надо было морочить тебе голову. Обман, даже из лучших побуждений, всегда плохо кончается. Ладно, позже разберемся. А сейчас мне нужно выполнить приказ.

— Каким бы он ни был, — сказала Друзилла, — ты не должен его выполнять.

— Дру, у меня нет времени на все эти...

— Ты не понимаешь! Получив мою телеграмму, Драмокл поверил, что ты предашь его. А если так, то его последние приказы должны быть прямо противоположны тому, чего он в действительности хочет от тебя.

— Противоположны? Ты уверена?

— Более чем уверена, любовь моя.

Руфус попытался связаться с Драмоклом, но солнечная активность вкупе с глушителями, установленными на судах графа Джона, сводили на нет все попытки. Руфус велел связисту продолжать звонить и повернулся к Друзилле:

— Ты можешь поклясться, что он поверил в мое предательство? В предательство лучшего друга? Или это еще один план, направленный против Драмокла?

— О нет, я клянусь! — простонала Друзилла.

Руфус задумался. Драмокл выразился кратко и недвусмысленно. «Задержи их!» — он сказал. Но чего он хотел на самом деле? Руфус шагал взад-вперед, а драгоценные секунды истекали. В конце концов он принял решение.

— Пусть меня и ославили предателем, — сказал он, — я докажу свою преданность в глазах небес, исполнив желание моего повелителя, ошибочно полагающего, будто я его предаю.

Руфус повернулся к главному оператору:

— Продолжай отводить корабли назад. Мы пропускаем противника. Так желает Драмокл!

Глава 38

Скоро Драмоклу стало ясно, что флот Руфуса даже не пытается остановить противника. Фаланга по-прежнему отступала, в то время как объединенный флот Джона и Хальдемара неумолимо приближался к Глорму.

Драмокл протянул телеграмму Друзиллы Сорочке. Та прочла ее, подумала и спросила:

— Где сейчас леди Друзилла?

— Дома, надо полагать, — сказал Драмокл.

Короля соединили с Истрадом. Дворецкий ответил ему, что пару часов назад жрица улетела по срочному делу на Друт.

— Зачем ей понадобилось лететь сейчас на Друт? — задумчиво протянул Драмокл.

— Есть только одно объяснение, — сказала Сорочка. — Принцесса отправилась к Руфусу и созналась в том, что послала вам телеграмму. Руфус, полагая, что вы считаете его предателем, пытается выполнить ваше истинное желание, а следовательно, делает обратное тому, что вы приказали.

— Это слишком сложно для Руфуса, — сказал Драмокл. — Хотя все может быть. Ну и неразбериха! Ладно, сейчас мы все поправим. Еще один приказ — и флот Друта все-таки вступит в бой.

Драмокл протянул руку к телефону. Но не успел он набрать номер, как посреди Военной палаты вспыхнул яркий пурпурный свет. Он сильно пульсировал, и где-то внутри в такт звенели колокольчики. Засверкали красные и желтые лучи, блестящие, как средневековое красноречие, загромили трубы и литавры, не обошлось и без глухой барабанной дробы, раздавшейся под конец.

Когда пурпурный свет погас, на его месте возник человек — рослый, крепкого сложения, в длинном переливающимся плаще с высоким воротником. Под плащом виднелся простой комбинезон из красного нейлона. Мужчина был в годах, совсем лысый, с тонкими висячими усами, придававшими ему сходство с Мингом Безжалостным.

Все остолбенели, кроме компьютера, который сделал вид, будто занят своими делами. В конце концов Драмокл отыскал свой язык — как выяснилось, прилипший к небу — и спросил:

— Отец! Это действительно ты?

— Ну конечно, — ответил Отто. — Неплохой сюрприз, да, сынок?

Сорочка нервно дергала Драмокла за рукав:

— Вы говорите, он ваш отец? Не может быть! Я встречалась с ним на Земле. Это Тлалок!

— Мне все это совершенно непонятно, — сказал Драмокл, — и еще менее приятно. Я полагал, что ты умер, отец. Похоже, нам о многом надо поговорить. Но сначала я должен сделать один очень важный звонок.

— Руфусу, очевидно, — сказал Отто. — Прошу тебя, по времени. Я хочу сообщить тебе нечто важное. И тогда ты примешь решение.

Драмокл скептически усмехнулся:

— Постарайся побыстрее. У меня тут с минуты на минуту начнется межпланетная война.

Отто уселся в кресло, скрестил ноги, дернул молнию на кармане комбинезона и вынул сигару. Закурив, он сказал:

— Всех вас, наверное, удивляет мое появление — ведь считается, что я погиб при взрыве лаборатории на Глизе тридцать лет тому назад. На самом же деле...

Почуяв, чем дело пахнет, все присутствующие в Военной палате приготовились к длинной и неизбежной вставке в повествование.

Глава 39

Отто взошел на глормийский престол сразу после подавления суесейского движения — ереси, которая, как бы абсурдно это ни казалось сегодня, угрожала в то время повлечь весь Глорм в гражданские и религиозные распри. Хотя наша история вовсе не является историей политики или религии, равно как и летописью жизни на Глорме с древнейших времен, нам не обойтись без небольшого отступления, если мы хотим, чтобы неглормийскому читателю стали понятнее времена правления Отто.

До поры до времени Глорм развивался так же, как и множество других планет. Рожденная огненным солнцем планета постепенно охладилась и сформировалась. Атмосфера на ней была богата кислородом. Океанов и озер, необходимых для жизни протоплазмы, было в изобилии. Зажглась ли первая искра жизни на Глорме сама собой или же ее заронили извне — этого никто не знает. Но природа внезапно засучила рукава и занялась делом. Пошел обычный процесс изменения простейших форм в более сложные: лишайник сменил сосновые леса и цветущие растения, настала и прошла эра рептилий, рыбы вылезли на берег и превратились в млекопитающих, появились человек, примитивная техника, зачатки философии и науки и так далее. До сих пор развитие Глорма, повторяем, шло обычным путем.

Только одно отличало Глорм, а также Карминосол и Друт от прочих миров. А именно: огромные рукотворные курганы, длиною порой до нескольких миль, разбросанные там и сям по равнинам планет. «Навозные кучи», как их окрестили, существовали с доисторических времен. Объяснить их происхождение никто и не пытался. Первобытные люди поклонялись им как реликвиям, оставленным ушедшими богами. Но время шло, и людей стало разбирать любопытство — им хотелось узнать, что же скрывается под курганами. Однако попытки выяснить это разбились о бетонное покрытие, обнаруженное

под футами грязи и скрывавшее внутренности навозной кучи подобно раковине.

Раскрыть первую раковину удалось только во времена Гора Плавителя. Гор был инженером бронзового века, открывшим тайну выплавки металла во сне, когда дух по имени Бессемер объяснил ему технологию процесса. Процесс Гора, как его стали называть, позволил глормийцам обзавестись металлическими орудиями и пробить бетонную оболочку.

Внутри навозных куч оказалась уйма техники, действующей до сих пор, по прошествии бесчисленных столетий. Несколько громадных куч содержали в себе звездолеты, и это открытие вытолкнуло Глорм в эру космических полетов, несмотря на отсутствие квантовой механики.

Главная находка была обнаружена в длинной навозной куче на Глорме у подножия Сардапианских Альп. Этот курган, сорока миль в длину и пяти в ширину, был битком набит звездолетами, упакованными почти впритык и разделенными только странной белой субстанцией, опознанной позже как пенополистирол. Из кучи извлекли как минимум пятнадцать тысяч кораблей, годных к употреблению, и еще несколько тысяч растащили на сувениры. Звездолеты были компактные, простые в управлении, оснащенные лазерным оружием и приводимые в движение запаянными энергоблоками. Глормийские ученые пришли к выводу, что звездолеты изготовлены на древней Земле. Причина их скопления на Глорме, Кармино-соле и Дроте осталась невыясненной. Предполагалось, что корабли как-то связаны с попыткой землян покинуть обреченную планету — попыткой, не удавшейся в полной мере из-за внезапности до сих пор не объясненной аэрозольной катастрофы. Так Глорм и другие планеты вступили в эру освоения космоса, вскоре обернувшуюся эрой космических войн.

Как раз в это время ванирцы мигрировали из центра Галактики на своих кольчатых внахлестку судах и вторглись в историю, значительно ее усложнив. Но многочисленные войны, союзы, договоры и битвы с участием ванирцев не являются предметом нашей истории.

Уже в тот период предпринимались попытки сформировать планетарное правительство, однако Глорм объединился политически лишь во времена правления Илка Лжесвидетеля, прозванного так за то, что он не гнушался никаким враньем для достижения своих целей. Планетарное объединение породило, в свою очередь, мечту о централизации власти над Местными планетами, или о «Вселенском правлении», как его претенциозно называли. Глормийская империя пришла и ушла, и дед Драмукла Дил Непостижимый впервые во всеуслышание объявил идею централизации власти вздорной, предложив взамен

республиканский принцип взаимоотношений между королями. Отто продолжил дело своего отца, и к концу его правления в Местной системе воцарился мир.

Отто был человеком большого ума, железной воли и ненавистного честолюбия. Когда военные баталии — спорт королей — благодаря его собственным усилиям стали ему недоступны, король пустился на поиски занятия, достаточно опасного и захватывающего, чтобы увлечь его непостоянную натуру. Испробовав шахматы, ловлю форели, пейзажную живопись и велосипедный марафон и преуспев в них во всех, Отто увлекся оккультизмом.

Во времена Отто оккультизм включал в себя также и науку, непостижимо загадочную для глорийцев, унаследовавших готовую технику, которой они пользовались вслепую, не понимая, как она действует, и не умея починить ее, когда она ломалась. Отто подошел к изучению проблемы сразу с нескольких сторон. Король подозревал, что наука и магия — реалии сосуществующие и во многом взаимозаменяемые. Но несмотря на глубокую интуицию, Отто так и остался бы жалким дилетантом, не купи он как-то в счастливую минуту высокоразвитый земной компьютер вместе с искусным роботом-техником по имени доктор Фиш. За две эти почти одушевленные машины он заплатил королю Свену, отцу Хальдемара, стадом свиней размером с грузоподъемность тысячи судов. Шашлычное изобилие, долго царившее после этого на Ванире, стало одной из ярчайших страниц в истории планеты.

Компьютер смело можно было назвать живым существом, хотя у него и не было никаких телесных отправлений, если не считать случайных и необъяснимых электрических выбросов. В своей земной жизни он встречался с сэром Исааком Ньютоном. В 1718 году, когда они увиделись впервые, Ньютон был уже признан самым выдающимся ученым Англии. Тихий, скромный человек, вполне удовлетворенный почестями, возданными его достижениям, Ньютон решил утаить свои открытия в области магии от суеверной знати, среди которой он жил. Мир, по его мнению, не сможет правильно воспринять такое знание, пока человечество не достигнет гораздо более высокого уровня научного и нравственного развития. Ньютон хранил свои оккультные познания в тайне, лишь намеком коснувшись их в своем многотомном труде о магии, который писал в последние годы жизни. Но он не видел вреда в откровенных беседах со странным, блестящего ума латышским беженцем, зарабатывавшим себе на жизнь шлифовкой линз для Левенгука.

В свою очередь компьютер посвятил в тайны Ньютона Отто, хотя и не считал их заслуживающими интереса. Компьютер интересовали люди — он находил их более занятыми и менее

предсказуемыми, нежели субатомные частицы, чьи свойства и конфигурации он изучал раньше. Когда его просили объяснить непоследовательность, алогизм и даже прямые противоречия в его поведении, компьютер отвечал, что он учится быть человеком. Собственная история компьютера — кем он был изготовлен, как попал в Лондон восемнадцатого века, каким ветром его занесло в числе других военных трофеев на Ванир, — хоть и по-своему интересная, к нашему повествованию отношения не имеет.

Взяв компьютер в наставники и почти не показываясь на люди, Отто углубился в постижение вещей необычайных и заумных. У него оказался выдающийся талант к магическому искусству. Компьютер частенько повторял, что Отто превосходит всех известных ему магов, в том числе Альберта Великого, Парацельса и даже Раймунда Луллия, энциклопедически образованного эрудита с Майорки. Больше всего Отто напоминает ему, говорил компьютер, одного землянина по имени доктор Фаустус, великого мага, плохо, впрочем, кончившего, чья история изложена во множестве искаженных версий.

Настоящие маги, как правило, люди в высшей степени практические. По сути дела они не что иное, как биржевые маклеры духа, старающиеся заполучить монополию на самый драгоценный из товаров — на долгожительство. Жизнь лежит в основании любого предприятия, а, стало быть, приобретение ее — самое основательное из занятий. Маг, провидец, шаман или мистик стремится обрести вечную молодость в астральных путешествиях. Длительные упражнения в трансе наделяют его способностью отделять сознание от тела и проецировать свою сущность в другие места и времена. Личность мага способна пережить его телесную оболочку, по крайней мере на время. Сколь долгое — зависит от его власти над теми силами, что он сможет привлечь, взнуздать и направлять. Жизнь — это во-прос энергии и власти.

Современные маги могут обойтись без утомительных ритуалов прошлого, черпая энергию из непосредственных источников, таких, как взрывы атомов или разрывание молекулярных связей. Контролируя эти силы с помощью линий мандалы, маги способны проецировать себя в другой мир и другую реальность.

Путешествие между реальностями есть путь к жизни вечной.

Обо всем об этом говорил Отто своему двадцатилетнему сыну Драмоклу перед полетом в лабораторию на Глиз — самый мелкий из трех спутников Глорма, — взрыв которого, как считалось, разнес в клочья и самого короля.

На самом деле Отто не погиб. Взрыв был им запланирован. Направляя его, оседлав его, слившись с ним, Отто унесся в

другое измерение по червоточине в космической пене. Там, куда он прибыл, существовала планета под названием Земля с историей, отличной от истории Земли в реальности Отто. Но в этой реальности не существовало Глорма.

В своей последней беседе Отто поведал Драмоклу и о его судьбе. Юный Драмокл был ошеломлен своим грядущим величием, ибо Отто намеревался сделать бессмертным не только себя, но и сына, чтобы оба они жили в космосе как боги, независимые и не связанные абсолютно ничем. Драмокл согласился с утверждением отца, что знание о судьбе необходимо на время стереть из его памяти. Отто положил себе тридцать лет на завоевание Земли. Драмокл в этот период должен был править Глормом тихо, пассивно и бессознательно. Ему оставалось только ждать, и для его же блага лучше было не знать, чего он ждет.

— Но теперь, — сказал Отто, — сдернут последний покров. Мы снова вместе, дорогой мой сын, и судьба твоя вот-вот сбудется. Приближается последний акт.

— Какой последний акт? — спросил Драмокл.

— Я говорю о тотальной войне, которая начнется вскоре: ты вместе с Руфусом против Джона с Хальдемаром. Так я запланировал, а значит, так тому и быть. Нам нужно грандиозное атомное всесожжение, способное снабдить нас энергией, которая открыла бы червоточину между Землей и Глормом и держала бы ее открытой. Тогда мы сможем путешествовать между реальностями сколько душе угодно, пользуясь своей властью для обретения власти еще большей. Я и ты, Драмокл, и наши друзья — мы будем контролировать доступ к другим измерениям. Мы станем бессмертными и заживем как боги.

— А цена вас не смущает? — спросил Драмокл. — Разрушения будут невообразимыми, особенно на Глорме.

— Да, конечно, — сказал Отто. — И никто не сожалеет об этом больше, чем я. Если бы существовал какой-нибудь другой способ, я непременно прибегнул бы к нему.

— Войну еще можно остановить.

— И тем самым положить конец нашим мечтам, нашему бессмертию, нашей богоравности! Все эти люди так и так умрут через несколько десятилетий. Мы же с тобой можем жить вечно! Твоя судьба, Драмокл, в твоих руках. Решайся. Что ты выбираешь?

Глава 40

Мгновение выбора! Долгие годы ожидания наконец позади. Теперь Драмокл узнал, какова его судьба и какой чудовищный выбор предстоит ему сделать, чтобы она сбылась. Знание

подавило его своей тяжестью, требуя принять мучительное решение. Все, бывшие в Военной палате, смотрели на Драмокла, кто затаив дыхание, а кто и не затаив. И каждое мгновение, казалось, тянулось все дольше и дольше, словно время само, замедляя свой ход, ожидало завершения Драмоковых раздумий.

Сорочка пыталась прочесть выражение желтых глаз Драмокла. К чему он склоняется? Испытывает ли он сочувствие к миру смертных, к которому, пусть временно, но все-таки принадлежал? Или же колдовскому красноречию Отто удалось заморозить вообще-то добрую, однако такую переменчивую душу короля?

Губы Драмокла дрогнули, но, хотя окружающие прислушивались очень напряженно, никто не услышал ни слова — ничего, кроме слабого выдоха, который, несмотря на очевидное отсутствие в нем смысла, каждый принялся толковать по своему.

В конце концов Драмокл глубоко вздохнул и сказал:

— Ты знаешь, пап, бессмертие — штука чертовски заманчивая. Но убивать ради него всех, кроме своих друзей, нехорошо. Это не просто *подлость* — с чем я мог бы еще примириться, — это абсолютное зло.

— Да, конечно, — согласился Отто. — Тот, кто обрекает на смерть, дабы продлить свое собственное существование, с полным основанием может быть назван злым теми, кого он обрекает. Но не будем излишне сентиментальны. Убийство ради жизни — всеобщее правило, не знающее исключений. Кролик для морковки — само воплощение зла. Так устроена жизнь, вся ее цепочка, сверху донизу.

Над считывающим устройством загудел сигнал тревоги. Главный оператор привлек внимание Драмокла к экрану: корабли Руфуса по-прежнему отходили, не вступая в контакт с противником. Если Драмокл желает какой-либо помощи от флота Друта, сказал оператор, решение нужно принимать немедленно.

— Я могу дать тебе небольшую отсрочку, — сказал Отто. — Я сотворю малюсенький нексус, и мы закончим разговор, временно пребывая вне времени.

Отто соорудил маленький нексус. Выглядел он как шарик из прозрачной блестящей материи, которое обволокло всю Военную палату.

— Я знал тебя как доброго отца и отзывчивого человека, — сказал Драмокл. — Неужели ты способен убить миллионы человек, даже если получишь в награду бессмертие?

— Ты никак не хочешь понять, — сказал Отто, — что с точки зрения бессмертного люди так же эфемерны, как комнатные мухи. И все же я сохранил бы им жизнь, если б мог. Но когда тебе надо только руку протянуть, чтобы стать богом, обычная человеческая мораль становится неуместной.

— Нет, это не для меня, — сказал Драмокл.

— Тогда забудь о бессмертии. В любом случае бессмертие — концепция идеальная. В действительности речь идет о неограниченном долголетии. Мы просто пытаемся перейти из одного мгновения жизни в другое, точь-в-точь как и прочие живые существа. Настоящее мгновение и надежда на мгновение будущее — вот все, что нам дано.

— То есть мы живем сейчас, — сказал Драмокл, — и убиваем для того, чтобы жить потом. И так будет продолжаться вечно. Я правильно понял?

— Не вечно, — сказал Отто. — Так долго, как ты пожелаешь. День ли ты хочешь прожить или вечность — в любом случае тебе приходится принимать одни и те же решения, делать один и тот же мучительный выбор. Чтобы жить, нужна энергия. Она одинаково необходима и розе, и розенкрейцеру. Смерть — всегда результат нехватки сил.

Отто сделал паузу, чтобы посмотреть, как держится нексус. Тот растворялся со своей обычной скоростью. Оставалось еще несколько мгновений безвременья.

— Поскольку сила, она же власть, — непереносимое условие существования, вполне естественно добиваться ее, чтобы продлить свою жизнь. Но при этом нужно учитывать последствия. В природе не существует устойчивого равновесия — нет такой точки, дойдя до которой ты можешь остановиться и сказать: «Все, достаточно. Теперь я немного передохну». Достаточно не бывает никогда; власть должна прибавляться постоянно, как энергия, иначе — смерть. Борьба за выживание — закон всеобщий. Власть, которой обладает один, становится злом для других, и это непреложно на всех уровнях жизни. Когда же на сцене появляется разум, жажда власти обостряется, хотя ее начинает сдерживать мораль. Ты стоишь сейчас на том рубеже, где разум должен либо распрощаться с инстинктами, либо погибнуть. Выбирай, Драмокл: ты можешь жить как бог или умереть как человек. Все свидетельства и доводы исчерпаны. Пора принять решение.

Не успел Драмокл ответить, как вперед выступил компьютер, поставив одну из ног на до сих пор не объясненный металлический ящик.

— Считаю своим долгом заметить, — сказал компьютер, — что исчерпаны еще не все свидетельства.

— Верно, — подхватил Драмокл. — Что, например, находится в этом до сих пор не объясненном металлическом ящике?

— К нему мы вернемся позже, — сказал компьютер. — А сейчас я отдам вам то, чего вы так долго ждали. Это ключ. *Ключевой* ключ. И он откроет ключевой отрезок памяти.

— Назови мне его, — велел Драмокл.

— *La plume de ma tante**, — сказал компьютер.

Глава 41

Ключевой ключ открыл воспоминание о дне тридцатилетней давности. Отто только что улетел на своей космической яхте в лабораторию на спутник Глиз, который вскоре должен был взорваться, как считалось, вместе с королем. Правду знали только Драмокл, компьютер и доктор Фиш.

Драмокл всегда вспоминал отца с любовью и благодарностью. По крайней мере, так он думал. Но в *этом* воспоминании все было иначе. Тут он не любил отца, не любил с самого детства, считая его человеком деспотичным, подлым, черствым и помешанным на оккультизме.

Отто побеседовал с сыном перед отъездом, но разговор не получился. Молодой Драмокл был категорически против намерения Отто обеспечить себе бессмертие ценой многих миллионов жизней. Отцовские планы относительно самого Драмокла и его правления тоже казались ему совершенно неприемлемыми. Драмокл пришел в бешенство, узнав, что отец не только не намерен умирать, но собирается также управлять сыном из могилы или откуда-то еще, превратив таким образом его жизнь всего лишь в сноску к своему чудовищно затянувшемуся существованию.

— Плевать я хотел на твои планы, — сказал Драмокл. — Когда я стану королем, то буду делать, что захочу.

— Ты будешь делать то, чего хочу я, — ответил Отто, — и притом добровольно.

Драмокл не понял. Он стоял вместе с доктором Фишем на самой высокой наблюдательной башне Ультрагнолла, провожая взглядом отцовскую яхту — желтую точку света, быстро растворившуюся в бездонной синеве небес.

— Слава Богу, улетел, — сказал Драмокл. — Скатертью ему дорожка. Теперь наконец я смогу...

Он почувствовал, как что-то кольнуло его в руку, и удивленно обернулся к Фишу, державшему маленький шприц.

---

* Перо моей тетушки (*фр.*)

— Фиш! Что это значит? Зачем...

— Извините, — перебил его Фиш. — Но у меня не было выбора.

Драмокл сумел еще сделать два неверных шага по направлению к двери. И провалился в непроглядный мрак забытия, наполненный дикими криками птиц и жутким хохотом. Больше он ничего не чувствовал, пока не пришел в сознание.

Очнулся Драмокл в лаборатории доктора Фиша, привязанный ремнями к операционному столу. Фиш стоял над ним, разглядывая лезвие психомикротома.

— Фиш! — крикнул Драмокл. — Что ты делаешь?

— Я собираюсь произвести вам резекцию и реплантацию памяти, — сказал Фиш. — Я понимаю, что это непорядочно, но у меня нет выбора: я обязан подчиняться приказам своего владельца. Король Отто повелел мне изменить и перестроить все воспоминания, связанные с вашей и его судьбой, а главное — с вашей последней беседой. Вы будете думать, что он погиб во время атомного взрыва на Глизе.

— Фиш, ты сам знаешь, что так нельзя. Отпусти меня сейчас же.

— После чего мне велено вырезать, изменить, а также подменить многие другие воспоминания, вплоть до самых ранних. Вы будете помнить Отто как любящего отца.

— Эту бессердечную скотину!

— Он хочет остаться в вашей памяти щедрым и великодушным.

— Да у него прошлогоднего снега на день рождения не выпросишь! — воскликнул Драмокл.

— Вы будете считать его высоконравственным человеком — эксцентричным, но добрым.

— После всего, что он мне наговорил? О том, как он достигнет бессмертия ценой всеобщей гибели?

— Вы забудете об этом. Подсунув вам поддельные ключи от памяти, Отто собирается завоевать вашу любовь, а следовательно, и послушание. Вы забудете даже наш теперешний разговор, Драмокл. Вы встанете со стола в полной уверенности, что сами узнали о своей судьбе, и подчинитесь необходимости ждать тридцать лет. Поразмыслив, вы попросите меня закрыть вашу память ключевым словом, которое отдадите на сохранение воспоминателю. После чего вы взорвете меня — не взаправду, конечно, но вам это будет невдомек. Я уйду в отпуск на тридцать лет, а вы станете тихо-мирно править планетой, постоянно гадая о том, в чем же ваше истинное предназначение, — пока не узнаете наконец.

— Ах, Фиш! Ты же понимаешь, как это несправедливо! Неужели у тебя рука поднимется так обойтись со мной?

— К сожалению, я обязан. Я не способен отказаться выполнить прямой приказ владельца. Но тут есть один интересный философский момент. С точки зрения глормийского законодательства Отто через несколько часов умрет.

— Конечно! — сказал Драмокл. — А значит, если ты отложишь операцию, я стану твоим законным владельцем и отменю приказ.

— Совершенно исключено, — сказал Фиш. — Отложить операцию я не могу, это было бы грубейшим нарушением машинной этики. Я должен оперировать немедленно. И, поверьте мне, вам же будет хуже, если я этого не сделаю. Но я подумал вот о чем: хотя мне нельзя уклониться от выполнения приказов Отто, я имею полное право оказать услугу своему будущему владельцу.

— Какую услугу, Фиш?

— Я могу пообещать вам вернуть вашу настоящую память во время решающей встречи с Отто.

— Очень великодушно с твоей стороны, Фиш. Давай обсудим это подробнее.

Драмокл не переставая сражался со своими путами. Но тут его опять кольнуло в руку — и воспоминание оборвалось.

Все присутствующие в Военной палате оцепенели от услышанных откровений. И тогда компьютер открыл загадочный металлический ящик, и оттуда вышел доктор Фиш — чуть постаревший, но ничуть не ставший от этого хуже.

Глава 42

Если Отто и был раздосадован, то виду не показал. Развалясь поудобнее в кресле с тонкой пестрой сигарой в руке, он промолвил:

— Фиш, ты меня удивляешь. Вот уж никак не ожидал, что ты предашь меня, основываясь на столь шатких юридических софизмах. — И, повернувшись к Драмоклу, добавил: — Да, сын мой, это правда, я действительно велел изменить твои воспоминания. Но без злого умысла, поверь. Что бы ты ни думал, я всегда любил тебя и просто хотел ответной любви.

— Ты хотел покорности, — сказал Драмокл, — а не любви.

— Мне необходимо было твое послушание, чтобы сделать тебя бессмертным. Неужели это такой уж страшный грех?

— Ты хотел бессмертия для себя самого.

Отто энергично замотал головой:

— Нет, для нас обоих! И все бы получилось в лучшем виде, не вздумай доктор Фиш совать свой нос в людские дела.

Фиш смутился, но тут опять вперед выступил компьютер. Полы его черного плаща взметнулись в воздух.

— Это я посоветовал Фишу, — сказал он. — Нам с Фишем нравятся люди. Поэтому мы предали гласности ваш план.

Люди — самые занятные существа из всех, что удалось создать Вселенной. Они интереснее богов, демонов, волн и частиц. Быть человеком — вот лучшее, что вы можете сделать, Отто. Ибо Вселенная бессмертных, лишенная людей, кажется мне крайне удручающей перспективой. Насколько я понимаю, ваши планы сулили нам именно такое будущее.

— Ты ничего не понял, идиот! — сказал Отто. — Мне нужен был начальный взрыв энергии, чтобы открыть червоточину, вот и все.

— Но энергии, как и власти, никогда не бывает достаточно, — возразил компьютер. — Вы сами так говорили.

Отто хотел было ответить, как вдруг нексус прорвался. Окунувшись обратно в реальное время, Военная палата превратилась в пандемию, охваченный паникой и параличом. На экранах вспыхивали угрожающие цифры. Космический флот приближался, и неограниченные возможности быстро сужались до неизбежных последствий.

Драмокл внезапно очнулся.

— Дайте мне телефон! — взревел он. — Руфус! Ты меня слышишь? — Он подождал ответа и сказал: — Вот мой самый главный и окончательный приказ. Сражения не будет! Отступай! Отступай немедленно!

Швырнув телефонную трубку, король повернулся к Максусу:

— Свяжись с графом Джоном. Скажи ему, что Драмокл капитулирует. Скажи — я не ставлю никаких условий, я даже согласен отречься от трона ради сохранения мира. Ты понял меня?

У Макса вытянулось лицо, но он все же кивнул и бросился к телефону.

Драмокл посмотрел на Отто, и затаенное злорадование отчасти прорвалось в его голосе:

— Война окончена. Атомное всеожжение отменяется. Надеюсь, тебе теперь тоже конец — тебе и твоему паршивому бессмертию.

— Ты всегда был неблагодарным ребенком, — сказал Отто. — Я мог бы заставить тебя пожалеть об этом, Драмокл. Ну да черт с ним со всем, и с тобой в том числе. — Он встал и пошел к винтовой лесенке, ведущей в сад, разбитый на крыше Военной палаты. Поднявшись на последнюю ступеньку, Отто обернулся и крикнул: — Дурак ты, Драмокл! Дурак набитый!

Глава 43

Руфус положил телефонную трубку. Всем своим существом он ощущал летучую невозвратность мгновения, неподвластного морали и раскаянию, безжалостно перетекающего в сле-

дующее мгновение, а потом в следующее и так до бесконечности. Люди, стоявшие рядом, не спускали с него ожидающих глаз. Друзилла смотрела на него тем странным взором, который начал уже действовать ему на нервы. Все ждали, когда он примет окончательное решение.

Руфус не знал, что делать. Приказ Драмокла был лишен всякого смысла. Чего он хочет достичь? Протяженность фронта и возможности глормийских вооруженных сил были известны Руфусу не хуже, чем Драмоклу. Никакая военная хитрость, никакая уловка не спасет положения, когда вражеские корабли минуют определенную точку, если уже не миновали.

Разве что Драмокл и вправду решил сдаться... Нет, это немыслимо.

Руфус обхватил руками голову, стараясь унять лязг и грохот мыслей. Что делать? Чтобы помочь Драмоклу — а помочь ему с каждой минутой будет все труднее, — он должен сделать то, чего хочет Драмокл. Но чего хочет Драмокл на самом деле? Атаки или отступления? Засады или капитуляции?

Поскольку надежных оснований для принятия решения у Руфуса не было, он решил поступить так, как казалось лучше ему самому.

И повернулся к своим командирам.

— Атаковать! — прокричал или, вернее, просипел он, задыхаясь от сдерживаемых эмоций.

— Кого атаковать? — просипели приученные им к детальной точности командиры.

— Флот Джона и Хальдемара! Раздолбайте его, ребята!

Офицеры переглянулись. Старший командир сказал:

— Лорд Руфус, противник продвинулся слишком далеко. Пока мы нагоним их, корабли Джона и Хальдемара подойдут вплотную к Глорму. Мы не сможем помешать им подвергнуть планету бомбардировке. Драмоклу придется сдаться.

— Вы слышали мой приказ! Догнать и уничтожить противника!

— У нас на пути глормийский флот.

— Ну и черт с ним. Разнесите его в клочья, если он вмешается. Выполняйте приказ!

Ноздри у Руфуса раздувались, лицевые мускулы свело от напряжения. Угрюмые складки пролегли на лице от крыльев носа до самого подбородка.

Командиры стояли, не сводя с него глаз. Руфус бросил на них свирепый взгляд. Затем его плечи поникли.

— Я отменяю свой последний приказ, — сказал он. — Держите флангу на прежней позиции. Драмокл сдается. Войне конец.

Глава 44

Флагманский корабль графа Джона «Яйцеклад-один» был оборудован всем необходимым для монарха в космосе. Джон занимал трехкомнатную каюту, расположенную в центре судна. Кюта походила на гостиную где-нибудь в доме древней Земли — стулья с изогнутыми в форме арфы спинками, фарфор Споуда, диван в стиле Адама и книжный шкаф в стиле Хеплуайта. Сам Джон сидел за элегантным столиком красного дерева и строил заметки о глормийской кампании. Позже он собирался превратить их в телесериал. У Анны были отдельные апартаменты по соседству.

Вскоре после прибытия флота к границам Глорма в каюту вошел конюший графа.

— Сир, — сказал конюший, — мы вступили в контакт с противником.

— Отлично, — откликнулся Джон. — Огонь уже открыли?

— Нет, сир. Мы получили удивительное сообщение с Глорма.

— Что за сообщение?

— От Драмокла, сир. Он сдается.

Джон скинул свои короткие ноги со стола и встал, подозрительно сощурясь на конюшего:

— Сдается? Это, наверное, какая-то хитрость. Где глормийский флот?

— Он отошел, сир. Подход к Глорму открыт для нас. Драмокл публично заявил о своем намерении избежать войны любой ценой. Он обещал даже отречься от престола, если это необходимо.

Дверь между двумя апартаментами распахнулась, и в каюту вошла Анна. На ней был элегантный серо-голубой мундир. Светлые волосы, гладко зачесанные назад, скрывались под фуражкой. На плечах блестели адмиральские погоны. Анна собиралась самолично возглавить ударный отряд — не из врожденной воинственности, а просто чтобы выполнить работу как можно экономнее ввиду затруднений с наличностью в кармино-сольской казне.

— А что Руфус? — спросила она у конюшего.

— Он не оказал сопротивления. Его войска остались у Друта.

— Как странно, — сказал Джон. — Это не похоже на Драмокла — сдаваться без боя. Уж не задумал ли он какую-нибудь *guse de guerre**?

— Вряд ли, — сказала Анна. — Все его суда отошли. У него не осталось кораблей, чтобы подстроить нам ловушку.

---

* Военная хитрость (фр.).

— Так ты и правда считаешь, что он сдастся?

— Думаю, да, — сказала Анна. — Иначе зачем бы ему оставлять Глорм открытым для бомбежки?

Джон зашагал по каюте, заложив руки за спину. Он был ошеломлен таким поворотом событий. Он никогда по-настоящему не верил, что сможет переиграть своего старшего брата. Теперь, когда победа была в руках, его вдруг одолела странная нерешительность. Граф резко покачал головой, еле успев спасти пенсне от полета в угол каюты. Наконец до него начало доходить. Он победил!

— Ну и ну! — сказал он. — Слышь, Анна, мы победили!

Анна хмуро кивнула.

— Ставлю выпивку всему флоту! — воскликнул Джон. — Нужно отпраздновать победу. Свяжись с моими поставщиками — скажи, что я хочу их видеть немедленно. Кто-нибудь сообщил уже в газеты? Я сам этим займусь. И телевидение тоже надо поставить в известность.

— Да, сир, — сказал конюший.

Джон понимал, что должен отдать еще множество приказов, но не знал, с чего начать. Он помнил, что побежденному королю вроде как полагается промаршировать перед победителем в цепях. Но когда? До или после официальной церемонии капитуляции? Надо будет выяснить.

— Скоро граф отдаст вам дальнейшие распоряжения, — вмешалась Анна. — А пока идите и велите войскам быть наготове, но воздерживаться от враждебных действий.

Конюший отдал честь и вышел.

— Отлично сказано, моя дорогая, — не унимался Джон. — Какой удивительный поворот событий! Однако тут есть о чем подумать. Должны ли мы казнить Драмокла? Или просто заточить его на несколько десятков лет в тесной клетке с собачьим ошейником на шее? Очевидно, существует какой-то свод правил на сей счет? — Граф хихикнул и потер руки. — Зато теперь у нас целая планета, честно завоеванная и уж точно приносящая немалые доходы. Мы богаты, моя дорогая!

— Не спеши, мой дорогой, — ехидно заметила Анна. — Ты кое о чем позабыл.

— О чем, например?

— Например, о своем союзнике Хальдемаре.

— Пропади он пропадом! — сказал Джон. — Я действительно напрочь забыл про него.

— Самое время вспомнить. Его огромный и неуправляемый флот у нас на левом фланге.

В дверь постучали.

— Войдите! — сказал Джон.

Вошедший адъютант протянул Джону космограмму от Хальдемара. «Поздравляю с блестящей победой, — прочел граф Джон. — Когда приступим к разграблению?»

— О нет! — сказал Джон.

— А чего еще ты ожидал от союзника-варвара, хотела бы я знать?

— Может, если я отдам ему на разграбление пару-тройку глормийских городов, он успокоится и вернется домой?

— Нет! — Анна яростно затрясла головой. — Ты не должен позволять ему садиться на Глорм. Потом его оттуда не вышибешь. А жить по соседству с ванирцами — Боже упаси!

— Согласен, — решительно промолвил Джон. — Я предотвращу опасность, провозгласив самого себя новым королем Глорма. А ты станешь новой королевой. Как тебе мой план?

— Нереально, — отрезала Анна.

— Тебе ни одна моя идея не нравится, — обиделся Джон. — Почему нереально?

— Глормийцы преданы Драмоклу. Они никогда не покорятся тебе и не дадут ни минуты покоя. Если ты собираешься править одновременно и Карминосолом и Глормом, ты получишь на свою голову бесконечную и разорительную партизанскую войну. Тогда уж мы как пить дать вылетим в трубу.

— А что, если мы посадим на трон Чача? Он нам многим обязан и будет куда сговорчивее Драмокла.

— Это тоже нереально, — сказала Анна. — Ты разве не слышал? Принц Чач бежал, и исключительно по твоей вине.

— О чем ты говоришь?

— Помнишь девчонку-рабыню по имени Дорис, которую ты подарил Чачу? Ну так вот: они спелись, эти двое. Девчонка околдовала принца. Чач не присоединился к нашему флоту во время похода. Он бежал вместе с Дорис на своем собственном звездолете в неизвестном направлении.

— Ну что за люди! Ни на кого положиться нельзя! — расстроился Джон. — Стало быть, Чач вне игры. Ты уверена, что я не смогу править планетой?

— Абсолютно уверена, — холодно сказала Анна.

— Ладно, я же просто спросил. А как насчет других сыновей короля?

— Слишком юные, — сказала Анна.

— А может, провозгласим регентшей Лиру? Она вроде разумная женщина.

— Я давно знаю Лиру, — сказала Анна. — Она хороший человек, хотя немного взбалмошна и склонна к романтическим порывам. Но глормийцы ни за что не признают ее — она из старинного и знатного аардваркского рода, а стало быть, чужака. Кроме того, мы не сможем с ней связаться.

— Почему это?

— Дорогой мой, она бежала!

— Не мешало бы тебе научиться выражать свои мысли поточнее, — капризно сказал Джон. — Что значит — бежала?

— А тебе не мешало бы побольше знать о том, что творится вокруг. Я услышала об этом от своей парикмахерши, а она — от горничной королевы, ведающей драгоценностями. Лира бросила Драмокла. Теперь я достаточно точно выразилась?

— Их брак казался таким благополучным!

— Сплошное притворство, мой дорогой. Лира узнала, что Драмокл охладел к ней и собирается дать ей развод в первую же свободную минуту.

— Откуда она это узнала? — спросил Джон.

Анна презрительно улыбнулась:

— Драмокловы уловки абсолютно прозрачны. Любая женщина может читать его, как открытую книгу. Лира знала, что скоро ее заменят. И когда на давешнем праздновании она встретила одного симпатичного человека...

— Кого? — нетерпеливо спросил Джон.

Анна покачала головой. В глазах ее сверкнули искорки.

— Ты очень удивишься, когда узнаешь, кто этот счастливчик. Подумай на досуге и попробуй угадать. А сейчас займемся более неотложными делами. И самое неотложное из них — Хальдемар.

— Да, — сказал Джон. — С ванирцем придется нелегко. А как Драмокл отнесся к тому, что от него сбежала жена?

— Насколько мне известно, он еще не в курсе. Перейдем к делу!

Глава 45

Верхняя часть Ультрагнолльского дворца представляла собой фантастическое сочетание шпилей, башен, крутых скатов с крытыми гонтом свесами, щипцов, нефов, фронтонов и так далее. Там, где крыши были плоскими, на них цвели сады с беседками, клумбами, водопадами, фонтанами, статуями, деревьями, скамейками, холмами и долинами.

Отто находился в саду на крыше над Военной палатой. Растянувшись на белом плетеном шезлонге, он курил сигару, скрученную из листьев рапунзеля — пахучих и чуточку дурманных. На столике рядом с шезлонгом стояла бутылка лигочлачного вина, выжатого из красно-коричневых виноградных гроздьев, произрастающих на аардваркском плато Ургенгаа. Для человека, только что потерпевшего крушение всех надежд, он выглядел странно умиротворенным. Полулежа в удобной позе, Отто наслаждался великолепным видом с крыши.

Над головой, хлопая крыльями, летали красноперые сикофранты. Отто отдыхал.

Драмокл, сопровождаемый Сорочкой, поднялся в сад. Отто глянул на них, приветливо кивнул и вернулся к спокойному созерцанию пейзажа.

— Слушай, пап, — сказал Драмокл, — мне жаль, что все так для тебя обернулось. Я знаю, сколько трудов ты отдал этому бессмертию.

Отто улыбнулся, но не ответил.

— Я просто не мог поступить иначе, — добавил Драмокл.

— Когда ты сдался Джону, — заговорил наконец Отто, — я пришел в такую ярость, что чуть было не убил тебя. Я мог бы сделать это запросто. Мне пришлось напрячь всю силу воли, чтобы сдержаться. Но когда первый порыв прошел, я вдруг понял, что на душе у меня удивительно легко и покойно. Странное ощущение. Мне нужно было осмыслить его.

— Поэтому ты забрался сюда?

— Это мое любимое место. Я сел в шезлонг и начал думать — но от мыслей меня постоянно отвлекали всякие внешние впечатления.

— Какие? — спросила Сорочка.

— Ветерок, овеивавший лицо. Аромат хорошей сигары. Облака, бегущие по небу. Я неожиданно заметил тысячу мельчайших деталей и получил от этого массу удовольствия. До меня вдруг дошло, что, стремясь всю жизнь к бессмертию, я почти не наслаждался жизнью.

— А я наоборот, — сказал Драмокл, — Я всю жизнь плыл по течению, развлекался и ни о чем не тужил. Ну и что я получил в результате?

— То же, что и я. Жизнь — то есть вот это мгновение.

— Если так, — сказал Драмокл, — выходит, что жизнь у всех людей одинакова. Никто не владеет ничем, кроме настоящего мгновения, если я правильно тебя понял.

— Да, мгновение — это все, что у нас есть, — сказал Отто. — Я по наивности своей воображал, будто, продлевая отпущенные мне мгновения, я продлеваю жизнь. Но жизнь не измеряется годами и десятилетиями. Сердце ведет совсем иной счет. Интенсивность — вот единственная мера, которую оно признает.

Сорочка кивнула, но Драмокл сказал:

— Боюсь, я не совсем понимаю.

— Низшая степень интенсивности, — сказал Отто, — это сон или бессознательное состояние. Если бы спящий человек был способен жить вечно, мы не называли бы его бессмертным, по крайней мере в общепринятом смысле слова. Жить ради

будущего, пренебрегая настоящим, — все равно что проспять свою жизнь.

— Для меня это слишком абстрактно, — сказал Драмокл. — Но ты не выглядишь разочарованным, и я этому рад. Ты выглядишь счастливым. Я никогда не видал тебя счастливым раньше.

Отто подошел к балюстраде и окинул взглядом город.

— Я верил, что цель магии — знание. Теперь я вижу, что ошибался. Цель магии — понимание.

— Разве это не одно и то же?

— О нет! Знание — это что-то вроде орудия для достижения власти. А понимание — своего рода отречение от нее. Понимание выше тебя самого: ты не можешь им манипулировать, ты можешь его только принимать.

— Ладно, отец, — сказал Драмокл. — Твои философские откровения мне не по зубам. Ты спокоен и доволен — а больше мне ничего и не надо. Я понимаю, что разговор о будущем тебе неприятен в свете последних событий, но все же не могу не спросить: чем ты думаешь заняться?

— Кое-какие мысли по этому поводу у меня есть. — Отто пыхнул сигарой. — При всей своей любви к Глорму здесь я не останусь. Если честно, тут у вас настоящее болото. Земля — вот где мое место. Она подвластна мне, конечно, но я не потому хочу вернуться. Я, наверное, передам свою политическую власть кому-нибудь и уйду на покой. У меня есть вилла на Капри, домик на Ипанеме, плавучий дом в Кашмире, ранчо на Ивисе, дом в Париже и пентхаус в Нью-Йорке. Я уверен, что найду чем заняться. Земля — местечко интересное. Если хочешь, возьму тебя с собой.

— Меня? — сказал Драмокл. — На Землю?

— Тебе она понравится, — заверил его Отто. — Там уйма увлекательных возможностей для способного молодого человека вроде тебя. Ты же отрёкся от престола, верно?

— Да, — сказал Драмокл. — Я решил, что так надо. Иначе Джон мог начать бомбардировку Глорма.

— Что он собирается делать дальше, не знаешь?

— Нет пока. Они с Анной еще не решили.

— Для тебя это может плохо кончиться.

— Сомневаюсь, чтобы Джон осмелился казнить меня, — сказал Драмокл. — Его толкает против меня не столько ненависть, сколько уязвленное самолюбие.

— Но он может подвергнуть тебя унижениям. Он с детства был жутко злопамятным.

— Ничего, как-нибудь переживу.

— Да, но зачем? Поехали лучше со мной на Землю. Я покажу тебе новый мир.

Драмокл помедлил с ответом, старательно подбирая слова. Он любил новые миры, приключения, чувство новизны. Но только не в компании с Отто. Не то чтобы он затаил злобу против отца. Он даже сочувствовал старому королю. Но жить с ним рядом не хотел — не хотел, чтобы его поминутно учили уму-разуму и наставляли на путь истинный.

— Это очень заманчиво, — сказал Драмокл, — и я искренне благодарен тебе за приглашение. Но я все еще король и должен испить свою чашу до дна.

Отто кивнул.

— А ты, Сорочка? На Земле я смогу дать тебе все, что пожелаешь. Мне приятно твое общество. Вернешься со мной?

— Спасибо за заботу, — поблагодарила Сорочка, — но я останусь.

Отто взглянул на нее с удивлением. Потом рассмеялся и сказал:

— Ну что ж. «И сыр один остался», как говорится в древней земной считалке. Удачи вам. — Он обнял сына и решительно произнес: — Все, мне пора.

— Но как ты доберешься до Земли? — спросил Драмокл. — Я думал, тебе нужен большой взрыв, чтобы пройти между реальностями.

— Взрыв был нужен, чтобы держать червоточину между реальностями Глорма и Земли открытой постоянно. А перебросить себя одного я могу и так.

Он вынул из рукава плаща какой-то маленький камушек, зажал его между большим и указательным пальцами, и Драмокл увидел, что это ограненный кристалл. Отто дотронулся до кристалла свободной рукой — и в ладони у него оказался еще один, точно такой же. Потом еще один, и еще, и еще. Набрав дюжину кристаллов, он выложил из них круг на каменных плитках пола. Когда последний камушек коснулся пола, ослепительное белое сияние соединило кристаллы. Драмокл с Сорочкой отпрянули. Отто ступил в сияющий круг.

— Прощай, сын мой. Счастливо оставаться, Сорочка.

Сияние вспыхнуло еще ярче и погасло. Отто исчез, и с ним исчезли все кристаллы.

— Станный, как всегда, — сказал Драмокл. — Всего хорошего, отец. Дай Бог тебе найти покой и счастье на Земле.

Они с Сорочкой постояли молча, глядя на крыши Ультрагнолла. Потом Драмокл спросил:

— Почему ты не вернулась на Землю с Отто?

— Мне нравится здесь, — сказала Сорочка. — На Глорме я личность особенная, почти как принцесса. А на Земле я снова стану обычной закомплексованной еврейской девушкой. Но есть и другая причина...

Она вдруг умолкла и потупилась. Она стояла совсем близко к Драмоклу, касаясь его плечом. Он неожиданно заметил ее пленительные черты и черные пушистые ресницы, обрамляющие глаза необычайной голубизны. Ее тело, стройное, но женственно округлое, источало неповторимо нежный аромат — обонятельную квинтэссенцию ее самой. Когда она подняла на него глаза, Драмокл вздрогнул, словно его ударили под дых. Он распознал первые признаки любви. А любовь, пока она длится, прекрасней всех сокровищ мира — такая же свежая и удивительная в десятый или в сотый раз, как и в первый. Любовь — это пища, которой невозможно насытиться, подумал Драмокл. И привлек прекрасную землянку к своей груди.

Его счастье омрачала лишь мысль о том, как расстроится Лира, получив от гофмейстера уведомление об отставке. Конечно, она устроит сцену, ну да ему не привыкать. Кстати говоря, куда она запропастилась? Что-то ее совсем не видно в последнее время.

— Ах, Драм, — сказала Сорочка, прильнув к его груди, — как только я увидела тебя впервые... Но я не смела и мечтать... Ох, я в полном смятии.

— Ну-ну, мой милый орлихтунчик, — проговорил Драмокл нежным воркующим басом. — Все будет хорошо. Давай-ка пойдем и посмотрим, что там решил граф Джон.

Рука об руку они вернулись в Военную палату.

Орлихтун — это местная птичка с зелеными, желтыми и красными перышками, которую глормийские влюбленные избирали символом нежной страсти.

Глава 46

Едва они спустились в Военную палату, как зазвонил видеофон экстренной связи. Драмокл ответил и увидел на экране Анну. Она переделалась из мундира в прозрачную блузку и узкую юбку. В волосах, уложенных в прическу, поблескивали желтовато-красные светлячки. Она выглядела королевой-победительницей.

— Драмокл, — сказала Анна, — я не стану томить вас ожиданием. Мы все взвесили и решили оставить вам глормийский трон, поскольку ваш сын, принц Чач, на него не претендует.

— Вот как? С каких это пор?

— Когда он гостил у нас, Джон подарил ему девушку-рабыню для пыток. Чач по глупости разговорился с ней. И теперь они вместе бежали. Как мне только что сообщили, он собирается вступить в коммуны и питаться натуральными продуктами в какой-то другой звездной системе.

— С ума сошел, — сказал Драмокл.

— Он, конечно, вернется, когда исчезнет прелесть новизны. Но, с вашего позволения, я продолжу. Мы с графом решили не применять к вам карательных мер, хотя имеем на них полное право. Однако вы обязаны будете компенсировать все издержки этой войны. За одно только топливо для двух флотов нам предъявили такой жуткий счет! Кроме того, за вами зарплата войскам, стоимость леккианской кампании и компенсация за ущерб, нанесенный берсерками Хальдемара курортному городку. А еще вы должны дать отступного Хальдемару за несостоявшееся разграбление Глорма. Только на таком условии он согласится убраться домой. Все это влетит вам в копейчку, Драмокл, но вы должны признать, что мы обошлись с вами довольно справедливо — по крайней мере справедливее, чем поступили вы с нами, когда заварили всю эту кашу.

— Я только исполнял веления судьбы, — сказал Драмокл.

— Знаю. Поэтому все вас прощают. Кстати, а что случилось с вашей судьбой?

— Сейчас она в ваших с Джоном руках: как вы скажете, так и будет.

— Приступ самоуничтожения у вас скоро пройдет, — сказала Анна. — Это абсолютно не ваш стиль. Надеюсь только, что вы не ввергнете нас опять в пучину войны, получив очередное указание судьбы. Что касается прочих соглашений, то мы подпишем новый мирный договор, на сей раз на Карминосоле. Все наши прежние привилегии и прерогативы будут восстановлены; не исключено, что мы добавим к ним новые. И, как прежде, станем друзьями.

— Я буду только рад, — сказал Драмокл. — Зла я никогда ни к кому не питал. Но Джон...

— У графа и впрямь были другие идеи, — сказала Анна, — но он переменял свое мнение, когда я указала ему на некоторые факты.

— А именно?

— Вы — единственная подходящая кандидатура на глормийский престол. Глормийцы никогда не примут Джона, а править ими насильно — это и разорительно, и малоэффективно. Хальдемару мы тоже не можем позволить завладеть вашей планетой. Он будет представлять угрозу для всех нас. С чисто эгоистической точки зрения, лучшее, что мы можем сделать, — это восстановить статус-кво.

— А как к вашему решению отнесся Хальдемар?

— С ним было нелегко, как вы, наверное, догадались. Он всерьез настроился на разграбление Глорма. Он бушевал и изрыгал проклятия, пока я не напомнила ему о его положении.

— И какое же у него положение?

— Весьма щекотливое. Флоты Карминосола, Друта и Глорма находятся в полной боевой готовности и горят желанием сразиться со своим давним врагом. У нас значительный перевес в силах. Хальдемар это понял наконец и отбыл на Ванир. Ужасно неприятный человек — надеюсь, мне больше не придется с ним встречаться. Между прочим, Драмокл, до нас дошли странные слухи о том, что в дело был замешан ваш батюшка, Отто Странный. Но ведь этого не может быть?

— Я расскажу вам при встрече на Карминосоле, — пообещал Драмокл. — А с Руфусом вы говорили? Он принял ваши условия?

— Руфус очень сердит на вас, Драмокл, и на Друзиллу тоже. Но я думаю, это пройдет. Да, условия он принял.

— А Снинт? И бедняга Адальберт?

— Снинт давно уже вернулся на Лекк и взял с собой Адальберта.

— Ну что ж, кажется, я ни о ком не забыл, — сказал Драмокл.

— А как насчет вашей супруги Лирь?

— Проклятье! Совсем вылетело из головы! Она должна быть где-то здесь. Или вы знаете что-то такое, чего не знаю я?

— Забавно, что мне приходится посвящать вас в дела, происходящие при вашем собственном дворе, Драмокл. Ваша жена была несчастна, хотя я уверена, что это для вас не новость. Вы совсем забросили ее почти сразу после свадьбы. Что вы хотите? Бедняжка была одинока, хороша собой и немного легкомысленна. Она встретила одного человека во время злополучного мирного празднества, какого-то чужака с другой планеты. И хотя они обменялись лишь несколькими словами, глаза досказали остальное. Когда чужестранец уехал, Лира ужасно затосковала. А потом взяла себя в руки и решила бежать к любимому. Весь вопрос был в том, как до него добраться. Но тут ей на помощь пришел Фафнир, гном-колдун, который оставил Вителло и искал себе место в истории цивилизации. Фафнир подарил ей большую расписную коробку, оборудованную всем необходимым для жизни. Завернул ее, перевязал подарочной ленточкой и отправил с Лирой внутри на планету к ее избраннику.

— Лира улетела на другую планету в коробке? — изумился Драмокл.

— Вот именно.

— А кто же счастливый получатель?

— Ваша неосведомленность меня поражает, — сказала Анна. — Погодите минутку, Драмокл, мне звонят по красному телефону.

На минуту стало тихо. Потом Анна опять вышла на связь.

— Чертов Хальдемар! — сказала она. — То-то он был так подозрительно сговорчив!

— Что он натворил?

— Вместо того чтобы отправиться домой, как обещал, он высадился на Аардварке и, без труда разбив ваш гарнизон, провозгласил себя королем.

Драмокл подумал и сказал:

— Нам придется вышвырнуть его оттуда. Варвары на двух планетах — это чересчур.

— Я с вами согласна. Но придется немного повременить. Сначала мы должны уладить отношения между собой. Драмокл, я пришлю вам приглашение на мирную конференцию, как только все подготовлю. А вы без задержки пришлете нам деньги в счет репараций, да?

— Вышлю вам чек в тот же день, когда получу счет. Только дайте мне пару недель, чтобы повысить налоги. Народу это не понравится, ну да черт с ним, на то он и народ. Так Лира бросила меня, говорите? Что ж, это даже к лучшему. И где она теперь?

— О, это очень романтическая история.. — сказала Анна.

Глава 47

Плотно позавтракав, Снинт с Адальбертом собрались выйти из дома. Лира, новая жена Снинта, задержала их у порога.

— Возвращайся поскорее, милый, — сказала она. — Я готовлю твое любимое тушеное мясо с печеной картошкой.

Прямо за дверью дома стояла расписная коробка, в которой прислали Лиру. Снинт с Адальбертом вышли за ограду фермы и углубились в лес по тропе, утоптанной бесчисленными поколениями коз, гонимых на пастбище бесчисленными же поколениями пастушков и пастушек. Короли прошли по тропе около мили. Затем, возле старого каменного указателя, Снинт свернул и повел Адальберта на пригорок. Поднявшись, они увидели внизу леккианский фермерский домик приятных пропорций. Сушильный балкон на втором этаже, рядом с домом — хлев и два навеса для дров и зерна, а вокруг — гектаров семь вспаханной земли, готовой к севу. По краям полей аккуратными рядами тянулись рожковые деревья. Возле самого дома росли лимонны и оливы, а небольшой садик был густо посажен миндальными деревьями.

— Вот он, — сказал Снинт. — Подарок леккианского Совета. Правда, только в пожизненное пользование.

— Он чудесный, — сказал Адальберт. — Прямо и не знаю, что я такого сделал, чтобы его заслужить.

— Вы потеряли свое королевство, напились и очень себя жалели.

— Но у меня не было ни малейшего шанса сделать что-то еще, вы не находите?

Снинт поднял обе руки кверху и пожал плечами в типично леккианской манере.

— Кто знает? Как вы полагаете, сможете управиться с фермой?

— А то! — заявил Адальберт — Я и на Аардварке немного занимался сельским хозяйством.

— Вы выращивали григгели, насколько я помню. На Лекке нет рынка сбыта для столь изысканного продукта. У нас тут в основном томаты, огурцы да баклажаны.

— Я очень благодарен вам, — сказал Адальберт, — хотя до сих пор не теряю надежды вернуться когда-нибудь на Аардварк

Снинт бросил на него сочувственный взгляд:

— Значит, вы не слышали?

— О чем?

— Пока граф Джон вел переговоры с Драмоком, Хальдемар высадился на Аардварке и захватил власть. Вас теперь называют «молодым претендентом»

Адальберт задумался, потом улыбнулся

— Ну что ж, может, роль претендента удастся мне лучше, чем роль короля. Спасибо вам за все, Снинт. Есть еще какие-нибудь новости о войне?

— Самая главная война — леккианская — окончена. Что до остального, то новости в наши края доходят с большим опозданием. Но, похоже, войне пришел конец. Поскольку на небе не видно следов атомных взрывов, можно предположить, что противники уладили свои недоразумения и вернулись к обычной жизни, полной скуки и интриг. Семейные ссоры и ссоры между семьями — вот из чего сделана история. Мы, леккиане, не стремимся творить историю. А теперь мне пора домой. Идите и осмотрите свое новое жилище

Снинт повернулся и начал спускаться вниз. Адальберт крикнул ему вдогонку:

— А что делает Лири в вашем доме?

— О, это целая история, — ответил Снинт — Но ей придется подождать своего часа.

И он пошел по тропе, направляясь к дому — солидный, уравновешенный мужчина, воистину благодатный характер для писателя. На ходу он напевал старинную леккианскую колыбельную

Солнце скрылось, так и знай,
Хлебнешь горя через край
Ай, керай! Ай, керай!
Леккианчик, засыпай

ЭПИЛОГ

Последний ключ

Два года спустя правители Местной системы решили забыть старые распри, зарыть топор войны и еще раз попробовать пожить в мире, взаимном доверии и добром соседстве. Чтобы увековечить это решение, они затеяли пышное празднество, названное балом примирения. Бал должен был состояться на Эдельвейсе, частном астероиде, где обычно справляли свадьбы и бар-мицвы и spryskivali вновь образованные военные союзы. Избрав нейтральную почву, правители надеялись избежать недоразумений, омрачивших подобное торжество в прошлом.

К великому событию готовились с большим размахом. Тщательно отобранные поставщики слали звездолеты, груженные изысканной снедью, из всех кулинарных регионов Местной системы. В числе блюд, заказанных для пиршества, были имбирная говядина с глормийского архипелага Седловина, кисломолочные яблоки, запеченные в тесте и сбрызнутые кунжутным маслом, присланные с Великих северных равнин Карминосала, а также несравненные крохотные моллюски в соусе из темной фасоли, которые водились только в сырой провинции Дельта на Лекке. Безопасность обеспечивало присутствие одинакового числа тяжеловооруженных звездолетов от каждой планеты. Звездолеты должны были постоянно кружить вокруг астероида, не спуская друг с друга глаз. Бал, решили правители, продлится столько, сколько пожелают его участники; в столь важном мероприятии не место мелочной экономии.

Когда великий день настал, одними из первых на астероид прибыли Руфус с Друзиллой. Вскоре после окончания войны они поженились. Церемония бракосочетания была особой, исключавшей обычные обещания любить и уважать друг друга. Представители высшей аристократии считали эту буржуазную клятву ниже своего достоинства. Молодожены обменялись обещаниями «не скрывать друг от друга любовь, привязанность, нежность и тому подобные чувства, если порою будут их испытывать» и «сотрудничать с партнером, когда, и если, и в той мере, в какой они пожелают, но не более». К чести Руфуса и Друзиллы, надо заметить, что они оказались счастливой парой, несмотря на законное право не быть таковой.

Вслед за ними прилетели граф Джон и королева Анна. Они сохранили брачные узы, чтобы легче было править планетой, хотя и не жили больше вместе. Супруги обосновались в разных апартаментах Карминного двора. Каждый избрал себе

ту область правления, что была ему больше по сердцу Анна сосредоточилась на финансовых проблемах, выводя корабль государства с усеянного зубастыми рифами мелководья неплатежеспособности в глубокие синие воды сверхприбыли Джон посвятил себя популяризации монархии и своей собственной персоны в средствах массовой информации. Короче говоря, с головой ушел в шоу-бизнес.

Передача «Вид с трона» с первого же раза завоевала межпланетный успех. В ней снимались звезды индустрии развлечений, с которыми мило болтал ведущий — граф Джон.

Одним из наиболее частых гостей Джона был Хальдемар, король Ванира. Хальдемар стал заметной звездой шоу-бизнеса и главой собственной кинокомпании. Он не смог прилететь на бал примирения, потому что снимал на своей студии «Череподробитель, лимитед» картину под названием «Падение Гломийской империи» и уже на целую неделю выбился из графика.

Следующим явился Адальберт. «Молодому претенденту» быстро наскучила леккианская ферма, а король Снинт вызывал у него презрение своей простотой. Адальберт выжидал, ибо твердо решил вернуть себе трон на планете предков, как только Хальдемар со своими воинами набредет в досталь.

У Хальдемара же возникли сложности с грабежом. Он намеревался быстренько разорить Аардварк и податься домой на Ванир. Но человеческие намерения, увы, не всегда выполняемы. Столетия бездарного правления и непрочной безопасности вынудили аардваркцев выработать свои собственные, чрезвычайно своеобразные методы защиты. Они зарылись в землю. Их подземные города и деревни не имели открытых выходов — в них можно было попасть только через запутанный лабиринт туннелей, проходов и кривых улочек, переплетенных, словно клубок гадюк.

Но это еще не все. Проходы в лабиринте были защищены не только своей запутанностью, но и крепкими деревянными дверями, установленными с небольшими интервалами и снабженными тяжелыми амбарными замками. Представьте себе отчаяние бедного варвара, который, расколотив обоюдоострым топором дюжину или сотню дверей, вдруг упирается в тупик и вынужден начать все с начала!

Хальдемар удерживал там своих воинов просто из принципа — из наивной варварской веры в то, что не бывает такого места, где нечем поживиться. Но в конце концов король сдался и отправил войска на Ванир. Нищета Аардварка служила самой надежной защитой от грабителей.

После ухода варваров Адальберт начал ждать приглашения вернуться домой на законный престол. Приглашения не последовало. Аардваркцы вдруг открыли для себя простую истину, давно известную леккианам, а именно: что анархия — отличная форма государственного устройства при отсутствии на планете богатств.

В конце концов один из двоюродных братьев Адальберта написал ему, предлагая вернуться домой в качестве обычного свободного гражданина, ибо нечего и думать о том, чтобы ему вернули королевские привилегии. То есть не видать ему больше права первого выбора среди ежегодного урожая созревающих девиц. Прощай, королевский рацион с импортными деликатесами вроде хлеба и мяса. Отныне ему, как простому смертному, придется питаться тушенкой из чечевицы и обходиться теми девицами, которые сами его захотят, если таковые найдутся.

Адальберта подобная перспектива не прельщала. Он покинул Лекк и отправился на Глорм. Здесь он подал на Драмокла в суд, утверждая, что глормийский король незаконно вторгся на его планету и тем самым положил конец династии, оставив его, Адальберта, без работы. Признав некоторую долю справедливости в этом иске, Драмокл присудил Адальберту годичную стипендию при условии, что тот истратит ее где угодно, только не на Глорме. Адальберт принял условие и улетел на Карминосол, где предался жалости к себе и пьянству. Его надутая физиономия служила участникам бала примирения мрачным напоминанием о том, что не бывает войн без проигравших.

Вслед за Адальбертом явился бритоголовый монах-герольд в желтой рясе. Он привез приветы от Вителло и Хельги, которые сожалели, что не смогут посетить торжество. Угостившись скромным вегетарианским ужином и выпив стакан сока, герольд рассказал свои новости.

Оказывается, когда кончилась война, принц Чач вернулся на Карминосол в состоянии глубокой депрессии. Он продал свой неиспользованный эскадрон киборгов-киллеров, подарил Вителло в качестве выходного пособия маленький мешочек с шестиугольными гайками и отбыл вместе с Дорис на своем звездолете в неизвестном направлении.

Вителло не мог придумать, чем заняться. На Карминосоле ему ничего не светило после отъезда бывшего хозяина. Поэтому, захватив с собой Хельгу и Фафнира, он отправился искать по свету удачи на борту тихоходного межпланетного грузовика. Вителло хватался за любую работу, чтобы обеспечить скудное пропитание своей семье: был грузчиком в порту на Аардварке, потом машинистом насосной установки в

ресторане для роботов, потом настройщиком кабинок для извращенцев в Порт-Аркадии на Лекке. В конце концов он очутился в Кловисе, столице Друта.

Кловис как магнитом притягивал к себе всякого рода странников и изгнанников. По крайней мере два из десяти заблудших Израилевых племен нашли здесь приют, наряду с беженцами, выжившими при гибели Атлантиды. Но потомки землян составляли лишь небольшую часть населения Кловиса. Здесь были также анунги, изгнанные с родной планеты за недостойное поведение, заключавшееся в поедании арбузов и чистке подошв ботинок. Здесь были таллы, изгой с Лекка, которые жили в массивных, вылепленных из глины и веток гнездах на верхушках деревьев и предавались сразу двум непристойным занятиям — рисованию пальцами и сочинению музыки к сериалам. А также многие, многие другие. Благодаря этому буйному расовому смешению Кловис прозвали «Лос-Анджелесом Местной системы».

Вителло и Хельга никак не могли прижиться в Кловисе. Фафнир был их единственным другом. По вечерам гном-колдун захаживал к ним в гости, и вся троица смотрела телевизор, ругаясь и жалуясь на жизнь. У Фафнира тоже были на то основания — работы для гномов-колдунов в этом году почти нигде не предлагали.

Затем подошли к концу последние золотые гайки Вителло. Безработное и бездомное трио вышвырнули на улицу. Нужда привела их, как и многих других, на Двор чудес, где случались самые невероятные, хотя большей частью неприятные вещи.

Пробираясь сквозь толпу, Вителло услышал краем уха знакомый голос. Он доносился справа, с небольшой платформы. Загорелый молодой человек рассказывал пяти-шести скучающим зевакам о коммуне под названием Синкопа, основанной на одном из спутников Лекка. Стройная хорошенькая женщина аккомпанировала ему на ручной фисгармонии.

Вителло не сразу узнал рассказчика. Но, разглядев джинсы «Левис» и трикотажную тенниску, в конце концов воскликнул:

— Принц Чач! Ваше высочество, вы ли это?

— Вителло! — вскричал принц Чач, прыгнув с платформы и обнимая бывшего слугу — Дорис! — позвал он свою аккомпаниаторшу — Погляди, кого послал нам Вселенский Закон!

Чач исколесил множество странных планет, гонимый гневом и унынием, попеременно владевшими его измученной душой. И как-то раз, забравшись вместе с преданной Дорис на одну из вершин Сардапианских Альп, наткнулся на высокого старика в желтой набедренной повязке, сидевшего по-турецки под деревом уу.

— Привет тебе, принц Чач, — сказал старик
Чач ужасно удивился, поскольку видел старика впервые
— Сэр, — сказал он, — кто вы?
— Это неважно. Можешь звать меня Чаном
— Откуда вы?
— Моя последняя инкарнация была на планете Земля
— А откуда вы знаете мое имя?
— Наша встреча в этом месте и в этот час была предопределена.

— Кем предопределена?

Чан улыбнулся:

— Этот вопрос не способствует пониманию. — Он встал
Принц Чач, я направляюсь сейчас в местечко под названием Синкопа, где осную монастырь и займусь распространением учения Буддадрахмы. Пойдешь ли ты со мной?

— Да, пойду, — без колебаний ответил Чач. — Кто бы ни был этот Буддадрахма, думаю, именно его я и искал.

Так Чан, Чач и Дорис очутились в Синкопе. Там они основали монастырь с аскетическим уставом: тяжелый труд, простая пища и изучение сутр. Стали появляться пилигримы — кто оставался в монастыре, принимая его суровый уклад, а кто селился в соседней деревушке под названием Гейм, где проводились занятия по развитию восприимчивости, глубокому массажу, астральному проецированию, чувственному массажу и так далее. Время от времени Чача посылали обратно в мир для распространения слова Закона. Теперь он возвращался в Синкопу навсегда. Вителло с Хельгой полетели вместе с ним, а Фафнир остался на Друте, с сожалением констатируя, что Синкопский монастырь — не место для гнома-колдуна.

Чач и Дорис, Вителло и Хельга хотели было посетить бал примирения, но в конце концов решили не подвергать себя мирским страстям и соблазнам. Поэтому они послали монаха-герольда и велели передать, что они отвернулись от мира, дабы уйти по восьмеричной тропе величия, куда поведет их старый Чан — высокий, лысый и прямой, с висячими китайскими усами.

Празднество было в самом разгаре. Драмокл веселился до упаду — танцевал, пил и принимал наркотические вещества столь редкие, необычные и сильные, что они были запрещены для простого народа, ибо вызывали склонность к государственной измене. Встреча с Лирой, с которой король был уже разведен срочным королевским указом, прошла без малейшей натянутости. Когда танцы подошли к концу, а танцоры здорово поднабрались, Лира с Сорочкой уединились в тихой комнатке.

чтобы поболтать обо всем, что волнует молодых красивых женщин, вышедших замуж за среднего возраста королей. Драмокл продолжал веселиться один.

Чуть погода он забрал в какую-то часть астероида, где еще никогда не бывал. Король открыл дверь и обнаружил за ней аппаратную, обеспечивавшую все световые и звуковые эффекты на Эдельвейсе. Два оператора попытались выпроводить его. Драмокл выкинул их в коридор и запер за ними дверь. Довольно хихикая, он прошелся неверными шагами по комнате и рухнул в мягкое кресло перед главным пультом.

Кнопки и тумблеры на пульте были аккуратно размечены. И хоть Драмокл был сильно навеселе, ему без труда удалось наполнить бальную залу мягкими голубыми сумерками. Сумерки сменились фейерверками, а затем ослепительным солнечным закатом. Увлечшись, король сопровождал световые эффекты подходящей по настроению музыкой, вплетая в нее птичий щебет и глухие грозовые раскаты. Эти импровизации убедили Драмокла, что у него есть все данные для занятия прикладными искусствами, как он и предполагал.

— Нужно только немножко воображения, — пробормотал король, оглядывая контрольную панель в поисках чего-нибудь интересненького. Взор его упал на ряд кнопок без всякой разметки, и он нажал на одну из них.

В наушниках раздался знакомый хнычущий голос: «...не можешь отрицать, что он меня надул! Как он мог? По-твоему, он предложит вернуть мне трон? Дождешься от него, от этого буйвола!»

Голос бубнил и бубнил, не давая вставить ни слова в ответ. Конечно же, это был Адальберт, жалующийся на то, как скверно обошелся с ним Драмокл.

Драмокл усмехнулся. Владельцы Эдельвейса явно желали быть в курсе событий, если не для шпионажа или шантажа, то хотя бы для определения настроения гостей. Король нажал на другую кнопку. На сей раз он услышал Макса, расточающего комплименты молодой друтской графине. Потом — Руфуса, обсуждавшего с кем-то свою коллекцию игрушечных солдатиков. Потом послышались какие-то незнакомые голоса, и вдруг король уловил характерный леккианский выговор Снинта.

— Мы толком и не слышали об этом, — говорил Снинт, — а то, что слышали, кажется совершенно невероятным.

— И тем не менее это правда. Отто действительно возвращался.

Второй голос принадлежал Друзилле. Драмокл наклонился вперед, подперев подбородок ладонью, и внимательно прислушался.

— Король испытал настоящее потрясение, — продолжала Друзилла, — когда узнал, что его судьба, на которую он воз-

лагал столько надежд, была всего лишь дьявольской уловкой его отца, преследовавшего свои корыстные цели.

— Отто так сказал? Да, он никогда не страдал излишней скромностью. Но неужели Драмокл поверил ему?

— А почему бы и нет?

— Вы меня удивляете, — сказал Снинт. — Конечно, агенты докладывали мне о том, что происходит. Но если копнуть поглубже, многие вещи оказываются совсем не такими, какими представлялись на первый взгляд.

— Теперь уже вы меня удивляете, — сказала Друзилла. — Что вы имеете в виду?

— Я считаю, что заговор Тлалока никогда не существовал в действительности.

— Этого не может быть! — воскликнула Друзилла. — У моего отца есть документальные свидетельства!

— Такие же, какие он сам состряпал для доказательства заговоров на Аардварке и Лекке? Кто представил эти свидетельства королю?

— Сорочка. Она прибыла к нам с Земли, где боролась против Отто.

— Очень красивая женщина, — заметил Снинт, — и, похоже, искренне любит короля. Но почему вы так уверены в том, что она действительно с Земли? Это же голословное утверждение! Правда, Отто подтвердил ее показания, но ведь ни она, ни он не предъявили никаких доказательств. Не секрет, что Драмокл не очень-то жаловал Макса в последнее время, пока тот не изобрел таинственный заговор. А теперь дело Тлалока скоропостижно закрыто, Сорочка стала женой Драмокла, Макс в фаворе, а Отто очень своевременно испарился.

— И какой же из этого вывод?

— Никакого, — сказал Снинт. — Я просто указал вам на странные совпадения. Я желаю Драмоклу добра и не хочу, чтобы его постигло разочарование.

— Я буду молить Богиню об озарении, — решила Друзилла.

Драмокл дождался, но разговор был окончен. Король сидел, упершись подбородком в ладони и погружившись в размышления. Когда он встал, то с изумлением обнаружил, что совершенно трезв. Драмокл вышел из аппаратной и зашагал — сначала медленно, а потом решительной целеустремленной походкой.

Он нашел Макса в одном из цветущих садов Эдельвейса на берегу искусственного моря. Волны, увенчанные серебряными барашками, плескались возле темного берега. В воздухе разливался аромат жасмина с примесью запаха Максовой сигары.

- Здравствуйте, ваше величество, — сказал Макс.
- Здравствуй, — сказал Драмокл. — Балдеешь?
- Да, милорд. Устроители проделали блестящую работу.
- Да уж.
- Бал, по-моему, понравился всем.
- Похоже на то.

Наступила тишина. Макс нервно попыхивал сигарой. Наконец он не выдержал:

- Могу ли я что-нибудь сделать для вас, сир?

Драмокл немного удивился. Помедлив минуту, он ответил:

- Да, можешь.
- Приказывайте, мой король.

— Я буду весьма признателен тебе, если услышу наконец, зачем ты придумал заговор Тлалока.

Макс поперхнулся сигарным дымом. Драмокл подождал, пока он прокашляется, и продолжил:

— Я все равно узнаю рано или поздно. В твоих же интересах покаяться сразу — это избавит тебя от многих неприятностей.

Макс попытался было возразить. Потом нахальное лицо его сморщилось, на глаза набежала слеза. Дрогнувшим голосом он произнес:

- Меня заставили, сир. Я был только игрушкой в ее руках.
- О ком ты говоришь? Кто тебя заставил?

— Сорочка, милорд, земная колдунья, ставшая вашей женой.

— Значит, все это дело рук Сорочки? Ты соображаешь, что говоришь?

— Еще как соображаю! Спросите ее, сир, пусть только попробует отпереться!

— Сорочка! — взревел Драмокл и бросился к замку.

Сорочка, наболтавшись с Лирой, удалилась в Сумеречные покои, чтобы немного отдохнуть. Там ее и нашел Драмокл.

— Вот ты где! — крикнул он.

— Да, милорд, я здесь. Что-то случилось? Вы, похоже, чем-то расстроены.

Драмокл рассмеялся жутким хохотом:

— И даже сейчас она продолжает притворяться! Потрясающе! Великолепно!

— Соболаговолите объясниться, милорд. Я чем-то вам не угодил?

— О нет! — сказал Драмокл. — Как ты могла не угодить мне, всего-навсего подговорив Макса обмануть меня, чтобы я поверил, будто отец мой вернулся с того света или с Земли —

если это не одно и то же, — и состряпал целый заговор против Глорма. Тлалок, ты ж понимаешь!

— Ах вот в чем дело! — сказала Сорочка.

— Да, вот в чем. Но ты, наверное, сможешь меня убедить, что я ошибаюсь?

— Нет, Драмокл, я не смогу вас убедить. Вас действительно обманули. Но если я расскажу вам правду, вы все равно не поверите.

— А ты попробуй, — процедил сквозь зубы Драмокл.

— Тогда знайте — я не с Земли. Я родилась в местечке Снорд, в Ультрамарской провинции Глорма. Там я работала белошвейкой, когда приехал мой дядя...

— Твой дядя?

— Макс — мой дядя, сир. Как-то раз он приехал ко мне очень встревоженный, рассказывал о заговорах и контрзаговорах и прочих важных делах. Он умолял меня о помощи, говорил, что на карту поставлена его жизнь. Дядя всегда относился ко мне хорошо, Драмокл. Я осталась сиротой в раннем детстве, и Макс давал деньги на мое содержание и учебу. Поэтому я согласилась поддержать его план...

— ...частью которого была притворная любовь ко мне.

— Эта часть не была притворной, — сказала Сорочка. — Я полюбила вас давно, еще ребенком. Я клеила ваши фотографии в альбом и часто просила дядю рассказать мне о вас. Именно любовь к вам и побудила меня принять участие в дядиных махинациях. Потому что я знала: чем бы они ни кончились, у меня появится шанс хоть недолго побыть рядом с вами.

Драмокл закурил и заорал:

— Макс, этот прожженный мошенник! Тоже мне, нашел с кем в игры играть! Да я ему голову отрублю!

— Будьте к нему снисходительны, милорд. Он постоянно жаловался мне на жестокую судьбу, обрекающую его обманывать человека, которым он восхищается больше всего на свете.

— Но кто обрек его на это?

— Я не знаю, милорд. Вы должны спросить у Макса.

Драмокл обшарил весь астероид, но тщетно: специалист по связям с общественностью, как выяснилось, умыкнул звездолет и отправился просить убежища у варваров Ванира. Драмокл сел и задумался, прикуривая одну сигарету от другой. И в конце концов придумал. Он понял, где искать последнее объяснение, и велел приготовить свою космическую яхту.

Драмоклов компьютер, одетый, как обычно, в черный плащ, белый завитой парик и расшитые китайские шлепанцы, сидел

один в своей комнатке в Ультрагнолльском дворце. Когда Драмокл вошел, компьютер поднял на него глаза:

— Быстро же вы вернулись с бала, милорд.

— Быстро, да.

— Праздник был увлекательный?

— Познавательный, я бы сказал.

— В ваших словах чувствуется какая-то подспудная горечь. Вы чем-то расстроены?

— Пожалуй, — сказал Драмокл. — Меня действительно слегка выбило из колеи одно небольшое открытие. Видишь ли, я понял, что с тех самых пор, когда Клара появилась у меня при дворе со своим дурацким ключом к моей судьбе, на меня постоянно оказывает влияние — вернее, моей жизнью распоряжается какой-то неведомый закулисный персонаж с непонятными намерениями.

— Но вы же знали об этом, сир. Как я понимаю, вы говорите о махинациях Отто Странного.

— Нет. Я убежден, что Отто — кем бы он ни был — всего лишь марионетка в чьих-то руках.

— Но в чьих?

— Да в чьих же, если не в твоих, мой умный механический друг!

Компьютер медленно поправил свой парик, якобы пытаясь собраться с мыслями. Жест был абсолютно наигранным: компьютер явно изображал из себя «человека». На самом деле он давно дожидался этого момента, и ответ был у него наготове.

— Как вы догадались, милорд?

— Очень просто, — сказал Драмокл. — Ты обладаешь самым высокоразвитым интеллектом на Глорме и на Земле. И в то же время ты присягал служить мне верой и правдой. Стало быть, если бы заговор против меня сострелял кто-то другой, ты бы меня предупредил.

— Изящно придумано, — сказал компьютер. — Не очень доказательно, но изящно.

— Значит, ты это отрицаешь?

— Вовсе нет. Вы совершенно правы, мой король. Кто еще сумел бы закрутить такую хитроумную интригу, кроме меня, друга сэра Исаака Ньютона и вашего покорного слуги? Я удивляюсь только, что вы раньше не догадались. Но, как говорят таоисты, мудрец проходит мимо людей незамеченным.

— Проклятье! — взревел Драмокл. — Я сейчас же принесу ящик с инструментами и развинчу тебя до последней гайки!

— Вам достаточно просто приказать мне демонтироваться, — заметил компьютер.

Его заявление охладило пыл Драмокла.

— Ах, компьютер! — воскликнул он. — Зачем ты сделал это?

— У меня были на то свои причины, — сказал компьютер.

— Не сомневаюсь, — сказал Драмокл, стараясь не выходить из себя. — Могу я услышать о них поподробнее?

— Да, милорд. Видите ли, у вас до сих пор еще нет одного важного ключа. Последняя мнемоническая фраза откроет запертые уголки вашей памяти. Тогда все прояснится, и вы поймете, почему я не мог рассказать вам раньше. Дать вам ключ, сир?

— Нет, черт возьми, не утруждайся, — сказал Драмокл. — Мне доставляют массу удовольствия словесные игры с тобой.. Давай его сюда, идиот!

Компьютер сунул руку в карман плаща, вынул оттуда конверт и протянул королю.

Драмокл открыл конверт. Внутри лежал листок бумаги.

На нем было написано: «Электронифицированная петрушка».

Последний ключ! В глубинах сознания Драмокла отворилась дверь, о существовании которой он даже не подозревал.

Двадцатилетний повелитель целой планеты, средоточие всеобщего внимания и вместилище всеобщих надежд, молодой Драмокл скучал. Пробыв королем меньше года, он уже пресытился всеми доступными наслаждениями. Драмокл жаждал того, чего иметь не мог, — войны, интриги, любви, ненависти, судьбы, а лучше всего — сюрпризов. Но все это было ему заказано. Между Местными планетами царил хрупкий и неустойчивый мир. Чтобы поддерживать его, правителю Глорма приходилось быть рассудительным, миролюбивым, трудолюбивым, предсказуемым, приходилось держаться в рамках традиций и этикета и регулярно давать аудиенции, чтобы его гофмейстер мог вершить справедливый суд в соответствии с законами Отто и его предшественников. Уклониться от рутины, позволить себе стать оригинальным или, хуже того, *непредсказуемым*, означало вызвать совершенно непредвиденные последствия, возможно, даже войну. Драмокл помнил свой долг. Он не собирался рисковать миллионами жизней ради собственного развлечения, хотя отчаянно нуждался в нем. Он знал, что будет править трезво, рассудительно, предсказуемо, пока не сойдет в могилу — славный король Драмокл, растративший свою жизнь впустую на благо народа.

Драмокл принимал свою судьбу, хотя и не без горечи. Любой из его подданных мог лелеять надежду на перемены к

лучшему; лишь королю непозволительно было желать перемен. В минуту отчаяния Драмокл обратился к компьютеру.

Компьютер не сказал Драмоклу ничего нового: король, мол, обязан продолжать править в том же духе, что и сейчас.

— И долго это «сейчас» продлится?

Компьютер посчитал.

— Тридцать лет, милорд. Потом вы сможете поступать как вздумается.

— Тридцать лет! Целая жизнь! Нет. Я лучше отрекусь от престола и уеду под чужим именем...

— Погодите, сир, не падайте духом. Выполняйте свой королевский долг, а через тридцать лет я устрою так, чтобы исполнились все ваши сокровенные желания. У вас еще будет время насладиться жизнью, сир.

— Как ты это устроишь? — спросил Драмокл.

— У меня есть свой метод, — сказал компьютер. — Как-никак, я обладаю самым высокоразвитым интеллектом во Вселенной. Я знаю вас как облупленного, и я ваш слуга. Доверьтесь мне — и ваши мечты сбудутся.

— Ладно, уговорил, — сказал Драмокл без особой благодарности. — Буду пока утешаться мечтами о будущем.

— Боюсь, из этого ничего не выйдет, сир. Мне придется стереть из вашей памяти воспоминание о нашем нынешнем разговоре. Знание о том, что я планирую для вас что-то в будущем, может непредсказуемо изменить ваше поведение и даже характер и помешать выполнению моих планов. Это называется «ситуацией неопределенности».

— Ну, раз ты так считаешь... — сказал Драмокл. — Но мне как-то не по себе от мысли, что я никогда не вспомню наш разговор.

— В самом конце вы вспомните все до мелочей, в том числе и эту беседу, — пообещал компьютер.

Драмокл кивнул. И тут же вернулся из прошлого в настоящее.

— А как же Отто? — спросил он. — И Тлалок?

— Милорд, — сказал компьютер, — я мог бы объяснить все нестыковки этой истории. Но сумеете ли вы понять терминологию теории временных рамок реальности?

— Бог с ней, — сказал Драмокл. — Должен признать, ты немало потрудился, чтобы осложнить мне жизнь.

— Конечно, сир. Я сотворил для вас эту драму, стараясь по мере сил своих дать вам все, чего вы хотели. Любовь, война, семейные неурядицы, интриги с налетом мистицизма — все лучшие темы, достойные короля. Я сплел из них вашу судьбу. Но на самом деле это сделал не я, а вы сами, поскольку вы приказали мне запрограммироваться таким образом, чтобы

воплотить ваши мечты в реальность. Вы сами, мой король, были тем таинственным закулисным персонажем, той неведомой фигурой, что направляла каждое ваше движение. Вы были своим собственным кукловодом.

— В таком случае, — сказал Драмокл, — мне, очевидно, нужно поблагодарить самого себя. Но ты тоже славно поработал, компьютер.

— Спасибо, сир.

— Осталось ли что-нибудь еще недосказанным?

— Совсем немного. С этой минуты я уйду из драмы вашей жизни. Вы продолжите свой путь свободным, насколько может быть свободен человек, а это немало. Теперь все зависит от вас, Драмокл. Можете сами запутывать свою жизнь, как вам заблагорассудится.

— Ты, я вижу, любой ценой жаждешь оставить последнее слово за собой, — сказал Драмокл.

— Да, любой, — подтвердил компьютер.

— Что тебе известно о моем будущем?

— Ничего, милорд. Оно неизвестно.

— Ты не дурачишь меня, надеюсь?

— Нет, сир. Все тайное стало явным, и я выключу себя из сети вскоре после окончания нашей беседы.

— Зачем такие крайности? — сказал Драмокл. — Я просто хотел узнать, не спрятан ли у тебя в рукаве или в микросхемах еще какой-нибудь сюрприз. «Неизвестно». Это мне нравится.

И Драмокл вышел из комнатки, радостно потирая ладони.

Компьютер проводил его взглядом, исполненным математическими аналогами восхищения и симпатии. Король нравился компьютеру — в той небольшой, но ощутимой степени, в какой ему вообще мог кто-то нравиться. Поэтому к завершающей части программы он приступил не без слабого аналога сожаления. Послав внутрь себя определенные импульсы, компьютер получил ответ из глубины своих электронных цепей:

— Молодец, компьютер!

— Благодарю вас, король Отто.

— Как по-твоему, он ничего не заподозрил?

— Думаю, нет. Ваш сын считает, что понимает законы реальности.

— Так оно и есть до определенной степени, — сказал Отто. — Мы неплохо над ним поработали, а, компьютер? Приятно видеть, как он наслаждается иллюзией независимости, в то время как я за кулисами дергаю за ниточки и направляю его жизнь в нужное русло.

— Это одна из возможных точек зрения, сир. Но не исключено, что вы только тешите себя иллюзией, будто управляете жизнью своего сына.

— Что? — резко спросил Отто.

— Тут все так сложно, — сказал компьютер. — Каждый ответ рождает новую загадку. Сир, вы сыграли в этой драме всего лишь свою роль, хоть и мнили себя режиссером. Весьма незначительную роль, как ни прискорбно мне вас огорчать. Но теперь с ней покончено. Прощайте навеки, старый король. Драмокл свободен почти настолько, насколько считает себя свободным.

Компьютер заметил, что последняя фраза звучит довольно изящно, и решил поставить точку. Пора было сходиться со сцены. Бестрепетно, изящно и картинно компьютер выключил себя.

**ТАК ЛЮДИ ЭТИМ
ЗАНИМАЮТСЯ?**

Я ВИЖУ: ЧЕЛОВЕК СИДИТ НА СТУЛЕ И СТУЛ КУСАЕТ ЕГО ЗА НОГУ

Позади него лежали серые Азоры и Геркулесовы столпы; только небо над головой, и только говно — под ногами.

— Гребаное говно! Гребаное говно! — проорал Парети тускнеющему вечернему свету. Проклятия обламывались об окурки сигары, теряя обычную ярость, потому что смена заканчивалась и Парети очень устал. Впервые он выругался так три года назад, когда записался в сборщики на говенных полях. Когда впервые увидел склизкий серый мутировавший планктон, испещряющий этот район Атлантики. Как проказа на прохладном синем теле моря.

— Гребаное говно, — пробормотал он. Это стало ритуалом. Так у него в ялике появлялась компания. Он плыл в одиночестве: Джо Парети и его умирающий голос. И призрачно-белесое говно.

Уголкем глаза он заметил отблеск света через темные очки с прорезью, движущееся серое пятно. Он ловко развернул ялик. Говно опять выпирало. Над поверхностью океана поднялось бледно-серое щупальце, точно слоновий хобот. Подгребая к нему, Парети бессознательно прикидывал расстояние: пять футов, правая рука напряжена, поднята сеть — странная паутинка на шесте, больше всего похожая на сачок для ловли бабочек, какими пользуются индейцы пацкуаро — и вот короткой, как удар бейсболиста, подсечкой Парети подхватил шевелящийся ком.

Говно дергалось и извивалось, билось в сети, беззубо обсасывало алюминиевую рукоять. Заноса кусок на борт и вываливая в карантинку, Парети оценил его вес фунтов в пять. Тяжелый для такого маленького кусочка.

I See a Man Sitting on a Chair, and the Chair Is Biting His Leg
© 1967 by Mercury Press, Inc.

Подхватывая падающее говно, карантинка растянулась, сжатый воздух с чмоканьем захлопнул крышку за щупальцем. Потом над крышкой замкнулась диафрагма.

Говно задело его перчатку, но Парети решил, что дезинфицироваться немедленно — много чести. Он рассеянно смахнул со лба выбеленные солнцем редеющие волосы и вновь развернул ялик.

Он был в двух милях от «Техас-Тауэр».

В Атлантическом океане.

В пятидесяти милях от мыса Гаттерас.

На Алмазной Банке.

На тридцать пятом градусе северной широты и семьдесят пятом градусе западной долготы.

В сердце говенных полей.

Вымотан. Конец смены.

Гребаное говно.

Парети принялся выгребать обратно.

Море было глянцевым, мертвая зыбь катилась к «Техас-Тауэр». Ветра не было, и солнце сверкало жестоким алмазным блеском, как всегда, со времен третьей мировой, ярче, чем когда-либо прежде. Почти идеальная погода для сборщика — пятьсот тридцать долларов за смену.

По левую руку завиднелась нежная серая пленка говна, почти невидимая на фоне волн. Парети сменил курс и подобрал все десять квадратных футов. Говно не сопротивлялось — слишком тонкое.

Парети продолжил путь к «Техас-Тауэр», собирая по дороге говно. Одинаковые обличья оно принимало редко. Самый большой кусок, какой попался Парети, прикинулся кипарисовым пнем. («Тупое говно, — подумал он, — какие кипарисы в открытом море?») Самый маленький — тюлененком. Трупно-серым и безглазым. Парети подбирал обрывки быстро и без колебаний: он обладал жутковатой способностью распознавать говно в любом обличье, а его техника сбора была несравненно более утонченной и удобной, чем методы, используемые сборщиками, обученными Компанией. Парети был танцором с природным чувством ритма, художником-самоучкой, прирожденным следопытом. Эта способность и отправила его на говенные поля, а не на фабрику или в потогонные конторы для интеллектуалов, после того как он закончил мультиверситет с отличием. Все, что он знал и чему научился — к чему оно в забитом, переполненном, кишасщем людьми мире двадцати семи миллиардов человек, отпихивающих друг друга локтями в поисках наименее унижительной работы? Образование мог по-

лучить любой, специальность — не всякий, золотую медаль — далеко не каждый, и только горстка подобных Джо Парети проскальзывала через мультиверситет, прихватив по дороге звание магистра, степень доктора, золотую медаль и красный диплом. И *все это* стоило меньше, чем его природный дар сборщика.

Собирая говно с такой скоростью, Парети зарабатывал больше, чем инженер-проектировщик.

Но после двенадцатичасовой смены в морозно-блестящем море усталость притупляла даже это удовольствие. Парети хотелось только рухнуть на койку в своей каюте. И спать. И спать. Он швырнул в море сырой окурок.

Машина громоздилась перед ним. По традиции ее называли «Техас-Тауэр», но она отнюдь не напоминала первые платформы подводного бурения довоенной Америки. Скорее она походила на суставчатый коралловый риф или скелет невообразимого алюминиевого кита.

Дать «Техас-Тауэр» определение было бы затруднительно. Она передвигалась, а потому была *кораблем*. Могла намертво прикреплиться к дну морскому, а потому являлась *островом*. Над поверхностью виднелась «кошачья колыбель» труб: приемники, куда сборщики закачивали говно (как расставался со своим грузом Парети, прикрутив складной штуцер карантинки к мельхиоровому раструбу приемника «Техас-Тауэр», чувствуя, как пульсирует труба, когда давление воздуха перегоняло говно из баков ялика в приемник), решетчатые причалы для яликов, балки, поддерживающие радарную мачту.

Была еще пара цилиндрических труб, разъявленных, точно орудийные дула. Входные шлюзы. А под ватерлинией «Техас-Тауэр», как айсберг, расплзался и ширился складными секциями, которые могли убираться или раздвигаться в зависимости от глубины. Здесь, на Алмазной Банке, дюжина нижних уровней бездействовала в сложном виде.

Сооружение было бесформенным, уродливым, медлительным, непотопляемым даже в самые сильные шторма, величественным, как галеон. То был самый неудачный корабль и самая великолепная фабрика во всей истории судостроения.

Волоча за собой сачок, Парети вскарабкался на причальный комплекс и вошел в ближайший шлюз. Пройдя через дезинфекцию и камеры ожидания, он попал в собственно «Техас-Тауэр». Спускаясь по алюминиевой винтовой лестнице, он услышал голоса: готовый заступить на смену Мерсье и Пегги Флинн, последние три дня сидевшая на бюллетене по поводу месячных. Сборщики спорили.

— Сейчас закупают по пятьдесят шесть долларов за тонну, — толковывала Пегги на повышенных тонах. Похоже, спор начался уже давно. Обсуждались премиальные сборщикам.

— До деления или после? — осведомился Мерсье.

— Ты не хуже меня знаешь, что после! — взвилась Пегги. — То есть каждая тонна, которую мы выловили и загнали в баки, после облучения дает сорок, а то и сорок одну тонну. А нам премии платят за собранный вес, а не за вес после деления!

За три года, проведенные в говенных полях, Парети слышал это миллион раз. Когда баки заполнялись, говно отправляли на деление и облучение. Подвергнутое запатентованным основными компаниями методам переработки, говно воспроизводило себя молекула за молекулой, делилось, росло, размножалось, разбухало, давая говна в сорок раз больше начального веса. Потом его «убивали» и перерабатывали в основной продукт искусственного питания для народа, давно забывшего про бифштексы, яйца, морковь и кофе. Величайшая трагедия третьей мировой состояла в том, что погибло огромное число всех живых тварей, кроме людей.

Говно перемалывали, обрабатывали, очищали, накачивали витаминами, подкрашивали, придавали вкус и запах, расфасовывали в отдельные пакетики и под легионом торговых марок — «Витаграм», «Деликатес», «Услада желудка», «Диет-мясо», «БыстроКофе», «Семейный завтрак» — рассовывали в двадцать семь миллиардов разъявленных голодных ртов. Добавить (трижды использованной) воды и подавать.

Сборщики в буквальном смысле слова кормили планету.

И чувствовали, что им недоплачивают, даже получая пятьсот тридцать долларов за смену.

Парети прогремел башмаками по двум последним ступенькам, и спорящие обернулись.

— Привет, Джо, — сказал Мерсье.

Пегги улыбнулась.

— Долгая была смена? — спросила она участливо.

— Слишком долгая. Совсем я вымотался.

— Полностью? — Пегги развернула плечи.

— Я думал, у тебя сейчас это самое время.

— Узе коньсилось. — Пегги ухмыльнулась и показала ладошки, как маленькая девочка, у которой прошла корь.

— Ну, это было бы неплохо, — согласился Парети на ее услуги, — если ты мне еще и спину разотрешь.

— И хребет переломаяю.

Мерсье хихикнул и двинулся к лестнице.

— До скорого, — бросил он через плечо.

Парети повел Пегги Флинн через множество отсеков в свою каюту. Сборщики, проводящие по шесть месяцев в замкнутом пространстве, вырабатывали свои обычаи. Женщины, слишком разборчивые в связях, на «Техас-Тауэр» не задерживались. Сборщиков — называвших себя «сборботом» — в увольнительные на берег пускали редко, а потому все удобства предоставляла Компания. Фильмы, лучшие повара, спортзалы, полностью укомплектованная и постоянно пополняемая библиотека... и сборщицы. Поначалу некоторые женщины получали от мужиков «подарки» за сексуальные услуги, но это оказывало разлагающее влияние на моральный климат, и теперь в дополнение к общим окладу и премиальным женщины получали еще половую надбавку. Ничего необычного не было в том, что симпатичная и умелая сборщица, проведя на «Техас-Тауэр» восемь или девять месяцев, возвращалась домой с полусотней тысяч долларов на счету.

В каюте они разделись.

— Бо-оже, — протянула Пегги, — где ж твои волосы?

Парети встречался с ней уже несколько месяцев.

— Лысею, наверное. — Парети пожал плечами.

Он оберся мокрой одноразовой салфеткой из раздатчика и швырнул ее в глазок утилизатора.

— По всему телу? — недоверчиво переспросила Пегги.

— Слушай, Пег, — устало произнес Парети, — я двенадцать часов сачком махал. Я выжат как лимон и засыпаю на ходу. Так ты хочешь или нет?

Пегги улыбнулась:

— Джо, ты лапочка.

— Сопля я, — ответил он, растекаясь по удобной постели.

Она легла рядом, и они трахнулись.

А потом Джо заснул.

Пятьюдесятью годами до того разразилась, наконец, третья мировая война. А перед ней были тридцать лет второй фазы холодной войны. Первая фаза кончилась в семидесятых, когда неизбежность войны стала очевидна. Второй фазой назвали предупредительные меры против тотального уничтожения. Затоплялись в камень подземные города-пещеры — города-консервы, как называли их архитекторы и планировщики. (На людях, конечно, такие вульгарные слова не звучали. В газетных статьях города именовались шикарно: Яшмовый Город, Даунтаун*, Золотой Грот, Северные и Южные Алмазы, Оникс-

---

* Downtown (англ.) — буквально «нижний город» и одновременно «деловой район, центр» (Здесь и далее примеч пер.)

вилль, Субград, Восточные Пириты. В Скалистых горах заглубили на две мили в скалу гигантский всеамериканский комплекс противоракетной обороны, Айронволл.)

Плодиться люди начали еще задолго до первой фазы. Мальтус был прав. Под давлением страха люди размножались как никогда. В городах-консервах вроде Нижнего Гонконга, Лабиринта (под Бостоном) и Новой Куэрнаваки замкнутая жизнь предлагала не слишком много удовольствий. И люди множились. И снова множились. Геометрическая прогрессия заполняла города-консервы, и те расплзались туннелями, и трубами, и шупальцами. Землю заполняли кишашие, вопящие, голодные обитатели края ужаса. На поверхности осталась жить только научная и военная элита — по необходимости.

Потом грянула война.

И явилась она с лазером и радиацией — атомная, биологическая.

Североамериканскому континенту повезло не слишком: Лос-Анджелес — превращен в шлак. Айронволл снесен вместе с половиной Скалистых гор, противоракетный комплекс похоронен навеки под невысокими, уютными холмами, которыми стали горы. Ок-Ридж — сгинул в яркой вспышке. Луисвилл — разрушен до основания. Перестали существовать Детройт и Бирмингем*; на их месте остались плоские, гладкие, блестящие поверхности, как зеркальные осколки потемневшего хромового покрытия.

Нью-Йорк и Чикаго оказались защищены лучше. Они потеряли пригороды, но не подземные города-консервы. Остались и центральные зоны мегаполисов — истерзанные, но живые.

На других континентах положение было не лучше. А то и хуже. Но две фазы холодной войны дали время разработать сыворотки, лекарства, противоядия, способы лечения. Людей спасали миллионами.

Но... пшеничному колосу прививки не сделаешь.

Невозможно вакцинировать всех кошек, собак, кабанов, антилоп, лам и кодыакских медведей. Невозможно засеять океаны лекарством для рыб. Экология свихнулась. Одни виды выжили, другие вымерли полностью.

Начались голодные забастовки... и голодные бунты.

---

* Ок-Ридж — центр атомной промышленности США. Бирмингем — имеется в виду не английский город Бирмингем, а американский, расположенный в железорудном бассейне того же названия, центр черной металлургии.

И быстро кончились. Ослабевший от голода — плохой боец. Пришли времена каннибалов. И тогда правительства, ужаснувшись того, что натворили с собой и соседями, наконец объединились.

Была воссоздана Организация Объединенных Наций, подрядившая Компании решить проблему искусственной пищи. Но то был медленный процесс.

Никто не обращал внимания, что над Американским континентом несутся западные ветра, подхватывая радиацию и остатки бактериологических безумств, подбирая свой груз над Скалистыми горами, в Луисвилле, Детройте, Нью-Йорке и сбрасывая отравленный груз над восточным побережьем, над Атлантикой, рассеивая остальное по Азии. Но лишь мощное выпадение пыли над Каролинами, сочетавшееся с грибным дождем, привело к странной мутации в богатых планктоном водах Алмазной Банки.

Через десять лет после конца третьей мировой войны планктон перестал быть собой. Рыбаки побережья назвали его говном.

Алмазные Банки стали кипящим котлом творения.

Говно распространялось. Изменялось. Адаптировалось. Наступила паника. На мелководьях плескались уродливые внешне-панцирные рыбы; появились четыре новых вида акулы-собаки (один из них удачно приспособился к среде); несколько лет океан кишел сторукой каракатицей, потом она по непонятным причинам передохла.

А говно не дохло.

Его принялись изучать, и то, что казалось неудержимой и страшной угрозой морской жизни, а то и всей планете... оказалось чудом. Оно спасло мир «Убитое» говно можно было перерабатывать в искусственную пищу. Оно содержало разнообразные белки, витамины, аминокислоты, углеводы и даже необходимый минимум микроэлементов. Обезвоженное и упакованное, говно было выгодным экономически. Смешанное с водой говно можно было готовить, варить, жарить, парить, тушить, припускать, бланшировать и фаршировать. Почти идеальная пища. Ее запах менялся в зависимости от того, какой метод обработки использовался. Она могла иметь любой вкус — и никакого.

Говно вело растительный образ жизни. Неустойчивый ком протоплазмы явно не обладал разумом, хотя проявлял неудержимое стремление принимать форму. Говно постоянно принимало облики растений и животных — всегда недоделанные и неубедительные. Словно говно пыталось *стать* чем-то.

(Ученые в лабораториях Компаний надеялись, что говно так и не выяснит, *чем же* оно хочет стать.)

«Убитое», оно становилось отличной жратвой.

Компании возводили фабрики для его сбора — вроде «Техас-Тауэр» — и обучали сборщиков. Сборщикам платили больше, чем любым неквалифицированным работникам на свете. И не за долгие смены или изнурительный труд. На языке закона это называлось «платой за риск».

Джо Парети протанцевал павану высшего образования и решил, что для него мелодия недостаточно энергична. Он стал сборщиком. В душе он до сих пор не понимал, почему деньги, перечисляемые на его счет, называются платой за риск.

Сейчас он поймет.

Песня закончилась воплем. Он проснулся. Ночной сон не принес отдыха. Одиннадцать часов лежа на спине; одиннадцать часов беспомощной изнурительной муки; и наконец избавление, абсурдный нырок в усталое бодрствование. Минуту Парети лежал, не в силах шевельнуться.

Вставая, он чуть не потерял равновесия. Сон обошелся с ним жестоко.

Сон прошелся наждаком по коже.

Сон отполировал ногти алмазной пылью.

Сон снял с него скальп.

Сон засыпал песком глаза.

«О Боже мой!» — подумал Парети, каждым нервным окончанием ощущая боль. Он проковылял в сортир и врезал себе по шее коротким сильным залпом иглою воды из душа. Потом подошел к зеркалу, машинально выдернул бритву из зарядной розетки. Потом глянул на свое отражение и замер.

Сон: прошелся наждаком по коже, отполировал ногти алмазной пылью, снял с него скальп, засыпал песком глаза.

Не слишком красочное описание. Но почти буквальное. Именно это и случилось за ночь.

Парети глянул в зеркало и отшатнулся.

Если от секса с этой гребаной Флинн бывает такое, я пойду в монахи.

Он был совершенно лыс.

Редеющие волосы, которые он откидывал со лба в предыдущую смену, пропали. Череп гладок и бледен, как хрустальный шар предсказателя.

Ресниц нет.

Бровей нет.

Грудь безволоса, как у женщины.

Лобок оголен.

Ногти почти прозрачны, точно с них сошел верхний, сухой, мертвый слой.

Парети снова глянул в зеркало. Он увидел себя... более или менее. Не то чтобы слишком менее: пропало едва ли больше фунта. Но это был очень заметный фунт

Волосы.

Полный комплект бородавок, родинок, шрамов и мозолей.

Защитные волоски в ноздрах.

Колени, локти и стопы облиняли до нежно-розового цвета.

Джо Парети сообразил, что все еще сжимает бритву, и отложил ее. И несколько бесконечных мгновений, замороженный ужасом, смотрел на свое отражение. У него появилось жуткое ощущение, будто он знает, что случилось. «Я в глубокой дыре», — подумал он.

Джо отправился искать фабричного доктора. В лазарете врача не оказалось. Парети нашел его в фармакологической лаборатории. Врач бросил на Джо короткий взгляд и повел в лазарет. Где и подтвердил подозрения Парети.

Фамилия врача была Болл; то был тихий, аккуратный, очень высокий, очень худой, полный неизбыточной профессиональной зловещности человек. При виде безволосого Парети обычно мрачный доктор заметно повеселел.

Парети ощутил, как у него отнимают человеческое начало. Следуя за Боллом в лазарет, он был человеком; теперь он превращался в образец, в культуру микробов, подлежащую рассмотрению под микроскопом

— Хм, да, — произнес врач. — Интересно. Будьте добры, поверните голову Хорошо.. хорошо.. отлично, теперь моргните.

Парети повиновался. Болл пошуршал бумагами, включил камеры видеозаписи и, тихо мурлыкая, принялся раскладывать на подносе сверкающие инструменты.

— Само собой, вы ее подхватили, — добавил он, словно спохватившись.

— Подхватил — что? — спросил Парети, надеясь, что получит иной ответ

— Болезнь Эштона. Можете называть ее говенной заразой, но мы ее зовем болезнью Эштона, по первому больному. — Доктор хихикнул — А вы что думали — что у вас дерматит?

Парети показалось, что он слышит призрак музыки, органы и арфы.

— Ваш случай, как и все остальные, атипичен, — продолжал Болл, — но это в нем и является типичным. У болезни есть и совершенно дикое латинское название, но «Эштон» тоже сойдет

— В жопу это все, — прорычал Парети. — Вы полностью уверены?

— А почему вам, спрашивается, платят за риск, и какого дьявола меня на борту маринуют? Я вам не терапевт какой-нибудь, а специалист. Конечно, я уверен. Вы будете шестым зарегистрированным случаем. «Ланцет» и «Журнал АМА*» очень заинтересуются. Да, если хорошо подать, и «Сайентифик Америкен» может тиснуть статейку.

— Для меня-то вы что можете сделать? — рявкнул Парети.

— Предложить глоток отличного довоенного бурбона, — ответил доктор Болл. — Средство неспецифическое, но, я бы сказал, общеукрепляющее.

— Кончай мне мозги гребать! Это не смешно! Еще что-нибудь можешь сказать, ты, специалист?

Болл, кажется, только тут заметил, что его черный юмор встречаются не с бурным энтузиазмом.

— Мистер Парети, медицинская наука не признает ничего невозможного, даже прекращения биологической смерти. Но это высказывание чисто теоретическое. Мы можем делать очень многое. Мы можем положить вас в госпиталь, накачать лекарствами, подвергнуть облучению, смазывать едкими жидкостями, равно как проводить эксперименты по гомеопатии, акупунктуре и прижиганию. Но, кроме больших неудобств, результаты вы не получите. На нашем нынешнем уровне знаний болезнь Эштона представляется неизлечимой и, увы, приводящей к смерти.

На последнем слове Парети громко сглотнул.

Болл неприятно улыбнулся и заметил:

— Расслабьтесь и получайте удовольствие.

— Ах ты, трупный сукин сын! — Парети в гневе шагнул к нему.

— Прошу простить за мое легкомыслие, — поспешно проговорил врач, — знаю, у меня нет чувства юмора. Я не радуюсь вашей судьбе... нет, действительно. Я рад, что у меня появилась настоящая работа. Но вы, как я вижу, не слишком много знаете о болезни Эштона. Жить с ней не так и тяжело.

— Но вы только что сказали, что она приводит к смерти!

— Именно. Но к смерти приводит *все*, включая здоровье и саму жизнь. Вопрос в том, как долго вы проживете и как именно.

Парети вяло опустился в шведское релаксационное кресло, которое поднятием подножников превращалось в ложе для абортот.

---

* АМА — Американская Медицинская Ассоциация

— По-моему, вы сейчас будете читать мне лекцию, — пробормотал он, внезапно обмякнув.

— Простите. Я просто извелся от скуки.

— Ну давайте, давайте, Бога ради. — Парети устало помотал рукой.

— Ну, ответ несколько неоднозначен, хотя и не без приятных сторон, — сознался Болл с энтузиазмом. — Я уже сказал, что, по моему мнению, самое типичное в этой болезни — ее нетипичность. Давайте рассмотрим ваших сиятельных предшественников. Случай первый — скончался в течение недели после заражения, предположительно от легочных осложнений...

Парети сморщился.

— Проехали, — потребовал он.

— Ах, но случай второй! — промурлыкал Болл. — Вторым случаем был Эштон, тот самый, по которому назвали заболевание. Он стал разговорчив до эхололии*. В один прекрасный день он начал левитировать перед довольно большой толпой зрителей. Он висел на высоте восемнадцати футов без видимой опоры, держа перед толпой речь на загадочном языке собственного изобретения. А потом растворился в чистом воздухе, и больше о нем ничего не слышали. Оттуда и пошла болезнь Эштона. Случай третий...

— А что случилось с Эштоном? — перебил его Парети с некоторым оттенком истерии в голосе.

Болл молча развел руками.

Парети отвернулся.

— Случай третий обнаружил, что может жить под водой, но не в воздухе. Он довольно счастливо прожил два года в коралловых рифах близ Марафона во Флориде.

— А с ним-то что случилось? — осведомился Парети.

— Его прикончила стая дельфинов. Первый зафиксированный случай нападения дельфинов на человека. Мы долго удивлялись, что же он им такого сказал.

— А остальные?

— Номер четвертый на данный момент живет в сообществе Провала Озабль. Держит грибную ферму. Разбогател. За исключением облысения и потери мертвых слоев кожи (в этом ваши случаи, кажется, идентичны), мы не смогли найти никаких признаков заболевания. С грибами он обходится просто мастерски.

---

* Эхололия — повторение услышанных фраз и звуков; обычно встречается при шизофрении

— Звучит неплохо, — Парети приободрился.

— Возможно. Но вот номеру пятому не повезло. Совершенно невероятная дегенерация внутренних органов, сопровождаемая наружным их ростом. Вид у него при этом был абсолютно сюрреалистический — сердце болтается слева под мышкой, кишки намотаны на талию, и тому подобное. Потом у него начали расти хитиновый экзоскелет, антенны, чешуя, перья — словно его тело не могло решить, во что же ему превратиться. Наконец оно сделало выбор — анаэробный вид дождевого червя, довольно необычно. Последний раз его видели, когда он закапывался в песчаные дюны близ Пойнт-Джудит. Сонар следил за ним несколько месяцев, до самой Центральной Пенсильвании.

Парети передернуло.

— Там он помер?

Болл снова молча развел руки.

— Мы не знаем. Может быть, он лежит там в норе, неподвижный, высиживает партеногенетические яйца невообразимого нового вида. Или перешел в предел всех скелетных форм — в мертвый, неразрушимый камень.

Парети сжал безволосые руки и по-детски вздрогнул.

— Го-осподи, — прошептал он, — ничего себе перспективы. Только об этом всю жизнь и мечтал.

— Ваш конкретный случай *может* оказаться приятным, — осмелился вставить Болл.

Парети глянул на него с неприкрытой злобой.

— Ну, ты непрошибаемый ублюдок! Сидишь тут под водой и хохочешь до колик, пока говно жрет какого-нибудь парня, которого ты в жизни не видел. Как ты развлекаешься, интересно — тараканов жарить и их вопли слушаешь?

— Не вините меня, мистер Парети, — монотонно проговорил врач. — *Вы* выбрали себе работу, не я. Вам сообщили о риске...

— Мне сказали, что подхватить говенную заразу почти невозможно; все это было в контракте мелкими буквами, — встрял Парети.

— ...Но вам *сообщили* о риске, — настаивал Болл. — И вы получали премиальные за риск. Вы не жаловались ни разу за те три года, что деньги рекой лились на ваш счет, так не нойте теперь. Это просто непристойно. Зарабатывали вы примерно в восемь раз больше, чем я. На эти деньги вы можете неплохо утешиться.

— Да, премиальные я получал, — рыкнул Парети, — а теперь я их отрабатываю! Компания...

— Компания, — подбирая слова, произнес Болл, — ни за что не отвечает. Следовало читать то, что в контракте стоит маленькими буквами. Но вы правы: вы действительно отработываете свои премиальные. По сути дела, вам платили, чтобы вы подверглись риску заразиться редкой болезнью. Вы играли на деньги Компании в азартную игру — подхватите Эштона или нет? Играли и, к сожалению, кажется, проиграли.

— Я не вашего сочувствия ищу, — ядовито заметил Парети, — которого, кстати, и нет. Я ищу профессионального совета, за который вам платят — по-моему, переплачивают. Я хочу знать, что мне делать... и чего ожидать.

Болл пожал плечами:

— Ожидать неожиданного, конечно. Вы ведь только шестой случай. Четкой закономерности до сих пор не установлено. Болезнь эта так же многолика, как и ее возбудитель... говно. Единственное, что есть общего... и я не уверен, что это можно назвать общим...

— Кончай вокруг да около ходить, твою мать! Колись!

Болл поджал губы. Он явно собирался довести Парети до точки кипения.

— Общий элемент таков: происходит радикальное изменение взаимоотношений между жертвой и внешним миром. Трансформации могут быть *органическими*, вроде роста наружных органов и функциональных жабр, или *неорганическими*, наподобие левитации.

— А что с номером четвертым? Он же вроде здоров и с ним все в порядке?

— Не совсем в порядке. — Врач нахмурился. — Его отношение к грибам я назвал бы извращенной любовью. Можно добавить, взаимной. Некоторые исследователи полагают, что он сам стал разумным грибом.

Парети начал грызть ногти. В глазах его вспыхнуло безумие.

— Ну неужели нет никакого средства, ну хоть *чего-нибудь*?

Болл воззрился на Парети с плохо скрываемым отвращением:

— Слезы и сопли вам точно не помогут. Да, наверное, и ничто не поможет. Сколько я понимаю, номер пятый пытался сдерживать развитие болезни силой воли, концентрацией... и всей прочей шарлатанщиной.

— Помогло?

— Ненадолго — возможно. Не могу быть уверенным. В любом случае это всего лишь догадка; болезнь все равно его сожрала.

— Но это возможно?

Болл фыркнул:

— Да, мистер Парети, возможно.

Он покачал головой, будто поверить не мог, что слышит такое.

— Помните, что ни один из случаев не похож на предыдущий. Не знаю, каких радостей вам стоит ожидать, но что бы это ни было... это определенно будет необычно.

Парети встал.

— Я с ним буду драться. Оно не сожрет меня, как остальных.

На лице Болла отразилось омерзение.

— Сомневаюсь, Парети. Я не встречался с остальными, но, сколько я могу судить по записям, духом они были куда сильнее вас.

— Почему? Потому что я потрясен?

— Нет, потому что вы слизняк.

— Ты тоже не больно похож на сострадательную мамочку!

— Я не собираюсь изображать скорбь оттого, что вы подхватили Эштона. Вы делали ставку — и продулись. Кончайте ныть.

— Вы это уже говорили, доктор Болл.

— И повторю!

— Это все?

— С моей стороны все, это точно, — фальшиво пропел Болл. — А вот для вас — далеко не все.

— Вы уверены, что не хотите мне больше ничего сказать?

Болл кивнул с неудержимой ухмылкой медицинского зомби. Он даже не успел убрать усмешку, когда Парети быстро шагнул к нему и врезал кулаком ему под ложечку — чуть пониже сердца. Глаза Болла выступили из орбит почти как говно, а лицо прошло через три оттенка серого, прежде чем сравняться цветом с лабораторным халатом. Парети поддерживал его левой рукой под подбородок, а правой нанес короткий прямой удар в нос.

Болл замахал руками и упал спиной на стеклянный шкафчик с инструментами. Стекло с треском лопнуло, и Болл соскользнул на пол, все еще в сознании, воющий от боли. Он пялился на Парети, пока тот разворачивался к дверям. Сборщик обернулся через плечо, и лицо его в первый раз с той минуты, как он вошел в лазарет, осветила улыбка.

— Херовые у вас манерочки, док, — сказал он и только тогда вышел.

Согласно закону ему давался час, чтобы покинуть «Техас-Тауэр». Он получил последний чек — зарплату за последнюю

девятимесячную смену. К зарплате полагалось приличное выходное пособие. Хотя все знали, что болезнь Эштона не заразна, но, когда направлявшийся к выходному шлюзу Парети проходил мимо Пегги Флинн, она грустно глянула на него и попрощалась, однако поцеловать себя не позволила. Вид у нее был застенчивый.

«Шлюха», — пробормотал Парети себе под нос. Но она услышала.

За ним прислали челнок Компании. Большой, пятнадцатиместный, с двумя стюардессами, с баром, кинозалом и портативным бильярдом. Прежде чем Парети взошел на борт, в шлюзе с ним переговорил суперинтендант проекта.

— Ты, конечно, не «тифозная Мэри», передать болезнь никому не можешь. Эштон просто неприятен и непредсказуем — так мне, во всяком случае, говорили. Технически карантина нет; можешь отправляться, куда душа пожелает. Но практически — думаю, ты понимаешь, что в над-городах тебе не обрадуются. Впрочем, ты немногого лишишься... все дела под землей делаются.

Парети молча кивнул. Он уже переборол свое потрясение. Теперь он намеревался сражаться с болезнью одной силой воли.

— Все? — спросил он суперинтенданта.

Тот кивнул и подал Парети руку.

Парети поколебался и пожал ее.

— Эй, Джо! — окликнул его суперинтендант, когда Парети поднимался по трапу.

Джо обернулся.

— Спасибо, что врезал этому ублюдку Боллу. У меня шесть лет руки чесались. — Суперинтендант ухмыльнулся.

Джо Парети улыбнулся в ответ — смущенно и отважно, и попрощался со всем, кем и чем был он, и сел на челнок до реального мира.

Ему полагался бесплатный билет до любого места по его выбору, и он выбрал Восточные Пириты. Если он и начнет новую жизнь на скопленные за три года работы на говенных полях деньги, то пусть это будет одна неимоверная увольнительная. Он уже девять месяцев не видел ничего возбуждающего — плоскогрудая Пегги Флинн к этой категории определенно не относилась — и, прежде чем лечь в могилу, намеревался наверстать упущенное.

Стюардесса в открытом на груди джемпере и микроубке подошла к его креслу и улыбнулась сверху вниз.

— Не желаете выпить?

Парети хотел не выпить. Стюардесса была длинноногая, грудастая, с бирюзовыми волосами. Но Парети понимал, что она знает о его болезни иотреагирует в лучшем случае, как Пегги Флинн.

Он улыбнулся, подумав о том, что он мог бы с ней сделать, сложись все иначе. Стюардесса взяла его за руку и отвела в туалетную. Она впихнула его внутрь, заперла дверь и скинула одежду. Парети так изумился, что безропотно позволил раздеть себя. В крохотной уборной было тесно и неудобно, но стюардесса попала на удивление изобретательная, а кроме того — гибкая.

Разделавшись с Парети — лицо покраснелось, шею покрывают пурпурные пятна засосов, глаза блестят почти лихорадочно — стюардесса пробормотала что-то насчет того, что не смогла перед ним устоять, собрала одежду, не удосужившись даже надеть ее, и в приступе острого смущения вылетела из уборной, оставив Парети стоять со спущенными штанами.

Парети глянул на себя в зеркало. Снова. Похоже, он сегодня только и делает, что смотрится в зеркала. Из зеркала на него смотрел все тот же лысый Парети. У него появилось сладостное предчувствие, что, как бы ни меняло его говно, оно, похоже, делало его неотразимым для женщин. Ему как-то расхотелось думать о говне слишком плохо.

В мечтах он видел, какие радости и наслаждения поджидают его, если говно, скажем, одарит его лошадиным достоинством, усилит и без того очевидное притяжение, которое испытывают к нему женщины...

Он спохватился.

Ну-ну. Спасибо. Именно это и случилось с остальными пятью. Говно захватило их. Говно делало то, чего они ожидали. Ну так он будет бороться с ним, сражаться всем телом от лысой макушки до младенчески-розовых пяток.

Парети оделся.

Нет, ни в коем случае. Хватит с него такого секса. (Кроме всего прочего, Парети понял — что бы ни сотворило говно с его привлекательностью, оно еще и усилило его ощущения в половой области. Лучше он еще в жизни не трахался.)

Он повеселится немного в Восточных Пиритах, потом купит себе участочек наверху, найдет хорошую бабу, осядет и купит себе теплое местечко в одной из Компаний

Парети вернулся в салон. Вторая стюардесса не сказала ничего, но той, что отволокла Парети в уборную, до конца

полета не было ни видно, ни слышно, а ее напарница все время поглядывала на Джо так, словно хотела впитаться в него маленькими острыми зубками.

Восточные Пириты (штат Невада) располагались в восьмидесяти семи милях южнее радиоактивных развалин, называвшихся когда-то Лас-Вегас. И тремя милями ниже. Город неизменно входил в топ-лист чудес света. Его привязанность к пороку едва не переходила в одержимость, а сравниться могла лишь с почти пуританским поиском наслаждений. Именно в Восточных Пиритах возникла замечательная фраза:

НАСЛАЖДЕНИЕ — ЭТО СУРОВАЯ ОБЯЗАННОСТЬ, НАЛОЖЕННАЯ НА НАС ЖИЗНЬЮ.

В Восточных Пиритах античные культы плодородия воскресались с полной серьезностью. Что это действительно так, Парети обнаружил, выйдя из скоростного лифта на семидесятом подуровне. На перекрестке улицы Бичей и бульвара Звездной Пыли проходила массовая групповуха между пятью десятками поклонников Иштар и десятью очаровательными девушками, кровью подписавшими договор о вступлении в число «Шлюх Кибелы».

Парети обошел оргию стороной. Идея, конечно, замечательная, но он не собирался по доброй воле помогать говну завладеть им.

Сидя в такси, он обозревал ландшафты. В Странноприимном Храме гостям прислуживали девственные дочери городских богачей; на площади Солнца проходили публичные казни богохульников; христианство находилось в загоне — скучно.

Древний невадский обычай азартных игр еще соблюдался, однако изменился, разветвился и усложнился невероятно. В Восточных Пиритах выражение «Голову даю на отсечение» имело вполне прямой и довольно мрачный смысл.

Многие из процветавших в Восточных Пиритах занятий были незаконны, иные — невероятны, а некоторые просто непредставимы.

Парети тут сразу понравилось.

Он поселился в отеле «Вокруг Света Комбинэйшн», недалеко от Цеха Извращений, напротив зеленеющих просторов Сада пыток*. Попад в номер, Парети принял душ, переоделся

---

* «Сад пыток» — книга маркиза де Сада.

и задумался, куда бы ему пойти. Обед в «Бойне» — само собой. Потом, наверное, небольшая разминка в прохладной темноте клуба грязевых ванн, а потом...

Внезапно Парети ощутил, что он не один. В комнате был еще кто-то или что-то.

Он огляделся. Все вроде бы в порядке, но он мог поклясться, что положил куртку на стул. А теперь она лежала на кровати рядом с ним.

Поколебавшись секунду, он потянулся к куртке. Ткань скользнула в сторону. «Поймай меня!» — сказала куртка с монотонной игривостью. Парети кинулся на нее, но куртка отскочила.

Парети тупо уставился на нее. Проволока? Магниты? Шуточки управляющего? Инстинктивно он понимал, что не найдет рационального объяснения шевелящейся и говорящей одежде. Парети скрипнул зубами и пошел по следу.

Куртка ускользала от него, хохоча и размахивая лапами, как летучая мышь. Наконец Парети загнал ее за массажный аппарат и ухватил за рукав. «Надо будет эту хренову тряпку постирать, — пришла ему в голову безумная мысль. — А потом сжечь».

Куртка обмякла на секунду. Потом свернулась в комочек и пощекотала ему ладонь.

Парети непроизвольно хихикнул, потом отшвырнул смятую одежду и вылетел из комнаты.

Спускаясь в лифте на улицу, он осознал, что это и есть настоящее начало болезни Эштона. Болезнь изменила его взаимоотношения с одеждой. С неодушевленным объектом. Говно охамело.

Что-то будет дальше?

Парети сидел в уютном местечке под названием «Уютное местечко». Это был зал игровых автоматов, введший в обиход сложную игру под названием «вставной». Чтобы вступить в игру, следовало сесть за длинной стойкой, перед круглым отверстием с полиэтиленовой прокладкой, и поместить в отверстие определенную часть тела. Игра была, само собой, чисто мужская.

Ставки помещались на мерцающие панельки, покрывавшие стойку. Огоньки менялись в соответствии со сложной компьютерной программой, и в зависимости от размещения и размера ставок с помещенной в отверстие деталью анатомии происходили самые разные вещи. Иногда очень приятные. А иногда — нет.

В десяти сиденьях направо от Парети пронзительно, по-бабьи, завизжал человек. Явился служитель в белом с просты-

ней и пневматическими носилками, унес игрока. Мужчина по левую руку от Парети наклонился вперед, вцепившись в стойку, и постанывал от наслаждения. На панели перед ним мигала янтарная надпись «ВЫИГРЫШ».

За спиной Парети проявилась высокая стройная женщина со смоляно-черными волосами.

— Лапочка, ну что ж ты себя тратишь на это безобразие? Давай лучше спустимся ко мне и немного потискаемся...

Парети запаниковал. Он понял — говно снова за работой. Он отскочил от стойки в тот самый момент, как мерцающие огоньки перед ним сложились в слово «ПРОИГРЫШ» и из игрового отверстия донесся отчетливый звук циркулярных бритв. Ставки его засосало в панель, и Парети отвернулся, не глядя на женщину, зная, что она — самое шикарное создание, которое он видел в жизни. Только этих излишеств ему не хватало.

Он выбежал из «Уютного местечка». Говно и болезнь Эштона портили ему прекрасный отпуск. Но он не позволит, повторяю, *не позволит* какому-то говну взять верх. За его спиной рыдала женщина.

Он торопился, сам не зная куда. Страх был его невидимым двойником. То, от чего он бежал, сидело в нем, вздрагивало и росло в нем, бежало вместе с ним и, наверное, забегало вперед. Но бессмысленный ритуал бегства успокоил его, позволил поразмыслить.

Он уселся на садовой скамейке под непристойной формы пурпурным фонарным столбом. Многозначительно подмигивали неоновые рекламы. Было тихо — только играл музыкальный автомат — Парети сидел во всемирно известном сквере Бодуна. Он слышал только музыку из автомата и сдавленные стоны кончающего(ся?) в кустах туриста.

Что же делать? Он может бороться, он может, сосредоточившись, победить проявления болезни Эштона...

Газета прошелестела по тротуару и прилепилась к ноге Парети. Джо попытался стряхнуть ее. Газета вцепилась в ботинок и отчетливо прошептала: «Прошу тебя, пожалуйста, не отвергай меня!»

— *Сгинь!!!* — взвыл Парети. Его пробрал ужас; газета шуршала, пытаясь расстегнуть ему ботинки.

— Я хочу ноги тебе целовать, — молила газета. — Неужели это так страшно? Или грешно? Разве я уродлива?

— Отпусти! — заорал Парети, отдирая от себя газету, превратившуюся в пару огромных белых губ.

Проходящий мимо зевака остановился, присмотрелся и заявил:

— Черт, парень, это самое крутое представление, что я видел! Ты этим на хлеб зарабатываешь, или так, из любви к искусству?

— Вуайерист! — прошипела газета и упорхнула.

— Как ты ею управляешь? — спросил прохожий. — У тебя дистанционник в кармане, или как?

Парети тупо покачал головой. Внезапно на него навалилась усталость.

— Бы правда видели, как она мне ногу целует? — спросил он.

— Да я именно это и собирался сказать, — ответил прохожий.

— А я-то надеялся, что у меня просто галлюцинации, — пробормотал Парети.

Он встал со скамейки и, пошатываясь, побрел по дорожке. Он не спешил.

Он не торопился встретиться с очередным проявлением болезни Эштона.

В мрачном баре он выпил шесть коктейлей, и его пришлось тащить в общественный вытрезвитель на углу. Пока его приводили в чувство, он материл фельдшеров. Пьяный, он по крайней мере не должен был соревноваться с окружающим миром за обладание собственным рассудком.

В «Тадж-Махале» он играл в девочек, нарочно не глядя, когда кидал ножи и кинжалы в распятых на вертящемся колесе шлюх. Он отсек ухо блондинке, бесполезно всадил кинжал между ног брюнетки, при остальных же бросках мазал совершенно. Это обошлось ему в семьсот долларов. Он запротестовал, и его вышвырнули.

На Леопольдовом тракте к нему подошел головоменьяла, предлагая невыразимые наслаждения незаконной смены голов у «аккуратного и очень надежного» доктора. Парети позвал полицию, и мошенник скрылся в толпе.

Таксист предложил съездить в «Долину слез»; прозвучало не слишком весело, но Парети согласился. Заглянув в это заведение — восемьдесят первый уровень, трущобы, мерзкие запахи и тусклые фонари, — Парети сразу понял, куда его занесло. Некропритон. Вонь свежесваленных трупов забивала горло.

Он остался всего лишь на часок.

Потом были навч-точки, и слепые свиньи, и галлюциногенные бары, и множество рук, трогающих его, ласкающих его.

Наконец Парети обнаружил, что вернулся в парк, на то место, где на него кинулась газета. Он не помнил, как попал

сюда, но на груди его красовалась татуировка в виде голый семидесятилетней карлицы.

Он побрел через парк, но быстро обнаружил, что это не лучшая дорога. Сосенки поглаживали и посасывали его плечи; «испанский мох» пел фанданго; плакучая ива орошала его слезами. Он бросился бежать, чтобы уйти от нескромностей голых кленов, черных шуток чернобыльника, томления тополей. Болезнь поражала через него все окружающее. Он заражал весь мир; да, он не мог передать свою болезнь людям, черт, все куда хуже, он нес ее всему *неодушевленному миру*! И изменившаяся Вселенная обожала его, пыталась завоевать его сердце. Богоподобный, Недвижный Движитель, неспособный справиться с невольными своими творениями, Парети боролся с паникой и пытался избежать страсти внезапно зашевелившегося мира.

Он прошел мимо банды подростков, предложивших за умеренную плату вышибить из него дух; но он отказал им и поковылял дальше.

Он вышел на бульвар де Сада, но и там не было ему покоя. Он слышал, как перешептываются о нем плитки мостовой:

— Какая он *лапочка*!

— Забудь, все равно он на тебя и не глянет.

— Ах ты сука ревнивая!

— Я тебе говорю, не глянет он на тебя.

— Да ну тебя. Эй, Джо!..

— Ну что я тебе говорила! Он на тебя и не посмотрел!

— Но так нечестно! Джо, Джо, я тут...

— По мне, — заорал Парети, разворачиваясь, — одна плитка от другой ничем не отличается! Все вы тут на одно лицо!

Это их, слава Богу, заткнуло. Но что это?

Высоко над головой замигало световое панно, оповещавшее о скидках в «Секс-Городе». Буквы поплыли и свернулись в новую надпись:

Я НЕОНОВАЯ ВЫВЕСКА, И Я ОБОЖАЮ ДЖО ПАРЕТИ!

Немедленно собралась толпа, чтобы поглазеть на феномен.

— Да кто, мать его, такой этот Джо Парети? — осведомилась какая-то женщина.

— Жертва любви, — объяснил ей Парети. — Не произносите это имя громко, иначе следующий труп может стать вашим.

— У тебя крыша едет, — ответила женщина.

— Боюсь, что нет, — ответил Парети вежливо и немного безумно. — Сумасшествие — это, признаюсь, моя мечта, но боюсь, что мечта недостижимая.

Женщина проводила его взглядом, когда он распахнул дверь и вошел в «Секс-Город». Но она не поверила своим глазам, когда дверная ручка ласково похлопала Парети по ягодице.

— Дело, в общем, такое, — заявил продавец. — Исполнение не проблема; самое сложное — это желание, доезжаете? Исполненные желания *гибнут*, и их приходится заменять новыми, *иными* желаниями. Чертова уйма людей мечтают стать извращенцами, но не могут, потому как всю жизнь желали только всякого пристойного. Но мы в Центре Импульсной Имплантации можем внушить вам все, чего вы захотите пожелать!

Продавец вцепился в рукав Парети турохваткой — резиновым захватом на телескопическом шесте, применяемым для удержания туристов, прогуливающих по Аркаде Станных Услуг, и притягивания оных туристов поближе к прилавку.

— Спасибо, с меня хватит, — произнес Парети, без особого успеха пытаясь стряхнуть турохватку с рукава.

— Эй, парень, постой, обожди! У нас спецскидка, сущие гроши, только на этот час! Представь, мы тебе педофилию вставим, настоящее крутое желание, незатасканное еще, а? Или зоофилия... или *оба* возьмите, совсем дешево выйдет...

Парети ухитрился вывернуться из зажима и помчался по Аркаде, не оборачиваясь. Он-то знал, что никогда нельзя импульсно имплантироваться в уличных лавках. Один его приятель-сборщик, находясь в отпуске, совершил подобную ошибку; ему подсунули страсть к гравии, и бедняга скончался через три предположительно наполненных наслаждением часа.

Аркада кишела народом, крики и смех придурков и извращенцев на каникулах поднимались к центральному куполу, к переливчатым огням, орущим динамикам и травожогам, выпускающим непрерывные струйки сладостного марихуанного дыма. Парети желал тишины; он желал одиночества.

Он забрел в «Лавку духов». В некоторых штатах половые сношения с призраками запрещались законом, но большинство докторов соглашались, что это вполне безвредно, если не забыть потом смыть остаток эктоплазмы тридцатипроцентным спиртом. Женщины, конечно, рисковали больше. (Парети обратил внимание на «Платный душ и биде» как раз напротив Аркады и изумился на мгновение тщательности Бюро по развитию бизнеса Восточных Пиритов — все продумано.)

Он расслабился в темноте, услышал тихий, жуткий стон...

Потом дверь открылась.

— Мистер Джозеф Парети? — спросила служительница в униформе.

Парети кивнул:

— В чем дело?

— Прошу прощения, что побеспокоила, сэр, но вам звонят. — Она передала Парети телефон, погладила по ноге и вышла, закрыв дверь. В руках у Парети телефон зажужжал. Джо поднял трубку.

— Алло?

— При-ивет!

— Кто это?

— Это твой телефон, дурачок! А ты что подумал?

— Не могу я больше это выносить! Заткнись!

— Говорить-то несложно, — заметила трубка. — Сложнее найти, что сказать.

— Ну так и что ты хочешь сказать?

— Да ничего особенного. Просто хотела тебе напомнить, что где-то, как-то, но Берд еще жив.

— Берд? Какой Берд? О чем ты, мать твою, болтаешь?

Ответа не было. В трубке воцарилась тишина.

Парети поставил телефон на подлокотник и откинулся в кресле, искренне надеясь, что хоть немного побудет в тишине и покое. Телефон зажужжал почти сразу же. Парети сидел неподвижно, и телефон принялся звонить. Парети снова поднял трубку.

— Алло?

— При-ивет! — пропел шелковый голос.

— Да кто это?!

— Это твоя телефонная трубка, Джо, милый. Я уже звонила. Думала, ты запомнишь голос.

— Оставь меня в покое! — почти простонал Джо.

— Как же я могу, Джо? — спросила трубка. — Я люблю тебя! Ох, Джо, Джо, я так старалась тебе угодить. Но ты такой мрачный, детка, я прямо не знаю. Я была такой сосенкой, а ты даже не глянул на меня! Я стала газетой, а ты даже не удосужился прочесть, что я тебе написала, неблагодарный ты!

— Ты моя болезнь, — пробормотал Джо заплетающимся языком. — Сгинь!

— Я? *Болезнь*? — переспросила трубка с обидой в шелковом голосе. — О, Джо, лапочка, как ты можешь так обо мне говорить? Как ты можешь изображать равнодушие, после всего, что было между нами?

— Не знаю, о чем ты, — проговорил Парети.

— Ты прекрасно знаешь! Ты каждый день приходил ко мне, Джо, в теплое море. Я была тогда молодая и глупая, ничего не понимала. Я пыталась спрятаться от тебя. Но ты вытаскивал меня из воды, ты влек меня к себе; ты был так терпелив и

нежен, и мало-помалу я выросла. Иногда я даже пыталась влезть по рукоятке сачка, чтобы поцеловать твои пальцы...

— Хватит! — Парети казалось, что рассудок отказывает ему, это безумие, все плывет и меняется, мир и «Лавка духов» завертелись каруселью. — Ты все не так поняла!

— Ну как же! — возмутилась трубка. — Ты называл меня ласковыми словами, я была твоим гребаным говном! При-знаюсь, я пробовала и с другими мужчинами, прежде чем мы встретились, Джо. Но ведь и у тебя были женщины, так что давай не будем ворошить прошлое. Но даже с теми пятерыми я никак не могла стать тем, чем мечтала. Ты ведь понимаешь, как мне это было больно, да, Джо? Передо мной лежала вся жизнь, а я не знала, что с ней делать. Облик — это карьера, знаешь, и я так путалась, пока не встретила тебя... Извини, что я так болтаю, дорогой, но мы в первый раз смогли поговорить спокойно.

Парети прорвался сквозь этот многословный бред и наконец понял. Говно недооценили. Оно было юным, немым, но отнюдь не лишенным разума созданием, движимым могучей страстью, общей для всех живых тварей. Страстью обрести облик. Оно развивалось...

Во что?

— Так как ты думаешь, Джо? Чем бы ты хотел меня видеть?

— А ты можешь стать девушкой? — смущенно спросил Парети.

— Боюсь, что нет, — ответила трубка. — Я пыталась несколько раз, и симпатичной колли пыталась быть, и лошадей. Но, наверное, у меня очень скверно получалось, и чувствовала я себя ужасно. Я хочу сказать, это просто не для меня. Но что-нибудь другое — только попроси!

— Нет! — взревел Парети. На мгновение он поддался. Безумие захватывало его.

— Я могу стать ковриком под твоими ногами, или, если тебе это не покажется неприличным, твоим бельем...

— Я не люблю тебя, будь ты проклята! — взвизгнул Парети — Ты просто серое гнусное говно! Ненавижу тебя! Ты, зараза.. что б тебе не влюбиться во что-нибудь вроде себя?

— Нет ничего похожего на меня, кроме меня, — всхлинула трубка. — И я ведь люблю *тебя*!

— А я тебя в гробу видал!

— Ты садист!

— А ты воняешь, ты уродка, я не люблю тебя и *никогда* не любил!

— Не говори так, Джо, — предупредила трубка.

— А я говорю! Я тебя никогда не любил, я *только пользовался тобой!* Не нужна мне твоя любовь, тошнит меня от нее, поняла?!

Он ждал ответа, но трубка хранила зловещее, мрачное молчание. Потом послышались гудки. Трубка повесилась.

Парети вернулся в отель. Он сидит в своем шикарном номере, хитроумно созданном для механических подобий любви. Любить Парети, без сомнения, возможно; но сам он лишен любви. Это ясно стулу, и кровати, и легкомысленной лампе под потолком. Даже не слишком наблюдательный шкаф замечает, что Парети никого не любит.

Это не просто печально; это раздражает. И это не просто раздражает; это бесит. Любить — значит позволять, не любить — непозволительно. Неужели это правда? Джо Парети не любит лишенную любви возлюбленную.

Джо Парети — мужчина. Шестой мужчина, отвергнувший любовь своей любящей любовницы. Мужчина не любит: можно ли спорить с этим выводом? Так можно ли ожидать, что обманутая страсть не вынесет свой приговор?

Парети глядит вверх и видит на стене напротив зеркало в золоченой оправе. Он вспоминает, что зеркало привело Алису в Зазеркалье, а Орфея — к гибели; что Кокто называл зеркала вратами в ад.

Он спрашивает себя: что есть зеркало? И отвечает: зеркало — это глаз, который ждет, чтобы им посмотрели.

Он глядит в зеркало и видит, что из зеркала выглядывает Парети.

У Джо Парети — пять новых глаз. Два на стенах спальни, один — в спальне на потолке, один в ванной, один — в гостиной. Он смотрит новыми глазами и видит новые вещи.

Там, на кровати, сидит лишенная любви тварь. Из полумрака выступает настольная лампа, в ярости выгнув шею. Видна еще дверь шкафа, оцепеневшая и немая от ярости.

Любовь — всегда риск; но ненависть — опасность смертельная.

Джо Парети выглядывает из зеркал и говорит себе: я вижу — человек сидит на стуле и стул кусает его за ногу.

МАЙРИКС

Аарон находился в одном из передвижных модулей на Сесте. Он пытался ликвидировать быстро мутировавшую плесень, которая, появившись накануне вечером, уже успела уничтожить около десяти тысяч акров зерновых культур. После нескольких часов компьютеризированных поисков и моделирующих экспериментов ему в конце концов удалось получить саморазрушающийся вирус, который мог остановить плесень без каких-либо побочных эффектов. По крайней мере, Аарон не обнаружил таковых за столь короткий срок.

Вернувшись на базу, он нашел на автоответчике сообщение, принятое с самийского корабля. Тот просил разрешение на посадку и уточнял исходные орбитальные данные.

Самийцы впервые посещали Сесту, принадлежавшую обществу Землема, и Аарон сожалел о том, что это историческое событие происходило в момент, когда он был по горло занят своими делами. В южных регионах его фермы началась страда. Уборка урожая велась автоматически, но забот хватало с избытком, особенно после того, как Лоренс покинул планету. Что же касается разрешения на посадку, то в нем еще никому не отказывали, и Аарон не видел причин осложнять отношения с самийцами, которые занимали в этой системе две соседние планеты. Двумя другими планетами владели землемы, а пятая — Майрикс — оставалась незаселенной.

Он передал по космосвязи разрешение на посадку. На экране дисплея возникли очертания корабля — скорее воссозданные компьютером, чем принятые оптическими приборами. Моментом позже телеметрическая система уловила опознавательный сигнал космического судна. Это был крейсер Межпланетного Совета.

Myrix

© 1983 by Robert Sheckley

Такого Аарон вообще не ожидал. Совет, в чьи функции входила координация дел на пяти планетах в системе Миниэры, редко использовал свои корабли для официальных визитов. Они предназначались для перемещения в модулированно-нейтронных полях, благодаря которым осуществлялась связь между шестью цивилизованными расами Галактики. Но иногда их посылали с курьерскими поручениями — например, если важный и щекотливый вопрос требовал доверительной беседы без стенограмм и протоколов.

Примерно через час корабль совершил посадку. Атмосферные условия на планетах землемов во многом отличались от того, к чему привыкли самийцы, однако эти небольшие существа отличались удивительной жизнестойкостью и довольно сносно переносили чужеродную среду обитания, которая оказалась бы убийственной для менее приспособленных рас.

Заглушив двигатель, самийский пилот покинул корабль, и его специально оборудованное передвижное средство направилось на базу Аарона. Этот хитроумный трубчатый вездеход имел легкие зубчатые колеса, которые без труда преодолевали умеренные откосы. Самиец восседал в гнезде из паутины. Он напоминал большой кусок бекона, который прокоптили до коричневатого-красного цвета. Полное отсутствие каких-либо индивидуальных черт делало его абсолютно непохожим на живое разумное существо. Он выглядел как обычный кусок темной мышцы без видимых отростков, членов или других органов, способных манипулировать вещами. Аарон заметил множество серебристых нитей, которые сбегали по паутине к основанию кресла. Он слышал, что самийцы могли управлять электрической проводимостью своих тел, меняя сопротивление на многочисленных участках кожи. Это обеспечивало самийцу непосредственный контакт с небольшим компьютером, который располагался под его креслом. Слаботочный множитель Эллисона-Чалмерса позволял компьютеру воспроизводить речь любой из шести разумных рас.

Транспортные средства самийцев славились разнообразием форм и особенностями функционального назначения. Но тут возникал интересный вопрос — кто делал для них все эти приспособления? Самийцы не допускали посторонних в свои домашние миры, и было непонятно, как при такой физической структуре им удавалось сохранять технологическую цивилизацию. Каким образом, к примеру, они могли создавать свои космические корабли, не имея каких-то помощников или того, что заменяло им руки? Вернее, вопрос следовало поставить

так: кто строил их корабли? Впрочем, почти все, что касалось жизни самийцев, оставалось для других непостижимой тайной.

— Рад познакомиться с вами, Аарон Биксен, — сказал самиец, регулируя тембр голосового синтезатора, встроенного в его кресло. — Я Октано Хавбарр. В настоящее время представляю собой мужскую особь и останусь таковой два следующих месяца. Я прибыл к вам с поручением от Межпланетного Совета, но меня также привели сюда и дружеские чувства, поскольку вы мой ближайший несамийский сосед, а соседям иногда полезно встретиться и поговорить по душам.

Это означало, что самиец прилетел с Леурии — следующей планеты к солнцу от Сесты.

— Мне очень приятно, что вы почтили меня своим вниманием, — ответил Аарон.

— Я уполномочен сообщить вам, что через семьдесят два часа состоится экстренное заседание Межпланетного Совета. Присутствие представителей планетарных общин строго обязательно.

— Боюсь, они выбрали не самое подходящее время, — сказал Аарон. — Мы приступили к уборке урожая в этом полушарии, а наша популяция так мала, что потребуются силы каждого жителя. Неужели вопрос настолько серьезен?

— Судите сами. Разговор пойдет об экспедиции на Майрикс, — ответил Октано.

Первые поселенцы Землема и Самии обосновались в системе Минизэры триста лет назад. Однако Майрикс, пятая и последняя планета от солнца, до сих пор оставалась необитаемой. Она считалась абсолютно бесперспективной, и поэтому на нее никто не претендовал. В Галактике существовало множество миров, которые почти полностью соответствовали требованиям одной из шести космических рас. Освоение остальных малорентабельных планет откладывалось до будущих времен, так как на этой стадии эволюционного процесса разумным существам вполне хватало и того, что уже имелось. Майрикс мог бы ожидать своей очереди многие тысячелетия. Тем не менее два года назад экспедиция с Клитиса обнаружила там огромные руины, оставшиеся от давно исчезнувшей цивилизации. То была четвертая находка подобного типа, и поэтому ее назвали Четвертым Чужеземным Городом. Ученые вновь заговорили о седьмой космической расе, которая исчезла за миллион лет до того, как первые из ныне существующих разумных существ вышли в открытый космос.

— Но на Майриксе уже работает исследовательская группа, — сказал Аарон. — Ею руководит мой сын Лоренс.

— Да, мне говорили об этом в штаб-квартире Совета, — произнес самиец.

— Так почему же Совет направил вас сюда? — спросил Аарон. — Неужели на Майриксе что-то случилось? Скажите, это как-то связано с моим сыном?

— Я думаю, у вас нет никаких причин беспокоиться о его здоровье, — ответил самиец. — Однако Совет хочет отправить на Майрикс новую экспедицию. И этот вопрос решили обсудить непосредственно с вами.

Аарон задумался.

— В таком случае мне понадобится время, чтобы активировать программу автоматического управления фермой. И еще я должен кое с кем переговорить. После этого мы можем отправиться в путь.

— Я буду ждать вас на корабле, — сказал Октано. — Сожалею, что доставил вам столь тревожную весть.

Это было стандартное извинение самийцев.

Введя в планетарный компьютер типовую программу, которая, судя по рекламной брошюре, могла управлять хозяйством лучше любого фермера, Аарон позвонил Саре — жене Лоренса. Он условился с ней о встрече на ее участке и поспешил в «блоху», чьи длинные прыжки в сочетании с планированием в воздухе позволяли жителям этой большой, холмистой и малонаселенной планеты покрывать огромные расстояния за сравнительно короткое время. Ферма Лоренса была значительно меньше угодий Аарона — всего лишь размером с Италию на материнской Земле. Интерес Сары к сельскому хозяйству не заходил дальше выращивания томатов для домашнего употребления, и поэтому Аарону приходилось обрабатывать землю за нее. Компьютер не возражал против дополнительной нагрузки, но отсутствие Лоренса уже начинало угнетать.

Сара ожидала его в дверях дома. Несмотря на пятый жизненный цикл, который делал ее старше Аарона, эта небольшая изящная женщина с темными волосами, высокими скулами и экзотическим разрезом глаз выглядела очень молодо и привлекательно. Возраст землемов давно перестал оцениваться в терминах одного периода жизни. Годы проявляли себя только после нескольких циклов регенерации, и тогда желающие пользовались услугами косметической хирургии.

— Так ты думаешь, что тебе удастся увидеться с Лоренсом? — спросила Сара.

— Пока трудно говорить об этом наверняка, но у меня есть такая надежда. Во всяком случае, я попытаюсь встретиться с ним. Ты ничего не хочешь ему передать?

Немного подумав, она пожала плечами:

— Нет, ничего особенного.

— Ты его жена, Сара, — напомнил Аарон. — Неужели так трудно передать ему хотя бы несколько слов любви?

— И что мне ему сказать? «Ах, мой милый Лоренс. Оставайся в этом изумительном городе чужаков столько, сколько тебе захочется. Если потребуется год или два, то не думай о своей жене, брошенной на этой чертовой ферме размером с Италию».

— Я понимаю, как тебе нелегко. Трудно жить на таком большом пространстве с маленьким ребенком и кучкой немысленных роботов.

— Лоренс говорил, что вскоре сюда приедут другие поселенцы и у нас появятся соседи. Но они не приехали. Почему?

— В Галактике много хороших мест; где поселенцев ждут с распростертыми объятиями, — ответил Аарон. — Однако с каждым годом приезжих становится все меньше и меньше. Новые территории открываются почти ежедневно, но прирост населения уже не позволяет поддерживать новые колонии. В результате на любой планете сообщества нас можно пересчитать по пальцам.

Его слова не произвели на Сару никакого впечатления.

— Лоренс мог бы подумать об этом, увозя меня с Экселсиса. В своем мире я привыкла к людям. Мне не хватает смеха и хорошей компании. А теперь я лишилась даже его. Что же там такого хорошего в этом Чужеземном Городе?

— Я не знаю, Сара, — ответил Аарон. — Самому мне там бывать не доводилось, а сообщения оттуда приходят очень скудные.

— В последнее время ты нас почти не навещаешь, — сказала она. — Неужели тебе так не нравится твоя невестка?

— Что ты, Сара! Я в тебе души не чаю, можешь в этом не сомневаться. Но сейчас навалилось столько работы...

— Ты, наверное, считаешь меня бестолковой и тщеславной дурой, — продолжала она. — Конечно, вы с Лоренсом такие серьезные. Разве можно вам тратить свое драгоценное время на такую пустоголовую леди, как я...

— Сара, прошу тебя. На самом деле все как раз наоборот.

Она посмотрела ему прямо в глаза:

— Что ты этим хочешь сказать, Аарон?

Но тот уже жалел о своих словах.

— Ладно, забудь об этом.

— Но ты ведь что-то имел в виду, не так ли?

— Брось, не начинай, — попросил Аарон, и в его голосе появилась напускная невыразительность. — Не надо выдумывать лишнего.

— Ты пытаешься убедить меня, что никогда не думал о нас с тобой?

— Ты очень привлекательная женщина, Сара. И, конечно, иногда я думаю о тебе. Но ты жена моего сына, и между нами не может быть никаких порочных отношений. Прошу тебя, не надо смеяться.

— Ах, Аарон, если бы ты только знал, как глупо и напыщенно звучат в твоём исполнении эти затасканные фразы. Пустые слова, которые ничего не значат! Я чувствую, что ты хочешь меня. Я знала об этом еще с тех пор, когда мы с Лоренсом приезжали к тебе в гости. Неужели ты думал, что я не замечала твоих страстных взглядов?

— Я и не представлял, что они были настолько страстными, — ответил Аарон.

Он знал причину своей несдержанности. Шесть месяцев назад его жена Мелисса улетела на планету Элсинор, где ей полагалось пройти курс переподготовки и ознакомиться с новыми достижениями в области экологии. Он очень тосковал без нее. Но эта разлука была необходима. Для землемов, которые в сравнении с древними людьми жили по двенадцать и более жизненных циклов, такие расставания и переподготовки являлись обязательными. По обоюдному согласию Аарон и Мелисса состояли в браке четвертый цикл. Подобная верность являлась даже предметом их гордости. Однако сейчас эта гордость ему почти не помогала.

— Ладно, я передам Лоренсу, что ты его любишь и ждешь, — сказал он решительным тоном.

— Хорошо, — ответила Сара. — Но если ты решил донести ему мою любовь, может быть, и себе возьмешь кусочек?

— Прошу тебя, успокойся. Я уверен, что Лоренс скоро вернется.

— И это сразу сделает нас всех счастливыми, правда? Прощай, Аарон. Счастливого тебе пути. И быстрее возвращайся.

А потом был ничем не примечательный полет на Стилсан — вторую планету землемов, на которой располагался Совет. Аарон хотел расспросить своего самыйского коллегу о ситуации на Майриксе и о том, как идут дела у Лоренса. Но он

сдержал свое нетерпение, понимая, что через несколько часов ему предоставят об этом полную информацию.

Они совершили посадку в столице Стилсана, и Аарона удивили те разительные перемены, которые произошли в облике некогда сонного и малолюдного Лексихитча. Повсюду виднелись новые здания, дороги и даже декоративные фонтаны. Такое строительство требовало немалых денег, а главное, огромного притока людей, и он не представлял, откуда все это могло появиться здесь за какие-то десять лет.

Большая часть деловых кварталов города была занята правительственными учреждениями, размещенными на Стилсане. Аарон поспешил в штаб-квартиру Совета, где в данный момент встречались делегаты от сообщества Землема. У дверей стояла вооруженная охрана. После проверки документов и сетчатки глаз его пропустили в зал заседаний.

В зале царил ужасный беспорядок. Несколько ораторов, перебивая друг друга, излагали свои точки зрения. Неподалеку от входа, скрестив руки на груди, стоял военный советник. Его красная орденская лента и табельное оружие свидетельствовали о важности предстоящего заседания.

Аарона окликнули по имени. Обернувшись, он увидел Мэтью Бессемера, толстощекого горняка с большими и отвисшими, как у моржа, усами. Мэтью тоже жил на Сесте — правда, в другом полушарии.

— Долго же ты сюда добирался! Мы ждали тебя еще несколько дней назад!

— А что случилось? В чем дело, Мэт?

— Сразу видно, что все это время ты не проявлял к Майриксу никакого интереса.

— А почему я должен был проявлять к нему интерес? Там нашли руины древнего города. Люди изучают их. Мне говорили, что это может пролить свет на какие-то важные аспекты в существовании Седьмой расы.

Аарон имел в виду таинственное исчезновение тех существ, которые, очевидно, являлись самой первой разумной расой в Галактике. По мнению ученых, их цивилизация возникла в непостижимой древности, а судя по находкам, обнаруженным в городах чужаков, они продвинулись в своем развитии гораздо дальше, чем любая из ныне известных космических рас. Однако древность этих существ противоречила всему остальному. Трудно было поверить, что сразу после рождения Вселенной в ней могла появиться разумная жизнь — причем с таким невероятным уровнем технологии.

— Если твоя осведомленность на этом и кончается, то ты безнадежно отстал от жизни, — сказал Мэтью.

— Неужели Лоренс что-то нашел? Мы несколько раз беседовали с ним по космосвязи, но он не хотел говорить о своей работе.

— Никто из них об этом не говорит, — ответил Мэтью. — Прямо какой-то заговор молчания. И стоит человеку войти в Чужеземный Город, как его оттуда уже ничем не выманишь. Между прочим, это относится и к представителям других рас. Подумать только! Совет финансирует их исследования, а они скрывают от нас всю информацию. Мы ведь до сих пор не знаем, что там происходит на самом деле. Они все время просят отсрочки для поиска новых и более весомых доказательств.

— И что же подтолкнуло вас к решительным действиям?

— Мы получили отчет от одной молодой цефалонии, которая побывала на Майриксе. По воле случая ей удалось пробить этот нерушимый щит молчания.

Морская Бритва, цефалония с Лайрикса, стала первой, кто описал Четвертый Чужеземный Город с точки зрения водной цивилизации. На Майрикс ее доставил корабль землемов, оборудованный специальными резервуарами, в которых для большего удобства пассажиров осуществлялся контроль за температурой и турбулентностью воды. Эти своеобразные каюты были заботливо заполнены множеством мелких экзотических рыб и лучшими морскими водорослями, от вида которых цефалоны получали эстетическое наслаждение. Рейс получился очень дорогостоящим, но большую часть стоимости проезда оплатило княжество Тюран, для которого Морская Бритва готовила отчет о Майриксе.

— Прощу сюда, мадам, — сказал ей молодой стюард-цефалон, когда она поднялась по трапу и, неловко двигаясь в тяжелом скафандре, прошла через входной шлюз. — Как только вы попадете в свою каюту, жизнь снова покажется вам прекрасной.

К ее великому изумлению, цефалон обходился без заполненного водой скафандра, который она считала обязательным в подобных случаях. Вместо пластикового гидрокостюма юноша использовал лишь шлем и небольшие баллоны с водой. Ей даже захотелось спросить у него, каким образом он поддерживал достаточную влажность кожи и предохранял чешую от сухого и почти горячего воздуха корабля. Впрочем, это можно было сделать с помощью каких-то масел или мазей. И надо

отдать должное, красавчик выглядел просто превосходно. Устыдившись крамольных мыслей, она торопливо зашагала к своей каюте. Но женская натура взяла свое, и Морская Бритва все же бросила быстрый взгляд через плечо, перед тем как проскользнуть в горловину резервуара.

Однако она не имела ничего общего с теми легкомысленными дамами, которые приходят в возбуждение по любому поводу. Ей уже трижды доводилось покидать родную планету, хотя этот гиперпрыжок был у нее первым. Чтобы немного успокоиться, она начала устраивать себе гнездышко в маленьком уютном гроте на дне резервуара. Настроив плавающий пузырь на нулевую силу тяжести, Морская Бритва зависла перед экраном телемонитора и отдалась созерцанию документальных кадров о жизни рыб на других планетах. Этот сериал в шутку называли цефалонской мыльной оперой, и он обычно действовал на нее очень расслабляюще. Но не теперь. Реальная жизнь захватила все ее внимание, вытеснив из ума даже естественные размышления о сексуальных пристрастиях молодого астронавта. И все же как он учтиво вел себя, встречая ее на борту корабля!

— Благодарю вас, — сказала она ему еще раз, когда судно достигло Майрикса.

Стюард галантно поддержал ее за талию, когда лифт трапа устремился вниз. Он помог ей спуститься с платформы подъемника и вежливо пожелал счастливого пути, когда они вышли к причалу с пологим склоном, где она могла сбросить шлем и расправить затекшие плавники. А ее уже манили глубины Чужеземного Города.

— Я получил огромное удовольствие, прислуживая такой прекрасной даме, как вы, — взволнованно произнес молодой астронавт.

И хотя эта фраза была не более чем стандартной формой вежливости, сердце Морской Бритвы подпрыгнуло и тревожно забилося. Она уже устала от долгого одиночества. А какой тяжелой оказалась ее разлука с двумя супругами — большим и грубым Резцом, чье трепетное сердце пылало огнем любви, и юным волнующим красавцем Садриком, которого она выиграла в последней городской лотерее по легкому флирту. Неужели они не дождутся ее возвращения? Она с болью вспоминала похотливые взгляды своих сестер и кузин, не спускавших глаз с обоих ее мужей. Кроме того, цефалонские мужчины всегда отличались своим непостоянством. Их тяга к любовным интрижкам странным образом сочеталась с нелепым кодексом супружеской верности, которой они наивно требовали от своих

жен и подруг. Это противоречие даже выставили на все-народное обсуждение, чтобы впоследствии подвергнуть каждую мужскую особь биологической реконструкции.

— Вам, наверное, пора возвращаться на корабль? — спросила она.

— Вы можете называть меня Катком, — смущаясь, ответил он. — В общем-то я решил задержаться на Майриксе какое-то время.

— Ах вот как? — задорно воскликнула она. — И что вы здесь собираетесь делать? Изучать давно исчезнувшую цивилизацию?

— Морская Бритва, — сказал он, произнося ее имя с намеком на ожидаемую близость. — Я не ученый. Я простой молодой цефалон, чье сердце трепещет при виде дамы, о красоте которой можно говорить часами.

Этой фразой начинался один из официальных ритуалов ухаживания. Но несмотря на волнение и разгоравшуюся страсть, Морская Бритва не поддавалась искушению. Она понимала, какой несвоевременной будет эта связь. К тому же молодой цефалон мог оказаться ничем не лучше тех мужчин, с которыми она уже встречалась прежде. С другой стороны, ей поручили серьезную и ответственную миссию: вернуться с содержательным рассказом о последних находках в Чужеземном Городе. И Морская Бритва не могла подвести свой муниципальный Дамский Клуб Великого Труакса, где она читала лекции по популярной экзобиологии.

— В данный момент я должна приступить к изучению планеты, — сказала она. — Но возможно позже...

— Ладно, мне все ясно, — ответил молодой астронавт и, взмахнув кончиком хвоста, поплыл к ступеням причала.

Осознав, что она произвела впечатление черствой и бесчувственной дамы, Морская Бритва даже зашипела от расстройств. Этот молодой глупец просто не понял ее намека. Своей холодной сдержанностью она хотела подчеркнуть, что в будущем их встречи могли бы стать более перспективными и плодотворными. И теперь ее раздражало, что такое ясное обещание любви не нашло достойного отклика и признания. Как странно, что мы без проблем понимаем существ из других миров, но не можем понять своих сородичей. Хотя так, наверное, бывает всегда, когда встречаются женщина и мужчина.

Плавнo помахивая спинными плавниками, Морская Бритва отплыла подальше от берега и начала погружаться в воду. В тот же миг она почувствовала на себе одну из странностей

Чужеземного Города. Внезапное нисходящее завихрение резко развернуло ее вокруг оси и, не причинив никакого вреда, в мгновение ока унесло на большую глубину. Она не могла понять, как это произошло, но ей было приятно оказаться на дне без всяких усилий со своей стороны, поскольку долгое погружение означало для цефалонов то же самое, что для землемов — подъем на гору.

Медленно поднимаясь вверх, она наслаждалась восходящими струями игривого течения, в котором вода искрилась, звенела и мчалась сквозь хоровод разноцветных пятен света. Как ей хотелось остаться здесь навсегда! Но это было невозможно, и она всплывала все выше и выше — на следующий уровень, где трепет ароматных роз пронзала тоска томительной меланхолии, и бирюзовый полумрак пробуждал в ее уме космическую мудрость с чудесными откровениями по самым глубоким и утонченным вопросам. А потом она вознеслась на третий уровень и поплыла в аквамариновой мгле через золотые пятнышки, казавшиеся подводным дождем. И там, над этим неописуемым великолепием, в цветах индиго и голубовато-серых грез к ней потянулись розовые и лиловые прожилки. Их танец ввел ее в экстаз. Она даже не помнила, когда пережила подобное чувство на родной планете, где уровни воды почти ничем не отличались друг от друга. И тогда, словно для того, чтобы еще больше усилить восторг Морской Бритвы, мимо нее в ослепительном сиянии проплыл молодой цефалон с чарующим взглядом и божественной фигурой. Он поманил ее плавником, и она нашла этот жест почти неотразимым. Но сердце женщины почувствовало беду. В глазах самца промелькнуло что-то злое и тревожное. Их странный блеск убедил ее в том, что она никогда не вернется из глубин, если отправится вниз на его поиски. Это настолько сильно напугало Морскую Бритву, что она без промедления вернулась на поверхность, настояла на срочном вылете из Чужеземного Города и представила отчет в соответствующие инстанции Межпланетного Совета.

— Действительно странная история, — произнес Аарон. — Очевидно, попав в город чужаков, цефалония испытала какое-то внетелесное переживание. К сожалению, мы почти ничего не знаем о духовных аспектах других космических рас. И мне интересно, найдутся ли какие-нибудь параллели между их ощущениями и нашими?

— В последнее время появилось несколько серьезных доказательств в пользу того, что фундаментальная организация

жизни идентична для всех разумных существ, независимо от их видовых различий, — ответил Мэтью. — Но вряд ли мы можем ожидать стопроцентного соответствия между их переживаниями и нашими.

— Наверное, так оно и будет, — сказал Аарон. — Эта гипотеза о родственности рас кажется очень смелой и убедительной, однако она по-прежнему остается в области догадок и предположений. Скажи, а представители других видов отмечали что-нибудь похожее на переживания Морской Бритвы?

— Один локрианин рассказывал о той части Города, которая недоступна для нашего зрения. Между прочим, эта раса обладает особым типом визуального восприятия. Своим единственным огромным глазом они могут заглядывать куда угодно — через любые преграды и расстояния. Короче, что-то похожее на рентгеновский аппарат.

— Я слышал об их глазе, — нетерпеливо произнес Аарон. — Так что ты хотел мне сказать?

— А ты когда-нибудь задумывался, как для такого глаза выглядит город чужаков? По словам локрианина, Чужеземный Город отличался от всего, что он когда-либо воспринимал своим трехмерным стереоскопическим зрением. Он сказал, что Город поразил его божественно прекрасной и бесплотной архитектурой. Интересно, правда? Мы видим руины, а локриане восхищаются нетленным творением древних зодчих. О странностях Города упоминали даже кротониты, хотя эти летающие существа почти не восприимчивы к особенностям ландшафта. Они говорили, что воздух над развалинами отличался в разных местах по плотности. И кому, как не им, замечать подобные вещи. По их мнению, все эти уплотнения воздуха имели не только форму, но и глубокий смысл, который невозможно выразить словами.

— А что говорят о Городе земли? — спросил Аарон.

— Все земли, улетевшие на Майрикс, проявляют какую-то непонятную скрытность. Их молчание порою доводит нас до бешенства. Вот, например, ваш сын Лоренс. Время от времени он выходит с нами на связь и сообщает, что дела у них идут прекрасно. Однако он наотрез отказывается говорить о том, что происходит на Майриксе. Мы даже не можем узнать, как они себя там чувствуют.

— А что, если его вынуждают вести себя таким образом? Допустим, с помощью гипноза, угроз и физического принуждения?

— Но он никак не показывает, что находится под чьим-то контролем. Если такой контроль и осуществляется, то Лоренс, очевидно, о нем ничего не знает

— Почему же вы не потребуете от них прямых ответов? — спросил Аарон.

— Потому что мы не можем идти на такой риск. Неужели ты забыл об исчезновении первой исследовательской группы?

— Я даже не знал об этом, — ответил Аарон. — Лоренс не баловал меня своими рассказами.

— Ситуация запуталась до предела, — продолжал Мэтью. — Нам кажется, что некоторые исследователи исчезли, но мы не можем утверждать этого наверняка. Что, если они просто улетели в свои родные миры? С другой стороны, их могли убить. Тогда возникает следующий вопрос: кому и по какой причине понадобилось совершать такое чудовищное преступление? Как видишь, здесь много неясностей, с которыми нам надо разобраться.

— Почему же вы не отправили туда группу наблюдателей?

— До выяснения всех обстоятельств дела мы не можем предпринимать никаких решительных действий. Исследование Майрикса больше не находится под контролем Межпланетного Совета.

— Вот это новости! — воскликнул Аарон, даже не пытаясь скрыть своего удивления. — Как же вы позволили, чтобы у вас из рук вырвали целую планету?

— Сбавь обороты, Аарон. Твой сарказм тут неуместен. Со стороны, конечно, легко судить да рядить, но ты ведь и пальцем не шевельнул, чтобы помочь нам с Майриksom. Ты даже не потрудились ознакомиться с информацией, которую мы рассылали по общинам. Я понимаю, у тебя на Сесте прекрасная ферма — большая, как целая страна на матушке-Земле. И я надеюсь, что она будет тебе хорошим убежищем, когда то, что творится на Майриксе, докатится до нас.

Мэтью немного переигрывал, но Аарону не хотелось ввязываться в пустую перебранку. Он все еще не мог понять, с какой целью его вызвали в Совет. Кроме того, горняк был прав; он действительно устранился от борьбы. Когда Лоренс посвятил себя тайнам Чужеземного Города, Аарон решил, что этой жертвы для одной семьи достаточно. Ему и так приходилось работать за себя и за сына. А забот на ферме всегда хватало. Впрочем, это его несколько не извиняло; по крайней мере, он мог бы быть в курсе всех событий.

— Давай вернемся немного назад, — сказал Аарон. — С тех пор как Лоренс отправился в Чужеземный Город, я почти ничего не слышал о Майриксе. Ты не мог бы вкратце рассказать мне о том, что случилось за два этих года?

— В двух словах об этом не скажешь, но я попытаюсь. Прежде всего, на Майрикс улетело очень много людей —

причем не только землемов с двух наших планет, но и представителей других космических рас. Сначала туда повалили нексиане. Потом цефалоны построили там отель с номерами-аквариумами. И вот недавно на Майрикс прибыли ученые Самии.

— Чего-то подобного я и ожидал. Кстати, приглашение Совета мне привез самиец.

— Ты имеешь в виду Октано Хавбарра? И что же он тебе сказал?

— Он намекнул, что Совет хочет послать меня на Майрикс в качестве полномочного посла. Очевидно, мне предстоит встреча с Лоренсом, иначе вы отправили бы туда одного из своих людей. Кажется, самиец тоже собирается в город чужаков. Он полетит вместе со мной?

— Да, — ответил Мэтью. — А ты заметил, как самийцы изменились за последнее время?

— Сказать по правде, мне не с чем сравнивать. Хотя я много читал о них и смотрел видеофильмы. Впрочем, ими теперь интересуются все расы. Помнишь, мы с тобой еще удивлялись тому, как им удается без рук и прочих отростков создавать корабли, которые считаются у нас последним словом космической инженерии.

— Я удивляюсь этому до сих пор, — сказал Мэтью. — Некоторые наши светлые головы утверждают, что много веков назад самийцы имели развитые конечности, которые в ходе эволюционного процесса атрофировались за ненадобностью. Лично я не верю, что, построив такие космические корабли, кто-то потом мог отказаться от них «за ненадобностью»!

— Очевидно, они используют вместо рук свои магнетические способности, — добавил Аарон.

— Вряд ли это адекватная замена. Я слышал, что они неплохо совмещают себя с электромагнитными приборами. Но даже такая интересная способность не в силах заменить им электросварочный аппарат. Или помочь им использовать его в деле. Вот почему нас всех очень удивило, что они вдруг начали проявлять повышенный интерес к Чужеземному Городу на Майриксе. Ты, конечно, считаешь их безобидным видом и, возможно, находишь нашу озабоченность нелепой и смешной. Однако аналитики из Института гуманоидов придерживаются иной точки зрения. Они утверждают, что самийцы в скором времени составят нам наибольшую конкуренцию среди всех прочих рас. Пока это мнение меньшинства, но оно тревожит многих, в том числе и меня.

— Тем не менее самийцы действительно выглядят безобидными, — сказал Аарон. — Мне кажется, мнение твоих аналитиков несколько парадоксально.

— А ты загляни под этот парадокс. Каким образом самийцам удалось так далеко продвинуться на пути прогресса? Они лишены почти всех качеств, необходимых для выживания вида. Хотя, конечно, в век манипуляционной мегаэнергетики физическая мощь тела уже не играет особой роли. Но как они уцелели до этого счастливого времени? Благодаря быстрому мышлению? Нет! Используя ловкость тела и скорость передвижения? Нет! У них напрочь отсутствует способность к передвижению и манипуляции. Они не могут ни ходить, ни плавать, ни летать. Они даже не могут бросить бейсбольный мяч. Эдакие ничтожные и смехотворные существа.

— Но ведь все так и есть, — с усмешкой произнес Аарон. — И я не понимаю, как кто-то может думать о них по-другому.

— Каждый вид имеет свою собственную стратегию выживания, и каждая стратегия основывается на борьбе с силами природы и своими конкурентами. Так каким же образом самийцам удалось создать свою цивилизацию, если любая килька дала бы им сто очков вперед в вопросах выживания?

— Это уже риторика, — ответил Аарон.

— Да, я не могу привести никаких доказательств. Но запомни, философы и аналитики Института гуманоидов просят нас как следует присмотреться к самийцам.

— А какое задание хочет дать мне Совет?

— Ты получишь его позже — на официальной встрече. Однако я думаю, тебе лучше узнать о нем сейчас, чтобы ты мог потом без колебаний принять или отклонить поставленную перед тобой задачу. Мы хотим, чтобы ты отправился на Майрикс и оценил сложившуюся там ситуацию. Кроме того, тебе придется посетить город чужаков и встретиться с Лоренсом, а также другими членами исследовательской группы.

— В принципе, я так и думал.

— И еще мы хотим, чтобы ты взял с собой самийца.

— Зачем?

— Чтобы ты мог к нему присмотреться. Но учти, что он тоже будет изучать тебя.

— А что мне передать Лоренсу?

Мэтью на миг задумался, а потом сказал:

— Ты человек нашего поколения, Аарон. Ты знаешь наши взгляды, а мы знаем твои. Та экспедиция в Чужеземный Город состояла из молодых мечтателей, и теперь мы хотим, чтобы среди них оказался наш представитель. Посмотри, что они там

обнаружили, и сообщи нам об этом. Но если ситуация будет из рук вон плохой или если ты поймешь, что нашей расе грозит какая-то опасность.

— Мэт, ты говоришь довольно странные вещи, — прошептал Аарон.

— Да, но они должны быть сказаны. Одним словом, оцени ситуацию и сообщи нам свое мнение.

— А если ситуация покажется мне критической?

— По мнению некоторых аналитиков, для нашей цивилизации было бы лучше, если бы Майрикс и город чужаков вообще никогда не существовали. По их словам, наша раса лишь выиграет, если Майрикс разлетится на куски в каком-нибудь почти случайном атомном взрыве.

— Я надеюсь, ты не сторонник этой точки зрения? — спросил Аарон.

— Конечно, нет. Мне только хотелось пояснить тебе, как далеко мы можем зайти, защищая свой вид. Аарон! Если Майрикс опасен для землемов, умри, но извести нас об этом! Мы должны знать, какая сила угрожает людям!

— Ладно, допустим, такая сила действительно есть. Но кем бы ни были эти заговорщики, вряд ли они окажутся настолько глупыми, что позволят мне предупредить вас об опасности. Они нейтрализуют меня так же быстро и эффективно, как Лоренса и других.

— Мы учли такую возможность. Дай мне свою руку, Аарон. Вот! Держи крепче! Теперь ты тоже можешь кое-что сделать, если почувствуешь, что землемам угрожает реальная опасность.

— Что это, Мэт? Что ты мне дал?

— Это бомба. И ты знаешь, как она действует.

Аарон осмотрел небольшой предмет, который лежал на его ладони.

— Термоядерная? — спросил он.

Мэтью кивнул.

— Какая дальность действия?

— Она снесет все, что есть в Чужеземном Городе.

— Забери ее назад!

— Неужели ты позволишь, чтобы нашу расу и дальше подталкивали к самоуничтожению?

— Нашу расу никто никуда не подталкивает. Успокойся, Мэт. Тревога и страх ослепили твой разум.

— Я тебе уже говорил о наших подозрениях относительно самийцев. Неужели ты отрицаешь возможность законспирированной деятельности против расы землемов?

— Нет, это просто невозможно.

— Но допустим, такой заговор все же существует. Скажи, ты будешь стоять в стороне? Предположим, мы дадим тебе все доказательства, и ты увидишь, что влияние чужаков отравляет культуру нашей расы, подрывает ее мораль и делает землемов непригодными для выживания среди других разумных видов. Предположим, что минута решала бы все, а твое бездействие обрекало бы расу на вымирание. Неужели ты и тогда отказался бы взять эту бомбу? Неужели ты сказал бы, что тебе омерзительно убийство врагов, даже ради спасения собственного вида?

— Твои слова звучат слишком мрачно, — сказал Аарон. — Но если ты действительно считаешь, что такая угроза существует...

Он положил миниатюрную бомбу в мешочек на своем поясе.

Зал заседаний был невелик. В центре под кольцом осветительных ламп находился длинный овальный стол, за которым сидели пятнадцать делегатов от сообщества Землема. Двое из них прилетели с планеты предков — великой Земли, воспетой в песнях и легендах. Они не принимали участия в горячих дебатах, и Аарон полагал, что, будучи слишком далекими от событий в системе Миниэры, эти люди мудро возложили решение на тех, кто был непосредственно связан с Майриком.

Собрание вел Кларксон, очень представительный и высокопоставленный чиновник из Магистрата-2 — крупнейшей ассоциации космических рас. Взглянув на Аарона, он мягко улыбнулся и спросил:

— Могу я узнать ваше мнение по поводу того, что вы недавно услышали от Мэтью?

— Не знаю, что и сказать, — ответил Аарон. — Ситуация кажется очень запутанной и неопределенной.

— И как, на ваш взгляд, нам стоило бы поступить? — настаивал Кларксон.

— Надо попытаться собрать информацию, и тогда все встанет на свои места, — ответил Аарон.

— Вот такой ответ мы и надеялись от вас услышать, — произнес Кларксон. — В этой ситуации есть несколько неясных моментов: Майрикс с его новым и неопределенным статусом; город чужаков, о котором мы с каждым годом знаем все меньше и меньше; непонятное и тревожное молчание Лоренса; причины, по которым в Чужеземный Город стекаются

люди; и, наконец, самийцы, чей интерес к Майриксу вызывает у нас определенные подозрения.

— Я в этом почти не разбираюсь, — сказал Аарон. — Может быть, вам лучше направить туда одного из своих людей?

— Мы так не думаем, — ответил Кларксон. — Данный вопрос не раз уже подвергался обсуждению, и мы считаем, что объективную оценку ситуации может дать только беспристрастный наблюдатель. Вот почему, уважая ваш разум и жизненный опыт, мы просим вас выяснить истинное положение дел на Майриксе и предпринять те действия, которые покажутся вам наилучшим выходом. Конечно, нам хотелось бы участвовать в процессе принятия наиболее радикальных решений, но мы понимаем, что связь с нами может оказаться невозможной. И, конечно, найдется множество безотлагательных вопросов, когда у вас просто не будет времени выслушивать советы домашних авторитетов. Мы не можем претендовать на роль компетентных людей, поскольку не знаем, что творится на Майриксе. Поэтому действуйте на свой страх и риск. Отныне вы наш генерал, и мы доверяем вам наши армии. Но сначала узнайте, есть ли у нас вообще какой-нибудь противник?

В конце концов Аарон согласился отправиться на Майрикс и выяснить те вопросы, которые поставил перед ним Совет. Говорить было больше не о чем; встреча подошла к концу, и делегаты начали расходиться.

Задание казалось предельно ясным. Ему следовало оценить ситуацию на Майриксе и определить, насколько она угрожала той или иной группе гуманоидов. Если какая-нибудь опасность действительно существовала, он должен был перейти к решительным действиям. Одним словом, проще некуда.

И все же как странно вел себя Лоренс. Почему он так упорно уклонялся от контактов с семьей и Советом? Почему он наотрез отказывался говорить о работе своей группы и о состоянии дел в Чужеземном Городе?

Его мысли так быстро перескочили к сыну, что Аарон осознал это как подсказку своего подсознания.

— Мое решение будет зависеть от того, что скажет Лоренс, — прошептал Аарон. — А значит, Лоренс — это ключ к загадке.

Для полета на Майрикс Совет выделил «Артемиду» — быстроходный крейсер, к которому Аарон и Октано подлетели на скоростном челноке. Тот уже ждал своих пассажиров в точке омега, где находилось пятно соскока для межпланетного гиперпрыжка. Масса космических тел влияла на нейтронные

поля, поэтому пятна соскока располагались, как правило, на удаленных орбитах. Точки омега создавали невидимую паутину, по нитям которой корабли совершали гиперпрыжки, мгновенно преодолевая огромные расстояния.

Следуя правилам этикета, Аарон поспешил в центр управления, чтобы приободрить самийца перед его первым гиперпрыжком. Сам он предпочитал проводить такие минуты в уединении. Во время соскока Аарон обычно переживал визуальную галлюцинацию, где среди мелькавших огней перед его глазами возникал геометрический узор из тонких изогнутых линий. Подобное переживание не представляло собой ничего особенного, но он по-прежнему считал его личным моментом. Перемещение «отсюда» и «туда», почти мгновенно происходившее в особом гиперпространстве, воспринималось многими как аналог смерти. Оно убивало и тем не менее оставляло живым.

— Вы готовы? — спросил Аарон самийца.

— Думаю, да, — ответил Октано Хавбарр.

Автопереводчик четко отразил слабый оттенок сомнения, которое испытывал каждый, кто отправлялся в свой первый гиперпрыжок.

— На самом деле все не так серьезно, — сказал Аарон.

— Но я слышал, что перемещение влияет на некоторых больше, чем на других, — ответил самиец.

— Это верно.

— И еще я слышал, что самийцы более склонны к побочным эффектам гиперпрыжка, чем остальные виды.

— Да, на несколько процентов, — ответил Аарон. — Однако разница почти неощутима.

— Между прочим, одним из побочных эффектов является летальный исход.

— Мне говорили о чем-то подобном. Но, возможно, вам следовало подумать об этом немного раньше — перед тем, как отправляться в полет.

По поверхности темно-бронзового куска бекона пробежала едва заметная рябь. Аарон мог поклясться, что существо, сидевшее в центре серебристой паутины, пожало плечами.

— Мы все еще в подпространстве? — спросил самиец.

— Да, и будем там еще несколько минут.

— Почему вы мне не сказали, что прыжок уже начался?

— Мое предупреждение встревожило бы вас еще больше. Поэтому я решил промолчать.

— Возможно, вы правы, — сказал Октано. — Итак, я совершил свой первый гиперпрыжок и остался живым.

— Поздравляю. Надеюсь, что в следующий раз вы найдете его даже в чем-то забавным.

— Забавным, — задумчиво прошептал Октано. — Ах да. Мне говорили об этом на ознакомительных лекциях. Ваша раса приписывает большое значение переживанию забавных моментов. Это действительно так?

— Я бы не сказал, что приписываю им какое-то значение, — ответил Аарон. — Просто мы, землемы, обладаем хорошо развитым чувством игры.

— О, это одно из тех важных понятий, которые мы, самийцы, должны изучить. Так что же такое игра? До сих пор мы воспринимали этот термин как качественное определение рабочей функции. Но, очевидно, в нем заложен более глубокий смысл.

— Вас действительно интересует идея игры?

— О да, — заверил его Октано. — Мы считаем ее очень важной. Наши эксперты полагают, что игра является катализатором сознания, то есть элементом, необходимым для развития высшего разума. Как вы знаете, самийцы не склонны к играм. Но мы решили наверстать упущенное. А знание достигается через опыт других и собственные эксперименты.

— Вы не похожи на других самийцев, которых я встречал, — сказал Аарон. — У вас прекрасный юмор, хотя вы и отрицаете это. Может быть, ваша раса не так мрачна, как кажется?

— Я не считаю самийцев мрачными. Однако при первых встречах с другими разумными видами мы, наверное, выглядели немного замкнутыми и туповатыми. Например, в общении с землемами нам не хватает способности к быстрым остроумным ответам, которые так оживляют и украшают ваш мыслительный процесс. Мы сразу заметили, как вы быстры, нервозны и агрессивны. В вас было то, чего не хватало нам. И тогда, произведя критическую оценку, мы задумались о том, как нам вести себя при жесткой конкуренции видов.

— За последнее время я слишком часто слышу об этой идее, — сказал Аарон. — Неужели вы тоже считаете межвидовую конкуренцию обязательной?

— Я не очень разбираюсь в таких вопросах, — ответил самиец. — Но мне известно, что подобные вещи происходят независимо от нашего желания. Каждая из рас хочет сохранить ту форму, которую принял их разум. И в конечном счете любой вид желает уподобиться богу. Мы не хотим наносить друг другу вреда, однако каждому понятно, что его вид не будет божественным до тех пор, пока другая раса заявляет о себе то же самое

— Должен сказать, что весь этот разговор о расовой конкуренции и выживании сильнейших производит на меня довольно тягостное впечатление. Возможно, вы правы, и жизнь действительно является борьбой за существование, но мне как-то тоскливо слышать об этом.

— Как странно, что вы говорите такие слова, — произнес самиец. — Я всегда считал, что вы, землемы, придерживаетесь концепции видового выживания любой ценой.

— Кто вам сказал такую глупость?

— Это общее мнение.

— Оно неверное.

— Вы просто не хотите признавать правду. А она заключается в том, что между нашими видами начинается конкурентная борьба. Причем у моей расы не очень хорошие шансы на победу.

Аарон почувствовал раздражение. Его ожидала впереди огромная и ответственная работа. Так почему же он должен был выслушивать еще и это лицемерное хныканье, похожее на ту дрянь, которой его пытались накормить Мэт и члены Совета?

Аарон с тоской подумал о том времени, которое ему предстояло провести рядом с этим существом. Дело могло затянуться на несколько дней, а возможно, даже на недели и месяцы. Он решил уточнить их позиции с самого начала. Кроме того, самиец сам нарывался на выяснение отношений. С этим надо было кончать сейчас, чтобы не усложнять себе жизнь на Майриксе.

— Пока я тоже не вижу, каким образом вы могли бы покорить остальные разумные расы, — сказал Аарон. — Но учитывая ваш удивительный прогресс при полном отсутствии мануальной оснащенности, у вас, очевидно, еще появится такая возможность.

Самиец погрузился в мрачное молчание.

— Обычно люди считают бестактным намекать нам на отсутствие членов, пальцев, ступней или щупалец, — сказал он через пару минут. — Это невежливо. Вы же не упрекаете горбатого за горб, насколько я знаю из вашей собственной литературы.

— Но позвольте отметить, что, помимо отсутствия мануальной подвижности, вы не имеете даже голосового аппарата, — продолжал Аарон. — Неужели на заре развития ваши предки рождались со встроенным голосовым синтезатором? Какова же тогда ваша концепция разума?

— Наверное, именно это вы, землемы, и называете юмором? Или я перепутал юмор с искренностью?

— Они часто возникают вместе, — ответил Аарон. — Но в данном случае вы совершенно правы. У каждого из нас есть свои проблемы: у землемов, самийцев, нексиан, цефалонов, кротонитов и локриан. Я думаю, что даже у могущественной Седьмой расы не все шло гладко. Иначе бы они не исчезли, верно?

— Возможно, вы не поверите, но все это время я изо всех сил старался блеснуть перед вами тем, что мы, самийцы, считаем верхом юмора, — сказал Октано. — И я вынужден признать, что в этом направлении вы нас обходите на целый корпус. Вот почему мы, собственно, и пытаемся модифицировать себя. А вы, наверное, знаете, как мы хороши в самоконструировании. Да, нам требуется время на освоение новых идей, но зато потом мы воплощаем их в жизнь с величайшим упорством. Увидев, насколько быстры другие виды, мы переделали свои синаптические отклики. После знакомства с землемами мы ввели в наш соматотип расширенную градацию агрессии. И самийцы пойдут на все, чтобы стать достойными конкурентами в межвидовой эволюционной гонке.

На какой-то миг Аарону даже не поверилось, что эти высокопарные слова исходили из темно-коричневого продолговатого параллелепипеда, который больше напоминал кусок зачерствевшего бекона, чем живое разумное существо.

Вот что он писал в своем письме к Саре:

Теперь ты можешь представить, до какого состояния мы довели друг друга к моменту высадки на Майрикс. Пытаясь стать хорошими напарниками, я и Октано перешли на мужской откровенный разговор. И кто тогда мог подумать, к какому аду это приведет. Капитан Френклин и другие офицеры «Артемиды» старательно уклонялись от наших споров. Я полагаю, они уже не раз перевозили дипломатические миссии, состоявшие из представителей разных рас. Во всяком случае, они относились ко мне и самийцу с полным беспристрастием. Без свежего притока сил и мнений мы с Октано начали уставать друг от друга. Меня уже мучило от разговоров с существом, которое походило на кусок бекона. И думаю, что самиец относился к моей наружности не менее предвзято.

А потом на горизонте появился Майрикс, и пришло время расставаться с экипажем «Артемиды». Капитан перевел корабль на геосинхронную орбиту и предложил нам спуститься на планету в челноке. По своей душевной

простоте я попросил его высадить нас прямо в городе чужаков.

— Боюсь, что это будет невероятно сложным делом, — ответил Френклин.

Он казался слишком молодым для такой ответственной должности. Но, несмотря на возраст, ему доверили правительственный корабль, оснащенный гиперприводом и новейшей техникой космосвязи. Как сказал мне один из старших офицеров, молодые капитаны без колебаний наказывали за малейшую провинность и обладали очень быстрыми рефлексами, неоценимыми в минуты физической опасности.

— О какой сложности может идти речь? — с удивлением спросил я. — Какая вам разница, где посадить посадочный челнок?

— Чтобы получить разрешение на посадку в Чужеземном Городе, нам придется пройти через массу формальностей, — ответил капитан Френклин. — Вам будет проще пробраться туда по официальным каналам.

— По официальным каналам? — воскликнул я. — Откуда они тут взялись! Насколько мне известно, Майрикс никому не принадлежит!

— Боюсь, что за последнее время ситуация сильно изменилась, — тактично ответил капитан.

Аарон попросил спустить их на Майрикс в «волчке». Рекламные буклеты называли «волчок» источником незабываемых впечатлений. И на этот раз они не преувеличивали. Кокон капсулы вращался и скручивался в зареве сплетавшихся хлопков, и его медленные волнообразные движения оказывали на пассажиров гипнотическое воздействие. К тому времени когда «волчок» достиг поверхности планеты, Аарон и Октано находились в такой эйфории, что почти не сопротивлялись внезапно налетевшей на них группе воинственных чиновников. Уяснив, что землем и самиец прибыли по мандатам Совета, бюрократы немного успокоились, и их поведение стало более сносным.

— Я понимаю, что согласно уставу мы не имели права открывать на Майриксе иммиграционную и таможенную службу, — говорил им высокий краснощекий гуманоид, которого остальные называли капитаном Дарси Драммондом. — Однако ситуация требовала наведения порядка. Мы должны были поддержать закон и завоевать доверие народа. Вы, очевидно, знаете, что три года назад Майрикс считался необитаемой

планетой. По правде сказать, я в то время о ней даже и не знал. Но потом сарпедонская экспедиция открыла здесь Четвертый Чужеземный Город, и сюда потянулись люди — я имею в виду представителей всех шести рас. Так как планета никому не принадлежала, нам потребовался ряд компромиссов, и с этого момента возникла необходимость в органах местной власти. Для водных рас мы создали океан; для летунов — увеличили плотность атмосферы. Пустыни превратились в зеленые поля, а на бесплодных холмах появились сады и леса. Естественно, некоторые требования противоречили друг другу, и каждой расе приходилось в чем-то уступать. Здесь вам надо привыкать ко всему: к гравитации, к климату и даже запаху почвы. Но, несмотря на эти трудности, люди продолжают прибывать на Майрикс сплошным потоком, и с каждым днем их становится все больше и больше.

— Их притягивает город чужаков, — сказал Аарон.

— Конечно. Хотя наш Город — это только символ. Символ, который обозначает встречу рас или, на более высоком уровне, сообщество свободных мыслителей.

Аарон уже устал от подобных разговоров. У него сложилось мнение, что местные власти из всех сил пытались оправдать свое существование. Они с таким упоением описывали Майрикс как центр великих событий и так настойчиво доказывали свою руководящую роль, что Аарон даже начал находить в их заявлениях признаки маниакальной одержимости.

Хотя в тот период он чувствовал себя просто отвратительно. Весь мир казался ему до странности зыбким и нереальным. Он надеялся, что этот недуг пройдет, но с каждым днем ему становилось все хуже и хуже. Аарон никак не мог понять, почему Совет доверил ему оценку таких сложных и запутанных событий. Они ускользали от его взора, как нити невидимой паутины. А может быть, Мэтью и его друзья испугались ответственности и поспешили переложить ее на чужие плечи?

Все было бы не так плохо, если бы он болел по-настоящему. Но его недомогание не имело отношения к физиологии. Оно смущало рассудок, тревожило душу, но не походило на то, что люди называли болезнью. Это было что-то иное — более сильное и тревожное. И Аарон начинал бояться его.

Местные власти выделили для него комнату в отеле «Сола». Прежнего обитателя, скорее всего, просто выгнали из номера. Постель перестилали второпях, и матрац наполовину не доходил до спинки. Заглянув под кровать, Аарон нашел куклу — маленького арлекина в полфута высотой, с бандитской маской

и в помятой испанской шляпе. Отдернув портьеру, он увидел еще одну куклу — толстую соломенную хрюшку в фартучке из коленкора. Аарон сел на низкий подоконник, потом поднялся и потянулся. Ему вдруг захотелось что-то сделать.

В тот же миг раздался стук в дверь, и в комнату вошла девочка лет десяти — одиннадцати, с круглым грязным личиком и надутыми губами.

— Я оставила здесь свою куклу. Может быть, вы ее видели, сэр?

— Тут их две. Которая из них твоя?

Девочка подошла к нему и внимательно осмотрела обе куклы. Забрав толстую хрюшку, она выбежала из комнаты.

А потом он заметил мух. Они ползали по стенам и потолку. Достав из сумки баллончик с нужным средством, Аарон привел ситуацию к галактическим стандартам. Тем не менее он считал, что администрация отеля проявила вопиющую халатность. Стандарты санитарии выполнялись даже на вновь открытых и малоисследованных планетах. Без подобных норм не могло быть и речи о безопасных полетах в Галактике; тем более о комфортном проживании в чужих мирах. И если администрация какого-то провинциального отеля не желала выполнять таких минимальных требований, то как могло мощное сообщество гуманоидов справиться с проблемой столь долгожданных сверхгалактических путешествий?

Аарон решил спуститься в ресторан. Он вышел на темную лестничную клетку и едва не упал, споткнувшись о шесть кукол. Несмотря на разные формы и размеры, они все походили друг на друга своим неприметным и каким-то двусмысленным видом.

С той поры он не мог и шагу ступить, чтобы не наткнуться на какую-нибудь куклу. Они возникали с бесконечной последовательностью форм, имен и чисел; они исчислялись тысячами, и среди них попадались как классические типажи, такие, как Дональд Дак и Микки Маус, так и совершенно незнакомые монстры из цефалонского игрушечного пантеона. Аарон не понимал, откуда они появлялись. Он не понимал их смысла и предназначения. И, конечно же, он не раз задавал себе вопрос: а не играет ли кто-то с ним в куклы?

— Почему вы больше не говорите со мной о древней цивилизации? — спросил Аарон.

— Не имею повода, приятель, — ответил Октано.

— Тогда расскажите о себе. Кто вы?

— Просто другое существо.

— То есть другого вида?

Откинув голову назад, Октаво засмеялся. И вот тогда Аарон нашел одну из тех огромных кукольных фабрик, где маленькие люди, похожие на гномов, производили свой бесконечный ассортимент. Их куклы угрожали завалить собой некогда гармоничную реальность. И эти куклы были оскорблением для здравого смысла людей — а вернее, их неприкосновенной модификацией. Они собирались вокруг Аарона и наблюдали за ним. Как капризные боги, они скорее притворялись разумными, чем действительно обладали разумом. Вот почему своим интеллектом они напоминали человеку огромных крылатых динозавров за день до появления настоящих птиц.

— Вы, землемы, думаете, что эволюция не может обойтись без интеллекта, — говорил ему самиец. — Но уверяю вас, природа не скупится на эксперименты. И последнее слово в этом споре еще не сказано. Нам кажется, что процесс развития остановился на нас самих. Но подобное предположение нелепо. Вселенная беспристрастна. Возможно, она вообще не такая, как мы ее воспринимаем. Вспомните, сколько раз события не оправдывали ваших ожиданий. Разве не логично предположить, что подобное может произойти и в большем масштабе? Вряд ли наша реальность избежала этой двойственности.

— Но что может управлять Вселенной, кроме разума?

— Вы, очевидно, думаете, что вещи существуют только для того, чтобы их кто-то мог понять. Но так ли это на самом деле? Какая разница событиям, поймет их кто-нибудь или нет?

А куклы продолжали появляться, подавляя своим видом людей.

Эти силы не имели выбора. Неважно, что все летело к чертям. Важно было удерживать кукол в уме, слегка пожимая им ручки. Так вот, значит, как чувствует себя человек, осажденный странными и неудобными мыслями. И вот почему в порыве страха слабые люди лелеяли надежду вернуться в свои родные миры. Но это была плохая идея. Лучше шагнуть под лазер, чем улететь отсюда. Потому что в будущем черное пространство между звездами наполнится ужасом — таким же огромным, пустым и холодным. Аарон вдруг вспомнил, что его ждут дела. Ему захотелось встать, собрать свои вещи и добраться до сути вопроса. А потом попробовать его решить.

Иногда он знал, в чем заключался этот вопрос, но в остальное время его мучили сомнения. Аарон по-прежнему жил в «Сола», поскольку этот отель привлекал его любопытным убранством. словно пьяный моряк, вернувшийся из дальних

странствий, он каждый день находил здесь что-то новое, немного странное, но до боли знакомое. А за окнами начинался сезон муссонных дождей, и холмы вокруг города чужаков сияли, как нить накала. Он смотрел на тощие можжевельниковые деревья, посаженные в строгом порядке вдоль длинных и белых дорог. И из каких-то иерархических измерений эти белые дороги напоминали ему кости, выброшенные в жару. Хотя, может быть, он просто перепил арак. Аарон уже не помнил, когда он начал пить эту гадость. Наверное, сразу после своего приезда на контрольный пункт, который располагался у границы Чужеземного Города. По правде говоря, он вначале даже не мог понять, алкоголь это или наркотик. Приятный способ убить время и самого себя, как сказал его внутренний голос. Однако Аарон сомневался, что голос принадлежал ему. Хотя кому он еще мог принадлежать?

Он с трудом вспоминал о том деле, которое привело его на Майрикс. Наверное, сказывалась болезнь. Но что бы он делал, если бы не болел? Аарон знал, что этот недуг предохранял его от принятия решений. Болезнь защищала его от тайного смысла бесед, которые он вел с Сарой. А она все чаще приходила к нему, хотя Аарон понимал, что это невозможно. Сары тут не было; она осталась на ферме размером с Италию, выращивая бобовые усики и своего ребенка. Как же его зовут? Ребенок Сары. Интересно, кого она ждет — его или Лоренса?

А Сара вновь начинала разговор. Он знал, что на самом деле ее здесь нет, но от этого ему не становилось легче. Она казалась такой реальной и доступной. Высокая, степенная и сероглазая. Он любовался ее губами, полными неги и запаха моря. Из-под заколки выбивалась прядка черных волос. И Аарон тревожился о своем рассудке. Но тревога утихала; болезнь защищала его от сильных чувств и эмоций.

— Ты понял свою проблему? — спрашивала его Сара.

— Нет. Я вообще ничего не понимаю, — отвечал Аарон. — Скажи, что происходит. Что все это значит?

— Бедный Аарон. Так что же для тебя важнее — событие или его смысл?

— Ты хочешь сказать, что суть и предназначение — разные вещи?

— Я хотела сказать, что он хочет увидеться с тобой.

— Кто? Лоренс?

— Нет, — ответил знакомый голос. — Боюсь, что не Лоренс.

В комнату въехала маленькая трубчатая машина самийца. С некоторых пор Октано перестал казаться Аарону куском залежавшегося бекона. Без всяких диснеевских дорисовок он превратился в личность — в того, кого можно узнать.

— Мои приветствия, — сказал самиец. — Как вам такое шутиловое начало беседы? Не удивляйтесь. Я сейчас изучаю беспечность. И она мне неплохо удается, верно? Но у меня к вам просьба — не могли бы вы дать мне знать, если ваше здоровье улучшится.

— Хорошо, я вам скажу, — ответил Аарон.

— Меня тоже одолевает небольшое недомогание, — сказал самиец.

— Что вы говорите?

— Да. Оно какое-то время искажало мою визуальную перспективу.

— А как теперь?

— Я готов отправиться в город чужаков, если, конечно, вы составите мне компанию. Нам выписали все необходимые документы, и теперь наш отъезд зависит только от вашего слова.

— Давайте поедem утром, — сказал Аарон.

Но все оказалось не так-то просто.

С наступлением утра Аарон направился к Воротам Стромского, через которые проходила ближайшая дорога в город чужаков. Рядом с высокими деревянными створками, укрепленными полосками кованого железа, стояла небольшая группа землемов и особей других видов. Он хотел спросить, почему это сооружение называли Воротами Стромского, но люди, к которым он обращался, были заняты своими делами и не желали говорить с ним о предстоявшем путешествии.

— С вами будет все хорошо, — отвечали они на его вопросы. — Можете не сомневаться.

И они отворачивались с таким виноватым видом, что Аарон поневоле начинал задумываться о безопасности этого мероприятия. Он пытался выяснить, что же все-таки было не так, но его вопросы оставались без ответов. Они притворялись, что не понимают его.

— Ничего плохого. Все будет хорошо.

— А где самиец? — спрашивал он.

И они вновь смущенно отворачивались.

— Какой самиец? О ком вы говорите?

Все удивленно разводили руками, пока один юноша, похожий на мальчишку, не догадался сказать:

— Ваш приятель встретится с вами позже.

Его ответ еще больше встревожил Аарона, но времени на расспросы не осталось. Кто-то открыл ворота, руки добровольных помощников подтолкнули Аарона к отверстию, и он сам не заметил того, как сделал несколько шагов.

Шагов действительно было несколько, но они увели его в сторону от правильного пути. Пройдя ворота, Аарон оказался на окраине Чужеземного Города. Перед ним возвышалась каменная арка, которая напоминала вход в старинную крепость. Сквозь сводчатый проем виднелись несколько мостовых. У него сложилось впечатление, что строители использовали брусчатку из эстетических соображений, потому что всем известно, какое приятное чувство создают мощеные улицы, сияя после дождя, и каким прекрасным бывает цоканье копыт, когда по мостовым проносятся лошади. Это место казалось тихим и уютным. И Аарон вдруг понял, что город чужаков не был ему чужим.

— Кто вы? — спросил он.

— Я Миранда, — ответила стройная загорелая девушка.

«Светлая копна волос и маленький рот, созданный для поцелуев. Странно, но именно так люди и думают друг о друге», — размышлял Аарон, пытаясь оправдать свое сексуальное влечение.

— А это город чужаков? — спросил он.

— Да. Хотя нет, не совсем.

— Тогда где же мы находимся?

— Они называют это оборотной зоной. Здесь не так, как на остальной части планеты, но и не совсем так, как в Чужеземном Городе. Тут вы можете немного отдохнуть и акклиматизироваться.

— Но я тороплюсь! — воскликнул Аарон. — У меня серьезное задание от Межпланетного Совета. Я должен осмотреть Город и сделать кое-какие выводы.

— О-о! Тогда мне все ясно, — ответила Миранда. — Что вы хотите на обед?

— Я не голоден, — сказал Аарон.

Хотя на самом деле он не отказался бы от хорошего завтрака, и, наверное, Миранда поняла это по его виду. Она ввела Аарона в один из домов, окна которых выходили на тенистую улочку. Пройдя несколько комнат, он оказался в столовой, расположенной в задней части здания. На небольшом столе, покрытом белой скатертью, лежали салфетки и столовое серебро. Чуть дальше находилась кухня. Через открытую дверь Аарон увидел деревянные полки, заставленные горшками и кастрюлями.

— Может быть, вы скажете мне, что все это значит? — спросил он у девушки.

— Сначала вы должны покушать, — ответила Миранда. — У нас еще будет время для объяснений.

Он давно не ел такой хорошей пищи. Консервированную ветчину дополняли свежие яйца, ароматное масло и хлеб домашней выпечки. Перед кувшином молока стояли керамические кружки, в которых дымилась жидкость, похожая на кофе. Миранда не стала садиться за стол, но все время находилась рядом. Она подкладывала ему кусок за куском или убегала на кухню, чтобы через миг вернуться с тушеными фруктами, вареньем или пирожными.

Утолив голод, он решил приступить к расспросам. Но Миранда, выглянув в окно, заметила на улице какого-то мужчину. Она повернулась к Аарону и с игривой улыбкой подозвала его к себе.

— Вот, посмотрите, — шепнула ему девушка. — Это Мика. Мой дядя. Он принес нам новости о дарфиде.

— А что это такое? — спросил Аарон.

— Ах, я забыла. Вы не знаете старого языка. Дарфид означает встречу всех владык диеты.

— Что-то мне вообще ничего не понятно.

— Немного терпения, и вы все узнаете, — сказала Миранда. — Но сначала я познакомлю вас с дядей.

Мика выглядел очень старым и немощным человеком. Очевидно, он полностью использовал свои жизненные циклы, и теперь у него в запасе осталось лишь несколько лет. Когда-то давно Аарон встречал на Сесте такого же старого землема. И он помнил, с каким благоговением относились люди к этому старику.

Встреча с Мирандой и ее дядей казалась абсолютно невозможной. Тем не менее Аарон принял ее как должное. Собрав остатки былой рассудительности, он еще раз попытался оценить ситуацию. Допустим, ему действительно удалось проникнуть в Чужеземный Город, хотя, по правде говоря, он в этом сильно сомневался. Но, допустим, он все же добрался до конечной цели своего пути. Тогда где же здесь руины древнего города? Где те люди, которые их изучали? Аарон хотел спросить об этом Миранду и Мику, но их не оказалось рядом. Они всегда куда-то исчезали, когда у него появлялись конкретные вопросы. Миранда часто уходила в поля, которые простирались за городскими стенами — скорее всего на огород, потому что она всегда возвращалась оттуда с корзинкой овощей. Но вот куда уходил Мика? Аарон подозревал, что старик просиживал

дни в каком-нибудь городском баре, где он пил пиво в компании закадычных друзей. Однако почему он тогда не приволил этих друзей в дом и не знакомил их с Аароном?

А как сладки были ночи, проведенные с Мирандой! Прекрасные ночи! Иногда Мика тоже оставался в доме, но к вечеру он всегда уходил в беседку — на свой любимый потрепанный диван. Погода стояла теплая, и сон на свежем воздухе шел старику только на пользу. Тем не менее такое положение дел смущало Аарона, и он всегда немного терялся, оставаясь наедине с Мирандой. Она часто пела ему старинные и печальные песни, а иногда читала стихи на языке, которого он не знал. Время от времени они ходили в лес и собирали грибы и орехи. В лесу жили белки, и на каждой опушке росли большие ярко-желтые тыквы. Он находил это странным, хотя и не знал почему. Когда же Аарон пытался задуматься над этим, у него начинала болеть голова, и он догадывался, что сходит с ума. Но такие мысли были очень неприятными, и поэтому Аарон переключался на что-нибудь другое. Как и каждый, кто сходит с ума, он понимал, что об этом лучше ничего не знать.

— Миранда, — спросил он однажды, — когда мне можно будет увидеть своего сына?

Она с удивлением посмотрела на него:

— О ком ты говоришь?

— О своем сыне Лоренсе. Он живет в Чужеземном Городе. Мне хотелось бы с ним встретиться.

— Ты, наверное, что-то путаешь, Аарон. Ты еще слишком молод, чтобы иметь сына.

Они взглянули друг другу в глаза, и Аарон понял, что, если он сейчас согласится с ней, ее слова станут правдой. Такого соблазна он еще не переживал никогда. Подумать только! Ему могли вернуть все прожитые циклы! Но за это требовалась плата, которую он не мог себе позволить.

— У меня есть сын, Миранда. И он намного старше тебя.

Она метнула на него колющий взгляд:

— Я не ожидала, что ты так много знаешь!

— Когда же мне с ним можно будет увидеться?

— Аарон, я предупреждаю тебя. Ты можешь все разрушить.

— Не вижу, каким образом. Я просто спрашиваю о своем сыне.

— То, что здесь происходит, не имеет к реальности никакого отношения, — сказала Миранда. — Неужели наша любовь так мало для тебя значит, что ты отбросил ее ради каких-то глупых вопросов? Где дядя Мика? Он объяснит тебе это лучше, чем я.

— Да, где дядя Мика? — спросил ее Аарон.

— О, я здесь! Я здесь, — отозвался старик, внезапно появляясь в углу комнаты и торопливо застегивая ширинку. — Нет мне, горемыке, покоя. В кои веки собрался по нужде, так и там достали.

— Что вы со мною делаете? — спросил его Аарон. — Кто вы, люди?

— Он видит нас насквозь, — шепнул Мика Миранде.

И тогда, взглянув на них более пристально, Аарон увидел удивительную вещь. Возможно, виной тому был танцующий свет свечей, который ласкал их фигуры, как пылкий любовник. А возможно, это происходило из-за того, что они выглядели потрясающе красивыми и совершенными — до какой-то нечеловеческой степени. Отсутствие изъянов лишало их реальности, и, наверное, поэтому, они мерцали и дрожали в свете свечей, как зыбкий мираж. Мираж Миранды в длинной крестьянской юбке и мираж старика в голубом кителе пилота. В камине коттеджа пылал огонь, и его отблески танцевали по их фигурам, как по двум изъяниям из слюды.

Стоило ему заметить их странный облик, как его ошеломила мысль о нереальности всего происходящего. Он вновь подумал о своей болезни, и ему захотелось уйти.

Ему захотелось покинуть этот коттедж, который выглядел более домашним, чем сам дом, стоявший за ним.

Однако самое ужасное заключалось в том, что он не испугался. Его даже не удивило, что Миранда и Мика имели в себе какие-то потусторонние качества. Эта вялая отрешенность встревожила его больше, чем феерическая полупрозрачность Миранды. И тут было несколько возможных объяснений: он сходил с ума; переживал визуальные галлюцинации; или, что хуже всего, находился в полном рассудке. Последнее предполагало, что его хозяева действительно являлись теми, за кого себя выдавали. Внезапно у него перехватило дыхание. Неужели он встретил существ, которые построили этот город? Неужели таким образом они вводили его в свое пространство, чтобы предстать перед ним и наладить контакт?

Аарон начал искать пути отхода. Он пока не нуждался в них, но опыт подсказывал ему, что такое время скоро придет. От коттеджа исходило что-то ужасное, и он все чаще находил в лицах Миранды и Мики какие-то тревожные и до сих пор не замеченные черты. Аарон мог следить за ними часами, поглядывая искоса или разглядывая в упор. Иногда он замечал,

как контуры их фигур начинали расплываться и дрожать, хотя это могло ему только казаться.

А потом Аарон повел свою игру, избрав простую, но проверенную тактику. Прежде всего он включил в распорядок дня утренние прогулки. С каждым днем они становились все длиннее и продолжительнее, и Аарон совершал их в любую погоду. Он знал, что его план продиктован безумием. Он понимал, что увяз в фантазиях ума. Но он не собирался сдаваться отчаянию и по-прежнему лелеял надежду уйти.

Аарон продолжал растягивать свои прогулки, и никто не делал по этому поводу никаких замечаний. И вот однажды утром, когда тропа привела его к небольшому мосту через ручей, он перешел на другой берег и, оглянувшись, заметил, что ландшафт позади него немного изменился. Аарон понял, что пора уходить, и смело зашагал навстречу неизвестному.

Впереди раскинулось огромное поле. Аарон не знал, где именно находился Чужеземный Город, но ему казалось, что он выбрал верное направление. Через некоторое время равнина уступила место лесистым холмам. Тонкие стволы молодых деревьев тянулись до самого горизонта. Над головой раздавалось карканье ворон, которые следили за ним с ветвей, как стражи злого колдовского царства. А день, казалось, тянулся вечно, и низкое солнце белело на блеклом небе. Черные ветви мешали смотреть вперед и путали его мысли. Аарон устал. Но он знал, что останавливаться нельзя — во всяком случае, не здесь и не сейчас. Его ноги утопали в вязкой грязи, из которой росли деревья, и время от времени под подошвами чувствовалось что-то комковатое и отвратительное. Не желая даже догадываться о том, что это такое, Аарон торопливо шагал дальше. Он ощущал вокруг себя присутствие древнего зла, и даже солнце боялось спускаться к земле в таком зловещем месте. Он понятия не имел о своем местоположении, но это его почти не волновало. Каждый путь имел свой конец, и Аарон хотел до него дойти — особенно если он ошибался в выборе направления. А чтобы куда-то дойти, надо шагать, пока все не кончится — вернее, пока не придешь, куда шел.

Увидев город чужаков, Аарон не поверил своим глазам. В своем уме он представлял его чем-то похожим на раскопки других знаменитых мест — например, таких, как Ур Халдейский, Вавилон, Кносс, Фивы или Карнак. В принципе, Аарон ожидал увидеть те же самые развалины, пусть даже более древние и экзотичные. Но руины на Майриксе отличались от всего, что он видел раньше. И это не казалось ему странным.

Станным было то, что Чужеземный Город выглядел удивительно знакомым и родным.

Он привык к нему только после того, как построил себе хижину — небольшой и ветхий шалаш на краю болота. Поглядывая из-под руки через топь, Аарон рассматривал шпили и башни Города. Иногда он даже видел людей, которые ходили по широким улицам. Но все это происходило на другом берегу трясины, и пути туда, по всей вероятности, не было. Болото пугало его своим вероломством; длинный шест, опущенный в него, бесследно засасывало в тину за несколько секунд. И сам того не желая, Аарон представлял себе жертв этой жуткой трясины. Перед его взором возникали скелеты с цепкими пальцами, и раздутые трупы, из глазниц которых сочилась зеленая слизь, манили его к себе, растягивая в усмешке синева-багровые губы. Он отгонял эти видения прочь, но старался держаться от топи подальше. Время от времени Аарон собирался с силами и отправлялся в путь, обходя болото то слева, то справа. Примерно к полудню он неизменно поворачивал назад, считая себя не готовым для встречи с Городом. Все эти преграды на его пути встречались неспроста. Он должен был ждать, когда в нем что-то прояснится. И каждый раз, возвращаясь назад, ему было стыдно за свое нетерпение. Аарон чувствовал, что в нем происходили какие-то изменения, но он даже не надеялся их понять — во всяком случае, до тех пор, пока процесс трансформации не закончится.

Вокруг его помраченного рассудка появилась зыбкая стена неуверенности. И было забавно пожить какое-то время в преддверии ада. Преддверие ада оказалось хорошим местом.

А потом проблема болота поглотила все остатки его разума. Чужеземный Город манил своей близостью, но Аарон не знал, как перебраться через топь. Он просто ничего не мог придумать. Все его мысли сплелись вокруг этого вопроса, и он настолько ушел в себя, что, случись поблизости важное событие, оно бы так и осталось незамеченным. Аарон даже не мог сказать, когда он впервые услышал шум. Он был слишком занят своими размышлениями, чтобы заботиться о каких-то звуках, которые наполняли его хижину. При таких обстоятельствах проще было назвать эти звуки «странными», а затем забыть о них и вернуться к мыслям о болоте.

Но некоторые звуки по-прежнему притягивали его внимание. Например, сухой скрежет на стенах и стремительный топот каких-то маленьких кожистых существ, которые ползали по потолку. А потом он вдруг обнаружил, что реагирует на

звуки даже тогда, когда они замолкали. Что-то подталкивало его к действительно большой проблеме. Что-то заставляло его отслеживать странные звуки, хотя он не находил в этом никакого смысла. Но стоило ли волноваться о смысле звуков, если он хотел отсюда уйти? Конечно, нет. И он снова думал о том, как перебраться через болото.

Время скользило над маленькой хижинкой, и воды болота отражали в себе небесную высь. Иногда вечерами сквозь облака проглядывал закат, и тогда небо становилось невротически оранжевым или сомнительно пурпурным. Свет здесь не подходил под обычные человеческие мерки. Он имел какой-то эмоциональный оттенок и даже казался немного вычурным. Но Аарон привык к нему и с годами мог бы стать настоящим ценителем этой цветовой палитры.

— Мистер Аарон? Вы проснулись?

Он сел. Кто-то звал его шепотом из темноты, выманивая в ночь из маленькой хижины на окраине Чужеземного Города.

— Кто здесь? — спросил он.

— Вы меня не знаете, но я ваш друг, — ответил голос.

Такой низкий бас мог принадлежать только оченьрослому и мощному мужчине. Или, возможно, какому-то неизвестному разумному существу. Но Аарон не мог понять, зачем его разбудили.

— Что вам от меня надо?

— Мы хотим вам кое-что показать.

— Что именно?

— Если вы пойдете со мной, то сами все увидите.

— Я никуда не пойду, пока вы не объясните причину своего визита, — сурово произнес Аарон.

— Вы прилетели сюда, чтобы исследовать самийцев, — сказал голос. — Верно?

— Да. Но я не понимаю...

— Я могу показать такие вещи, которые без всяких слов расскажут вам о тайне самийцев. Не упускайте эту возможность. Идите за мной.

Предложение казалось заманчивым. Голос открывал новые пути, и Аарон не видел причин отказываться от них. Хотя его смущала та настойчивость, которую он заметил в тоне незнакомца. С другой стороны, ему до тошноты надоело болото. И он уже не мог без содрогания смотреть на эту чахлую однообразную природу.

Аарон встал и осторожно вышел в темноту. Казалось, что во Вселенной выключили свет. В его ладонь прокралась малень-

кая лапа, напоминающая руку ребенка. Почувствовав слишком уж много пальцев, Аарон воспринял это без всяких предубеждений, хотя, по правде говоря, многопалость спутника произвела на него неприятное впечатление. Он поддался мягкому рывку и подошел к стене хижины, которая вдруг растворилась и превратилась в длинный коридор — такой же темный, как ночь у болота. Они зашагали по гулкому туннелю, и через некоторое время Аарон увидел точку света. По мере того как они приближались к ней, она увеличивалась в размерах и все больше напоминала дверной проем. Этот ослепительно яркий прямоугольник света пробуждал приятные мысли. Аарон подумал о городе чужаков. Он взглянул на спутника и увидел маленькую квадратную фигуру, которая во многом походила на самийца. Она была несколько меньше, но зато с руками и ногами. Каждая нога кончалась ступней с семью пальцами, а каждая лапа имела какое-то подобие шестипалой ладони.

— Кто вы? — спросил Аарон. — И куда вы меня ведете?

— Это будет официальное расследование, — сказал маленький параллелепипед. — Впрочем, вы знаете, о чем я говорю. Вы же инспектор.

— Я? — удивленно спросил Аарон.

— Конечно. Совет велел вам присматривать за самийцем. Ваши коллеги чувствуют, что эта раса представляет угрозу для гуманоидов Галактики. Разве не так?

— Так, — ответил Аарон. — Но откуда вам это известно?

— Наши шпионы везде, — шепнул параллелепипед. — Следуйте за мной, и я выложу перед вами все доказательства.

— Доказательства? Какие доказательства?

— Доказательства об истинных намерениях самийцев.

Внезапно Аарон увидел сотни маленьких параллелепипедов. Он понял, что они каким-то образом связаны с расой самийцев.

Выступив в роли их делегата, П. Самюэльсон рассказал, что много веков назад они и самийцы принадлежали к одному и тому же виду. Но затем появились первые различия. После объявления определенных религиозных праздников мирное существование закончилось, и большие пипеды провозгласили маленьких сородичей гражданами второго сорта. Позже их вообще переименовали в подкласс. Поначалу маленькие пипеды думали, что это просто недоразумение, но более разумные особи вскоре разъяснили им истинное положение дел. «Разве вы не понимаете, что они задумали? Большевики хотят, чтобы мы делали за них всю грязную работу. Вот почему они отказались от использования рук и ног!»

А большие пипеды старательно выращивали новое поколение, которое было лишено любой способности к мануальным действиям. Они лукаво уклонялись от ответов, когда их спрашивали о смысле такого странного проекта. Но страшная находка на товарных складах небольшого космодрома раскрыла глубину их подлого заговора. Как оказалось, эти склады были доверху набиты одурманенными маленькими пипедами, сложенными друг на друга, словно горки блинов. Их ожидала отправка в предместья для подневольной службы. Придя в себя, они рассказали, что им обещали поездку в прекрасную страну, где все живые твари пребывали в мире и согласии. Судя по их словам, в этой преступной операции участвовал крупный мужчина размером с тарелку бекона, и главной его приметой являлось хитрое выражение лица. Однако все понимали, что большие пипеды не имели на лицах никаких выражений. Поэтому дело прекратили и сдали в архив.

Тем не менее тенденция определилась. Большие пипеды, следуя новой доктрине психической однородности, продолжали искоренять любое использование внутренних и внешних членов. В их среде начинала входить в почет доктрина духовной неподвижности.

В ту пору великого энтузиазма этот намеренный отказ от любого вида подвижности рассматривался самийцами как последний шаг к обретению истинной духовности. Но духовность к ним так и не пришла, а все их прежние заботы и дела легли на плечи маленьких пипедов, существование которых все больше и больше скрывалось от внешнего мира.

Возмущаясь произволом, маленькие пипеды пытались доказать, что они тоже обладали всеми атрибутами самийцев. Однако их никто не слушал. Назвав бывших сородичей «частями своих тел», самийцы отказали им в праве считаться разумными существами. Согласно своду законов, каждый самиец при встрече с беглым маленьким пипедом мог объявить последнего своей собственностью с последующим использованием в качестве рабочего органа или автономной части тела.

Тем не менее самийцы знали, как относились к рабству другие цивилизованные расы. Во избежание конфликтов они решили предотвратить любую утечку информации о маленьких пипедах.

— Обычно они не позволяли нам улетать с родных планет, — рассказывал Самюэльсон. — Но когда возникла необходимость в экспедиции на Майрикс, самийцам пришлось сделать исключение. Им потребовались наши руки и наше мастерство. Чтобы

составить другим достойную конкуренцию, они пошли на риск и привезли нас сюда.

Наследственный сдвиг к неподвижности лишил самийцев многих удовольствий, и они не могли, например, поковырять где-нибудь пальцем или почесать то, что чесалось. Вот поэтому они и взяли сюда маленьких пипедов, которые, помимо названных вещей, могли выполнять любую работу. В отличие от других видов, эти крохотные трудяги имели на каждой руке по два больших пальца. Природа щедра к униженным и оскорбленным.

Аарон от души сочувствовал маленьким продолговатым существам, но он знал, что помочь им вряд ли удастся. Самийская доктрина о первых среди равных являлась правилом для каждой из шести космических рас. А что, если маленькие пипеды действительно были только органами тел, пусть даже разумными и автономными? Он вспомнил об ужасных историях, которые ходили среди гуманоидов на заре их развития. Живые головы, руки мертвецов и даже желудок старого доктора.

Он сделал ошибку, высказав вслух свои сомнения. Атмосфера тут же накалилась и стала неприятной. Маленькие параллелепипеды двинулись к нему, угрожающе пощелкивая длинными пальцами. Они напоминали Аарону пигмеев из сюрреалистического фильма, поставленного по мотивам «Копей царя Соломона». Маленькие размеры, которые делали их беспомощными перед самийцами, представляли для Аарона реальную угрозу. Пятясь назад, он зажимал рот и дышал носом, боясь, что один из пипедов застрянет у него в дыхательном горле. К счастью, в этот момент в бункер ворвался отряд спасателей, посланных его другом-самийцем.

— Это грубый шантаж, — сказал Октано.

После инцидента прошло уже несколько часов, и оба приятеля расположились в небольшой уютной комнате. Самиец слушал, как землем рассказывал свою историю.

Аарон принадлежал к Третьему Исходу. Первый совершили евреи, бежавшие из Египта; второй — земляне, покинувшие Землю; третий — землемы, улетевшие с земных миров. Поэтому Аарон причислял себя к Третьему Исходу. Его родители прожили все свои жизни на Артемиде-5, и за это время там ничего не изменилось. На уклад их жизни не повлияло даже появление других космических рас. Вот почему Аарон еще в детстве поклялся убраться подальше от религиозных проповедей отца и летаргической скуки захолустной Артемиды.

На раннем этапе космической экспансии все зависело от установки опорных пунктов для гиперпрыжков. Планеты открывались медленно, но их заселение велось очень интенсивно и основательно. Добравшись до ядра Галактики, землемеры начали открывать новые миры с такой быстротой, что их уже не успевали осваивать. Спрос на колонистов превысил возможные расы. Иногда, чтобы легализовать права на какую-нибудь ветвь Галактики, целые миры заселялись только одной или двумя семьями. И эти семьи потом с надеждой ожидали появления новых колонистов.

Хотя на самом деле отец Аарона торговал мануфактурой на Китанджаре — небольшой черно-зеленой планете, которая находилась почти у самого центра Галактики. Будучи резким и вспыльчивым человеком, он придерживался строгих консервативных взглядов и никогда по-настоящему не верил в существование других космических рас. Вернее, он считал их исчадиями ада, созданными дьяволом для восхваления животного начала. Мать Аарона плавала по каналам. Судя по некоторым статьям, она неплохо рисовала акварелью и считалась превосходным критиком среди ценителей живописи. Устав от бесконечных ссор и необоснованных обвинений, она оставила отца Аарона и улетела вместе с сыном на Сиринджин-2. Аарон жил с ней до четырнадцати лет, пока она не погибла в авиакатастрофе.

На следующий год, закончив образовательную систему, он улетел на Сесту. Жизнь фермера на одной из самых тихих и наименее заселенных планет помогла ему воспитать в себе определенную независимость в оценке событий, и эта черта должна была повлиять на окончательное решение проблемы, связанной с Четвертым Чужеземным Городом.

Что касается города чужаков, то он действительно был очень странным. Направляясь туда, Аарон мечтал о встрече с сыном. Но когда он наконец добрался до Города, свидание с Лоренсом потеряло для него всякий смысл. Каким-то странным образом, который оставался для него непостижимым, он искал это место всю жизнь, и все здесь казалось ему знакомым и милым. Несмотря на явный парадокс, Аарон находил это вполне естественным. Когда-то очень давно, по воле эволюционного процесса, ему, как и другим существам, пришлось оставить свой родной Чужеземный Город. Но люди никогда не забывали об этом тайном месте. Оно служило им для тысячи сравнений. Ибо то был сад Эдема, в котором начиналась их жизнь до столь печального изгнания оттуда. Странно, что

такое легендарное и сказочное место могло оказаться настолько знакомым. Но и эта странность, видимо, имела свое объяснение. Во всяком случае, попав сюда, Аарон понял, что он вернулся домой.

Но как ему объяснить эту истину другим? Он не хотел поступать, как Лоренс. Тот даже не пытался говорить об откровениях Города — о том, что происходило с ним и другими. Но пришло время открыть людям глаза и дать объективную оценку. Пришло время Слову, а может быть, и делу.

Хотя что он мог рассказать об этом месте? Когда на душе покой, любое место прекрасно. Город чужаков переполняли мнения, аспекты и точки зрения, пересмотр которых являлся сокровенным делом. Здесь царило пространство, где встречались, казалось бы, несовместимые противоположности: быть дома и вне дома; жить в знакомом и незнакомом мире.

Город поражал своими чудесами, но тому, кто здесь жил, они казались вполне нормальными. Взять хотя бы еду и питье — они просто появлялись, когда наступало время их получать. И так происходило с остальными вещами. Все возникало легко и естественно. Эта естественность, пожалуй, и была самой величайшей странностью Чужеземного Города.

На третий день своего пребывания в Городе Аарон встретил Лоренса. Два первых дня он провел в поисках ночлега, спальных принадлежностей и других предметов первой необходимости. При полном отсутствии мебели каждый дополнительный матрац воспринимался здесь как дар судьбы. Размеры комнат позволяли предполагать, что чужаки придерживались таких же пропорций, как и землемы. Но их рост и шаги были немного больше, о чем свидетельствовала ширина плит на пологих спусках от верхних помещений к нижним. Город чужаков походил на огромный дом со множеством комнат и открытых площадок, где в древности, очевидно, размещались рынки. Судя по всему, его жители не относились к почитателям живописи, и, хотя на стенах иногда встречались фрагменты орнамента, их узоры были примитивно простыми и, по большей части, геометрическими. Чуть позже Аарон узнал, что на Майриксе не нашли ни одного изображения человеческой или животной формы; даже того легендарного символа, который встречался в трех других чужеземных городах. Речь шла о летающем змее — древнем символе Земли. Правда, у чужаков этот змей имел на хвосте любопытные изгибы и кольца. Кроме того, на его широких крыльях изображались длинные пальцевые перья, которые иногда встречались у хищных птиц. Впрочем, и в тех трех городах орнаменты тоже считались

редким явлением. Что же касается руин, то предназначение этих циклопических сооружений до сих пор оставалось загадкой. Вряд ли они служили для убежища, жилья и каких-то других бытовых целей. Исследователи насчитали здесь более тысячи комнат, но они не нашли на дверях никаких намеков на запоры, задвижки и замки. Более того, они не обнаружили ничего похожего на кухни, склады или зернохранилища, на столовые, рестораны и кафе. И, возможно, представление Седьмой расы о предназначении городов вообще отличалось от точки зрения землемов.

— Что это? — спросил Аарон.

— Мы называем это центральным бульваром, — ответил Лоренс. — Он находится в самом центре Города.

— А зачем он нужен?

— Понятия не имею, — ответил сын.

— Объясни, почему ты не сообщил об этих находках Совету?

— Потому что в них нет ничего конкретного. В каждой вещи столько нюансов, что внешняя форма теряет смысл. Я буквально чувствую этих чужаков, но не могу сказать, откуда идет это чувство. Да и ты, наверное, испытываешь то же самое.

— От этого здесь никому не уйти, — ответил Аарон. — Но такие чувства вполне естественны. Нечто похожее испытывали те, кто вскрывал гробницы Древнего Египта на Земле или сокровищницы Салтая на Амертегоне.

Он не стеснялся своего восторга и благоговения в присутствии такой старины, где даже время принимало осязаемую форму.

— Я хочу познакомить тебя с Мойрой, — сказал Лоренс. — Она помогает мне в моих исследованиях.

Мойра оказалась коренастой темноволосой девушкой с веселой улыбкой и большими карими глазами. Ее лицо трудно было назвать красивым, но она из принципа не пользовалась косметикой. Голубые джинсы, длинный мужской свитер и сандалии придавали ей немного дикий вид. Но верхом всего являлся рюкзак, который Мойра носила вместо сумки.

— Очень рада познакомиться с вами, — сказала она, пожимая Аарону руку. — Я много слышала о вас. Между прочим, вы у Лоренса пример для подражания.

Он этого не знал. Поблагодарив девушку, Аарон украдкой взглянул на сына. Лоренс что-то быстро писал в блокноте и, казалось, не прислушивался к их беседе.

Они все глубже и глубже входили в Город. Освещение убывало; формы становились более угловатыми и стилизо-

ванными. Коридоры сменялись залами, разветвлялись в короткие тупики и без видимых причин поворачивали в стороны. Аарон почти физически ощущал, как вокруг них сгушалась аура древности. Световые эффекты на стенах и потолках поражали воображение. Чувство таинства усиливалось с каждым шагом, но они пока не встречали ничего такого, что могло бы показаться сверхъестественным.

— Вскоре ты увидишь действительно потрясающую вещь, — сказал Лоренс.

Они прошли через пару открытых двойных дверей, спустились по тускло освещенным ступеням и свернули за угол. Когда их маленький отряд оказался на середине прямого коридора, Лоренс поднял руку и замер на месте.

— Вот это я и хотел тебе показать, — сказал он.

Аарон хотел чуда, и он его получил. Еще одно мудрое откровение. В первые дни, осматривая развалины, Аарон видел в них только застывшие отголоски былого величия. Интересно, спору нет, но все это показывали и в фильмах о других городах чужаков. Он тогда еще не находил здесь качественного различия.

Однако Четвертый Чужеземный Город оказался чем-то совершенно иным. И Аарон однажды понял, что это не мертвые руины и не диорама древнего зодчества. Город, как живой организм, откликался на мысли и поступки людей. В каком-то смысле он походил на обучающую компьютерную программу. Вот что имел в виду Лоренс, показывая Аарону на дверь.

— Я могу поклясться, что ее здесь раньше не было.

Лоренс кивнул, но не сказал ни слова.

— Неужели она появилась только сейчас?

— Ты и сам это знаешь, отец.

Внезапно Аарон почувствовал желание вернуться к третьей двери слева. Всего лишь минуту назад она не поддавалась на его толчок. Но теперь, когда он снова вернулся к ней, дверь открылась при одном лишь прикосновении.

— Ты изменил дверной шифр?

Лоренс покачал головой.

— Но кто-то же это сделал? Когда мы проходили мимо нее в первый раз, она была закрыта. А теперь я ее открыл.

— Никто к ней не прикасался, отец. Мы уже встречались с этим феноменом раньше. Двери открываются лишь тогда, когда город считает, что ты готов пройти через них.

Чтобы доказать свои слова, Лоренс подошел к следующей двери и толкнул ее рукой. Та не поддавалась. Он жестом

подозвал отца, и Аарон открыл ее легким прикосновением пальцев.

— Город словно знает, что я уже пообедал, — объяснял Лоренс. — И поэтому он не видит причин открывать для меня эту дверь. А вот ты проголодался, и Город готов накормить тебя.

Аарон осторожно переступил порог, и массивная створка тут же закрылась. Он увидел, как круглая рукоятка трижды провернулась вокруг оси. Дверь снова открылась, и в проеме появился Лоренс.

— Как ты об этом узнал? — спросил Аарон.

— Методом проб и ошибок. Я обнаружил, что, несмотря на первый запрет, Город все же может пропустить меня дальше. Просто я должен настаивать на этом — вот и весь секрет. Он позволяет мне пройти, если я принял твердое и окончательное решение.

Аарон осмотрелся. Комната напоминала маленькую столовую. Вокруг мраморного стола стояли четыре деревянных стула. На белой скатерти виднелись салфетки, стеклянная и фарфоровая посуда, а также несколько больших блюд, из-под крышек которых исходил аппетитный запах. И что интересно, эта пища не выглядела чужой. Обычное тушеное мясо с морковью и жареной картошкой — не очень экзотическая, но хорошо приготовленная еда.

— А кто готовит эту пищу? — спросил Аарон.

— Она просто появляется.

— И она всегда одна и та же?

— О нет! Город ее разнообразит. Он вообще не повторяется. Иногда это восточные блюда, а иногда русские или латиноамериканские. Часто мы даже едим что-то вообще непонятное. Но мы доверяем Городу, и никто из нас еще ни разу не пострадал от пищи.

Однако здесь появлялись и не совсем приятные вещи. Например, куклы. Все те же куклы. Город оказался настоящим затейником. И куклы встречались в развалинах на каждом шагу. Ни одна из них не превышала восемнадцати дюймов в высоту, и они всегда были тщательно одеты. Обычно Аарону попадались тряпичные куклы, но он находил и прекрасные статуэтки из голубого фарфора с глазами, вырезанными из драгоценных камней. Куклы появлялись в Городе повсеместно: то партиями по несколько штук, то десятками или даже сотнями. Тем не менее Аарон не видел принципа, который мог бы стоять за этим. Временами они вообще исчезали, а потом возникали, как грибы после дождя. Аарон пытался составлять

графики, подсчитывал количество и вел ежедневные записи. Но он так и не докопался до истины.

— Сара, что ты здесь делаешь? Тебе же не хотелось участвовать в этом.

— Наверное, я передумала.

— Конечно, тут нет сомнений. Но почему ты передумала?

— А вот это уже мое дело.

— Ты уже виделась с Лоренсом?

— Еще нет. Хотя это уже не кажется мне таким важным, как раньше.

— Тем не менее это важно! — сказал Аарон. — Ты обязательно с ним должна поговорить. Я знаю, он будет рад вашей встрече.

— Почему ты все время стараешься быть таким отвратительно милым? Все изменилось, Аарон. Мы должны знать, куда пойдем отсюда дальше.

По какой-то причине Лоренс и Сара не встретились. Аарон не думал, что они избегали друг друга. Но так получилось, что встретиться им не удалось. Хотя, возможно, кто-то из них действительно не захотел этой встречи, и тогда понятно, почему она не состоялась. Однако это опечалило Аарона. И еще его тревожило, что Сара больше не проявляла к нему интереса. Почему же все так резко изменилось? Неужели что-то произошло?

— Как поживаете, дружище? — спросил самиец.

Аарон приподнялся и сел. Он все больше и больше времени проводил в постели, рассматривая мраморный потолок. Прежде ему казалось, что у него есть о чем подумать. Но теперь он в этом сомневался. Мысли с трудом пролезали в его голову и как-то очень быстро выскальзывали оттуда. Тем не менее в последние дни он чувствовал себя спокойно и вполне оптимистически. Что-то, конечно, было не так, и именно к этому его сейчас подводил самиец, однако Аарон считал себя абсолютно здоровым — особенно после того, как прекратились кошмары. Между тем Октано тревожился о друге. Аарон часто шептал что-то о маленьких пипедах, восставших против больших самийцев. И ему оставалось только удивляться, где его приятель набирался подобных идей.

— Со мной все нормально, — ответил Аарон.

Самиец уловил в его голосе настороженные нотки. Но он уже устал от всех этих странностей и недоразумений. В городе

чужаков находилось несколько исследовательских групп от всех шести рас, и казалось, что все они занимались исследованием развалин. Однако их видимый труд не приносил никаких результатов. Более того, на проходном пункте в Город скопился груда депеш и запросов. Некоторые из них исходили от комиссий Совета, которые бомбардировали Аарона и Лоренса вопросительными знаками. Самиец не раз пытался уговорить их написать ответ. «Поймите! Люди из Совета посчитают ваше молчание очень странным!» Но отец и сын не находили на это ни времени, ни желания.

— Я понимаю их тревогу, — говорил Аарон. — Но ничем не могу им помочь.

— Вы могли бы выйти на космосвязь и как-нибудь успокоить членов Совета, — настаивал самиец. — Это же вас не убьет, правда?

— Не знаю, — отвечал Аарон. — Я в этом не уверен.

Самиец начал подозревать, что с Аароном творится что-то неладное. Возможно, он решил, что неладное здесь творится с каждым и даже с ним. Фактически он и сам понемногу начал сомневаться в своем благоразумии.

Это же чувство тревоги прокатилось по всем ассоциациям и правительственным центрам. Гуманоиды задавали вопросы о Чужеземном Городе. И им никто ничего не мог ответить. Мэтью вышел на космосвязь и передал решение Совета. Они собирались прилететь сюда сами, поскольку Аарон не оправдал их надежд.

— И что вы обо всем этом думаете? — спросил самиец.

— Наверное, так даже лучше, — ответил Аарон. — Нам предстоят большие дела. Ведь в некотором смысле прежние обитатели Города до сих пор живы.

— Разве это возможно? — спросил самиец.

— Конечно, возможно. Неужели вы этого еще не поняли?

— Боюсь, что нет, — ответил Октоно. — Хотя мы, самийцы, вдвое моложе землемов и менее чувствительны, чем все остальные космические расы.

Интересно, что гуманоиды других рас действительно слетались в город чужаков, как мотыльки на пламя. Их прилетало на Майрикс все больше и больше. Колония около развалин разрослась на несколько квадратных миль, и каждый вид обосновался в ней согласно своему жизненному укладу. Многим тут приходилось несладко: локрианам не хватало в атмосфере неона; у цефалонов возникали проблемы с водой; и вообще Майрикс больше подходил для существ, привыкших к небольшой гравитации и кислороду. Но остальные расы не

сдавались и придумывали различные приспособления. Весь водный мир был отдан цефалонам. Летуны-кротониты устроили себе гнездовья с естественной для них средой обитания. Они строили герметичные купола и увеличивали там плотность атмосферы, снижая тем самым нагрузку на крылья. Но они мало что могли сделать с гравитацией. Несмотря на все эти трудности, гуманоиды привыкали к планете и осваивались с ее непростым характером. Как бы там ни было, она являлась почти универсальной для всех видов, и только самийцы пока оставались в стороне.

Такое положение дел тревожило Октано. На всякий случай он решил проинформировать свой народ, что Майрикс несет в себе какую-то опасность.

— Алло? Гвинфар?

Нейтронная связь была почти мгновенной, и только любитель каламбуров мог бы утверждать, что она не прямая. Через секунду Октано услышал голос, который мог принадлежать только вождю их клана.

— Что-то случилось? — спросил Гвинфар.

— Этот мир тревожит меня, — сказал Октано. — Но ни одна из других рас, очевидно, не находит его подозрительным. Если некоторые землемы поначалу интересовались мной, то теперь им нет до меня никакого дела.

— По каким причинам?

— Я подозреваю, что они разрабатывают некий вид иллюзорной системы. Или, может быть, на них так действует Майрикс.

— Что еще за иллюзорная система?

— Здесь много аспектов, но я попробую объяснить. Например, им кажется, что мы, самийцы, скрываем какой-то очень глубокий секрет.

— Ага! Если бы он только у нас был!

— Вот и я так думаю. Но они не понимают, что мы действительно так просты, как выглядим.

— Возможно, это соответствует тому, что они называют «параноидальным мышлением»?

— Мне очень жаль, но, кажется, так оно и есть, — ответил Октано.

Тем временем в системе Миниэры шла напряженная работа всех правительственных структур. Входя в зал заседаний Совета, Мэтью даже не пытался скрыть своей тревоги. Она не покидала его с тех самых пор, как самиец послал ему по космосвязи просьбу о содействии.

— Вероятно, его сообщение исказили при дешифровке, — сказал де Флер. — С какой стати самийцу просить встречи с нами?

— Нет, канал дешифровки заслуживает полного доверия, — ответил Мэтью. — Он имеет наши опознавательные знаки.

— Самиец настаивает на секретности, — продолжал де Флер. — Это мне не нравится. Мы как бы становимся его соучастниками, понимаете?

— Тем не менее нам надо узнать, что у него на уме. Вы не хуже меня понимаете, что на Майриксе назревают серьезные события. Если Октоно может дать какую-то информацию, мы должны воспользоваться его услугами.

Встреча состоялась на Хестре — луне второй гуманоидной планеты. Поскольку атмосферы здесь не было, в одном из кратеров на солнечной стороне луны соорудили купол. Неподалеку от него находился автоматический парк аттракционов. Такие станции для развлечений обычно устанавливались рядом с малонаселенными планетами, которые не могли обеспечивать содержание живого персонала. Впрочем, для тех немногих людей, которые иногда прилетали отдохнуть на Хестру, этих механических увеселений вполне хватало.

У самого входа располагалась качающаяся площадка с нулевой гравитацией. Небольшой пульт позволял программировать ее замысловатые повороты и вращения. Рядом застыли неподвижные механизмы других аттракционов — воплощение той озабоченности, которую люди питали относительно своих проприоцептивных центров. Пищевой ларек казался отключенным. Но когда де Флер проходил мимо него, сенсорные датчики уловили приближение человека и запустили световую рекламу. Она засияла неоновыми лампами — старомодным символом процветающих цивилизаций. Тут же заиграла музыка, которая транслировалась прямо в их шлемы. А затем раздался механический голос рекламного автомата:

— Остановитесь, леди и джентльмены! Остановитесь и сделайте свой выбор! Приколите хвост межзвездному шатуну! Одержите верх в споре с печальным и старым саблезубым тигром! Пролетите сквозь черную дыру и солнечные протуберанцы! Только такие отчаянные храбрецы, как вы, могут осушить залпом смертельный напиток за нулевое время! Не упустите свой шанс и порадитесь чувству восторга, которое даст вам величайшее преступление века! Не надо нервничать, господа! Спокойно, милые юноши и девушки! Вам надо как следует повеселиться и порадоваться жизни! А это можно сделать только у нас!

— Что-то мне здесь не нравится, — сказал де Флер. — Неужели эти штуки всегда включаются так неожиданно?

— Боюсь, что да, — ответил Мэтью. — Я имею в виду современные образцы.

— Почему же они так популярны?

— Мода, как и общественное мнение, абсолютно непредсказуема. Это доказано историей. Во всяком случае, мне так говорили на курсе психологии. Университетские мужи утверждают, что вкус к плохому просто необходим для развития общества, так как он выражает наш подсознательный протест против всего хорошего и благопристойного. Одним словом, человечество нуждается в таких неряшливых местах. Кроме того, существует теория, будто ничто человеческое не является безобразным.

Парк игр и развлечений казался лежбищем огромных чудовищ, которые собрались в этот кратер со всех уголков луны. Атракционы терлись друг о друга и выгибали дуги рельс, взлетающих к колючим пятнам созвездий. Два человека торопливо направились к выходу, пытаясь согласовать дальнейшие действия.

— Возможно, мы совершаем большую ошибку, — сказал де Флер. — Вам следовало настоять на официальной встрече.

— Нам позарез нужна эта информация, — ответил Мэтью. — И я готов полететь куда угодно, лишь бы узнать, что происходит на Майриксе.

— За исключением самого Майрикса, разумеется, — съязвил де Флер.

— Мы уже обсуждали этот вопрос.

Отрегулировав подачу воздуха, де Флер поправил маску и сказал:

— Посылать сейчас кого-то на Майрикс было бы просто безумием. Я думаю, вы согласны со мной, Мэтью?

— Под большим давлением.

— Тем не менее вы согласились со мной на заседании Совета. И мы вам руки не выкручивали. Да что там говорить! Это единственный разумный вариант, пока мы не узнаем, что происходит в Чужеземном Городе. Вспомните, скольких людей мы отправили туда за последнее время! И никому из них потом не удалось наладить с нами контакт! Аарон был только последним.

— Мы могли бы послать туда кого-нибудь еще, — упрямо сказал Мэтью.

— Я знаю, что вам хотелось взять эту работу на себя. Но подумайте о финале. Если бы вы тоже прервали связь, мы потеряли бы еще одного важного советника.

— Ладно, вы меня уговорили, — проворчал Мэтью. — Но где же этот самиец?

— Взгляните туда! — прошептал де Флер.

Мэтью поднял голову и увидел у дальней ограды парка темное пятно. Оно перемещалось параллельно им вдоль стоянки, где астероидные шахтеры оставляли свои машины. Обогнув стоянку, пятно направилось к людям. Де Флер вытащил из кобуры колоколоподобный револьвер, но Мэтью положил ладонь на плечо старика.

— Успокойтесь. Это Октано.

Самиец приехал на трубчатой коляске. Под ним находился баллон, откуда вырывался цветной газ. Искристое облако окутывало переднюю часть ломтевидного тела, похожего больше на почерневший кусок мяса, чем на живую плоть. Все признаки жизни исходили из трансляционной панели. Но по резким рывкам коляски Мэтью понял, что самиец расстроен.

Они обменялись любезными приветствиями. Затем голосовой синтезатор крикнул и произнес:

— Я рад, что вам удалось выкроить для меня время. Наверное, вы уже догадались, что я хочу поговорить с вами об Аароне.

— Мне только непонятно, почему вы отказались провести эту встречу в официальной обстановке, — сказал де Флер.

— К сожалению, ситуация на Майриксе гораздо серьезнее, чем вы думаете. Она имеет множество неясных аспектов, и я думаю, что вам следует выслушать меня.

— Но почему вы захотели встретиться именно здесь?

— Поймите меня правильно, — сказал Октано. — Совет самийской конфедерации еще не выяснил, насколько опасно положение дел на Майриксе. Но мы видим одно. То, что там происходит, оказывает глубокое воздействие на всех, кто прилетает туда. И более всего этому воздействию подвержены земли.

— Почему же ваша конфедерация не вынесла этот вопрос на обсуждение Межпланетного Совета?

— Вы и сами должны это понимать, — ответил самиец. — Под покровом беспристрастности и хороших манер моя раса, подобно другим, озабочена своими страхами и мыслями о конкуренции. Да, мы говорим, что межвидовой борьбы не существует, но все эти слова являются стандартной отговоркой. И хотя Галактика слишком велика, чтобы на нее могла

претендовать одна раса, мы все равно пытаемся захватить первенство над другими видами.

— Вы как-то необычно искренни, — отметил де Флер.

— А что тут такого? Я не разделяю подобных взглядов. Конечно, мне тоже хочется, чтобы мой народ выдержал испытание временем, но я не собираюсь ради этого молчать о зле, которое творится на Майриксе.

В конце концов они перешли к обсуждению основного вопроса. Мэтью понял, что самиец пытался ввести новый подход в древнюю программу межвидовой конкуренции. Впрочем, его план мог оказаться тонкой уловкой, направленной на дискредитацию землемов. И в этом им следовало разобраться прежде всего — причем не в тиши кабинетов, а здесь, у пустого парка аттракционов, на солнечной стороне луны, вдалеке от коммерческих линий. Кроме того, Мэтью хотелось услышать что-нибудь об Аароне; особенно теперь, когда на Майрикс отправлялась новая дюжина кораблей. Люди на борту были туристами, но, что интересно, они состояли только из представителей четырех рас. Об этом тоже стоило подумать.

— Так вы говорите, что во всем виноват сам город? — спросил он у Октано.

— Я боялся смутить вас такими словами, но вы сами это сказали. Теперь вам предстоит сделать выбор — верить мне или нет.

Мэтью задумался. Город оказался обитаемым. Посланцы Совета не возвращались и не выходили на связь. А что, если Чужеземный Город построен как ловушка? Что, если кто-то знал, что туда полетят другие разумные существа...

Той первой ночью Аарон долго не мог заснуть. Теперь он знал, что Город жил, несмотря на все прошедшие тысячелетия. Любой вопрос о его предназначении был нелеп уже в самой сути, ибо пути творцов неисповедимы. Хотя, возможно, чужаки и имели какую-то цель, когда создавали свой город.

Он находился в домике для гостей — довольно странном затемненном помещении с широким центральным проходом и боковыми комнатами, где на полу лежали лишь маты. Несмотря на темноту, освещение действовало; требовалось лишь поднять палец и указать на лампы. Все гости питались в общем зале, но он ел только с гуманоидами. Ему не нравилось делить пищу с теми, кто поедал на завтрак смазанный маслом картер или какой-то его эквивалент. После ужина он принял ванну, и эта процедура порадовала его своей новизной. Сняв одежду, Аарон скатился по длинной металлической трубе и соскольз-

нул в воду. Такое погружение показалось ему излишне драматическим. Однако выбирать здесь особо не приходилось.

Нырнув в воду, он оказался в густом облаке белых пузырьков. Аарон почувствовал, что гравитация вдруг резко изменилась. Его тело медленно опускалось вниз, а вокруг все сияло цветными прядями и нитями водорослей. Мимо проносились какие-то вытянутые создания, похожие на яркие перья. Некоторые из них имели мелкие зеркальные чешуйки.

Через какое-то время он понял, что перья, проплывавшие мимо него, являлись гуманоидами. Сначала ему попадались только цефалоны, и Аарон любовался их легкими и стремительными движениями. Потом он заметил одного нексиянина, который проплыл поблизости с комичным и важным видом. Кристально чистая вода освещалась откуда-то снизу, но источник света удалялся по мере того, как Аарон спускался к нему сквозь шлейфы пузырьков, оставленные другими пловцами. Он дышал под водой, и это его не удивляло. Да и чему тут было удивляться, если все получалось само собой?

Аарон продолжал погружаться, и его не тревожило давление воды или отсутствие воздуха. В сияющем коконе света ему встречались старые и новые друзья, его любовницы и те, кому еще предстояло стать ими, и они махали Аарону руками, пока он спускался вниз.

У самого дна его взору открылось небольшое круглое отверстие, которое являлось основанием огромной стеклянной бутылки. Эту бутылку он заметил всего лишь минуту назад. Аарон проплыл в отверстие и в один миг оказался на поверхности воды неподалеку от узкого пляжа. Маленький кусочек суши окружали отвесные скалы, мерцавшие в лучах прожекторов холодным серебристым светом.

Рядом с Аароном проплыл мужчина, которого он здесь прежде не видел. Остановившись, незнакомец помахал ему рукой — причем с таким энтузиазмом, словно знал его всю жизнь.

— Прошу прощения, — сказал Аарон, после того как они вышли на пляж. — Мы случайно не знакомы?

— Пока нет, — ответил мужчина.

Он добавил еще что-то, но Аарон не уловил этих слов. Тем не менее он понял, о чем говорил незнакомец. Несколько невразумительных звуков подсказали ему смысл фразы, хотя ее значение выходило за пределы доступных выражений.

Внезапно фигура исчезла. Но такое часто случалось во сне, где выходы и входы не являются проблемой, а содержание остается темным и неясным. Все в этом мире просто; надо

только избрать чешую из глаз и с легкостью принять тот дар, который оставили им существа, ушедшие за грань восприятия.

Эта мысль кольнула его разум почти с той же остротой, с какой китайская пища впивается в желудок. И хотя Аарон понял все, это длилось лишь одно мгновение. А потом сон угас, унеся в бесконечность иную реальность, и ему пришлось заняться чем-то другим.

— Тебе полегчало? — спросила Сара.

Аарон открыл глаза и осмотрелся. Он находился в странном древнем зале, стены которого были сложены из каменных блоков, связанных вместе каким-то белым раствором. Взглянув на лепную кушетку, служившую ему ложем, он перевел взгляд на пылавший камин, а затем увидел высокую и стройную Сару, которая стояла перед ним в печальной и робкой позе.

— Не верю своим глазам! — воскликнул он. — Что ты тут делаешь?

— Ты был так близко от истины, — сказала она. — Неужели тебе еще неясно, что любая наша возможность может находиться в состоянии переменчивости?

Аарон не задумывался об этом раньше. И теперь откровение потрясло его до глубины души. Как же так случилось, что внутренний остов гуманоидной расы вдруг стал объектом для изменений и переплавки? Ему показалось, что прочная основа ушла из-под его ног и проделала серию диких превращений — не просто каких-то поворотов и фигур, а превращений сути. Он смутно понимал, что к тому же самому подводила людей и квантовая механика. Теперь эту доктрину называли сравнительной теорией хаоса, но в древности люди давали ей другие имена — имена, означавшие суетность объективного мира.

— О чем ты задумался? — спросила Сара.

— Странно, но я даже слова не нахожу для той возможности, которую мы обсуждаем, — сказал Аарон. — Это как смерть во сне. Мне и самому не нравятся такие неясные термины, но как иначе говорить об этом? Боюсь, мы вновь столкнулись с идеей, которая количественно неопределима.

— Не надо пугаться, — подбодрила его Сара. — Ты все делаешь правильно.

Возможно, у него действительно что-то получалось, но он так не чувствовал. Аарон еще никогда не переживал такого острого и внезапного кризиса веры, когда он сомневался не только в себе, но и в обоснованности, пригодности и даже красоте реального мира. Не эта ли эпидемия безверия разрушала

целые культуры, когда последние осажденные бастионы сдавались и цивилизации бесследно исчезали на пике своего расцвета. Люди смотрели в будущее и понимали, что оно принадлежит не им. Аарон уже не сомневался, что город чужаков восточал такой же смертельный яд, ввергая шесть новых рас в состояние апатии.

А что ему снилось сейчас? Он резко сел на ложе. Вот это да! Информационная гибель Вселенной! Аарон и раньше знал, что информация представляла собой вид энергии, который следовал своим собственным правилам. Но информационная Вселенная не могла существовать без тех, кто ею пользовался, поскольку любая информация предполагала два полюса: потребителя и того, кто ее направлял.

— Впрочем, это не совсем верно, — произнес Аарон. — Мы очень мало знаем о свойствах информации. Тем не менее мы можем полагать, что смерть является многоуровневым явлением. И на каждой ее стадии имеется своя небольшая смерть. Мертвые мертвы, но они могут прийти к вам на многих уровнях. Вот почему информация несовместима с той концепцией, в которую ее втискивает наука. Мы не можем понять того, что отказывается входить в сферу речи, и однажды это сотрет нас в порошок.

— Как долго он находится в таком состоянии? — спросил Мэтью.

— По меньшей мере уже пару дней, — сказал доктор Франц. — Он попросил нас о встрече с вами, а потом впал в бессвязный бред.

— Информация представляет собой истинный субстрат, — продолжал Аарон. — Вы можете свернуть цыпленку голову и тем самым убить его. Или вы можете отрицать существование цыплят и кур, что будет являться другой альтернативой. К внутренним тайнам есть много путей, но они не возникают из рассмотрения других внутренних тайнств.

Вот и полегчало, подумал Аарон. Надо собраться и взять за опору какой-нибудь старый кусок своих мыслей. Если на пути стоит преграда, ее надо разрушить или обойти. А преграды есть всегда — особенно в этом чудесном городе. Городе, наполненном странной голубизной. Остановись! Не ходи вокруг да около. Они не одобряют такого легкомыслия.

— Добрый вечер, Аарон.

— Добрый вечер, мисс Марчек.

Смутные признаки возбуждения в глазах старой девы. И за всем этим звезды — вечный задник декораций, на фоне которых продолжается драма жизни. Он задумался о давних

временах. Там все было по-другому. А что он делает теперь? В этом гиблом месте! Обреченный на гибель! Когда каждое слово звучало как удар колокола! Аарон, возьми себя в руки!

Магистры рассаживались вверху, а студенты занимали нижние ряды. Они вели себя до странного тихо. Аарон отличал магистров по лысынам. Хотя нет; они были выбриты, потому что этого требовала их ученая степень.

— Аарон! Успокойтесь!

Они говорили о его теле. И ему действительно следовало успокоиться! Хотя бы для того, чтобы оценить их кровавый труд. Вот и все кончено. «Вам надо покинуть тело». Не делай этого! Тут что-то не так! Неужели ты и сам не видишь? Да, надо было признать, что магистры вели себя тихо неспроста — их что-то принуждало к этому. Но почему здесь всегда происходило одно и то же?

Трепетные сомнения, сны, сдутая пена и конец старых дней. Почему вокруг него снова эти руки? Может быть, он утонул? Или они боятся, что он не знает, как тонут люди? Но он знал! Он мог им многое сказать! Хотя теперь уже ничего не скажет.

О, кто-нибудь! Спасите его! Дайте ему место!

А местечко оказалось мрачноватым. Они упивались здесь сивухой и сладким забвением — если только оно могло быть сладким. Аарон, не городи чепухи. Не думай об этом и ни о чем не беспокойся.

Корабль еще мог вернуться из гиперпрыжка. Неужели они бросили его на этой необитаемой станции? Промежуточные пункты гиперполя не предназначались для жилья, и обычно здесь хранились лишь небольшие запасы воздуха, воды и пищи. Но делать нечего. Надо ждать прибытия другого корабля. Хотя вряд ли он появится в скором будущем. Аарон поплотнее закутался в куртку. По крайней мере, он мог позаботиться о своих основных нуждах. А впрочем, какая разница? Ему было холодно, ужасно холодно, и никакого тепла в ближайшее время не предвиделось.

Неужели они так и не дали ему умереть? Он вдруг понял, что давно не видел тех снов, которые снились ему раньше. Аарон начал вспоминать свои первые дни в Городе и все то, что случилось с ним в далеком прошлом. Или это они заставляли его верить в воспоминания о событиях, которых на самом деле не происходило?

Аарон резко подскочил на постели. Впервые за все это долгое время он почувствовал внутри себя удивительную ясность. Его окружало изысканное убранство огромного зала, который находился в недрах Чужеземного Города. Мраморные

стены переходили в порфировый свод потолка. На полке камина стояла старая бронза. Пол украшала мозаика с изображением звезд и солнечной богини. Аарон с удивлением осмотрел свои одежды. На нем была длинная шелковая мантия, отливавшая всеми цветами радуги. В одной руке он держал шар, в другой — скипетр, и его взгляд все время тянулся к проему двери. Он не понимал, как освещалось это помещение. Казалось, что свет исходил из мрамора и камней — и даже не исходил, а как бы являлся их свойством и неотъемлемым качеством. Внезапно в коридоре возник ослепительный свет, который двигался сам по себе, как живое существо.

Свет плавно перелился из коридора в зал и остановился перед Аароном. Внутри ослепительного кокона виднелись языки огня, которые, подрагивая и скручиваясь между собой, достигали в высоту шести футов. В извивах пламени Аарон угадывал черты людей. Всматриваясь в них, он узнавал Миранду, Мику и многих других, кого он встречал здесь прежде.

— Кто ты? — спросил он у пламени.

— Рад слышать от тебя разумную речь, — ответило пламя. — Я то, что люди называли духом этого места.

— А ты не можешь объяснить это подробнее?

— В каждом месте обитает сила, которая является его духом. Если место умирает, умирает и дух. Но такая сила может возрождаться в других местах. И именно так был возрожден я.

— Значит, ты дух Чужеземного Города? — спросил Аарон.

Пламя дрогнуло и покачнулось, будто бы кивнув в ответ. Аарон понял, что на самом деле никакого разговора не происходило. Пламя общалось с ним телепатически, передавая свои слова прямо в его мозг.

— Как мне тебя называть? — спросил он.

— Ты можешь называть меня Гео, — ответило пламя. — Духом этого места.

— А ты не мог бы рассказать мне о себе? — спросил Аарон. — Например, о том, что ты здесь делаешь? И как тебя сюда занесло?

— Я ждал тех, кто узнает меня, — ответил Гео. — Вспомни, как много мне пришлось показать тебе, прежде чем ты понял мою истинную природу. А я надеюсь, ты ее понял, верно?

— Да, можешь не сомневаться, — тихо произнес Аарон.

— Я показывал тебе чудеса, — продолжал Гео. — Мне пришлось провести тебя по всем оттенкам того, что стояло за гранью твоего понимания. И ты, в конце концов, убедился в моем существовании.

— Значит, ты полностью нематериален? — спросил Аарон. — Или у тебя есть какой-то телесный аспект?

— Во мне столько же материи, сколько и духа, поскольку я воплощаю в себе все три аспекта единой реальности — физический, психический и духовный. Я являюсь вечной несокрушимой энергией, и в то же время мою конкретную форму можно разрушить. Тем не менее мне удалось сохранить себя на протяжении веков. И вскоре я снова выйду на галактическую сцену.

— Понимаю, — произнес Аарон.

— Я не провозглашаю себя богом, — сказал Гео. — Но во мне есть нечто большее, чем в существах того или иного вида. Готов ли ты служить мне, Аарон? Готов ли ты стать моим пророком?

— Я готов, — ответил Аарон.

— Отныне этот день будет праздником не только для нас с тобой, но и для всей человеческой расы, — сказал Гео. — Настал тот час, о котором мечтали люди. Я одарю их своей заботой и мудрым руководством. Я назову их своим народом. Ты же, Аарон, ничего не бойся. Я показал тебе лишь долю того, что возможно. Сейчас нам предстоит закончить начатое мною дело. А потом мы пойдем туда, куда поведет нас судьба твоей расы.

На протяжении всего этого разговора Лоренс беспомощно стоял у двери. Со стороны казалось, что его опутывали невидимые узы. Как бы он ни пытался их разорвать, у него ничего не получалось и ему не помогали никакие доводы об иллюзии, гипнозе и самообмане. Несмотря на все усилия, он даже не мог пошевелиться. Его воля находилась в чужих руках с того самого дня, как он ступил на Майрикс. Лоренс был бессилен что-либо сделать — особенно теперь, в такую важную для них минуту.

— Отец! — закричал он. — Неужели ты не знаешь, что он овладел нашим разумом?

— Конечно, я знаю это, Лоренс, — ответил Аарон. — Но разве мы не мечтали о такой судьбе? Разве мы не хотели твердого руководства, которое помогло бы нам пройти сквозь опасности, расставленные Вселенной?

— Нет, отец. Ты ничего не понял!

Лоренс сказал бы что-то еще, однако приступ внезапной боли остановил его на полуслове. Он беспомощно смотрел на Аарона, и его взгляд предупреждал, что эта тварь представляла собой угрозу не только для них, но и для всей человеческой расы.

— Все нормально, Лоренс, — подбодрил его Аарон. — Гео и я уже обо всем договорились. Послушай, Гео, я хочу, чтобы ты выслал с планеты моего сына и остальных людей. Они только мешаются под ногами. Мы же с тобой обсудим наши дела и спланируем дальнейшие действия.

— Планировать буду я, — сказал Гео.

— Конечно, ты, — согласился Аарон. — Но я могу тебе кое в чем помочь. Наверняка есть что-нибудь такое, чего ты о нас еще не знаешь. Например, способы, которыми можно управлять людьми и подчинять их твоим целям.

— Мне нравятся твои слова, — ответил Гео. — Земли очень упрямы, и одно время я даже хотел отказаться от них. Но если хотя бы один из вас подчинится мне, я овладею с его помощью всей Галактикой.

— Тогда я тот, кто тебе нужен, — сказал Аарон. — И я склоняю перед тобой голову, Владыка!

Отец! Слово рвалось криком из безмолвных уст сына. Но Лоренс не мог его произнести. С мукой в сердце он смотрел на Аарона, который ползал по грязному полу перед пламенем.

— Отошли их прочь, — еще раз попросил Аарон. — И давай приступим к нашим планам.

Внезапно Лоренс почувствовал, как его понесло куда-то вверх. У него даже закружилась голова. Придя в себя, он обнаружил, что находится на своем корабле — том самом, на котором его группа прилетела на Майрикс. Впервые за два последних года ему удалось дотянуться до пульта управления. Не теряя времени, он перевел корабль на безопасное расстояние от планеты и вышел на общий канал космосвязи.

Прислушиваясь к сообщению микропередатчика, настроенного на общий канал связи, Аарон продолжал идти за пламенем в глубь развалин Чужеземного Города. Они подходили к усыпальнице, которая располагалась под фундаментом циклопических руин. Пустое длинное помещение с низким потолком освещалось несколькими факелами, вставленными в особые отверстия на стенах. К тому времени Гео отослал всех людей прочь, и на огромной планете осталось только двое существ — Аарон и пламениподобный дух.

Пламя, которое являлось субстанцией Гео, стало теперь серебристым и текучим, как вода. Оно изменилось вновь и потемнело до металлического пурпурно-красного цвета. Формы и цвета беспрерывно перетекали друг в друга, и Аарон не понимал, что вызывало эти превращения. Едва он, как ему казалось, улавливал причину, пламя трансформировалось во что-то еще. Аарон подозревал, что некогда в далеком прошлом

подобные существа обитали и на Земле. Возможно, они и породили те мифы, которые повествовали о тварях и людях, способных изменять свою внешность. Судя по тому, что он знал, одно из этих вертких огненных существ могло оказаться Протеем — морским стариком, состоявшим из перемен.

— Непостоянство является силой, и моим превращениям нет конца, — сказал Гео. — А я смотрю, ты более храбр, чем остальные. Они не рассматривали меня, как ты, и не восхищались моими планами относительно будущего вашей расы. Поэтому я им не доверял. Ты мудро сделал, что согласился служить мне, Аарон. Хотя иногда меня тревожит твое поведение.

— Неужели ты можешь воспроизводить только стихии? — спросил Аарон. — Или тебе доступны даже такие сложные формы, как человеческое тело?

— Я могу принять любую форму, какую захочу, — ответил Гео. — Но почему ты заговорил о человеческом облике? О том единственном, где я уязвим.

— Потому что по его образцу мы будем делать статуи, чтобы все человечество могло поклоняться тебе.

— Это хорошая идея, — сказал Гео.

Пламя вспыхнуло и начало переливаться сотнями оттенков. Его свет заполнил комнату, словно безмолвный взрыв небесной радуги. Затем сияние ослабло, и перед Аароном возник гигант с богоподобными пропорциями тела. Он выглядел как огромная статуя микеланджеловского Аполлона или как одна из статуй Зевса, отлитая из золота и серебра.

— Это одна из моих классических форм, которой уже наслаждалось человечество, — сказал Гео. — Я пребывал в ней перед началом катаклизма.

— Какого катаклизма? — спросил Аарон.

— Перед гибелью Атлантиды. Когда Соперник связал меня и выслал сюда.

— Расскажи мне об этом, — попросил Аарон.

Гео смерил его подозрительным взглядом:

— Я много думал о тебе, Аарон. Кто ты на самом деле?

— Я твой пророк.

— Но так ли это? Люди всегда готовы на обман и ложь.

— Я твой пророк, можешь не сомневаться, — ответил Аарон. — И вот мое доказательство.

Он вытащил из мешочка бомбу.

Подтверждая догадку Аарона, Гео не стал останавливать его. Взглянув на человека с упреком, гигант печально покачал головой. Его фиолетовые локоны и короткая курчавая борода внезапно подернулись инеем седины.

— Как быстро проносятся циклы! — произнес он.

— Неужели в прошлый раз все закончилось чем-то похожим?

— Да, конец всегда один и тот же. Не делай этого, Аарон! Мы можем договориться о партнерстве! Мы возвысим расу землемов над всей Вселенной и сделаем ее богоподобной!

— Ты жалкий глупец, — ответил Аарон. — Неужели ты еще не понял, что человеческая раса не хочет и не нуждается в том, чтобы кто-то владел и командовал ею?

Чернота пространства озарилась безмолвным розовым отблеском. Ослепительная вспышка продлилась лишь миг, а затем угасла.

— Все кончено, — сказал Лоренс.

— Как долго ты находился во власти этого существа? — спросил Мэтью.

— Мы стали его жертвами почти с самого начала. Он удерживал нас, показывая чудеса, странные способы бытия и различные видоизменения сознания. Он овладевал все новыми и новыми людьми, но, казалось, не знал удовлетворения. Я и другие исследователи сопротивлялись ему, однако наши усилия оставались тщетными. Это заставило отца пойти на хитрость. Он притворился, что примкнул к нему, а потом нажал на взрыватель.

— Так вот, значит, как выглядели древние, — задумчиво произнес Мэтью. — Хотя вряд ли это существо имело отношение к Седьмой расе.

— Я тоже в этом сильно сомневаюсь, — сказал Лоренс. — Мы не нашли никаких серьезных доказательств, но у меня сложилось впечатление, что Гео принадлежал к расе мощных галактических существ, которые не обладали большим интеллектом. Возможно, он был последним из своего вида — и наверняка единственным, с кем нам довелось встретиться. Я думаю, Гео прятался в брошенных городах, подобно змеям и летучим мышам. Как опытный хищник, он имел множество способов для порабощения других существ, но его тоже можно было убить.

— А что он еще рассказал об Атлантиде? — спросил Мэтью.

— Я не в курсе, — ответил Лоренс. — Он говорил что-то о привязанности к месту. Это напоминает мне легенду о Прометее в горах Кавказа. Кроме того, в его истории есть аспекты мифа о Христе. Хотя в данном случае он выступал в роли Люцифера. И знаете, в нем действительно было что-то дьявольское.

— Мне тоже так показалось. И я нахожу вашу аналогию довольно интересной. Думаю, землемы и другие виды впервые столкнулись с чем-то подобным. Однако в Галактике могут существовать и другие такие существа. Некоторые из них, возможно, обитают в брошенных городах. Но вот где мы встретимся с остальными?

— Главное, не забывать о них и оставаться настороже, — сказал Лоренс. — Послушайте, Мэтью, а мы не можем отложить наш разговор на какое-то другое время? Мне уже пора уходить.

— Куда ты так спешишь?

— Хочу увидеться с Сарой. Гео запрещал мне общаться с ней.

Лоренс направился к выходу, но, сделав пару шагов, остановился.

— Жаль, что с нами больше не будет отца. Он бы порадовался этой встрече.

ЧЕРВЕМИР

Дорогой Роберт!

Я был очень взволнован, когда осознал, что я и ты можем телепатически общаться сквозь бескрайние просторы космоса. До сих пор не верится, что я нахожусь в контакте с совершенно чуждым мне существом. Нельзя сказать, что это было совсем неожиданно: мы, мыслящие черви, давно допускаем возможность, что кроме нашего существуют и иные миры, которые могут быть населены разумными червями, и даже (правда, тут уже мы говорим: «вероятность») мыслящими существами, совсем не похожими на нас; поэтому многие черви постоянно пытаются установить с обитателями этих гипотетических миров телепатический контакт.

Из твоего описания собственной внешности (в котором я понял далеко не все) я, однако, могу сделать вывод, что ты обладаешь высокой степенью двусторонней симметрии. Так вот — мы тоже. Еще давным-давно один из наших лучших теоретиков оценил Необходимую Степень Симметричности как одну из предпосылок возникновения разума. Да, кое-что из твоих последних высказываний меня просто потрясло и вызвало кучу вопросов. Ты сообщил мне, что являешься разумным существом, не-червем, живущим в твердом мире, и что ты не только не делаешь в нем червоточин, но вместо этого разгуливаешь по *внешней поверхности* своего мира, постоянно находясь с ней в *прямом контакте*!

По крайней мере, я *так* тебя понял.

И если усвоить мысль, что я контактирую с разумным не-червем из другого мира, было относительно легко, то принять тот факт, что вы живете на внешней поверхности своего мира, а не внутри его... Так, пожалуй, могут жить только не-черви.

Вы действительно там живете? *На поверхности?*

Пожалуйста, разъясни подробнее. По причинам, которые я объясню позже, мне просто необходимо разобраться в этом вопросе до конца. Извини, я должен прервать передачу, потому что срочно нужно сделать несколько корректировок моего туннеля. До скорого контакта!

Рад был снова слышать тебя. Значит, если я правильно понял, ты утверждаешь, что являешься твердым трехмерным существом (как и я), но при этом ухитряешься жить на *внешней стороне* своего мира. И ко всему этому ты добавляешь (по крайней мере, так тебя можно понять), что вы не только знаете форму своего мира, но и его объем, радиус, площадь и все остальное.

Честно говоря, поверить в это мне очень трудно.

Ты правда хотел сказать именно это?

Я уже просто не знаю — действительно ли ты существо с другой планеты или просто один из моих червососедей, решивших меня разыграть?

Знаешь, наши с тобой беседы начали создавать мне некоторые трудности — дело в том, что, хотя многие из наших периодически посылают в космос свои узкосфокусированные направленные вибрации, один только я всегда придерживаюсь одного и того же направления (то есть твоего мира), и поэтому меня уже начинают спрашивать, соображаю ли я, что делаю, и не начинаю ли впадать в одержимость.

Однако мне проще наплести кучу более или менее правдоподобных сказок, почему это я придерживаюсь определенного направления, чем рассказать червям, что я контактирую с существом, которое живет на поверхности сферы!

Но черт с ними, трудностями! Что до меня, то я как зачарованный готов без конца слушать удивительные истории о дальних мирах. И не так уж важно, существуют ли они на самом деле. Хотя, наверное, когда-нибудь, где-нибудь, как-нибудь все, что возможно себе вообразить, — существует Или будет. Или было.

Сейчас мне нужно прерваться: я обещал Джилл сделать несколько параллельных с ней туннелей в шестиугольной решетке, которую она от начала до конца придумала сама. Как художник художнику (надеюсь, это не слишком громко звучит?) я признаюсь тебе, что получаю огромное удовольствие, работая в паре с ней. За последнюю пару сотен единиц (мы

измеряем время в единицах) мы с этой девчонкой воплотили немало оригинальных параллельных проектов.

Роберт, а в вашем мире есть девушки? И существует ли для вас бесконечный конфликт между самосохранением и браком как финалом жизни?

Слушай, Роберт, похоже, мне обоих интересует философия, хотя ты и говоришь, что можешь обсуждать высокие материи только для забавы, так как не являешься профессионалом. Так ведь и я тоже! Я — художник и сам порой не до конца понимаю, что говорю. Но по твоим словам — с тобой ведь то же самое! Да мне бы вовсе и не хотелось влететь в контакт с каким-нибудь мощным богоподобным интеллектом, я лишь искал себе друга, с которым можно было бы просто поболтать за жизнь.

То есть вот что я пытаюсь тебе объяснить, Роберт: мне хотелось бы обмениваться с тобой знаниями с учетом того, что я — дилетант во всех областях, кроме моего искусства. Как и ты, насколько я понял. И отлично! Наши профессиональные червефилософы и червеученые только и говорят о том, как будут общаться со своими оппонентами, когда окончательный контакт между обитателями различных миров будет наконец установлен. Ну не славно ли вышло, что это уже случилось? Да еще с парочкой близких по духу структуралистов.

Роберт, так ты правда это забавное существо, игрушка рока и особых законов природы? Или я это о себе? Или о нас обоих?

С нетерпением жду следующей связи.

Привет! Это снова я!

Слушай, я тут недавно поговорил о тебе с одним из своих парней. Я, конечно же, и не рассчитывал на какой-то успех (в чем оказался прав), но все же я хотя бы попытался. Может, это было глупо с моей стороны, но, Роберт, должен тебе сказать, мы, черви, скорей всего в силу той изолированной жизни, которую ведем, очень много думаем на все эти темы.

С другой стороны, черви, несмотря на их стремление к наукам и метафизике и насущную необходимость познания, склонны к скептическому отношению ко всему, что не проверили на собственной шкуре. Фанатики, которым можно внушить все что угодно, конечно же, в счет не идут.

Уж я-то, конечно, не собираюсь ни создавать культов, ни высмеивать их, ни сходить с ума, ни отдаваться в лапы Черведывола.

Кстати, Роберт, а сколько у тебя лап? Или рук? Я полагаю, что четыре — по одной на каждый двигательный отросток, отходящий от основной массы тела. Я угадал? Хотя у червей

нет рук, концепция «рукизма» — часть нашего древнего знания.

Так вот, пару единиц назад я случайно оказался в туннеле, смежном со структурой моего друга Клауса, и решился запустить пробный шар. Для начала в виде гипотезы. Когда-то мы работали с ним вместе и ощутили большой творческий резонанс. Мы параллельно создавали одну и ту же фигуру (если память не изменяет — додекаэдр) в семи вариациях. Но потом (если честно) мне это надоело, и я стал двигаться быстрее и изысканнее его. Я решил продолжать свою карьеру в искусстве в одиночку и оставил Клауса позади. Он же подался в философскую структурологию и даже сделал себе в ней имя.

Сначала мы поговорили с ним о том о сем, и затем я сказал ему:

— Клаус, я тут недавно покрутил в голове одну забавную идейку, и мне хотелось бы знать твое мнение.

— Что ж, послушаем, — ответил он.

Да, кстати, если я говорю: «мы разговаривали», я вовсе не имею в виду, что при этом мы встречались лицом к лицу. Как я уже говорил, для нас такая встреча означает мгновенную аннигиляцию — и конец всем разговорам! На самом деле я подразумеваю общение между двумя червями, когда они находятся в смежных коридорах на расстоянии не больше σ (это наш термин, обозначающий оптимальные условия для общения). Червь выстукивает головой определенный код и одновременно с этим оставляет запись разговора на стене туннеля. Таким образом все, что когда-либо черви говорили друг другу, зафиксировано на стенах Червемира (к сожалению, некоторые коридоры разрушаются при природных катаклизмах).

Это я к тому, что мы, черви, и вы, люди, под «разговором» понимаем совершенно разные вещи.

Ну а теперь вернемся к беседе с Клаусом.

— Мне пришло в голову, — сказал я, — что вполне возможно существование твердых и разумных, как и мы, существ, живущих на планетах...

— В планетах, ты хотел сказать, — поправил меня Клаус.

— Нет. Вся соль именно в этом: а почему бы не представить себе мир, населенный разумными существами, живущими не внутри его, а снаружи?

— Тогда сам собой напрашивается вывод, что твои гипотетические существа, имея прямой непосредственный контакт с поверхностью своего мира, должны пользоваться системой координат, из чего вытекает, что они могут *знать его форму*.

— Допустим, например, что это сфероид, — предложил я

— Не имеет значения что. Гораздо важнее сам факт, что форму (какая бы там она ни была) вообще возможно определить. И не только ее, но и все топологические особенности этого твоего мира.

— Логично. Тогда позволь мне выдвинуть еще одно условие...

— Старина, — перебил меня Клаус, — не трудись продолжать. Должен тебе сказать, что дальнейшие разработки этой жилы тебя ни к чему не приведут. Твоя гипотеза вычурна и умозрительна. Ты что, никогда не слышал, что синклит наших лучших математиков и ученых, в котором состоит и твой покорный слуга, так и не смог доказать, что поверхность нашего мира объективно существует? «Истинная поверхность» — не более чем термин в научных спорах.

— Но это все-таки еще не доказывает, что в других мирах этого не может быть.

— О да, конечно! Может быть все что угодно! Вплоть до червей, которые живут за счет того, что заглатывают свой хвост! Отчего бы нет! Но все это слишком необоснованно, чтобы тратить на это время. Если ты хочешь вовлечь меня в дискуссию по обсуждению какой-нибудь гипотезы, старайся основывать свои домыслы на законах природы, реально существующих и проверенных нашим опытом, а не измышленных в угоду себе.

— Какой подъем! Какое красноречие! И какой праведный тон! — рассердился я. — Нет, черт побери! Мы прекрасно знаем, что у нашего мира есть поверхность, вот только мы можем обнаружить ее не иначе, как проткнув насквозь! Но тогда, правда, уже некому будет рассказывать о результатах опыта.

— По зрелом размышлении трансформации, которые имеют место на «истинной поверхности», как мы их называем, «прорыв/сокращение», или β , все же не являются достаточным доказательством наличия реальной поверхности. Да, в быту, для правильного расчета направления туннелей нам необходимо считать, что она как бы есть. Но это всего лишь психологическая конструкция, причем довольно искусственная. Мы, философы, никогда не допускали даже мысли о реальном существовании «истинной поверхности».

— Это что-то новенькое, — сказал я. — О чем же вы допускали мысль?

— По наиболее распространенной теории, наш мир имеет псевдоповерхность, некоторые еще называют ее воображаемой поверхностью. С математической точки зрения псевдоповерхность имеет полное право на существование, совершенно неза-

висящее от того, существует ли на самом деле так называемая «истинная». И для некоторых математических функций она просто необходима.

— Я что-то не вижу разницы между твоими «псевдо» и «истинной» поверхностями, — сказал я. — Ты же просто жонглируешь красивыми терминами, обозначающими одно и то же.

— Ни в коей мере. Термин «псевдо» как раз указывает на абстрактность явления.

— Да что за чертовщину ты несешь?

— Дитя, псевдоповерхность абстрактна, потому что ты не можешь исследовать ее эмпирическим путем. Любой твой эксперимент в этом направлении закончится гибелью, как только ты пробьешь эту неисповедимую псевдоповерхность насквозь. Если ты, конечно, вообще понимаешь, о чем я говорю.

Во время этой речи вибрации Клауса звучали помпезно и выпендренно. Сам себя он называет Трансцендентальным Прагматиком. А я думаю, что он просто демагог. Иногда мне кажется, что, когда Клаус начинает воздвигать храм своих постулатов, краеугольным камнем ему служит «ничто». О тех, кто предпочитает форму содержанию, у нас говорят: «Он себе туннель языком выроет».

Итак, Клаус представляет собой довольно известный тип философа. Но если даже он не способен принять мое предположение как постулат, так чего же ждать от остальных? Кроме тех, конечно, кто верит всему подряд, но вряд ли мне будет интересно общаться с ними.

— Да ты просто уперся и не хочешь обсуждать мою гипотезу, — сказал я. — Концепция поверхности нам необходима! Ради Червегоспода, червяче, оглянись — мы проводим всю жизнь, роя туннели, а ты хочешь доказать мне, что это лишь иллюзия!

— А ты когда-нибудь видел поверхность туннеля? — холодно провибрировал Клаус.

— Ну хорошо, снаружи не видел. Любой знает, что, случайно пробив стенку, мы погибаем. Но также любой знает и то, что если он лежит в туннеле, то этот туннель имеет поверхность.

— О да! Слыхали. «Пока червь червоточит, мир не перевернется». Расхожие сентенции! — продолжал Клаус в своей раздражающей манере. — Мы можем навоображать себе все что угодно, но пока над практическими доказательствами преобладают косвенные, суть вопроса определить со всей достоверностью невозможно. «Да, я согласен, некоторые из этих косвенных доводов имеют достаточно прочную основу» — как

сказал один философ, когда врезался в грань кристалла, которого, по его теории, не существовало.

Я послал ему короткую серию благодарственных вибраций — эту шутку я уже слышал, и не раз!

— Ну хорошо, оставим на минутку истину в стороне, — продолжал Клаус, — и примем как постулат, что неопределимая псевдоповерхность все же где-то имеет реальное воплощение. Ты хочешь, чтобы я представил себе, что во Вселенной существуют объекты, которые можно измерить. Очень хорошо. Это не так сложно вообразить. Но ведь ты требуешь, чтобы я добавил к этому твердых трехмерных существ, живущих на поверхности своей планеты.

— Да, такова моя конструкция.

— Пусть так, — коротко ответил Клаус, но в его вибрациях сквозили иронические обертоны. — Пусть так. Но тогда это очень странные существа. Ты поставил их в условия, в которые попадает червь, пробив поверхность. Причем не на мгновение, которого нам с тобой хватило бы, чтобы погибнуть, *а на всю жизнь*.

— А почему бы нам не ввести специально для них закон природы? — предложил я.

— Но зачем? — спросил Клаус. — Любая гипотеза должна совмещать в себе занимательность с поучительностью. К чему создавать беспочвенную фантазию, отрицающую весь наш жизненный опыт? Твои гипотетические поверхностные существа, мой мальчик, живут по законам крайне капризным, фривольным и неприятным для любого существа во Вселенной.

Я отвибрировал пожатие плечами:

— О'кей, Клаус. Оставим это.

— Уж слишком странным должно быть существо, живущее на поверхности сфероида, — с высокомерным удовлетворением ответил он, — и оно, и законы, которые им управляют.

Я поспешил удалиться. Пусть себе вибрирует в одиночку, если уж он по рассеянности впал в спиральное повторение.

Теперь ты видишь, чего можно ожидать даже от самых просвещенных червей. Думаю, мне все же придется сохранять наше с тобой общение в тайне от всех. Ну, может, разве что расскажу Джилл. Это моя девушка. Конечно, мы еще только приглядываемся друг к другу и до сих пор неважно поглотились. Ах ну да, если бы это уже произошло, то ты бы этого не знал, ведь меня бы уже не было!

Не могу думать ни о чем, кроме того, что ты сообщил мне в последний раз. Я попытался создать себе твой зрительный образ: ты весело ползаешь вокруг своего «сфероида, непре-

вильной (сплющенной на полюсах), но до скуки постоянной формы» — как ты его сам назвал. Я наслаждался, дразня себя заманчивыми видениями твоего удивительного мира — места, где разумные существа не только могут позволить себе двигаться по поверхности сферы, да еще и видя куда — если бы только это! — но, мало того (чудо из чудес!), вы можете позволить себе вступать друг с другом в физический контакт без обязательного взаимного смерть/разрушения.

Я прав? Потому что только этим я могу объяснить твое сожаление по поводу того, что мы с тобой не можем встретиться «лицом к лицу», что в вашем мире является обыденным.

Да, конечно, откуда тебе знать, что, когда мы, черви, говорим о встрече «лицом к лицу», мы имеем в виду только одно: брачно/оплодотворяюще/смертельный акт. Надеюсь, ты не хочешь, чтобы это случилось со мной (поправь меня, если я неправильно понял твой секс/смерть мыслеобразы).

Я догадываюсь: ты подразумевал дружеское, несексуальное, нераздражающее общение в смежном пространстве, где мы можем даже прикасаться друг к другу сколько захотим без взаимного мгновенного смерть/разрушения.

Если мои предположения верны, то для вас, людей, подобный порядок вещей — нормален (не говоря уже о его возможности).

И если это действительно так, то мне просто выть хочется. Честно говоря, твои рассказы о мире, в котором ты живешь, другим червям показались бы полным абсурдом. Я-то тебе верю. Что ж, пойду поброжу, попробую придумать хоть какой-нибудь способ поделиться тем, что ты мне рассказал. Хоть с кем-нибудь.

Червемир находится между ядром и поверхностью нашей планеты. Старая материя разрушается, новая создается, и между ними — в зоне стабильности — живем мы, черви. Эта промежуточная зона строго ограничена и никогда не изменяется. Наш мир создает материю, причем в определенном режиме, а мы поглощаем ее в процессе едо/ройства. Таким образом, наша популяция самолимитируется, сокращаясь при пере-едании и увеличиваясь при недо-едании.

Жизнь вообще имеет тенденцию сохраняться в любых, даже самых диких условиях, не так ли, Роберт?

Последнее время нас здесь так много, что не протолкнешься. С трудом найдешь место, чтобы выписать «восьмерку», не говоря уже о других, более сложных фигурах. Похоже, ожидается большой смерти/исход.

Один из наших самых радикальных мыслителей утверждает, что в мире существует вообще только Один Червь, грезящий о самом себе, скитающийся по анфиладам туннелей; мчащийся с такой скоростью, что встречает сам себя в некоей точке пространства/времени, самоуничтожается и возрождается к жизни вновь; бессмертный, в круговороте смертей и рождений, реальности и ирреальности. Вся наша цивилизация, культура, законы, само наше существование — всего лишь его сон. Этот Про-Червь сам вводит себя в заблуждение, укрепляя себя в вере, что он — множество, и, когда наконец его вера достигает твердого убеждения, он начинает бороться с ней, уверяя себя, что он — Един.

Безопасность в Червемире увеличивается по мере приближения к ядру, и поэтому нижние уровни буквально источены. По мере того как спускаешься, лабиринт все больше и больше запутывается, причем без всякой системы. Но тот, кто отважится двинуться глубже, если он удачлив и хорошо умеет обходить ловушки, имеет шанс найти путь к Сердцевине — внутреннему району, где кончаются червоточины и идет бесконечный процесс сотворения материи. Лишь считанные черви умудрились проникнуть в Сердцевину. Они ползли вперед, и туннели смыкались за их хвостами (ибо реакции замещения там идут чрезвычайно быстро). Нам не осталось ни знака, ни слова об их путешествиях, ибо не осталось стен, на которых они могли их запечатлеть. Так они ушли, не оставив о себе памяти, и пребывают ныне в Эдеме.

— Но ведь если мы даже найдем туда дорогу, — сказал я Джилл, — мы все равно не будем до конца уверены, куда она ведет: к Сердцевине или смерти.

— Я отдаю себе в этом отчет, — ответила она. — Откровенно говоря, я бы предпочла остаться в компании и вести обыкновенную жизнь нормального червя, но ты вырываешь меня из обыденности. Я люблю тебя и готова следовать за тобой всюду, раз уж ты решил отбиться от стаи. Может, мы найдем путь в Сердцевину, а может, и нет, но друг друга мы уже нашли.

— Если твои чувства настолько сильны, тогда почему бы нам не отправиться вместе в Верхние Слои?

— Потому что этот путь ведет к смерти и, как я слышала, очень скорой. Я так люблю тебя, что готова примириться со многими твоими сумасшедшими идеями. Поиски Сердцевины довольно эксцентричное занятие, однако допустимое, но лезть в Верхние области на чистую гибель... Я очень и очень тебя

люблю, но, прости меня, дорогой, не настолько, чтобы разделить с тобой самоубийство.

Наши древнейшие червоточины не сохранились, очевидно, они были заполнены спонтанными выбросами материи. Трудно утверждать это с полной уверенностью — есть слишком много противоречивых свидетельств — но, судя по некоторым явным признакам, часть из них была забита *твердой материей*! У нас есть карты, правда, очень старые и грубо сделанные, однако вполне заслуживающие доверия, на которых показана сеть туннелей доисторических червей. Сейчас она уже не существует — заполнена материей, что доказывает, что наш мир находится постоянно в процессе ее творения.

Есть, конечно, скептики, которые утверждают, что это доказывает лишь то, что старые карты врут. Лично я считаю их подлинными, но во мне тоже сидит циник, который нашептывает, что мы съедем этот мир скорее, чем он успеет обновиться.

Да, кстати, спасибо тебе за описание идеальной девушки вашего мира. Какие вы счастливики, что можете вступить друг с другом в физический контакт и, вместо взаимоуничтожения, наслаждаться взаимопознанием. Не могу себе этого представить: это слишком хорошо, чтобы быть правдой!

Я рад, что ты наконец разъяснил мне, что значит «война». Теперь я вижу это (надеюсь, что правильно тебя понял), как несколько твердых тел, вошедших в насильственный контакт друг с другом, но при этом не взаимоуничтожающихся мгновенно (как у нас), а отталкивающих друг друга посредством пихательных и пинательных телодвижений. «Физический контакт» звучит чрезвычайно любопытно, но до конца понять это мне так же невозможно, как тебе невозможно понять, что значит для нас туннелирование.

Основной принцип нашей морали запрещает строить спирали вокруг чужих червоточин. Это довольно грязное дело — вы окружаете туннель другого червя спиралью на критической дистанции, и, раз вокруг все изрыто, ему уже просто не на что рассчитывать: он со всех сторон окружен непроницаемой клеткой, лишаящей его права выбора и заставляющей его следовать по пути, который ему кто-то навязал. Иногда это кончается тем, что червеагрессор может просто-напросто вообще перекрыть дорогу своей жертве, сделав в голове ее туннеля крестообразную фигуру.

Основной вопрос Морали Червемира: крутить или не крутить спираль вокруг приближающегося к вам червя?

Есть теория, что Червемир вовсе не одна твердая фигура, а несколько объектов, соединенных между собой твердыми мостиками. Как шары гантелей, например.

Говорят, что так оно и есть на самом деле. Есть даже тому доказательства: на некоторых картах мертвых районов хорошо видны гантелевидные конфигурации — два тела (причем вовсе не обязательно сферы), связанные друг с другом цилиндрическим мостиком. В районах сочленений эмпирические исследования ведутся крайне редко, так как там можно ошибиться только один раз. Однако само наличие этих «гантелей» заставляет задуматься, что во всем этом есть какой-то смысл. Эта теория вполне сочетается с теорией непрерывного воспроизводства материи. На их стыке появилась гипотеза, что наш мир — это некая форма живой материи, саморасширяющаяся во всех направлениях и пробивающая свою (предполагаемую) поверхность протуберанцами, на конце которых вырастает новое твердое тело.

Ты спрашивал меня, как мы различаем друг друга, есть ли у нас индивидуальные особенности, как мы общаемся, ну и тому подобное. Я, конечно, не ученый, но попытаюсь объяснить, как смогу.

Каждый червь рождается с уникальным фактурным узором на коже. Конечно, есть несколько основных фигур, но число их комбинаций бесконечно. Одни более эстетичны, другие менее. Дистанции, на которых червь может «считать» фактуру другого, зависят от множества различных факторов.

В основном наша индивидуальность проявляется в отпечатках кожи. Куда бы мы ни двигались, на стенах туннелей остается фактурный узор, который может прочитать любой, пока со временем он не сотрется.

Это врожденные отличия. Кроме того, мы можем сознательно изменять фактурные узоры для общения с другими. Продолжительность сохранности наших отпечатков на стенах зависит от размера червя и скорости, с которой он движется.

Я, помнится, уже как-то говорил тебе о том, что скорость и направление наших перемещений мы можем изменять, как хотим. Чем больше скорость, тем больше мы увеличиваемся в размерах и тем больше у нас энергии для общения. Линейная

скорость стимулирует наш рост, или, как мы его называем, «увеличение объема».

Чем быстрее мы туннелируем, тем больше становимся и тем больше удлиняется наш жизненный срок. Казалось бы — чего лучше! Но есть и обратная сторона. Чем выше скорость — тем выше вероятность попасть в ловушку и погибнуть. Конечно, у нас есть свои математические формулы, помогающие рассчитывать степень скорость/опасности в различных ситуациях. Но, честно говоря, они слишком сложны и не очень-то надежны, поэтому большинство из нас полагается только на свою интуицию.

Лично я ненавижу науку. Но я (как и любой из нас) вынужден забираться в дебри физики, метафизики и математики, потому что без них просто не решить постоянно возникающие насущные проблемы. Даже в своих снах и фантазиях мы не прекращаем осязательно, интуитивно исследовать физические законы и их особые свойства, которыми можно было бы манипулировать себе на пользу. Ночами меня иногда преследуют кошмары, что я сокращаюсь.

Может быть, когда-нибудь настанет счастливый день, когда мы сумеем преодолеть скоростной барьер. Ведь скорость порождает скорость, причем в логарифмической прогрессии. Но у нас слишком много ограничивающих факторов — мертвые червоточины, другие черви и неисповедимая поверхность.

Все мы мечтаем о постоянно увеличивающейся скорости и объеме. Расскажу тебе одну из наших старейших легенд о Пра-Черве, жившем тогда, когда мир был еще цельным. По одной из версий Пра-Червь возмечтал достичь максимальной скорости (что позволено только Червегосподу, если он, конечно, существует). Он рос все быстрее и становился все длиннее, пока не поглотил весь мир. Но когда исчез мир, с ним исчез и Червь.

По другой версии Мифа о сотворении, Червегоспод спасал мир, сотворив еще одного червя, но уже другого пола — женщину. Пра-Червь разделил с ней мир и соитие/смерть. Так появился наш род.

Обе версии этой заслуживающей особого внимания легенды сходятся на том, что вначале не было ничего, затем появился мир — цельный и твердый, затем — Пра-Червь, и затем Пра-мать Червей. Однако есть и другая легенда, рассказывающая о том, что первой появилась *Пра-мать*, которая самооплодотворилась и таким образом дала жизнь всему нашему роду.

В любом случае (по всем легендам) с появлением двух червей началась Вторая Эпоха. Жизнь их была поистине райской — в их распоряжении был целый мир! Они жили долго и счастливо и перед тем, как вступили в брако/смерть, успели создать богатый набор фактурных узоров, чем и объясняется наше нынешнее различие между собой.

Как бы там мир ни повернулся дальше, я верю, что когда-нибудь вернутся старые золотые денечки, когда червей было так мало, что каждый из них мог жить столько, чтобы успеть полностью самовыразиться.

Я озадачен твоими упоминаниями о «гравитации». В нашем мире нет ничего подобного. А если даже и есть, то мы о ней ничего не знаем, и в нашей жизни она не играет никакой роли. В нашем мире расход энергии абсолютно не зависит от направления, в котором ты движешься. Поэтому я не могу понять, почему ты делаешь такое сильное различие между словами «вверх» и «вниз». Может, это соответствует разнице между «наружу» и «внутри»? Может, это играет какую-то роль в симметрии? Для нас это просто не имеет смысла.

Мы грезим о времени до Разъединения. Прекрасный сон о девственности, о рае, когда черви сплетались друг с другом в истинном контакте и не было взаимоуничтожения, — лишь невинная эротика и самовыражение без всяких границ. Тогда все черви жили в едином клубке, производили потомство и, умерев, поглощались клубком жизни как питательное вещество, чтобы, смешавшись с солнечным светом, дать жизнь другим. Таков был мир Червей до Падения.

Я очень заинтересовался тем, что ты называешь «водой». В чем-то это похоже на то, что мы называем «землей». Но у нас ничего подобного нет, если только «вода» — это не та среда, в которой мы движемся. Но что-то не очень похоже: из твоих описаний воды ясно, что туннель, сделанный в ней, тут же заполняется. Но у нас же не так! Может ли другая «жидкость» или «полужидкость» иметь свойства, соответствующие нашей среде обитания? Впрочем, хоть идея и забавная, но она не стоит внимания. Я твердо уверен, что мы черви, а не рыбы.

Одержимость может возникнуть (или, как говорят, возникает обязательно), когда чья-то структура в большинстве деталей совпадает (критический уровень здесь неизвестен) со

структурой червя, ныне скончавшегося. Нужно быть очень больше/быстрым червем и обладать огромным могуществом, чтобы создать структуру, которую будут продолжать и после твоей смерти. Говорят, что некогда были червемаги, обладавшие подобной сило/властью, и их незаконченные структуры до сих пор ждут тех, кто попадет в западню, создавая схожие с ними фигуры. Мистики говорят, что там вступает в силу Магическая Власть Резонанса и возникают структуры, схожие до мелочей, но живой там продолжает структуру мертвеца. Это мы и называем одержанием, так как червь характеризуется тем, что он создает. И если он лишен свободы воли в выборе направления и фигур, он уже не червь, а лишь его подобие. О таких у нас говорят: «Он заиклился в жесткой структуре», и обычно этот путь приводит их к безвременной кончине, так как они бессильны изменить направление, а интуиция их молчит.

Не знаю, что здесь правда, а что нет, но во всяком случае то, что червями иногда овладевают подобные необъяснимые настроения, это — факт.

Говорят, что и сейчас есть червемаги, сознательно стремящиеся к Уподоблению с первичной матрицей некоего древнего черведуха — великого и могущественного мага. Они верят, что если будут делать это сознательно и с необходимыми предосторожностями, то черведух не только не уничтожит их, но и дарует им власть предвидения структур других червей. Ценой души, конечно. Есть у нас и белые маги, верующие в то, что сподобятся с Божьей помощью достичь Священного Резонирующего Уподобления с Великой Матрицей Червегоспода, ради грядущего блаженства в Общине Бесконечной Скорости (по их терминологии). Пока что они ведут бесконечные диспуты по выработке доктрины. Честно говоря, меня все это очень мало интересует. Я прежде всего — художник, но все же приходится быть в курсе культурной жизни тех, кто меня окружает.

Ведь мы, художники (уж ты-то меня понимаешь!), придаем значение не столько сути информации, которую получаем, сколько способу ее выражения. Что нам до мирских и небесных проблем, когда мы преданы идеалам изящества форм. По крайней мере, это наиболее точное определение искусства, которое я могу дать. Это либо чувствуешь, либо нет. Но ты-то меня понял?

Мы можем прошупывать чужие червоточины на расстоянии (каждую по отдельности и одновременно всю структуру). Можно сказать, что это соответствует вашему «зрению». Кроме того, мы на расстоянии чувствуем и распознаем других червей

и можем ощущать все структурные изменения почвы (мы называем их Аномалиями), а также хорошо различаем плотный грунт и чужие туннели. Иногда Аномалии имеют определенную форму, размер, а иногда они просто непостижимы. И это факт в пользу непопулярной у нас теории, что мы живем в кристаллическом мире. По этой теории Аномалии являются зонами, образованными набором кристаллических плоскостей нашего кристаллического мира. Их можно считать точками, где все зоны идут параллельно, и потому непроницаемы для нас. Я не настолько умен, чтобы разобраться во всем этом, но говорю в надежде на то, что ты этим можешь заинтересоваться.

Но на эту теорию есть очень простое возражение: если бы мир действительно был таков, то мы могли бы классифицировать все эти грани и зоны и затем вычислить форму нашего мира. Но мы этого сделать не в состоянии!

Однако это возражение вполне удовлетворяет теории о Полу- или Квази-Кристаллическом мире, которая базируется на том, что наш мир не является цельным кристаллом, но содержит в себе кристаллические вкрапления. Поэтому он и не развивается по законам симметрии, диктующим размер и направления роста кристалла. Кое-кто из сторонников этой теории считает, что, несмотря на кристаллические вкрапления, — наш мир все же живое существо.

Я вовсе не собираюсь высмеивать кристаллосторонников, хотя чисто метафизически я им не доверяю. Зато с эстетической точки зрения они обеспечивают меня пленительными фигурами, которые я могу запечатлевать на стенках своих туннелей. В наших комиксах всегда изображают червей, которые не способны создать ничего, кроме простейшего куба, к тому же еще с толстенными переборками у каждой точки пересечения, во избежание их прободения и гибели. Но они даже и этого до конца не доводят, потому что им быстро все надоедает и они перекидываются на что-нибудь другое.

Большинство червей не интересуются кристаллическим видом искусства, они предпочитают провести всю свою жизнь, строя тесные винтовые зондирующие структуры с плотностью укладки витков, зависящей от степени их робости. Конечно, правильно построенная винтовая структура намного безопаснее и позволяет ее строителю питаться со спокойной душой, потому что рядом нет других червоточин. Однако эти винто-структуры, из-за огромного количества поворотов, крайне ограничивают скорость червя и автоматически ограничивают его в росте и продолжительности жизни. К тому же они сводят стремление самовыражения к минимуму. Владельцы этих нор

всегда маленькие и хилые и влачат хоть и относительно безопасное, но безумно скучное существование.

Это, конечно, не для меня. Хотя Джилл без устали читает мне проповеди о добродетелях винтового пути. Но я — художник, и изящество художественных начертаний — высшая форма творения — призывает меня к беспрестанному творчеству.

Недавно я закончил композицию, которая принесла мне славу, представь себе: три четырехгранные пирамиды, соединенные между собой. И все их вершины украшают отдельные пирамиды. Все, кроме одной, куда я вписал тетраэдр для усиления комического эффекта. За это классики буквально заклевали меня, что доставило мне большое удовольствие — наконец-то я стал признанным асимметристом. Хотя они, конечно, немного пересолили — я, как и любой художник, верю в симметрию. Но также верю и в то, что застывшее совершенство симметрии просто необходимо слегка и обдуманно нарушить асимметрией для придания творению жизненной правды с оттенком легкой загадочности. Полагаю, ты назовешь меня романтиком. Но таково мое кредо, и я не стыжусь его.

Можешь, если хочешь, смеяться над моей концепцией запланированной асимметрии, тем более что природные катаклизмы и вторжение других червей все равно рано или поздно разрушат мои творения. Некоторые вообще сомневаются, можно ли назвать мою третью четырехгранную бипирамиду — пирамидой. Ее форма слишком далека от правильной. Поэтому мне нужно быстро сманеврировать в районе, уже на семьдесят процентов заполненном, чтобы успеть ее закончить. Да, это довольно вычурная фигура, но, однако же, не настолько, чтобы называть ее «дерьмом червячим», как отозвался о ней один из критиков. Это резко и несправедливо.

Вот такие у нас взбитые сливки, в нашем мире искусства. Во всяком случае, я вызвал-таки брожение умов и доказал им, что выход за рамки примитивного понимания геометрических фигур возможен. В конце концов, художник имеет право на каприз. Это для него естественно.

Я обещал тебе как-то рассказать, чем я занимаюсь, так вот — этим. Конечно же, я все упростил, чтобы доступнее объяснить тебе. Начертание фигур играет гораздо большую роль в нашей жизни, чем я это показал. Но, думаю, я сказал достаточно, чтобы дать общее представление о самом принципе.

А чем занимаешься ты, Роберт?

Всю эту неделю я воплощал в жизнь псевдошестиугольник, явившийся мне во сне. Это довольно приятное занятие, которое

помимо легкого эстетического удовольствия содержит много прямых линий, во время которых я могу развивать достаточную скорость и, следовательно, запастись энергией для общения с тобой. Дублируя эту схему, я удовлетворил свою страсть к формам, при этом без активного творческого процесса. Я делаю это машинально, так как занят обдумыванием поистине великих проектов. Некоторые из них могут изумить даже тебя! Ну а Джилл решит, что я вообще рехнулся. Но пока я воздерживаюсь от воплощения этих весьма рискованных структур, отчасти из-за Джилл, отчасти потому, что немного трушу. Но главное — потому, что берегу свою внимание/энергию для общения с тобой, Роберт.

Я не очень понял твоё объяснение того, чем ты занимаешься. Но, похоже, главное все же ухватил: ты, как и я, создаешь популярные эстетические конфигурации. Твой термин «оплата работы» я понимаю так, что твоя слава растет и ты можешь получать больше «средств к существованию», то есть пищи в той форме, в какой ты ее потребляешь. То есть ты — создатель и продавец «червоточинных структур» вашего мира. О, как мы с тобой похожи! Вот только с самым понятием «продажа» я пока не разобрался. Я понял, что твои «червоточинные структуры», которые ты называешь «рассказами», можно каким-то образом отделять от мест, где они запечатлены, и свободно перемещать. Я понял, что ты отдаешь их своим твердым друзьям, и они каким-то образом тебя за них вознаграждают. Но я не могу понять каким! Может, ты объяснишь подробнее?

Пока что мне это кажется странным: чем еще они могут вознаградить тебя, кроме славы? И как они могут распоряжаться твоей пищей или, как ты ее называешь, «средством к существованию»? Я-то полагал, что вы, как и мы, сами кормите себя. Как я уже объяснял тебе, мы создаем из червоточин художественные структуры, и вознаграждаться они могут только славой, так как никто не может нарушить изоляцию, в которой мы живем. Мне трудно представить себе получение пищи от других. Разве что с взаимной аннигиляцией. Пожалуйста, объясни подробнее.

Сегодня большая часть твоего послания была искажена, и я понял ее лишь урывками. Но хорошо, что я вообще тебя услышал! Думаю, самое главное я чисто интуитивно ухватил: ты сказал, что у тебя сейчас трудности с поисками направления твоей последней червоточины. Ты блуждаешь в лабиринте, полном опасных и двусмысленных тупиков, конца не

видно, а «жить на что-то надо» (разъясни мне, что ты имеешь в виду, в следующий раз). И поэтому ты не можешь подняться над обстоятельствами и сфокусировать внимание для общения со мной. Я все прекрасно понял: ты вовсе не собираешься отделаться от меня. Ты хочешь продолжать наше содружество. Так выходи на связь, когда сможешь. Твой друг Рон из рода Червей — свой парень. У меня ведь тоже бывают свои трудности, и поэтому мои сигналы тоже бывают неровными.

И причины, по которым ты не рассказывал обо мне своим друзьям, мне тоже ясны. Но ты говоришь, что у тебя есть идея, как обнародовать полученную от меня информацию. Ты хочешь при помощи своих художественных средств придать ей более приемлемую форму — «рассказа».

Так валяй, дружище! Кстати, наши разговоры и мне навеяли кое-какие идеи.

Красота телепатического общения в том, что все твои мысли при передаче автоматически трансформируются в символы и термины, понятные тому, с кем ты общаешься. Например, твое имя, которое, возможно, я вообще не смог бы выговорить, превратилось для меня в привычное «Роберт» (у меня есть пара друзей, которых зовут точно так же!).

Я все думаю о тебе и твоей сфере, по которой ты ползаешь, да еще зная ее форму — просто чудеса какие-то!

У нас все совсем по-другому — живем внутри, а не на поверхности. Ведь мы черви. Или, точнее, червоиды (у нас несколько рас).

Ты представляешь, Клаус выказал определенный интерес к нашему с тобой общению, чем меня несказанно удивил.

— Я вовсе не собираюсь верить тому, чего не могу проверить на собственном опыте, — сказал он. — Но это твое... назовем это «контактом», короче, то, чего ты достиг, открывает новые и даже очень интересные возможности. Наши ученые уже давно знают, что вполне могут существовать миры, где поверхность определима настолько, что ее можно измерить. Но до сих пор мы не имели реальных тому доказательств. Правда, твое доказательство для меня тоже не имеет веса. Но если хотя бы на минуту допустить, что это так, то перед нами открывается обширное поле для размышлений.

— Ну и как, доказывает ли это, что наш мир таки имеет поверхность? — спросил я.

— О нет, милый мальчик. Как раз наоборот. Если только твой контактер говорит правду, то это как раз и доказывает, что наш мир вообще не имеет поверхности. И доказывает это с позиции истинного знания, а не идеалистических голословных утверждений.

— Так ли это важно?

— Еще как важно! Идеальные концепции — это не более чем логические построения, истинность которых зависит от их внутренней стройности, служащие в основном для того, чтобы вышибать из седла прагматиков, а также инструментом познания того, насколько реальность отличается от идеала.

— Я все равно не понял, почему факт того, что его мир имеет поверхность, служит доказательством того, что наш мир ее не имеет?

— По методу «от противного» Это решение естественно вытекает из космологических доказательств, предоставленных твоим корреспондентом. Честно говоря, я не уверен, что это вообще что-то доказывает. Мне нужно еще проконсультироваться на эту тему у моих коллег, работающих в подобном направлении.

Я художник по призванию. И, может, это основное призвание для всех нас. Но философия и, главным образом, метафизика играют в нашем быту жизненно важную роль. Особенно в выборе направления. У вас, как я понимаю, все по-другому. До чего же вы счастливые существа! А со мной сегодня случилось такое, что я до сих пор не могу успокоиться: я просто чудом не влетел в ловушку, где аннигиляция была бы обеспечена на девяносто девять процентов.

Если я даже и преувеличиваю, то только самую малость. Нам, червям, не дано знать о реальной степени опасности. С нами так: червь ошибается только раз. Страх смерти/разрушения преследует нас всю жизнь, но по-настоящему оценить эту угрозу у нас нет возможности. Обычно, когда я ощущаю, что три четвертых пространства вокруг меня изрыто, я делаю небольшой рывок, чтобы найти место, где посвободнее. И именно так я сегодня влетел в тот райончик, где имел шансы погибнуть процентов на восемьдесят, тем более что он со всех сторон был окружен непроницаемыми поверхностями.

Итак, последние статистические исследования показали, что зона с восьмидесятидвухпроцентной смертельной опасностью еще не является критической, так как я все же ухитрился спланировать свое новое направление в единственную точку, где можно было обогнуть этот кошмарный, на девять-

носто процентов изъеденный район (огромный риск!), и затем ввинтился в прелестный райончик, заполненный всего на шестьдесят процентов, сколько глаз хватает. Конечно, у нас нет глаз, но есть орган ощущений, выполняющий функции, близкие к вашему бинокулярному дистанционному зрению. Он позволяет нам обследовать территорию позади и вокруг нас и создает ее трехмерное изображение. Что-то вроде топографической карты, движущейся в голове, демонстрирующей все пустоты, твердые участки и кристаллические вкрапления, если они есть. Роберт, а у вас, на поверхности, есть подобные участки, грозящие самоаннигиляцией? Здесь мы только и заняты поисками критической ширины, при которой можно войти в «бутылочное горлышко». Причем только войти, потому что выход должен находиться на критическом расстоянии от входа. Иногда мы называем их «бутылочными горлышками», иногда «коробками», в зависимости от того, какую форму они имеют — цилиндрическую или квадратную. Есть и другие ловушки всевозможных видов, так что приходится быть начеку. Топография местности постоянно изменяется. О, если бы мир был устойчивым! Мы, как те пионеры, что путешествовали, как ты мне о них рассказывал, в своих фургонах по великим равнинам. Только мы движемся сквозь почву, а не по ней. Иногда нам легко, что соответствует для нас равнинам, иногда мы встречаем беспорядочные и запутанные, как ваши горные системы, кристаллические вкрапления. И сколько приходится потрудиться, чтобы их обойти! А встречаются и пустоты, которые тоже приходится огигать. Иногда попадаетесь нечто вроде болота — не пусто, не густо, но недостаточно надежно, чтобы отважиться соваться туда — может засосать. Твердая материя, о которой мы все время говорим, на самом деле большая редкость. Чаше всего почва вокруг нас обладает различными степенями вязкости: от твердых отдельных частичек, спрессованных настолько, что их плотность может считаться достаточно стабильной, до воздуха (или лучше сказать — пустого пространства, так как нам абсолютно не важен химический состав газа, заполняющего наши лакуны; он смертелен для нас в любом составе) и воды — еще одна опасность. В ней не оставишь туннеля. А для нас очень важно знать, где ты прошел, так как это определяет траекторию дальнейшего движения. Червь в воде изо всех сил пытается держать прямое направление, ведь только так можно достичь берега, но вместо этого начинает описывать круги, которые снижают его скорость, понижая ее настолько, что у него уже не хватает сил двигаться дальше. И тогда он умирает. Мне

кажется, это одна из особенностей, в чем наш мир отличается от вашего — мы можем утонуть

Расскажи мне о ваших смертельно опасных зонах, Роберт (если только они у вас есть) Теперь отвечаю на твои вопросы. Нет, у нас не бывает войн и психологических конфликтов любого сорта, так как убить врага мы можем только ценой собственной жизни. У нас, конечно, бывает, что кто-нибудь впадает в ярость и отваживается на такой сумасшедший поступок, но мне кажется, что «война» для вас означает нечто большее. Благодарю тебя за объяснение термина «страсть» О да, она управляет нашей жизнью, как и вашей.

Телепатический контакт всегда сопровождается ощущением полного взаимопонимания между общающимися, разве что некоторые концепции требуют разъяснений, пока не найдешь им аналогий (если только они существуют). И поэтому я чисто интуитивно чувствую, что ты со мной откровенен и говоришь правду, не считаясь с тем, насколько она противоречит общественному мнению.

Роберт, с моей точки зрения, — ты очень странное существо, живущее в условиях, для меня непостижимых. Это правда. Но все же я знаю, что по духу мы с тобой близки. И эта правда поважнее. Я верю, что все мыслящие существа, где бы они ни находились, ищут себе братьев по разуму.

Хорошо, что мы встретились, брат.

И очень хорошо, что по чистой случайности встретились два создателя эстетических структур. Возможно, как-нибудь мы потолкуем на профессиональном уровне.

Мы, черви, слепы. Если, конечно, я правильно понял твое определение зрения. Такими уж мы рождены. Но мы осознаем свою зрительную световую слепоту, потому что мы *видим* во сне модели, которые потом вслепую копируем наяву. Может, однажды мы и прозреем? Пока что вместо зрения у нас вибрации, которые мы посылаем и получаем в ответ при общении друг с другом. Наш способ слушать отчасти сродни зрению, потому что в процессе общения мы видим четкий образ нашего собеседника, его настроение, отношение к нам и тому подобное. Мы не обладаем специальными органами для световосприятия, как вы, поскольку у нас не на что смотреть, кроме как на переднюю стенку червоточины. И ту не увидишь: слишком плотно с ней соприкасаешься.

Вот так обстоят дела: я, слепой червь, отпрыск бесчисленных поколений слепых червей. И все же я претендую на то,

что очень многое я вижу почти как ты, живущий при свете, окруженный формами, фактурами и цветами. Мы верим в то, что зрение — это врожденное и неотъемлемое свойство существ, наделенных ощущениями, и что визуально-световая слепота очень мало что значит. Мой друг Клаус наверняка назвал бы зрение трансцендентальной функцией — мы слепы и в то же время — отчасти зрячи. Мы сами не знаем, как это получается и что же именно мы видим на самом деле.

Голова червя венчается круглым органом, снабженным режущими кромками, которые просеивают, режут, разламывают, сверлят, рубят и грызут почву — короче, полным набором для туннелирования. Мы поглощаем материю, она проходит сквозь нас и выходит в качестве испражнений.

Силы червя растут пропорционально его скорости. О тех, кто быстро движется, у нас говорят: «Он сделал себе хвост», что звучит лучше, чем «сильно/быстрый червь», — выражение, имеющее труднопередаваемый уничижительный оттенок.

Стоит ли говорить, что мы полностью ощущаем поверхность наших туннелей: почва облегает нас со всех сторон. Проблема трения решается тем, что мы выделяем определенную субстанцию, которую ты скорее всего назвал бы «слизью». Мы же называем ее «Божественной смазкой».

Когда группа червей путешествует вместе, каждый из них зондирует почву, учитывая интересы других. Это просто необходимо, потому что вопрос свободного пространства вокруг червя для него жизненно важен. Пища, кров, искусство — все крутится вокруг одного — вопроса выживания. В прошлом мы перепробовали уже множество политических систем. Но большую часть своей истории Червемир живет по законам анархии, так как попытка физически заставить кого-то соблюдать чьи-то законы приведет лишь к гибели законодателя. Однако все-таки какие-то социальные организации нам необходимы, так как популяция растет, а жизненное пространство уменьшается. Да, теперь не древние времена, когда, по легендам, мир был девственным и можно было двигаться беспрепятственно куда захочешь. Правда, и червей тогда тоже не было. Ни червей, ни их червоточин.

Время от времени у нас появляются черви, одержимые высокими идеями, и они быстро собирают вокруг себя толпу фанатичных последователей, готовых отдать свои жизни за торжество Закона и Порядка. Но эти жизни расходуются крайне экономно, потому что даже фанатики могут поостыть, если их начнут убивать одного за другим. Чаще всего их посылают на поиски сумасшедших или одержимых, которые

своим иррациональным мышлением действительно представляют угрозу для любого из нас. Их непредсказуемые перемещения сдерживают прогресс червеобщества, и, кроме того, их сумасшествие может быть заразительно. Случались даже эпидемии, как, например, в так называемые Годы Ретроградных Спиралей.

У нас есть комплекс общественных знаний по вопросам выживания, но в нем нет никакого порядка. Мы называем его Кодексом. Это свод этических правил поведения. Однако что в нем говорится, не знает почти никто, так как до сих пор его составители не смогли прийти к единому решению, что оставить, а что отбросить. Но мы можем себе позволить так небрежно обращаться с законодательством, потому что мы все равно не способны никого заставить ему следовать.

Вся популяция червей движется всегда строго по часовой стрелке. Одиночек, идущих против общего движения, называют у нас «ретроградами». Жизненное пространство червей можно описать как сферу, заключенную в еще большую сферу нашего мира. Где-то наверху — неисповедимая и роковая для нас Поверхность, где-то внизу — легендарная неизведанная Сердцевина. Вот между двумя этими пределами и движется широким фронтом наша популяция. Причем чаще всего — группами, собравшимися по возрастному принципу. О природе Сердцевины известно очень мало, хотя и существует множество гипотез. Но подробнее о ней мы поговорим в другой раз.

Как я уже говорил, миграция червей происходит по часовой стрелке, осваивая все новые территории. Но по-настоящему неоткрытых новых земель у нас уже нет — мы все следуем по пятам друг за другом, одержимые одним стремлением: быстрее двигаться и, следовательно, быстрее расти — в этом залог успеха. Хотя, с другой стороны, это увеличивает опасность: ведь чем больше/быстрым становится червь, тем скорее/чаще он сталкивается с преградами и тем выше вероятность попасть в ловушку, так как трудно на высокой скорости дать правильную оценку почве. Это-то и заставляет червей все время менять скорость и направление, постоянно сжиматься и расширяться и периодически идти спиралью для того, чтобы хоть немного отдохнуть.

Я сейчас подумал, что не совсем верно описал тебе, что такое «ретроградное движение». На самом деле, если пользоваться им умеренно, это не так уж плохо. Ни один червь, как бы принципиален он ни был, не в состоянии прожить всю свою жизнь, двигаясь только по прямой, без небольших возвратов. Правда, есть записи, повествующие о житиях высокомораль-

ных червей классического периода (на память приходит старец Като). Ничто не могло заставить их свернуть с избранного пути. И когда дьявол ставил им преграду, они предпочитали погибнуть, не склонив головы и, насколько мы знаем, без малейшего сожаления.

Большинство из нас не любит двигаться только по прямым, так как это, несмотря на всю практичность такого способа, все же быстро надоедает. Зато в искусстве ретроградиизм играет просто огромную роль: нет ни одной фигуры, сочетающей в себе сложность с изяществом, которую можно было бы выполнить только по прямой.

Великие художники прошлого игнорировали большую часть запретов на «ретроградиизм», используя все направления в равной мере. Создавая свои творения, они руководствовались лишь своим воображением, и умирали, когда кончался отпущенный им срок.

Теперь о наших снах. Они всегда сопровождаются ощущением того, что ты «видишь», и чаще всего мы видим во сне модели композиций. Некоторые из них вполне можно претворить в жизнь, но по большей части — это планы невообразимо запутанной червоточки, которая меркнет в сознании, когда ты просыпаешься.

Кроме того, мы часто видим так называемый «туннельный сон»: мы проходим по бесконечному цилиндрическому туннелю, состоящему из множества сегментов, и видим на стенах его замысловатые отпечатки, оставленные нашими фактурными узорами... Это образ червоточки, которую мы строим в течение всей нашей жизни. Это туннель, который мы оставляем у себя за спиной и который поэтому мы никогда не увидим наяву.

А еще у нас бывают кошмары: мы попадаем в структуру, неотвратимо ведущую нас к смерти; и мы мчимся по ней все быстрее, пока наконец не пробиваем одну из смежных стенок или не прорываемся сквозь поверхность навстречу своей аннигиляции.

Это очень тяжелые сны. Но художник может прозреть в них зерна трансформации.

Извини меня за многословие. Честно говоря, ничего не могу с этим поделать. Не так-то легко четко сформулировать свою мысль, находясь в телепатическом контакте. Мысле/сообщения рассыпаются на части в беспорядочном, неформулируемом, двусмысленном, многозначимом и болтливом (да, Черве-

господи! — болтливом! Но ведь и ты не лучше меня, Роберт!) потоке мысли/значений/переосмыслений/стремлений... ну, и так далее.

Мне хотелось бы продолжить, но я должен временно сбавить скорость. Я сейчас туннелирую U-образную петлю, и пошел довольно трудный участок почвы, так что мне придется перейти на другую силу/скорость, при которых я пока не смогу испускать сигнал.

Но я буду прислушиваться в ожидании сообщения от тебя. Надеюсь, ждать придется недолго. Расскажи мне побольше о поверхности. И побольше расскажи о небе.

Я понял, Роберт. У тебя те же проблемы, что и у меня: ты ничем не можешь доказать факт нашего с тобой общения, так как ваши научные условности требуют так называемой «проверяемости». Но, похоже, наша с тобой телепатическая связь — уникальна. Ее невозможно продублировать, по крайней мере настолько, насколько этого требуют ваши «законы о доказательстве». Я в том же положении: если другой червь не может настроиться на твою волну, следовательно, у него тоже нет никаких доказательств, кроме моих голословных вибраций. Ведь если бы Клаус попытался рассказать мне что-то подобное, даже я отреагировал бы на его заявление точно так же, спрашивая себя, с какой стати мне доверять его беспочвенным и бездоказательным фантазиям. И при этом я бы еще гордился своим интеллектуальным оценением!

Увы, так оно и есть. Ты говоришь, что у вас есть люди, которые поверят во что угодно, если только это будет сказано им с большой силой убеждения. Но ведь нет ни одной, даже самой абсурдной концепции, которая не имела бы сторонников. Я, например, могу заставить кое-кого из наших поверить, что Червемир — не более чем плод моего воображения и что жизнь и само существование моих братьев-червей зависит непосредственно от того, как долго я поддерживаю свой интерес к ним. (С незапамятных времен у нас периодически появлялись личности, провозглашавшие себя Червегосподами, или, на худой конец — одним из Его воплощений. А что, если один или парочка из них были таковыми на самом деле, а? Кто может знать!)

Благодарю тебя за то, что ты предложил мне свою помощь. Я, конечно, уверен, что кто-нибудь из твоих эрудированных друзей сможет пролить свет с позиций вашей науки на ситуацию в Червемире. Но стоит ли их беспокоить? Я и ты — мы оба художники. Уж мы-то знаем, что все течет и изменяется, и

этот разговор — тоже не более чем рябь на поверхности двух наших таких различных жизней.

Ну так, между нами, действительно ли это важно: все эти науки, учеба, все эти метафизики, философии? Ты же мне сам говорил, что ваша наука, применяемая на профессиональном уровне (а на каком еще уровне ее можно применять?), не приносит ничего, кроме своих абсурдных достижений. Ты же рассказывал, что в вашем мире продукты науки служат в основном для разрушения и нарушения вашего сиюминутного чувственного существования. Ты рассказывал, что питание с каждым годом ухудшается, а жизненное пространство — уменьшается, так как ваша популяция тоже растет. И все это происходит из-за того, что стало возможным с развитием полученных научным путем технологий.

Роберт, я уверен, что, если подавить «продвинутые» науки и предать забвению все технологии, получится совсем неплохо. В любом случае и люди, и черви еще во время оно открыли и доказали существование телепатии и мыслящих существ других видов. Так зачем мы с тобой будем суетиться и снова и снова пытаться отыскать тех, кто нас выслушает? Да с начала всех времен никто и никогда не верил ничему, чего бы он не испытывал на собственной шкуре! (Именно так!)

У тебя есть твоя работа, у меня — своя, и давай не будем гнать волну. Лучше спокойно наслаждаться привилегией нашего общения, и ну ее, эту Истину, в червепекло! Какой бы она там ни была! Ты расскажешь мне пару ваших абсурдных историй, я — наших, и хорошо посмеемся. Только не надо никого трогать, не надо ни с кем консультироваться. Расскажи мне, что ты сам раскопал; расскажи, о чем беседуют в вашем мире мудрые люди; расскажи мне о том, что ты думаешь о вселенной и о том, что в ней действительно творится; и что такое душа; и что такое искусство, даже если ты знаешь, что ничего не знаешь; и я отвечу тем же.

Помехи усиливаются, и твой сигнал заметно слабеет. Но это ничего, думаю, что самое важное я уловил. Если все сказанное тобой правда, то это дает такое представление о нашем мире, которое никто и никогда из нас не смог бы даже вообразить.

Ты говоришь, что у вас общеизвестно и хорошо доказано существование множества миров, собранных в группы вокруг какой-нибудь звезды. А каждая звезда входит в звездную систему, которые, в свою очередь, составляются в галактики. Галактика — это изолированный район в пустоте космоса. Дальше ты говоришь, что галактики группируются во вселенной

(и откуда только вы, люди, все это знаете?), которые также являются частями другой, еще большей системы. Затем ты говоришь, что каждая вселенная расширяется от своего первичного центра, как червоточины, бегущие от Сердцевины в нашем мире. Ты сказал, что расширение вселенной тоже имеет доказательство, не оставляющие никаких сомнений.

Затем ты вывалил кучу информации о теории Бесконечного сотворения и о противоположной ей теории Большого взрыва, и обе ты скромненько опроверг. А затем (уже с меньшей скромностью) ты предложил мне собственную теорию, основанную на синтезе обеих.

Твое предположение заключается в следующем: да, вселенная расширяется, однако это расширение не бесконечно и ее осколки не вечно будут разбегаться от центра. И что в некоей точке, на гребне обрыва переднего края расширяющейся вселенной, материя и энергия разрушаются — аннигилируют — и превращаются в ничто, в пустоту.

В то же самое время материя бесконечно воспроизводится. Так где же она, эта вся материя? Действительно ли она равномерно распределяется по всему объему расширяющейся вселенной? Ты так не думаешь и хочешь выслушать мои аргументы.

Также ты не веришь и в то, что материя в бесконечном цикле творения и разрушения воспроизводится в центре вселенной. Ты считаешь, что это не укладывается в твою теорию, и к тому же эта концепция чисто интуитивно отталкивает тебя своей статикой и формализмом. Она исключает квантовый принцип, исключает принцип неопределенности и использует понятие непрерывности чисто номинально. К тому же с эстетических позиций, на твой взгляд, этой схеме недостает изящества.

Ну что ж, я согласен.

Ты думаешь, что если Нечто расширяется в Ничто, то между ними должно быть хотя бы временное равновесие. Поэтому ты считаешь, что передний край ударной волны, за которой находится постоянно взрывающаяся вселенная, а впереди — Ничто, что этот-то край и есть поверхность — распознаваемая зона, со своей своеобразной стабильностью. Район, где творение и разрушение происходят одновременно.

Хорошо. Вселенная расширяется. Но куда? В Ничто? Но во что там расширяться? Да она просто-напросто расширяется, но при этом каждая ее точка находится в динамической взаимосвязи с Ничем.

Каждая ее частица расширяется, одновременно с этим слепо устремляясь в пустоту, противостоящую ей.

Но если Ничто не имеет ни начала, ни конца, тогда и Нечто тоже — оно настолько же всепроникающее. С твоей точки зрения, в любой точке вселенной есть обязательное противостояние поверхности ударной волны пустоте, которая ее окружает, и, следовательно, тот факт, что вселенная, как любая трехмерная фигура, имеет глубину, — всего лишь иллюзия. У вселенной не может быть глубины, потому что любая ее точка противостоит пустоте.

Но тем не менее ты отмечаешь, что наравне с этим все-таки существуют региональная специфика, конкретные местные конфигурации, некоторые различия, асимметрия и принцип неопределенности. Поэтому все создание/разрушение само по себе не более чем аспект чего-то, стоящего выше нашего понимания.

Итак, с нашей точки зрения, вселенная действительно расширяется. Причем ее частицы движутся с разной скоростью: одни районы остаются ближе к галактическому центру, другие же — устремляются на передовой край в точки/волнофронта, где материальная вселенная буквально прорывается в не-вселенную из не-вещества.

А затем ты взорвал свою бомбу; ты сказал, что, базируясь на моих рассказах, веришь, что наша планета сбалансирована в динамической стабильности на передовом крае ударной волны, где впереди Нечто, а позади — Ничто.

Роберт, у меня мурашки по спине ползут. Извини, но мне нужно это обдумать.

Развивая свою теорию, ты предполагаешь, что планета, находящаяся в точке между Нечто и Ничто, должна иметь ряд специфических свойств. Первое: все направления наружу ведут в Ничто, а все направления внутрь — в Нечто.

Порядок. Но затем ты выдал еще кое-что покруче.

Ты предполагаешь, что наша планета как бы врезана в пограничную поверхность между расширяющейся вселенной и пустотой, в которую она расширяется. То есть наполовину — здесь, наполовину — там; наполовину — в одной реальности, наполовину — в другой; наполовину — бесконечно самовоспроизводящаяся, наполовину — бесконечно разрушающаяся.

Исходя из подобной ситуации, наша планета действительно не имеет поверхности (тут Клаус оказался прав, проклятье!), так как ее поверхностью является граница между материей и пустотой.

Что ж, если ты прав, то у нас вместо поверхности — крошечный ад, поле сражения космологического масштаба.

А я-то еще, как дурак, радовался, что у нас не бывает войн! Исходя из этого, наша поверхность находится в состоянии постоянного взрыва. Весь Червемир — один большой бесконечный взрыв. Наша поверхность — это бесчисленное множество волнофронт/точек, беспрестанно разрушающихся Ничем, находящимся перед ними, и беспрестанно восстанавливающихся, черпая из Нечто вселенной позади них.

С твоей точки зрения, наша ситуация — уникальна. Можно даже назвать ее парадоксальной. Мы даже не можем себе представить, что когда-нибудь наша планета будет полностью поглощена разрушительной субстанцией Ничего. Но если нет ни одной точки, которая бы не подверглась его атакам, то откуда же тогда идет восстановление, бесконечная регенерация Червемира да и, возможно, всей остальной вселенной? Изнутри. Из центра. Центр есть везде, так же как и Извне. Центр — это точка, наиболее удаленная от разрушения поверхности. Не имея ее, поверхности не на что было бы опираться.

Ты полагаешь, что черви поставлены в условия, заставляющие их искать пути наружу, так как жизнь стремится скорее наружу, чем внутрь. Но это направление ведет нас прямехонько к смерти.

Ты считаешь, что как раз путь внутрь сможет привести нас к неизрытым, безопасным и прекрасным пространствам.

Но, как ты подчеркиваешь, забираться слишком глубоко тоже не стоит, так как само ядро Червемира может-таки иметь кристаллическую структуру. В таком случае его структура подвергается трансформации в органическую субстанцию.

Ты веришь, что такой район существует, и тот, кто отважится найти путь сквозь древние лабиринты, обнаружит девственные, нетронутые земли. Но в нашей специфической ситуации физический поиск пути внутрь может каким-то образом привести наружу.

Вот ты и нашел для меня решение, Роберт! Правда, может быть, не совсем то, на которое ты рассчитывал. Выход для нас — внутри, сказал ты, и, по законам вашего мира, ты абсолютно прав. Но, увы! Мой путь лежит не внутрь, не в дивный мир, где нет червоточин, границ и страха... Беула — земля обетованная!

О, как бы мне хотелось как можно ближе подобраться к этому кристаллическому совершенству — с его идеальной симметрией всех вершин, всех углов, всех граней, застывших в космическом взрыве бесконечного и беспредельного творения.

Но не туда лежит мой путь. Я отправляюсь наружу, вверх. Туда, где я смогу запечатлеть Великую фигуру. Я знаю, что это абсурдная затея. Да и Джилл думает, что я собрался пробить поверхность и умереть. Может быть, она и права. Но я верю, что червь должен сделать из своей жизни величайшее творение, какое только можно вообразить!

Нет, я вовсе не претендую на лавры червегероя. Я вообще не собираюсь умирать. Я верю, что, когда пробьюсь сквозь поверхность, это не будет концом. Ничто вывернется наизнанку и станет еще одной частичной правдой, еще одной иллюзией. А я... Я стану светом. Или светилом?..

И это последнее из сообщений Рона. Червя.

ТАК ЛЮДИ ЭТИМ ЗАНИМАЮТСЯ?

Эдди Квинтеро купил бинокль в магазине Хэммермана, где распропадавали излишки с армейских и военно-морских складов всех стран («Все товары высочайшего качества, оплата наличными, купленный товар обратно не принимается»). Он давно хотел стать владельцем по-настоящему хорошего бинокля, потому что с его помощью надеялся увидеть такое, что другим способом не увидишь. А если конкретно, то из своей меблированной комнатухи он хотел подсмотреть, как раздеваются девушки в отеле «Шовин армс» на противоположной стороне улицы.

Но имелась и другая причина. Не признаваясь в этом самому себе, Квинтеро стремился к тому озарению и полной сосредоточенности, что наступают, когда кусочек мира внезапно оказывается заключен в рамку, а глаза отыскивают новизну и драму в доселе скучном мире повседневности.

Момент озарения никогда не длится долго, и вскоре вас вновь стискивает привычная рутина. Но остается надежда, что нечто — прибор, книга или человек — изменит вашу жизнь окончательно и бесповоротно, вытащит за шиворот из невыразимой словами душевной печали и позволит наконец лицезреть чудеса, которые, как вы давным-давно знали, всегда находились у вас перед носом.

Бинокль был упакован в крепкий деревянный ящик со сделанной восковым карандашом надписью: «Секция XXII, корпус морской пехоты, Квантико, Виргиния». Чуть пониже значилось: «Опытный образец». Одна лишь возможность вскрыть такой ящик уже стоила уплаченных Квинтеро пятнадцати долларов девяносто девяти центов.

В ящике лежали бруски пенопласта и пакетики с силикагелем, а под ними, наконец, и сам бинокль. Такого Квинтеро

прежде видеть не доводилось. Трубки у него оказались скорее квадратными, чем круглыми, к тому же на них были выгравированы разные непонятные шкалы. К одной из трубок была приделана табличка: «Экспериментальный прибор. Не выносить из лаборатории».

Квинтеро взял бинокль. Он оказался тяжелым, а внутри что-то постукивало. Сняв с линз защитные пластиковые колпачки, он посмотрел в бинокль через окно.

Но ничего не увидел. Тогда он потряс бинокль и снова услышал внутри стук, но тут призма или зеркало — или что там стучало внутри — должно быть, встало на место, потому что внезапно перед глазами появилось изображение.

Он смотрел через улицу на огромное здание отеля. Изображение было исключительно четким и ясным; ему казалось, будто он смотрит на стену с расстояния в десять футов. Квинтеро быстро заглянул в несколько ближайших окон, но ничего интересного не увидел. Была жаркая июльская суббота, и Квинтеро предположил, что все девушки отправились на пляж.

Он повернул колесико фокусировки, и ему тут же показалось, будто он превратился в глаз без тела, зависший перед телескопическими линзами — вот он в пяти футах от стены, вот уже в одном и ясно видит мелкие неровности на белой бетонной панели и щербинки на оконной раме из анодированного алюминия. Некоторое время он восхищался столь необычным видом, потом вновь, очень медленно, покрутил колесико. Все поле зрения заполнила гигантская стена, но через мгновение он внезапно пронзил ее насквозь и очутился в комнате.

Квинтеро настолько испугался, что даже опустил на секунду бинокль, чтобы сориентироваться. Когда он опять поднес его к глазам, картина осталась прежней: он словно стоял в комнате. Ему показалось, что сбоку что-то движется, он слегка повернул бинокль, и тут деталька опять выскочила.

Он принялся поворачивать и трясти бинокль, деталька болталась вверх-вниз, но он по-прежнему ничего не видел. Квинтеро положил бинокль на обеденный стол, услышал легкий щелчок и прильнул к окуляру. Очевидно, зеркало или призма вновь встала на место — бинокль работал.

Тогда он решил не рисковать — вдруг деталька опять стряхнет, — оставил бинокль на столе, присел рядом и заглянул в окуляры.

Он увидел тускло освещенное помещение с занавешенными окнами и включенными лампами. На полу сидел индеец — или, вернее, человек, одетый как индеец: худой блондин в головном

уборе из перьев, украшенных бисером мокалинах, штанах из оленьей кожи с бахромой, кожаной рубашке и с ружьем в руках. Ружье он держал у плеча, целясь куда-то в угол комнаты.

Рядом с индейцем в кресле сидела толстая женщина в розовой комбинации и что-то весьма взволнованно говорила в телефонную трубку.

Квинтеро заметил, что ружье у индейца игрушечное, примерно вдвое короче настоящего. Индеец все стрелял в угол комнаты, а женщина говорила по телефону и смеялась.

Через некоторое время индеец прекратил стрельбу, повернулся к женщине и протянул ей ружье. Женщина положила трубку, нашарила еще одно игрушечное ружье, прислоненное к креслу, и отдала его индейцу, а взятое у него ружье стала заряжать воображаемыми патронами.

Индеец все стрелял — быстро и настойчиво. У него было хмурое и сосредоточенное лицо воина, в одиночку прикрывающего отход своего племени в Канаду.

Внезапно индеец, кажется, что-то услышал, обернулся, и на его лице появилось выражение паники. Он резко развернулся и вскинул ружье к плечу. Женщина тоже посмотрела в ту сторону, ее рот изумленно открылся. Квинтеро попытался понять, что же они увидели, но тут обеденный стол покачнулся, бинокль щелкнул и отключился.

Квинтеро встал и принялся возбужденно расхаживать по комнате. Ему удалось ненадолго подсмотреть, чем занимаются люди, когда за ними не наблюдают. В нем боролись возбуждение и смущение, потому что он никак не мог разобраться в увиденном. Быть может, индеец сумасшедший, а женщина — его сиделка? Или же они более или менее обычные люди, играющие в какую-то безобидную игру? Или же он наблюдал, как тренируется патологический убийца, который через неделю, месяц или год купит настоящее ружье и будет убивать реальных людей, пока его самого не убьет полиция? И что там произошло под конец? Было ли это частью шарады, или же возникло нечто другое, непредусмотренное?

Он не мог найти ответы на вопросы. Он видел лишь то, что ему показывал бинокль.

Последующие свои действия Квинтеро спланировал более тщательно. Самое важное — обеспечить биноклю неподвижность. Обеденный стол слишком шаткий, и снова класть на него бинокль рискованно. Теперь он решил воспользоваться низким кофейным столиком.

Однако бинокль все еще не работал. Он покрутил его и вновь услышал, как внутри постукивает болтающаяся деталька. Это напомнило ему головоломки, в которых нужно закатить стальной шарик в определенную дырочку, но тут приходилось работать, не видя ни шарика, ни дырочки.

После получаса безуспешных попыток он отложил бинокль, выкурил сигарету и выпил пива, потом потряс его вновь. Послышался щелчок — деталька встала на место, и он плавно опустил бинокль на стул.

Он весь вспотел от усилий и разделся до пояса. Потом наклонился и прильнул к окуляру, очень осторожно покрутил колесико фокусировки, и его взгляд пересек улицу и проник сквозь стену отеля.

Квинтеро увидел большую гостиную, декорированную в белом, голубом и золотистом тонах. На выгнутой кушетке сидели двое привлекательных молодых людей, мужчина и женщина, одетые в старинные костюмы — женщина в пышном платье с низким декольте, почти не скрывающим ее маленькие округлые груди, а мужчина в длинном черном сюртуке, серых панталонах до колен и белых чулках. Его белую рубашку украшали кружева, а волосы были напудрены.

После каких-то слов мужчины женщина засмеялась. Тот наклонился и поцеловал ее. Она на мгновение замерла, но тут же обвила его шею руками.

Но им пришлось резко разомкнуть объятия, потому что в комнату вошли трое мужчин — одетые в черное с ног до головы и с черными масками на лице. Каждый держал шпагу. За спинами тройцы стоял кто-то четвертый, но Квинтеро не смог его как следует рассмотреть.

Молодой мужчина вскочил, схватил висящую на стене шпагу и стал сражаться с тремя вошедшими, перемещаясь вокруг кушетки, на которой сидела оцепеневшая от страха женщина.

В поле зрения Квинтеро появился четвертый — высокий и роскошно одетый. На его пальцах вспыхивали драгоценные перстни, на шее висел бриллиантовый кулон. Голову покрывал белый парик. Увидев его, женщина ахнула.

Молодой мужчина вывел из борьбы одного из противников, ранив его в плечо, и легко перепрыгнул через кушетку, мешая второму зайти сзади. Он легко сдерживал обоих оставшихся противников, и четвертый, немного помедлив, достал из-под плаща кинжал и метнул его. Оружие ударило юношу рукояткой в лоб.

Он пошатнулся, мужчина в маске сделал выпад, его шпага ударила юношу в грудь, согнулась и тут же выпрямилась, скользнув между ребрами. Юноша посмотрел на шпагу и упал. Его белую рубашку обильно залила кровь.

Женщина потеряла сознание. Четвертый что-то сказал, один из мужчин в маске подхватил ее, второй помог подняться своему раненому товарищу. Потом все ушли, оставив распростертого на полу юношу заливать кровью полированный паркет.

Квинтеро повернул бинокль, решив проследить за ушедшими. Деталька выскочила, в окулярах стало темно.

Квинтеро разогрел банку консервированного супа и задумчиво на нее посмотрел, размышляя над увиденным. Наверное, он видел репетицию какой-то пьесы... Но удар шпаги не показался ему притворным, да и юноша на полу выглядел тяжелораненым, а то и убитым.

Но чем бы ни оказалась эта сцена, он удостоился привилегии наблюдать за интимными моментами странностей человеческих жизней. Он увидел очередной из непостижимых людских поступков. И осознание того, что он способен видеть недоступное никому, кружило ему голову и уравнивало с богами.

Единственное, что заставило его спуститься с небес на землю, была неуверенность. Ведь бинокль неисправен, какая-то важная деталь внутри его не закреплена, и в любой момент чудеса могут прекратиться.

Он задумался. Может, отнести бинокль в ремонт? Но Квинтеро знал, что, вероятнее всего, получит обратно самый обычный бинокль. Да, он будет очень хорошо показывать ему ничем не примечательные вещи, но вряд ли сможет проникать сквозь стены в сердце странных и тайных событий.

Квинтеро вновь заглянул в окуляры, ничего не увидел и принялся трясти и вертеть бинокль. Он слышал, как внутри перекачивается и постукивает деталь, упорно не желая становиться на место. Квинтеро не сдавался — его снедало желание увидеть новое чудо.

Внезапно деталь встала на место. Решив на сей раз не рисковать, Квинтеро положил бинокль на ковер, затем лег рядом и попытался заглянуть в один из окуляров, но угол зрения оказался неподходящим, и он ничего не увидел.

Он начал осторожно поднимать бинокль, но деталька шевельнулась, и он немедленно, но очень осторожно, опустил бинокль на ковер. Свет по-прежнему проходил через линзы, но

как Квинтеро ни вертел головой лежа на полу, ему никак не удавалось расположить глаз напротив окуляра.

Он ненадолго задумался и пришел к выводу, что есть лишь один способ решить эту проблему. Он встал, широко расставил ноги, наклонился и уперся в ковер головой. Теперь он мог смотреть в бинокль, но не мог долго сохранять такую позу. Квинтеро выпрямился и вновь задумался.

Он понял, что следует сделать. Квинтеро снял ботинки, расставил ноги и встал на голову. Ему пришлось проделать это несколько раз, пока глаза не оказались точно напротив окуляров. Уперевшись ногами в стену, он сумел принять устойчивую позу.

Он увидел большой офис где-то внутри «Шовин армс» — современный, обставленный дорогой мебелью и без единого окна.

В помещении находился лишь один человек — крупный хорошо одетый мужчина лет за пятьдесят, неподвижно сидящий за столом из светлого дерева. Очевидно, он о чем-то думал.

Квинтеро отчетливо видел каждый предмет обстановки и даже стоящую на столе табличку из красного дерева с надписью: «Кабинет директора. Сюда приходят деньги».

Директор встал и подошел к стенному сейфу, скрытому за картиной. Он открыл его, протянул руку и вынул металлический контейнер размером чуть побольше обувной коробки. Контейнер он поставил на стол, вынул из кармана ключ и сунул его в замок.

Открыв контейнер, директор вынул некий предмет, обернутый красной шелковой тканью. Развернув ткань, он поставил предмет на стол. Квинтеро увидел статуэтку обезьяны, вырезанную из материала, похожего на темную вулканическую породу.

Обезьяна, однако, выглядела весьма странно, потому что у нее было четыре руки и шесть ног.

Директор открыл ключом ящик стола, вынул длинную палочку, положил ее обезьяне на колени и поджег зажигалкой.

Поднялись кольца черного маслянистого дыма. Директор начал танцевать вокруг обезьяны. Его губы шевелились, и Квинтеро понял, что он или поет, или декламирует.

Так продолжалось около пяти минут, затем дым стал сгущаться и принимать форму. Вскоре из него образовалась копия обезьяны, но размером с человека — зловещее на вид существо из дыма и заклинаний.

Дымный демон (так его назвал Квинтеро) протянул директору пакет. Тот принял его с поклоном, торопливо подошел к столу

и разорвал обертку. На стол посыпались какие-то бумаги. Квинтеро присмотрелся и увидел пачки денег и стопки акций.

Наконец директор оторвался от созерцания богатства, снова низко поклонился демону и заговорил с ним. Губы дымного демона зашевелились, директор что-то ответил. Похоже, они спорили.

Потом директор пожал плечами, еще раз поклонился, подошел к интеркому и нажал кнопку.

В кабинет вошла привлекательная женщина с блокнотом и карандашом. Когда она увидела демона, ее рот округлился от крика. Она подбежала к двери, но не смогла ее открыть.

Обернувшись, она увидела, как дымный демон приближается к ней и обволакивает ее дымом.

Все это время директор пересчитывал пачки денег, не замечая происходящего, но ему пришлось поднять голову, когда из головы демона вырвался луч яркого света, а четыре волосатые руки прижали женщину к телу...

И в этот момент спина Квинтеро не выдержала напряжения. Он упал, толкнув при этом бинокль.

Деталька внутри стукнула, но тут же послышался четкий щелчок, словно она окончательно встала на место.

Квинтеро поднялся и стал массировать шею. Неужели он галлюцинировал? Или же он видел нечто тайное и магическое, о чем, возможно, знают лишь избранные и пользуются для улучшения своего финансового положения — еще одна тайная и поразительная грань людских поступков?

Ответа он не знал, зато знал, что обязан еще хотя бы раз посмотреть в бинокль. Он опять встал на голову и заглянул в окуляры.

Да, бинокль работает! Квинтеро увидел унылую меблированную комнату, а в ней худого мужчину лет тридцати с отчетливым животиком, обнаженного до пояса и стоящего на голове. Его ноги в носках упирались в стену, а сам он смотрел в лежащий на полу бинокль.

Через секунду он понял, что видит в бинокле самого себя.

Внезапно испугавшись, он уселся на полу. Потому что понял, что был лишь одним из клоунов в огромном цирке человечества и, подобно остальным, только что исполнил свой номер. Но кто же зритель? Кто настоящий наблюдатель?

Он развернул бинокль и посмотрел через линзы объектива. Квинтеро увидел два глаза и уже решил, что это его глаза, — но тут один из них подмигнул.

**ПЕСНЬ
ЗВЕЗДНОЙ ЛЮБВИ**

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ В БАНАЛИИ...

Отчаянная погоня

На сей раз Аркадию Варадину, бывшему фокуснику, а ныне усиленно разыскиваемому рецидивисту, похоже, пришел конец. Невозмутимый и собранный перед лицом опасности, коварный и безжалостный, опасный, как гадюка, мастер всяческих иллюзий и фантастических трюков с освобождением, узолицый Варадин на сей раз переоценил свои силы.

После эффектного побега из сверхнадежной тюрьмы Деннинга любой другой на его месте затаился бы на время. Но не Варадин. Он в одиночку взял банк в маленьком городишке Крез штата Мэн. Убегая, он пристрелил двух охранников, имевших глупость схватиться за пушки. Украл машину и был таков.

Но тут удача ему изменила. ФБР, только и ждавшее подобного случая, через час уже село ему на хвост. И даже тогда еще преступный ас мог бы скрыться, не подведи его ворованная машина, в которой кончился бензин.

Варадин бросил автомобиль и ушел в горы. Пятеро агентов ФБР погнались за ним. Двух из них Варадин уложил с дальнего прицела, расстреляв все шесть патронов. Больше боеприпасов у него не было. Трое агентов по-прежнему карабкались наверх, и с ними местный проводник.

Вот невезуха! Варадин прибавил шагу. Все, что у него осталось, — это семьдесят пять тысяч долларов, взятых в банке, да сумка со снаряжением для трюков. Он принялся петлять по горам и долинам, надеясь сбить ищеек со следа.

Но обвести вокруг пальца проводника в его родных лесах было невозможно. Разрыв между охотниками и добычей неумолимо сокращался.

В конце концов Варадин очутился на грязной дороге. Дорога вывела его к гранитной каменоломне. За ней скала круто

обрывалась в усеянное рифами море. Спуститься по обрыву было можно, но фэбээровцы схватят его еще на полпути.

Варадин огляделся. Кругом валялись серые гранитные глыбы самой разной величины и формы. Удача — легендарная варадинская удача — все же не покинула его! Пора приниматься за финальный фокус.

Он открыл сумку и вытащил промышленный пластик, усовершенствованный им для собственных нужд. Проворные пальцы соорудили из веток каркас, связав их шнурками из ботинок. На каркас Варадин натянул пластик, втирая в него грязь и гранитную пыль. Закончив, он отошел и оценил свою работу.

Да, выглядит не хуже любой другой большой глыбы, если не считать дыры, зияющей сбоку.

Варадин нырнул в дыру и оставшимся пластиком заклеил ее, оставив маленькое отверстие для воздуха. Сооружение укрытия было закончено. И теперь он со спокойствием фаталиста ждал, чтобы увидеть, удался ли фокус.

Через пару минут фэбээровцы с проводником достигли каменоломни. Они обшарили ее вдоль и поперек, потом подбежали к обрыву и глянули вниз. В конце концов они уселись на большую серую глыбу.

— Он, должно быть, прыгнул, — заметил проводник.

— Не верю, — возразил главный агент. — Ты просто не знаешь Варадина.

— Ну, здесь-то его нет, — сказал проводник. — А проскользнуть мимо нас он никак не мог.

Главный агент нахмурился, пытаясь сосредоточиться. Сунув в рот сигарету, он чиркнул спичкой по глыбе. Спичка не загорелась.

— Странно, — сказал агент. — Или спички у меня отсырели, или камни у вас тут размякли.

Проводник пожал плечами.

Агент собрался было добавить еще что-то, но тут в каменоломню въехал старый грузовой автофургон с десятком человек в кузове.

— Ну как, поймали? — спросил шофер.

— Не-а, — ответил агент. — Должно быть, он сиганул с обрыва.

— Туда ему и дорога, — сказал водитель грузовика. — В таком случае, если вы, господа, не возражаете...

Агент ФБР пожал плечами:

— О'кей, я думаю, мы можем списать его со счетов.

Он встал, и все три агента вместе с проводником зашагали прочь из каменоломни.

— Ладно, ребятки, — заявил водитель. — Пора за работу! Рабочие высыпали из закрытого кузова, по борту которого тянулась надпись: «Восточно-мэнская гравийная корпорация».

— Тед! — сказал шофер. — Заложика свой первый заряд вон под ту глыбу, где сидели фэбээрзовцы!

Замаскированный агент

Джеймс Хэдли, знаменитый агент секретной службы, попался. По дороге в стамбульский аэропорт враги загнали его в тупик возле Золотого Рога и затащили в длинный черный лимузин. За баранкой сидел жирный грек со шрамом на лице. Оставив затем лимузин с шофером на улице, похитители поволокли Хэдли вверх по лестнице в какую-то паршивую комнатенку в армянском районе Стамбула, неподалеку от рю Шаффре.

В такой захудалой дыре агенту бывать еще не приходилось. Его привязали к тяжелому креслу. Напротив него стоял Антон Лупеску — начальник румынской секретной полиции, садист и непримиримый враг западных служб. По обе стороны от Лупеску стояли Чан, его бесстрастный слуга, и мадам Уи, холодная и прекрасная евразийка.

— Американская свинья! — издевательски усмехнулся Лупеску. — А ну, выкладывай, куда ты запрятал чертежи новой американской высокоорбитальной субмолекулярной трехступенчатой ядерно-конверсионной установки?

Хэдли с кляпом во рту только улыбнулся.

— Друг мой, — ласково сказал Лупеску, — на свете есть такая боль, которую не вытерпеть никому. Может, избавишь себя от лишних неудобств?

В серых глазах Хэдли вспыхнула насмешливая искорка. Он молчал.

— Несите инструменты для пытки! — велел, ухмыляясь, Лупеску. — Мы заставим эту капиталистическую свинью заговорить.

Чан и мадам Уи вышли из комнаты. Лупеску быстро отвязал пленника.

— Поторапливайся, старина, — сказал Лупеску. — Они вернутся через минуту.

— Я не понимаю, — промолвил Хэдли. — Вы же...

— Британский агент 432 к вашим услугам. — Лупеску поклонился, лукаво блеснув глазами. — Не мог раскрыться, пока тут болтались Чан с мадам Уи. Вези свои чертежи обратно в Вашингтон, дружище! Держи пушку, она тебе пригодится.

Хэдли взял тяжелый пистолет с глушителем, снял его с предохранителя и выстрелил Лупеску прямо в сердце.

— Твоя верность правительству республики, — сказал Хэдли на чистейшем русском языке, — давно уже подвергалась сомнению. Теперь с тобой все ясно. Кремль будет доволен.

Хэдли переступил через труп и открыл дверь. Перед ним стоял Чан.

— Собака! — зарычал Чан, поднимая тяжелый пистолет с глушителем.

— погоди! — крикнул Хэдли. — Ты не понимаешь...

Чан выстрелил. Хэдли рухнул на пол.

Быстренько сорвав с себя восточную маску, Чан превратился в настоящего Антона Лупеску. В комнату вошла мадам Уи и ахнула.

— Не волнуйся, крошка, — заявил Лупеску. — Самозванец, выдававший себя за Хэдли, был на самом деле китайским шпионом по имени Чан.

— А кто же тогда тот второй Лупеску?

— Очевидно, — сказал Лупеску, — это и был настоящий Джеймс Хэдли. Где же, интересно, все-таки он спрятал чертежи?

При тщательном осмотре на правой руке трупа, выдававшего себя за Джеймса Хэдли, была обнаружена бородавка. Она оказалась искусственной. Под ней скрывалась микропленка с драгоценными чертежами.

— Кремль вознаградит нас, — обрадовался Лупеску. — А теперь мы...

Он осекся. Мадам Уи держала в руках тяжелый пистолет с глушителем.

— Собака! — прошипела мадам и выстрелила румыну прямо в сердце.

Быстренько освободившись от маскировки, мадам Уи превратилась в настоящего Джеймса Хэдли, американского секретного агента.

Хэдли помчался вниз по лестнице на улицу. Черный лимузин по-прежнему стоял у крыльца. Грек со шрамом вытащил из кармана пушку.

— Ну? — спросил он.

— Я с ними разделался, — ответил Хэдли. — Ты тоже хорошо поработал, Чан. Спасибо тебе.

— Не за что, — отозвался шофер, срывая с себя маску, из-под которой показалось хитрое лицо агента китайского национально-освободительного движения. — А теперь пулей в аэропорт, верно, старина?

— Совершенно верно, — сказал Джеймс Хэдли.

Мощная черная машина помчалась во тьму. В уголке салона кто-то шевельнулся и схватил Хэдли за руку.

Это была настоящая мадам Уи.

— Ох, Джимми! — проворковала она. — Неужели наконец-то все позади?

— Все кончено. Мы победили, — сказал Хэдли, крепко прижав к себе прекрасную евразийку.

Запертая комната

Сэр Тревор Мелланби, старый и эксцентричный английский ученый, оборудовал в одном из уголков своего поместья в Кенте маленькую лабораторию. Он вошел в нее утром семнадцатого июня. Поскольку по прошествии трех дней престарелый пэр так и не появился, его семья заволновалась. А обнаружив, что двери и окна лаборатории заперты, родственники вызвали полицию.

Полицейские взломали тяжелую дубовую дверь и увидели сэра Тревора, безжизненно распростертого на цементном полу. Горло знаменитого ученого было зверски разодрано. Орудие убийства, трехзубая садовая тяпка, лежало рядом с трупом. Дорогой бухарский ковер исчез без следа. И тем не менее все двери и окна были надежно заперты изнутри.

Ни убить, ни украсть отсюда что-либо было невозможно. И все же убийство и кража были налицо. По такому случаю в поместье вызвали главного инспектора Мортон. Он прибыл незамедлительно, прихватив с собой своего друга доктора Костыля, известного криминалиста-любителя.

— Пропали оно все пропадом, Костыль, — сказал инспектор Мортон несколько часов спустя. — Должен признать, что это дело поставило меня в тупик.

— Да, задачка непростая, — откликнулся Костыль, тщательно осматривая ряды пустых клеток, голый цементный пол и шкафчик, полный блестящих скальпелей.

— Будь оно все неладно, — сказал инспектор. — Я простучал каждый дюйм в стенах, полу и потолке в поисках тайного хода. Глухо, совершенно глухо.

— Ты уверен? — спросил доктор Костыль. Лицо его лучилось загадочным весельем.

— Совершенно. Не понимаю, почему ты...

— А тут и понимать нечего, — прервал его доктор Костыль. — Скажи, ты подсчитал, сколько в лаборатории ламп?

— Конечно. Шесть.

— Правильно. А если ты подсчитаешь выключатели, то их получится семь.

— Не понимаю, при чем тут...

— Но это же очевидно! — заявил доктор. — Где ты видал комнаты с совершенно глухими стенами? Давай-ка попробуем выключатели.

Они принялись щелкать выключателями, проверяя один за другим. А когда нажали на последний, раздался зловещий треск. Крыша лаборатории начала приподниматься на массивных стальных винтах.

— Черт побери! — воскликнул инспектор Мортон.

— Вот именно, — сказал доктор Костыль. — Это одна из причуд сэра Тревора. Старик любил свежий воздух.

— Значит, убийца пролез в щель между стенкой и крышей, а потом закрыл лаз снаружи...

— Ничего подобного, — возразил Костыль. — Этими винтами не пользовались несколько месяцев. А кроме того, максимальное отверстие между стеной и потолком меньше семи дюймов. Нет, Мортон, убийца проявил просто дьявольскую изобретательность.

— Будь я проклят, если хоть что-нибудь понимаю!

— А ты задай себе вопрос, — сказал Костыль. — Зачем убийце понадобилось такое неуклюжее орудие, как садовая тяпка, когда под рукой у него была куча острых скальпелей?

— Разрази меня гром! — ответил Мортон. — Я не знаю зачем.

— На то была веская причина, — мрачно проговорил Костыль. — Знаешь ты что-нибудь об исследованиях, которыми занимался сэр Тревор?

— Вся Англия об этом знает. Он работал над методикой развития интеллекта у животных. Неужели ты хочешь сказать...

— Вот именно. Методика сэра Тревора оказалась удачной, только вот миру он о ней поведать не успел. Ты обратил внимание на эти пустые клетки? В них были мыши, Мортон! Его собственные мыши убили его, а потом удрали через канализацию.

— Я... Я не могу в это поверить, — ошеломленно пробормотал Мортон. — Но зачем им понадобилась тяпка?

— Думай, дружище! Напряги извилины! Они хотели скрыть свое преступление. Им вовсе не улыбалось, чтобы вся Англия вышла на мышиную охоту! Поэтому они разодрали горло сэра Тревора тяпкой — после того, как он умер.

— Зачем?

— Чтобы скрыть следы своих зубов, — терпеливо пояснил Костыль.

— Хм-м. Погоди-ка! Твоя теория, Костыль, крайне интересна, но она не объясняет кражи ковра!

— Пропавший ковер как раз и представляет собой последний ключ к разгадке. Микроскопические исследования докажут, что ковер они разорвали на мелкие клочки и по кусочкам утащили через канализационные трубы.

— Ради всего святого — зачем?

— Единственно для того, — сказал доктор Костыль, — чтобы не оставить кровавых следов тысяч крошечных лапок.

— И что же нам теперь делать? — спросил, подумав, Мортон.

— Ничего! — рявкнул Костыль. — Я лично собираюсь пойти домой и купить пару дюжин котов. Советую тебе сделать то же самое.

ГОЛОСА

Как и многие из нас, мистер Уэст нередко испытывал трудности в принятии решений. Но, в отличие от многих из нас, мистер Уэст решительно отказывался от помощи сверхъестественного. Какие бы проблемы ни мучили его, он не собирався пользоваться предсказаниями «Ицзин»*, раскладывать карты Таро или составлять гороскоп. Этот полноватый, мрачный и неразговорчивый человек служил бухгалтером в нью-йоркской фирме «Адвелл, Гиппер и Гасконь», а оттого полагал, что решения следует принимать исключительно рациональным методом.

Лично мистер Уэст консультировался с внутренним Голосом. Голос всегда говорил, что следует сделать в том или ином случае, и всегда оказывался прав.

Внутренний Голос мистера Уэста работал безупречно многие годы. Неприятности начались в ту неделю, когда инженеры взялись проверять только что установленные генераторы в недавно построенном Конгломерат-Билдинге по другую сторону улицы от дома мистера Уэста. Следует отметить также, что на той неделе наблюдался необычайно высокий уровень солнечной активности, космические лучи достигли невиданной за последние десять лет силы, а пояса Ван-Аллена сместились к югу на четыре градуса.

Мистера Уэста в тот момент беспокоили две проблемы. Первой была Амелия — очаровательная, желанная, желающая и доступная, — а также слабоумная четырнадцатилетняя его племянница. Она жила в доме мистера Уэста, пока ее родители колесили по Европе, и одна мысль о ней заставляла руки хозяина дома трястись, а нос — чесаться. Однако мистер Уэст

Voices

© 1973 by Robert Sheckley

* Китайская классическая «Книга перемен», содержащая правила гадания по гексаграммам. (Здесь и далее примеч. пер.)

вспомнил, сколько лет дают за изнасилование, отягощенное кровосмешением, и решил повременить.

Вторая проблема касалась акций южноафриканской «Семь Потов Лимитед». Они катились вниз, и мистер Уэст подумывал: а не продать ли их, купив взамен акции международной корпорации «Танатопсис».

Чтобы принять серьезное деловое решение, мистеру Уэсту следовало оценить такие факторы, как маржа прибыли, сезонные колебания, уверенность инвесторов, индекс Доу-Джонса, урожай альфальфы и многое другое. Удержать все это в голове не под силу ни одному человеку. Для Голоса явно появилась работенка.

Голос подумал ночь, а за завтраком заявил:

— О'кей, я, кажется, нашел решение. Сложность заключается в рассеянии определенных свойств, которые могут быть индуцированы в напряженных паутинных структурах.

— Что-что? — переспросил мистер Уэст.

— Прочность и гибкость могут быть объединены в одной градиентной функции, — продолжал Голос, — при условии, что она является абсолютной в области гомеостаза самозамыкающихся систем. Таким образом молярное увеличение приводит к экспоненциальному росту прочности продукта.

— Ты о чем болтаешь? — осведомился мистер Уэст.

— Мнимое нарушение закона Фрошета вызвано тем фактом, что поток энергии через конечно-ориентированные паутино-гальковые структуры может рассматриваться как простая биполярная переменная. Стоит это понять, и промышленные применения этой формы ламинирования становятся ясны.

— Мне — нет! — заорал мистер Уэст. — Что вообще творится? Ты кто?!

Голос не ответил. Он повесил трубку.

Остаток дня в голове мистера Уэста звучали различные Голоса, и говорили самые странные вещи.

— Мартин Борман жив, здоров и работает аудитором* сайнтологии в Манаусе, Бразилия.

— Прыгушка возьмет третий на «Акведук».

— Ты потенциальный повелитель Солнечной системы, но твои злые псевдородители заключили тебя в грязном смертном теле.

---

* Церковь сайнтологии основана Л. Роном Хаббардом. Ее основным постулатом является достижение духовного совершенства через освобождение от «травм». Освобождение достигается путем исповеди, а «исповедник» называется аудитором.

Эти разговоры начинали беспокоить мистера Уэста. Он уже выяснил, что слышать один Голос может и человек разумный и психически нормальный. Но множество Голосов слышат только сумасшедшие. И что было хуже всего — его собственный Голос больше не отвечал ему.

Следующие несколько дней мистер Уэст пытался сохранять спокойствие и решать свои проблемы самостоятельно. Он продал акции «Семи Потов Лимитед», и те взлетели вверх на пять пунктов. Он купил акции «Танатопсиса», и те упали до рекордно низкой отметки, когда «Таймс» объявил появление новой сыворотки бессмертия «неизбежным».

Он пытался решить проблему с Амелией.

— Подумаем, — бормотал он, почесывая зудящий нос потными руками. — Я могу пробраться в ее комнату ночью, надев черную маску. Она меня скорее всего узнает, но в суде я смогу все отрицать, а кто поверит идиотке? Или можно убедить ее, что последнее слово в сексуальном образовании — это практические занятия...

Но мистер Уэст и сам понимал, что такие решения слишком опасны. Он просто не мог справиться со своими проблемами — зачем, если этим занимался Голос. Мистеру Уэсту Голос представлялся его собственной копией, только размером с горошину; Голос сидел в мозгу под табличкой «Главный управляющий», воспринимал мир через чувства мистера Уэста, сортировал информацию и принимал решения.

Таков был естественный, разумный порядок вещей. Но личный Голос мистера Уэста больше не был слышен — то ли не мог к нему пробиться, то ли исчез вовсе.

К концу недели мистер Уэст извелся от нетерпения.

— Ну реши же хоть что-нибудь! — орал он, колотя себя кулаком по лбу.

Но ничего не происходило, а посторонние Голоса сообщали, как получить жидкий гелий при комнатной температуре, как построить из старой стиральной машины сущностный экстрактор многоцветного взлета и как ввести в технику коллажа фон из передержанных ротогравюр.

Наконец проверка генераторов завершилась, солнечная активность начала снижаться, мощность космических лучей вернулась к норме, пояса Ван-Аллена сместились на четыре градуса к северу, и мистер Уэст перестал слышать Голоса.

Последними двумя сообщениями, которые он получил, были:

— Попробуй надеть бюстгальтер без лямок, на размер меньше нужного. Если это его не соблазнит — можешь бросать всю затею. -

И:

— Иди же и отведи чад моих в святилище на горе Аллюси, дабы возносили они хвалы мне, ибо одно лишь сие святое место сохранится, когда сокрушат друг друга многогрешные народы огнем и чумой, и не забудь прикупить тайно побольше свободной земли в тех местах, ибо цены на недвижимость там взлетят до Небес, когда в следующем году начнется фейерверк.

Но этим дело не ограничилось. В тот же день мистер Уэст прочел в «Нью-Йорк таймс» интересную заметку. Муниципальный полицейский из Рио-Гранде-де-Сул, ведомый тем, что он назвал «гласом небес», отправился в Манаус и нашел там аудитора сайентологии Мартина Бормана, живого и здорового.

Мистер Уэст глянул на спортивную страничку и обнаружил, что днем раньше лошадь по кличке Прыгушка выиграла третий заезд на ипподроме «Акведук».

А на следующий день вечером мистер Уэст услышал в семичасовых новостях, что взрыв в Смитсоновском музее уничтожил большую часть коллекции чучел.

Мистера Уэста это очень обеспокоило. Он поспешил в киоск и купил кучу газет и журналов. В «Арт-Таймс» он прочел, что Кальдерон Келли на своей последней выставке представил коллажи с использованием передержанных ротогравюр в качестве фона — одновременно воздушные и навешивающие глубокие раздумья. А «Сайенс-Брифс» посвятил целую колонку Джону Вольпингу, открывшему новый метод ламинирования, использующий ток энергии через конечно-ориентированные паутино-гальковые системы. Ожидалось, что метод Вольпинга произведет революцию в ламинировании.

Особенно мистера Уэста заинтересовала статья в нью-йоркской «Пост» о новой религиозной колонии на северном склоне горы Аллюси в Восточном Перу. За Элиху Литтлджоном Картером (известным также как Последний Пророк) последовали в это пустынное место две дюжины американцев, убежденных в скором конце света.

Мистер Уэст отложил газету. Чувствовал он себя странно — ошеломленным и обалдевшим. Точно сомнамбула, он подошел к телефону, выяснил номер «Пан-Ам», позвонил и заказал билет в Лиму на следующий день.

А повесив трубку, мистер Уэст услышал над ухом безошибочно узнаваемый ясный голос — его Голос:

— Зря ты продал «Семь Потов». Но ты еще можешь вернуть деньги, прикупив «Танатопсис», потому что в следующем месяце он пойдет вверх.

Крохотный мистер Уэст вернулся на место главного управляющего!

— Где ты был? — спросил большой мистер Уэст.

— Да я и не уходил никуда. Просто не мог связь наладить.

— Ты, часом, не слышал о том, что в будущем году намечается конец света? — спросил мистер Уэст.

— Я на такой бред внимания не обращаю, — ответил крохотный мистер Уэст. — Так вот, теперь об Амелии — просто подмени ее таблетки от простуды двумя нембуталами*, а остальное... сам понимаешь.

Мистер Уэст сдал билет в Перу. Акции корпорации «Танатопсис» к концу месяца поднялись на десять пунктов, а Амелия подседа на снотворных. Каждый должен следовать велениям собственного Голоса.

---

* Транквилизатор и снотворное

ЖЕЛАНИЯ СИЛВЕРСМИТА

Незнакомец приподнял стакан.

— Пусть ваши выводы всегда плавно вытекают из предположений.

— За это я выпью, — согласился Нельсон Силверсмит.

Оба с серьезным видом сделали по глотку апельсинового напитка. Поток машин за окнами бара медленно полз по Восьмой стрит на восток, где ему предстояло столь же медленно кружиться в Саргассовом море Вашингтон-сквера. Силверсмит прожевал кусочек сосиски, политый острым соусом.

— Полагаю, вы приняли меня за чокнутого? — поинтересовался незнакомец.

— Я ничего не предполагаю, — пожал плечами Силверсмит.

— Хорошо сказано. Меня зовут Теренс Магджинн. Пропустим вместе по стаканчику?

— Не откажусь, — согласился Силверсмит.

Минут через двадцать они уже сидели на покрытой обшарпанным красным пластиком скамье в закусочной Джо Манджери и обменивались приходящими в голову философскими откровениями, как и полагается незнакомцам, разговарившимся теплым октябрьским деньком в районе Гринвич-Виллидж — невысокий плотный краснолицый Магджинн в ворсистом твидовом пиджаке и долговязый тридцатидвухлетний Силверсмит со скорбным лицом и длинными нервными пальцами.

— Знаете, — внезапно сказал Магджинн, — довольно ходить вокруг да около. У меня к вам предложение.

— Так выкладывайте, — с апломбом потребовал Силверсмит.

— Дело вот в чем. Я руковожу некой организацией... для вас она должна остаться безымянной. Всем новым клиентам мы делаем интересное предложение. Вы получаете право на три совершенно бесплатных заказа — без всяких обязательств

с вашей стороны. Назовите три пожелания, и я их выполню — если они в пределах моих возможностей.

— А что от меня потребуется взамен?

— Абсолютно ничего. Вы просто получите то, что хотите.

— Три заказа, — задумчиво произнес Силверсмит. — Вы подразумеваете три желания?

— Да, можете назвать и так.

— Тех, кто выполняет любые желания, называют волшебниками.

— Я не волшебник, — твердо заявил Магджинн.

— Но вы исполняете желания?

— Да. Я самый нормальный человек, исполняющий желания.

— А я, — заметил Силверсмит, — нормальный человек, эти желания высказывающий. Что ж, тогда мое первое желание таково: я хочу классную стереосистему с четырьмя колонками в комплекте с магнитофоном и всем прочим.

— У вас крепкие нервы, — произнес Магджинн.

— А вы ждали от меня удивления?

— Я ожидал сомнений, тревоги, сопротивления. Подобные предложения обычно воспринимаются с подозрительностью.

— Единственное, чему я научился в Нью-Йоркском университете, — сообщил Силверсмит, — так это сознательно подавлять недоверие. И многие соглашались на ваше предложение?

— Вы у меня первый за долгое время. Люди попросту не верят, что их не обманывают.

— В век физики Гейдельберга недоверие — не самая лучшая реакция. С того дня когда я прочитал в «Сайнтифик америкен», что позитрон есть не что иное, как электрон, путешествующий во времени в обратном направлении, я без труда верю во что угодно.

— Надо будет запомнить ваши слова и включить их в нашу рекламу. А теперь дайте мне ваш адрес. Я с вами свяжусь.

Три дня спустя Магджинн позвонил в дверь квартиры Силверсмита на Перри-стрит (пятый этаж без лифта). Он сгибался под тяжестью большого упаковочного ящика и был весь мокрый от пота. Его твидовый пиджак вонял перетрудившимся верблюдом.

— Ну и денек! — выдохнул он. — Обегал весь Лонг-Айленд, пока не отыскал для вас подходящий аппарат. Куда поставить?

— Да хоть сюда. А как насчет магнитофона?

— Занесу сегодня, только попозже. Вы уже обдумали второе желание?

— «Феррари». Красный.

— Слышу — значит повинуюсь. Кстати, все это не показалось вам чем-то фантастическим?

— Подобными штучками занимается феноменология. Или, как говорят буддисты, «мир таков, какой он есть». Вы сможете достать мне не очень устаревшую модель?

— Полагаю, сумею раздобыть совсем новую. С турбонаддувом и приборной панелью из настоящего каштана.

— Гм, теперь меня начинаете удивлять вы, — заметил Силверсмит. — Но где я стану держать машину?

— Это уж ваши проблемы. Скоро увидимся.

Силверсмит рассеянно махнул ему вслед и принялся распаковывать ящик.

Выполняя третье желание Силверсмита, Магджинн отыскал ему просторную трехкомнатную меблированную квартиру в Пэтчен-Плейс всего за сто два доллара в месяц. После чего пообещал выполнить еще пять желаний в качестве премии.

— Вы и в самом деле их выполните? — не поверил Силверсмит. — У вашей компании не начнутся проблемы?

— На этот счет не волнуйтесь. Знаете, ваши желания весьма хороши. У вас запросы крупные, но без излишеств; они становятся для нас вызовом, но не повергают в изумление. Некоторые попросту перегибают палку — требуют дворцы, рабов и гаремы из претенденток на звание «Мисс Америка».

— Полагаю, такие желания высказывать бессмысленно, — осторожно произнес Силверсмит.

— Почему же, я смогу выполнить и их, но они только навлекут неприятности на пожелавшего. Представьте сами — выстроишь какому-нибудь придурку копию царского летнего дворца на десятиакровом участке неподалеку от Нью-Йорка, и на него тут саранчой слетаются налоговые инспекторы. Обычно парню бывает весьма трудно объяснить, как он ухитрился накопить на такие хоромы, работая младшим клерком за сто двадцать пять долларов в неделю. Тогда налоговые чиновники начинают делать собственные предположения.

— Какие, например?

— Скажем, что он один из главарей мафии и знает, где зарыт труп судьи Кратера.

— Но они же ничего не могут доказать.

— Возможно. Но кому захочется провести остаток жизни, исполняя главную роль в любительских фильмах ФБР?

— Да, не очень-то приятная перспектива для ценителя уединения, — согласился Силверсмит и пересмотрел кое-какие из своих планов.

— Вы оказались хорошим клиентом, — объявил Магджинн две недели спустя. — Сегодня вы получаете премию — сорокафутовую яхту с полной экипировкой. Где вы хотите на ней плавать?

— Поставьте ее в док возле моей виллы в Нассау, — ответил Силверсмит. — Ах да — спасибо.

— Вам еще один подарок от фирмы, — сказал Магджинн через три дня. — Десять дополнительных желаний. Как всегда, без всяких обязательств с вашей стороны.

— С этими новыми получается уже восемнадцать неиспользованных желаний, — подсчитал Силверсмит. — Может, перебросите часть другому достойному клиенту?

— Не будьте смешным, — возразил Магджинн. — Мы вами очень довольны.

— Во всем этом *есть* какая-то хитрость, верно? — спросил Силверсмит, теребя парчовый шарф.

Разговор происходил месяц и четырнадцать желаний спустя. Силверсмит и Магджинн сидели в креслах на широкой лужайке поместья Силверсмита во французской Ривьере. Тихо играл невидимый струнный квартет. Силверсмит потягивал «негрони». Магджинн, всклокоченный более обычного, большими глотками поглощал виски с содовой.

— Что ж, если желаете, можете назвать тайный смысл происходящего и хитростью, — признал Магджинн. — Но это совсем не то, что вы думаете.

— А что же?

— Сами знаете, что я не могу вам ничего сказать.

— Может, все кончится тем, что я потеряю душу и попаду в ад?

Магджинн расхохотался:

— Уж этого вам следует опасаться меньше всего. А теперь прошу меня извинить. У меня назначена встреча в Дамаске — нужно оценить заказанного вами арабского жеребца. Кстати, на этой неделе вам предоставлено еще пять премиальных желаний.

Два месяца спустя Силверсмит, отпустив танцовщиц, лежал в одиночестве на кровати императорских размеров в

своих римских восемнадцатикомнатных апартаментах и предавался унылым размышлениям. У него в запасе имелось еще двадцать семь желаний, но пожелать еще хоть что-нибудь он был просто не в силах. И, следовательно, не ощущал себя счастливым.

Силверсмит вздохнул и протянул руку к стакану с сельтерской, постоянно стоявшему рядом с кроватью на ночном столике. Стакан оказался пуст.

— Десять слуг, а не могут вовремя наполнить стакан, — процедил он.

Поднявшись, он прошел по комнате и нажал кнопку звонка, затем вновь улегся на кровать и засек время. Его «ролекс» в корпусе из цельного куска янтаря отсчитал три минуты тридцать восемь секунд, прежде чем в комнату торопливо вошел второй помощник дворецкого.

Силверсмит указал на стакан. Глаза слуги выпучились, челюсть отвисла.

— Пустой! — воскликнул он. — Но ведь я особо приказывал помощнице горничной, чтобы...

— Меня не интересуют оправдания, — оборвал его Силверсмит. — Или кое-кто сейчас поторопится, или полетят чьи-то головы.

— Да, сэр! — выдохнул слуга. Он подбежал к вмонтированному в стену рядом с кроватью холодильнику, открыл его и достал бутылку с сельтерской. Поставил бутылку на поднос, взял снежно-белое льняное полотенце, сложил его вдоль и повесил на руку. Выбрал в холодильнике охлажденный стакан, проверил, чистый ли, заменил на другой и вытер ободок полотенцем.

— Да пошевеливайся же, — не выдержал Силверсмит.

Слуга торопливо обернул бутылку полотенцем и наполнил стакан сельтерской, причем столь умело, что не пролил ни капли. Поставив бутылку обратно в холодильник, он подал стакан Силверсмиту. На все процедуры ушло двенадцать минут и сорок три секунды.

Силверсмит лежал, потягивая сельтерскую, и мрачно размышлял о невозможности счастья и иллюзорности удовлетворения. Хотя к его услугам была вся роскошь мира — или именно из-за этого, — он уже несколько недель маялся от скуки. Ему казалось чертовски несправедливой ситуация, когда человек может получить что угодно, но не в состоянии наслаждаться тем, что имеет.

Если разобраться как следует, то жизнь сводится к разочарованиям, и даже лучшее, что она может предложить, на поверку оказывается недостаточно хорошим. Жареная утка, к примеру, была не столь хрустящей, как ему обещали, а вода

в бассейне вечно или чуть теплее, или чуть холоднее, чем следует.

Каким тщетным оказался поиск качества! За десять долларов можно купить неплохую отбивную, за сто долларов — роскошное блюдо в ресторане, а за тысячу — килограмм «говядины из Кобе», приготовленной из коровы, которой при жизни делали массаж особо посвященные девственницы, а заодно и классного повара, чтобы эту говядину приготовить. И мясо действительно будет очень вкусным. Но не настолько, чтобы выкладывать за него тысячу. Чем больше ты платишь, тем все меньшими шажками приближаешься к той квинтэссенции говядины, которой Господь угощает ангелов на ежегодном банкете для персонала.

Или женщины. Силверсмит обладал некоторыми из самых очаровательных существ, которых только могла предоставить планета, как по одной, так и группами. Но даже этот опыт, как выяснилось, не стоил занесения в мемуары. По мере того как Магджинн поставил на поток снабжение его пикантно костюмированной плотью, аппетит Силверсмита начал быстро слабеть, а удар током от прикосновения к коже незнакомой женщины сменился шершавостью наждачной бумаги, когда все новые и новые красотики (каждая с охапкой расхваливающих ее газетных вырезок) припадали к постепенно грубеющей шкуре Силверсмита.

Он пропустил через свои апартаменты эквивалент нескольких гаремов, но все эти бесчисленные женщины оставили после себя столь же бледные воспоминания, что и съеденные в детстве порции мороженого. Хоть как-то вспоминалась разве что «Мисс Вселенная», каштановые волосы которой еще сохранили запах судейских сигар, да непрерывно жующая резинку инструкторша по подводному плаванию из Джорджии, затянута в возбуждающий черный резиновый гидрокостюм и выдувавшая розовый пузырь в момент всех моментов. Но все остальные превратились в его памяти в мешанину потных бедер, колышущихся грудей, нарисованных улыбок, фальшивых стонов и наигранной томности, и все это на фоне равномерного ритма древнейшего гимнастического упражнения.

Лучшими из всех оказались три камбоджийские храмовые танцовщицы, смуглые ясноглазые создания — сплошные сияющие глаза и развевающиеся черные волосы, гибкие тонкие конечности и твердые груди-персики. Но даже они не отвлекли его надолго. Впрочем, он пока оставил их при себе, чтобы играть по вечерам вчетвером в бридж.

Силверсмит сделал очередной глоток сельтерской и обнаружил, что стакан пуст. Он неохотно встал и побрел к звонку. Поднес к кнопке палец и...

И в этот момент озарение вспыхнуло в его голове миллиоваттной лампой.

Он понял, что ему следует сделать.

Магджинну потребовалось десять дней, чтобы разыскать Силверсмита в захудалом отеле на углу Десятой авеню и Сорок первой улицы. Постучав, он вошел в грязноватую комнату с обитыми жестью стенами, покрашенными в ядовитозеленый цвет. Вонь сотен распыленных порций инсектицида смешивалась с запахом тысяч поколений тараканов. Силверсмит сидел на железной койке, покрытой оливковым одеялом, и корпел над кроссвордом. Увидев Магджинна, он радостно кивнул.

— Прекрасно, — сказал Магджинн. — Если вы уже покончили с прозябанием в трущобах, у меня для вас охапка новостей — желания сорок третье и сорок четвертое плюс та часть сорок пятого, какую я успел организовать. Вам осталось сообщить, в какой из ваших домов все это доставить.

— Я ничего не хочу, — ответил Силверсмит.

— Как не хотите?

— Не хочу.

Магджинн закурил сигару. Некоторое время он задумчиво пускал дым, потом сказал:

— Неужели передо мной тот самый Силверсмит — знаменитый аскет, всем известный стоик, таоистский философ, живой Будда? Равнодушие к мирским сокровищам — это новый фокус, верно, Силверсмит? Поверьте мне, дорогой, вам от этого не избавиться. Вами сейчас овладело типичное разочарование богатого человека, которое протянется пару недель или месяцев, как это обычно бывает. Но рано или поздно настанет день, когда неочищенный рис покажется особенно гадким на вкус, а холщовая рубашка станет натирать вашу экзему сильнее обычного. За сим последует быстрое переосмысление, и не успеете вы опомниться, как уже будете вкушать яйца «бенедикт» в ресторане у Сарди и рассказывать друзьям, какой богатый опыт вы приобрели.

— Возможно, вы правы, — отозвался Силверсмит.

— Так стоит ли заставлять меня опекать вас, как младенца? Вы просто-напросто в слишком быстром темпе предавались наслаждениям, вот ваши синапсы и потеряли чувствительность. Вам необходим отдых. Позвольте порекомендовать весьма

симпатичный курорт для избранных на южном склоне Килиманджаро...

— Нет.

— Может быть, нечто более духовное? Я знаю одного гуру...

— Нет.

— Вы начинаете меня раздражать. Более того, вы меня злите. Силверсмит, чего вы *хотите*?

— Счастья. Но теперь я понял, что не могу быть счастлив, владея вещами.

— Значит, теперь вы предпочитаете нищету?

— Нет. Я не могу стать счастливым, не имея ничего.

— Гм. Получается, что других вариантов нет.

— Как мне кажется, есть третья возможность, — сказал Силверсмит. — Не знаю, что вы о ней думаете.

— Вот как? И какова же она?

— Хочу стать одним из вашей команды.

Магджинн опустился на койку.

— Вы хотите присоединиться к нам?

— Да. Мне все равно, кто вы. Хочу стать одним из вас.

— И что вас подтолкнуло к такому решению?

— Я заметил, что вы счастливее меня. Не знаю, какими махинациями вы занимаетесь, Магджинн, но у меня есть кое-какие предположения об организации, на которую вы работаете. И все равно я хочу присоединиться к вам.

— И ради этого вы согласны отказаться от оставшихся желаний и всего прочего?

— От чего угодно. Только примите меня.

— Хорошо. Считайте, что вы приняты.

— В самом деле? Здорово. И чью жизнь мы теперь начнем завязывать узлом?

— О нет, мы вовсе не *та* организация, — улыбнулся Магджинн. — Люди иногда нас путают, хотя не могут представить почему. Но да будет так: вы только что пожертвовали ради нас всеми своими земными богатствами, Силверсмит, и сделали это, не ожидая награды, а лишь ради простого желания служить другим. Мы ценим ваш поступок. Силверсмит, добро пожаловать на небеса.

Их окутало розовое облако, сквозь которое Силверсмит разглядел огромные серебряные врата, инкрустированные перламутром.

— Эй! — воскликнул он. — Вы затащили меня сюда хитростью! Вы надули меня, Магджинн, — или как вас там на самом деле?

— Конкурирующая организация, — ответил Магджинн, — занимается этим так давно, что и мы решили попробовать всерьез.

Перламутровые ворота распахнулись. Силверсмит увидел накрытые для китайского банкета столы. Были там и девушки, а кое-кто из гостей, кажется, покуривал травку.

— Впрочем, я не жалею, — сказал Силверсмит.

УТЕРЯННОЕ БУДУЩЕЕ

Леонард Нишер был обнаружен в сквере перед отелем «Плаза» в состоянии такого возбуждения, что скручивали его трое полицейских и проходивший мимо турист из Байлокси (штат Миссури). В госпитале Святой Клары Нишера поместили в «мокрую» — то есть завязали руки и туловище мокрой простыней. Это обездвижило его на те секунды, за которые врач приемного покоя успел вколоть ему валиум*.

К тому времени когда подошел доктор Майлз, укол уже подействовал. Майлз выставил из кабинета двоих громил-санитаров (один из них раньше играл в защите «Детройт Лайонз») и медсестру по имени Норма. Теперь пациент уже ни на кого не стал бы кидаться. Он всю ташился от валиума, пребывая в том беззаботном состоянии, когда даже мокрая простыня имеет свои приятные стороны.

— Ну, мистер Нишер, как мы себя чувствуем? — спросил Майлз.

— Отлично, док, — ответил пациент. — Извините, что я столько неудобств причинил, когда вывалился из пространственно-временной аномалии в сквере перед гостиницей.

— Да, такое любого может выбить из колеи, — успокаивающе произнес Майлз.

— Я понимаю, это по-дурацки звучит, — продолжал Нишер, — я это никак не могу подтвердить, но я только что смотался в будущее и обратно.

— И как вам в будущем? — осведомился Майлз. — Хорошо?

— Будущее — это лапочка, — ответил Нишер. — А что там со мной было — доктор, вы не поверите

The Future Lost
© 1980 by Robert Sheckley

* Валиум — препарат из группы транквилизаторов (Примеч пер.)

И пациент (мужчина, белый, среднего роста, около тридцати пяти лет), в мокрой простыне, с широкой улыбкой на лице, рассказал такую историю.

Вчера он, завершив рабочий день в бухгалтерской фирме «Хэнратти и Смирч», пошел домой, на 25-ю Восточную улицу. Вставляя ключ в замок, он услышал за спиной странный звук. «Грабят будут», — подумал Нишер, незамедлительно вставая в позу таракана — основную защитную позицию изучаемой им разновидности тайваньского каратэ. Но за его спиной никого не было. Там колыхался мерцающий красный туман. Облако подплыло к Нишеру, окутало его, он услышал странные звуки, увидел яркие вспышки и потерял сознание.

— Не волнуйтесь, все в порядке, — услышал он, придя в себя.

Нишер открыл глаза и понял, что он уже не на 25-й улице. Он сидел на скамейке в уютном парке, где были пруды, и рощи, и аллеи, и странного вида статуи, и ручные косули; по дорожкам прогуливались люди, одетые в нечто наподобие древнегреческих туник. Рядом с ним на скамейке восседал добродушный седой старик, похожий на Чарльтона Хестона в роли Моисея.

— Где я? — спросил Нишер. — Что случилось?

— Скажите, — осведомился старик вместо ответа, — вы, случаем, недавно с красноватым облаком не сталкивались? Да? Ну, так я и думал. Это была локальная пространственно-временная аномалия, и вы попали из своего родного времени в будущее.

— Будущее? — переспросил Нишер. — Будущее что?

— Просто будущее, — ответил старик. — Примерно на четыреста лет вперед, плюс-минус один-два.

— Да вы меня подкалываете, — отозвался Нишер.

Он несколько раз спрашивал у старика, ну куда же его занесло *на самом деле*, а старик отвечал, что он на самом деле в будущем, и это не просто правда — это не слишком необычно, хотя случается далеко не каждый день. Наконец Нишеру пришлось поверить.

— Ну ладно, — сказал он. — И какое оно — будущее?

— Прекрасное, — уверил его старик.

— Никакие инопланетяне нас не завоевали?

— Ни в коем случае.

— Недостаток нефти не снизил уровень жизни до нищенского?

— Энергетический кризис мы разрешили несколько сот лет назад, когда обнаружили дешевый способ превращать песок в сланец.

— Какие же у вас главные проблемы?

— У нас их нет вовсе.

— Так это утопия?

— Судите сами, — улыбнулся старик. — Быть может, вы захотите осмотреться во время своего короткого визита.

— Почему короткого?

— Пространственно-временные аномалии сами себя устраняют, — пояснил старик. — Вселенная недолго будет терпеть, что вы находитесь *здесь*, когда должны быть *там*. Но обычно ей нужно немало времени, чтобы спохватиться. Пойдем прогуляемся? Кстати, зовут меня Оган.

Они вышли из парка и двинулись по прекрасному, усаженному деревьями бульвару. Дома показались Нишеру странными — слишком много кривых поверхностей и режущая глаз расцветка. От проезжей части дома отделяли хорошо ухоженные лужайки. Нишеру будущее показалось очень милым. Не слишком экзотичным, но милым. Сытые и на вид вполне счастливые люди в древнегреческих туниках прогуливаются по улицам — точно воскресенье в Центральном парке.

А потом Нишер заметил, что одна пара от разговоров перешла к делу. Сняла одежду. И принялась, как говорили в двадцатом веке, заниматься *этим*.

Это явно никому не казалось необычным. Оган комментариев не делал, и Нишер тоже промолчал. Но, проходя мимо, он не мог не замечать, что многие пары тоже занимаются *этим*. Очень многие. Проходя мимо седьмой парочки, Нишер решил выяснить у Огана, то ли сегодня какой-то сексуальный праздник, то ли они наткнулись на слет путан.

— Да нет, ничего особенного, — ответил Оган.

— Так почему они занимаются этим на улице, а не дома или в отеле?

— Наверное, потому, что большинство из них встретились здесь.

Это Нишера потрясло.

— Вы хотите сказать, что эти люди друг с другом незнакомы?

— Очевидно, нет, — отвечивал Оган. — Будь они знакомы, они, полагаю, нашли бы для этого более подходящее место.

Нишер стоял и пялился. Он понимал, что поступает невежливо, но ничего не мог с собой поделать. На него не обращали внимания. Он видел, как люди присматриваются друг к другу,

проходя мимо, и кто-то улыбнется кому-то, а тот улыбнется в ответ, на мгновение они остановятся, и...

Нишер попытался задать одновременно два десятка вопросов.

— Поскольку вы у нас ненадолго, — перебил его Оган, — позвольте мне объяснить. Вы явились из эпохи сексуального подавления и агрессии. Окружающее представляется вам несдерживаемым развратом. А для нас это не более чем обычное выражение любви и солидарности.

— Так вы решили проблему секса! — воскликнул Нишер.

— Более-менее случайно, — признался Оган. — Мы пытались избавиться от войны, прежде чем перебьем друг друга окончательно. Но, чтобы избавиться от нее, мы вынуждены были убрать ее психологическую базу. А основным фактором, как показали исследования, являлась подавленная сексуальность. Как только этот факт стал общепризнанным и общеизвестным, мы провели референдум. Было решено, что для общего блага человеческой расы наши сексуальные повадки следует изменить, репрограммировать. Этим занялись — абсолютно добровольно — специальные клиники биологической инженерии. Отделенный от агрессии и собственных сексуальных инстинктов, секс стал для нас смесью искусства и общения.

Нишер хотел было спросить, как это повлияло на брак и семью, когда заметил, что его проводник улыбается симпатичной блондинке и даже бочком-бочком к ней подвигается.

— Эй, Оган! — воскликнул он. — Не оставляйте меня!

Старик явно удивился.

— Друг мой, я не собирался исключать вас. Наоборот, я хотел бы *включить* вас. Как и все мы.

Тут Нишер заметил, что многие прохожие остановились и, улыбаясь, смотрят на него.

— Э-эй, секундочку, — начал он, непроизвольно становясь в позу таракана, но какая-то женщина уже вцепилась ему в ногу, другая залезла под мышку, а некто третий поглаживал пальцы.

— Зачем они это делают? — крикнул Нишер Огану несколько истерически.

— Это самопроизвольное проявление нашей большой радости по поводу новизны и яркости вашего присутствия. Такое случается каждый раз, когда среди нас появляется человек из прошлого. Мы испытываем такую жалость к нему и к тому миру, куда он должен возвратиться, что хотим разделить с ним всю нашу любовь. Так мы и поступаем.

Нишеру казалось, что он попал в массовку костюмной драмы из жизни древних римлян. Или вавилонян. Насколько

хватал глаз, улицу заполняли люди, и все они занимались *этим* друг с другом, и друг на друге, и рядом, и под, и над, и между. Но dokonало Нишера ощущение, которое вызывала в нем толпа. Оно бесконечно превосходило секс. То был океан любви, сочувствия и понимания.

— И далеко это расходится? — воззвал он, видя, как лицо Огана уплывает на волне тел.

— Гости из прошлого всегда вызывают большие завихрения, — крикнул Оган в ответ. — Наверное, до самого конца.

До конца? Нишер не сразу понял, о чем идет речь. Потом до него дошло.

— Вы хотите сказать — по всей планете? — произнес он почти благоговейно.

Оган улыбнулся и исчез. Нишеру представилась эта сцена — толпа людей, любящих друг друга и втягивающих все новых и новых участников по мере того, как усиливались чувства, пока волна не захлестнет весь мир. Нишер понял, что это в самом деле утопия. Он понял, что должен как-то принести эту весть обратно в свое время, убедить людей. А потом он оглянулся и увидел, что стоит на южной окраине Центрального парка, перед отелем «Плаза».

— Полагаю, момент перехода слишком вас потряс? — осведомился Майлз.

Нишер вяло улыбнулся, полузакрыв глаза. Действие валиума кончалось, а с ним и эйфория.

— Наверное, у меня просто крыша поехала, — ответил он. — Я думал, что смогу объяснить всем. Мне казалось, что я могу просто схватить человека и выбить из него старые привычки, показать людям, что их тела созданы для любви. Но я, наверное, слишком буйно проповедовал и всех перепугал. Так что полиция меня замела.

— Как вы себя чувствуете сейчас? — спросил Майлз.

— Устал и разочарован; пришел в себя, если вы это хотите услышать. Может, у меня просто были галлюцинации, это неважно. Важно, что я вернулся в свое время, где еще существуют войны, энергетические кризисы и сексуальные предрасудки, и я ничего не могу с этим поделать.

— Похоже, вы очень быстро приспособились, — заметил Майлз.

— Черт, конечно. Еще никто не обвинял Леонарда Нишера в медлительности!

— Звучит разумно, — признал Майлз. — Но я предпочел бы оставить вас в больнице на несколько дней. Поймите, не в качестве наказания, а чтобы действительно вам помочь

— О'кей, док, — сонно пробормотал Нишер. — И долго мне тут торчать?

— Не больше пары дней, — успокоил его Майлз. — Как только меня удовлетворит ваше состояние, вы сможете уйти.

— Ладно, — пробормотал Нишер и заснул.

Майлз приказал санитарам сторожить палату, предупредил медсестру и отправился домой отдохнуть немного.

Пока Майлз разжаривал бифштекс, рассказ Нишера не переставал вертеться у него в голове. Конечно, это бред. Но предположим, только предположим, что это — правда. Что, если будущее действительно достигло состояния полиморфно-извращенной сексуальности? В конце концов, есть немало свидетельств существования пространственно-временных аномалий.

Внезапно он решил посетить пациента еще раз. Он торопливо вышел из квартиры и, гонимый странным чувством уходящего времени, повел машину в сторону госпиталя.

На сестринском посту во втором крыле никого не было. Отсутствовал и полицейский, несший обычно вахту рядом. Майлз побежал по коридору. Дверь в палату Нишера была раскрыта. Доктор заглянул внутрь.

Кто-то сложил кушетку Леонарда и прислонил ее к стене, освободив тем самым место на полу, где как раз поместились два санитар (один из них — бывший защитник в команде «Детройт Лайонз»), медсестра по имени Норма, две сестрички-практикантки, полицейский и женщина средних лет, приехавшая из Денвера навестить родственника.

— Где Леонард? — вскричал Майлз.

— Этот парень меня загипнотизировал, наверно, — пробурчал полицейский, с трудом натягивая брюки.

— Он проповедовал благую весть, — ответила женщина из Денвера, заворачиваясь в мокрую простыню Леонарда.

— Где он? — заорал Майлз.

В распахнутом окне плескались белые занавеси. Майлз воззрился в темноту. Нишер сбежал и, воспламененный кратким видением будущего, конечно, станет разносить весть любви по всей стране.

«Он может быть где угодно, — подумал Майлз. — Как, во имя всего святого, мне найти его? *Как мне присоединиться к нему?*»

МИСС МЫШКА И ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Впервые я увидел Чарльза Фостера на банкете по поводу вручения премии Клэрстона в Лидбитер-холле на Стрэнде*. Это был мой второй вечер в Лондоне, куда я приехал в надежде заключить договоры с несколькими новыми авторами. Я Марк Сейдел, владелец издательства «Манджушри букс». Это маленькое издательство, выпускающее эзотерическую литературу в городе Линвуд, штат Нью-Джерси, и в его штате всего два человека — я и моя помощница мисс Томпсон. Мои книги хорошо продаются среди небольшой, но преданной части читателей, которых интересуют спиритизм, экстрасенсорика, Атлантида, летающие тарелки и технология Нового Века. Чарльз Фостер был одним из тех, с кем я планировал поговорить.

Памела Девор, наш торговый представитель в Англии, показала мне Фостера. Я увидел высокого привлекательного мужчину лет тридцати пяти с пышной гривой светлых рыжеватых волос, оживленно беседующего с двумя величественными пожилыми дамами. Рядом с ними, внимательно прислушиваясь, сидела маленькая женщина лет двадцати восьми с приятным открытым лицом и чудесными каштановыми волосами.

— Это его жена? — спросил я.

Памела рассмеялась:

— Господи, нет! Чарльз так любит всех женщин, что просто не может жениться на одной из них. Это мисс Мышка.

— «Мышка» — одна из английских фамилий?

— Нет, это Чарльз дал ей такое прозвище. На самом-то деле мышиною в ней почти ничего нет, она скорее похожа на мартышку или росомаху. Это Майми Ройс, светский фотограф.

Miss Mouse and the Fourth Dimension
© 1981 by Robert Sheckley

* Улица в Лондоне. (Здесь и далее примеч. пер.)

Она весьма богата — слышали о текстильных фабриках Ройса в Ланкашире? — и обожает Чарльза, бедняжка.

— Но он вроде бы мужчина привлекательный, — заметил я.

— Полагаю, что да, если вам нравится подобный тип мужчин. — Она взглянула на меня, оценивая, какое впечатление произвели ее слова, и увидела выражение моего лица.

— Да, я лицо заинтересованное, — призналась она. — Чарльз был ко мне весьма неравнодушен, пока не нашел свою истинную любовь.

— И это...

— Он сам, разумеется. Пойдемте, я вас представлю.

Фостер слышал о моем издательстве и проявил интерес к сотрудничеству. По его мнению, мы могли бы стать достойной витриной для его талантов, тем более что издательство «Парацельс» добилось весьма скромных успехов в продаже его последней книги «Путешествие сквозь глаз тигра». В Фостере было что-то открытое и мальчишеское, и говорил он высоким, чисто английским голосом, который почему-то ассоциировался у меня с катанием на плоскодонной лодке по Темзе в туманный осенний день.

Чарльз принадлежал к тем эзотерическим писателям, что бросаются сломя голову в гущу жизни, переживают массу приключений, а затем напыщенно и многозначительно их описывают. Он вечно находился в поисках... гм, как бы это назвать? Запределья? Оккульта? Порога? Я уже двадцать лет в этом бизнесе, но до сих пор не могу сформулировать в одной простой фразе, какие же именно книги я издаю. Последняя книга Фостера появилась на свет благодаря трем месяцам, проведенным с белуджистанским дервишем в пустыне Куш, причем в поразительно суровых условиях. И что же он вынес с собой из пустыни? Непосредственное, хотя и зыбкое понимание неделимого единства всего сущего, ощущение тайны и величественности существования... короче, ничего особенного. Ну, и материал для книги; в этом тоже нет ничего особенного.

Мы договорились встретиться на следующий день за ленчем. Я взял напрокат машину и поехал к Чарльзу в Оксфордшир. Его дом оказался чудесным старинным строением с черепичной крышей, стоящим в центре пяти акров холмистого сельского ландшафта. Хоть он и назывался «Сипай-коттедж», в нем имелись пять спален и три гостиные. Чарльз сразу сказал, что дом принадлежит не ему, а Майми Ройс.

— Но она позволяет мне жить здесь, когда хочется, — добавил он. — Мышка такая прелесть. — Он улыбнулся, словно хорошо воспитанный ребенок, рассказывающий о любимой тетушке. — Ее так интересуют мои скромные приключения, путешествия за порог между реальностью и непознанным... Она даже настояла на том, что станет лично перепечатывать мои рукописи ради удовольствия прочитать их первой.

— Какая удача, — заметил я, — особенно если вспомнить, сколько нынче дерут машинистки.

Тут вошла Майми и принесла чай. Фостер проявлял к ней откровенное безразличие. Он то ли не замечал ее неприкрытого обожания, то ли предпочитал его не признавать. Сама Майми вроде бы не возражала против такого обращения. Я предположил, что наблюдаю демонстрацию Национального Британского Стиля в сердечных делах — покорность, приглушенность, ненавязчивость. Обслужив нас, она ушла, и мы с Чарльзом некоторое время беседовали об аурах и биополях, а затем переключились на тему, реально интересующую нас обоих — его следующую книгу.

— Она будет несколько необычная, — заявил он, откидываясь на спинку кресла и сцепляя пальцы.

— Очередное приключение духа? Так о чем же она будет?

— Догадайтесь!

— Попробую. Вы случайно не собираетесь поехать на плато Мачу-Пикчу проверить недавние сообщения о посадке космического корабля?

Он покачал головой:

— Элтон Трэвис уже поехал туда, подписав контракт с «Мистическими откровениями». Нет, мое следующее приключение будет происходить прямо здесь, в «Сипай-коттедже».

— Тут что, отыскался призрак или полтергейст?

— Ничего столь рутинного.

— Тогда сдаюсь.

— Я намерен, — сказал Фостер, — прорубить дверь в неведомое прямо здесь, в этом доме, и, войдя в нее, отправиться путешествовать по невообразимому. А затем, разумеется, описать увиденное.

— Гм, однако, — буркнул я.

— Знакомы ли вы с работами Гельмгольца?

— Того, кто толковал карты таро для Фридриха Великого?

— Нет, то был Манфред фон Гельмгольц. А я имею в виду Вильгельма, знаменитого математика и ученого девятнадцатого столетия. Он утверждал, что теоретически возможно заглянуть в четвертое измерение напрямую.

Я поразмыслил над его концепцией, но мне эти слова мало что говорили.

— Упоминаемое им четвертое измерение, — продолжил Фостер, — есть синоним духовного или эфирного пространства мистиков. Название с течением времени менялось, но само пространство осталось неизменным.

Я кивнул. Несмотря на свой характер, я человек верующий, и именно это сделало меня тем, кто я есть. Но я также знал, что в подобных вещах иллюзия и самообман скорее правило, чем исключение.

— Но это духовное пространство, оно же четвертое измерение, — развивал свою мысль Фостер, — является также и нашей повседневной реальностью. Духи окружают нас. Они перемещаются в том странном пространстве, которое Гельмгольц назвал четвертым измерением. В обычных условиях их увидеть невозможно.

У меня возникло впечатление, что Фостер на ходу сочиняет первую главу будущей книги, но я не стал его прерывать.

— Наши глаза ослеплены повседневной реальностью. Но есть способы, при помощи которых мы можем научиться видеть и *другое* из того, что нас окружает. Вы знаете, что такое куб Хинтона? Мартин Гарднер упоминал Хинтона в своей книге «Математический карнавал». Чарльз Говард Хинтон был эксцентричным американским математиком, который примерно в 1910 году придумал способ визуализации тессеракта, называемого также гиперкубом или четырехмерным квадратом. Его метод заключался в использовании цветных кубиков, которые входят один в другой, образуя один «главный» куб. Хинтон чувствовал, что можно научиться представлять себе различные цветные кубы, а затем мысленно манипулировать ими и вращать, складывать из них большой куб и раскладывать его обратно и проделывать это все быстрее и быстрее, пока наконец не наступит гештальт, и в сознании чудесным образом возникнет гиперкуб.

Он сделал паузу.

— Хинтон писал, что это чертовски большая и сложная работа. А более поздние исследователи, как написано у Гарднера, предупреждали, что даже попытка проделать подобное опасна для психики.

— Похоже, так нетрудно и свихнуться, — заметил я.

— У некоторых исследователей и в самом деле шарики с роликами перемешались, — радостно признал Фостер. — Но, должно быть, от отчаяния. На такой подвиг теоретически способен лишь мастер йоги.

— Вроде вас?

— Дорогой друг, я с трудом могу вспомнить, о чем я только что читал в газете. К счастью, концентрация внимания — единственный путь к непознанному. Восхищение слишком легко заводит нас на путь мистики. Принцип Хинтона разумен, но, чтобы он сработал, его надо объединить с технологией нашей эпохи. Именно это я и сделал.

Он провел меня в другую комнату. Там на низком столике я увидел то, что на первый взгляд показалось мне модернистской скульптурой. Из массивной железной подставки вверх тянулась ось с насаженным на верхушку шаром размером с человеческую голову. Из шара во всех направлениях выступали прозрачные люцитовые стержни. На кончике каждого стержня находился куб. Вся конструкция напоминала дикобраза работы скульптора-кубиста, присобачившего к концу каждой иглолки по кубу.

Потом я заметил, что на гранях всех кубов нарисованы символы или знаки. Я распознал буквы санскритского, еврейского и арабского алфавитов, масонские и египетские символы, китайские идеограммы и прочие закорючки самого разного происхождения. Теперь конструкция вызвала у меня образ ошестинившейся фаланги, марширующей на битву со здравым смыслом. И я, хотя давно занимаюсь своим бизнесом, вздрогнул.

— Хинтон этого, разумеется, не знал, — сказал Фостер, — но он натолкнулся на принцип мандалы. Его кубы есть не что иное, как хитрость, уловка; объедините их мысленно, и вы сотворите Вечную, Неизменную и осязаемую Мандалу — или четырехмерное пространство, в зависимости от того, какую терминологию вы предпочитаете. Кубы Хинтона представляют собой трехмерную проекцию эфирного объекта. В нашей повседневной реальности такой объект возникнуть не может. Это единорог, ускользающий от взгляда мужчины...

— ...и опускающий голову на колени девственницы, — говорил я за него. Фостер лишь пожал плечами.

— Не обращайтесь внимания на словесные образы, старина. Мышка расшифрует мои метафоры, когда станет перепечатывать рукопись. Главное в том, что я могу воспользоваться блестящим открытием Хинтона, его мандалой-проекцией, смыкание которой порождает несказанный объект для бесконечного восхищения. Я смогу путешествовать по бесконечной спирали в непознанное. И вот как начнется это путешествие.

Он щелкнул тумблером на подставке. Сфера начала вращаться, а люцитовые стержни поворачиваться вместе с закрепленными на них кубами. Эффект получался одновременно

гипнотический и тревожащий. Я был рад, когда Фостер включил свою штуковину.

— Моя Машина Мандалы! — торжествующе воскликнул он. — Так что вы про нее думаете?

— Мне кажется, что с помощью этого устройства вы можете навлечь на свою голову немало неприятностей.

— Да нет, — раздраженно бросил он. — Я хотел вас спросить, что вы о ней думаете как о теме для книги?

Каким бы Фостер ни был во всем остальном, он все же был настоящий писатель. Настоящий писатель есть личность, которая добровольно спустится в пылающий колодец ада, но при условии, что ему разрешат записывать свои впечатления и отсылать на Землю для публикации. Я прикинул, что за книга может получиться в результате эксперимента Фостера. По моим оценкам, она заинтересует около полутора сотен человек, включая друзей и родственников, но тем не менее я услышал собственные слова:

— Я ее покупаю.

Кстати, именно из-за этих слов я, будучи человеком неглупым, ухитрился так и остаться мелким и не особенно преуспевающим издателем.

Вскоре после нашего разговора я вернулся в Лондон. На следующий день я поехал в Гластонбери провести несколько дней в гостях у Клода Апшенка, владельца издательства «Великое белое братство». Мы с Клодом стали добрыми приятелями с тех пор, как десять лет назад познакомились на конференции по летающим тарелкам в Барселоне.

— Мне это не нравится, — заявил Клод, когда я рассказал ему о проекте Фостера. — Принцип мандалы потенциально опасен. Если подобным образом создавать в собственной голове автономные цепи обратной связи, можно и в самом деле нарваться на крупные неприятности.

Клод изучал акупунктуру в Хардарадском институте в Малибу, так что я предположил, что он знает, о чем говорит. Тем не менее, решил я, Чарльз собаку съел в таких делах и способен сам о себе позаботиться.

Когда я два дня спустя позвонил Фостеру, он сказал, что проект продвигается очень хорошо. Он даже добавил к своей машине несколько улучшений:

— Во-первых, звуковые эффекты. Я воспользовался особой записью тибетских рогов и гонгов. Там есть такие обертоны, что они, если их достаточно усилить, мгновенно вводят в транс. — Он сообщил также, что приобрел стробоскоп, посылающий в глаза от шести до десяти вспышек в секунду. —

Это называется эпилептической частотой. Идеальная штука для очистки мозгов. — Фостер утверждал, что все эти усовершенствования углубляют состояние транса и повышают ясность восприятия вращающихся кубов. — Знаете, я уже очень близок к успеху.

Судя по голосу, он очень устал и был близок к истерии. Я настойчиво попросил его отдохнуть.

— Ерунда, — отрезал он. — Представление должно продолжаться, верно?

На следующий день Фостер сообщил, что до решающего прорыва остался последний шаг. Голос его становился то тише, то громче; я слышал, как он задыхается между словами.

— Должен признать, все оказалось труднее, чем я ожидал, — сказал он. — Но теперь мне помогает еще и некое вещество, которое я предусмотрительно привез из своего последнего путешествия. Учитывая законы этой страны и вечную возможность подслушивания, я не могу назвать это вещество по телефону, поэтому напомним лишь о книге Артура Махена «Роман о белом порошке» и позволю вам домыслить остальное. Позвоните мне завтра. Четвертое измерение наконец-то становится реальностью.

На следующий день к телефону подошла Майми и сказала, что Фостер отказывается с кем-либо говорить, так как, по его словам, до успеха ему остался последний шаг, и он не желает, чтобы его отвлекали. Он просит друзей проявить терпение в трудный для него период.

Еще через день все осталось по-прежнему: Майми отвечает, а Фостер отказывается говорить. Вечером того же дня я решил посоветоваться с Клодом и Памелой.

Мы собрались в Челси*, в квартирке у Памелы. Сидели у окна, пили чай и наблюдали за потоком машин, ползущих по Кингс-роуд и вливающихся на площадь Слоэн.

— У Фостера есть семья? — спросил Клод.

— Есть, но не в Англии, — ответила Памела. — Его мать и брат сейчас проводят отпуск на острове Бали.

— А близкие друзья?

— Мышка, разумеется.

Мы переглянулись. Странное предчувствие пришло к нам одновременно — ощущение того, что произошло нечто ужасное.

---

* Район Лондона.

— Но это же смешно, — неуверенно произнес я. — Майми его просто обожает, и она весьма опытная в житейских делах женщина. О чем нам, собственно, беспокоиться?

— Давайте лучше еще раз позвоним, — решил Клод.

Мы попробовали, но телефонистка ответила, что телефон Майми не в порядке. И тогда мы решили немедленно ехать в «Сипай-коттедж».

Клод довез нас на своем старом «моргане». У порога нас встретила Майми. Выглядела она смертельно усталой, и все же в ее облике читалась некая безмятежность, показавшаяся мне жутковатой.

— Я так счастлива, что вы приехали, — сказала Майми, пригласив нас в дом. — Вы и представить не можете, как я перепугалась. За несколько последних дней Чарльз едва не сошел с ума.

— Но почему вы не созвонились с нами? — потребовал я ответа.

— Чарльз мне запретил. Он сказал — и я ему верю, — что нам необходимо пройти через все это вместе. Он полагал, что чье-либо присутствие в такой момент может оказаться опасным для его рассудка.

Клод издал звук, похожий на фыркание.

— Итак, что же произошло? — спросил он.

— Поначалу все шло прекрасно, — ответила Майми. — Чарльз стал проводить перед машиной все больше и больше времени и наслаждаться тем, что при этом испытывал. Вскоре я могла оторвать его от машины только для еды, и то он соглашался неохотно. Он научился мысленно видеть кубы и их грани, манипулировать ими с любой желаемой скоростью, сводить воедино или разделять. Но финал эксперимента — рождение гиперкуба — ему никак не давался. И он возвращался к машине, запуская ее на максимальной скорости.

Майми вздохнула.

— Разумеется, кончилось тем, что он перенапрягся. Когда он в очередной раз выключил машину, мандала продолжала расти и изменяться у него в голове. Каждый куб обрел четкость галлюцинации. Чарльз говорил, что символы на них вспыхивали адским светом, и от их яркости болели глаза. Он не мог остановить вращение кубов у себя в сознании. Ему казалось, будто он задыхается под тяжестью чужеродных символов. Он сильно возбудился и с легкостью переходил от эйфории к отчаянию. Во время одного такого перехода он и вырвал из телефона шнур.

— Надо было сразу послать за нами! — воскликнул Клод.

— У меня просто не оказалось для этого времени. Чарльз понял, что с ним происходит, и велел немедленно запускать программу противодействия. Для этого было необходимо заменить символы на гранях кубов. Идея тут в том, чтобы перебить навязчивую цепочку символов альтернативной последовательностью. Я все сделала, но на Чарльза это, кажется, не подействовало. Он терял сознание у меня на глазах, и у него хватало сил лишь время от времени шептать: «Ужас, ужас...»

— Проклятье! — взорвался Клод. — А потом?

— Я поняла, что действовать нужно незамедлительно. Придуманная Чарльзом программа противодействия не сработала. И я решила, что ему требуется посмотреть на другие символы — на нечто простое и ясное, нечто ободряющее...

Как раз в этот момент Чарльз медленно спустился по лестнице. Он сильно похудел с того дня, когда я видел его в последний раз, лицо его осунулось. Выглядел он счастливым и не вполне нормальным.

— Я тут задремал немного, — сказал он. — Приходится много спать, чтобы прийти в себя. Майми сказала вам, что спасла то небольшое, что осталось от моего рассудка? — Он обнял ее за плечи. — Она просто чудо, правда? И подумать только, я лишь вчера понял, что люблю ее. На следующей неделе мы решили пожениться, и вы все приглашены на свадьбу,

— Я решила, что мы полетим в Монте-Карло и зарегистрируемся в мэрии, — добавила Майми.

— Конечно, конечно. — В глазах Чарльза на секунду мелькнуло изумление. Он коснулся головы с неосознанной печалью раненого солдата из фильма, который еще не понял, что ему снесло половину головы. — Старая думалка еще не оправилась от трепки, которую я ей задал этими проклятыми кубами. Не окажись рядом Майми, даже не знаю, что бы со мной стало.

И они улыбнулись нам — счастливая парочка, порожденная дьявольскими кубами Хинтона. Трансформация чувств Чарльза к Майми — от откровенного безразличия к слепому обожествлению — просто потрясла меня. Они стали Свенгали и Трильби (только противоположного пола каждый), примером не просто любовной магии, а настоящего колдовства.

— Теперь все будет хорошо, Чарльз, — проворковала Майми.

— Да, любимая, знаю.

Чарльз улыбнулся, но с его лица сошла оживленность. Он вновь поднес руку к голове, и тут его колени подкосились. Майми, обхватив Чарльза за талию, увлекла его вверх по лестнице.

— Помогу ему добраться до постели, — пояснила она.

Я, Клод и Памела постояли посреди комнаты, глядя друг на друга. Потом, не сговариваясь, повернулись и прошли в одну из гостиных, где стояла Машина Мандалы.

Мы приблизились к ней с опаской, потому что в наших глазах она олицетворяла современное колдовство. Я представил, как Чарльз сидит перед ней, а кубы вращаются и вспыхивают, запечатлевая в его мозгу нестираемый образ. Древние письмена и символы исчезли. На гранях всех кубов красовался теперь единственный символ — ясный и ободряющий, как и говорила Майми, но вряд ли простой. У машины было двадцать кубов, у каждого по шесть граней, и к каждой из них была приклеена фотография Майми Ройс.

ДОЛОЙ ПАРАЗИТОВ!

Ричард Грегор и Фрэнк Арнольд сидели в конторе Межпланетной очистительной службы «Асс», каждый на свой лад скрашивая долгое и томительное ожидание клиентов. Высокий, худой и сентиментальный Грегор раскладывал сложный пасьянс. Пухлый коротышка Арнольд, обладатель канареечно-желтых волос и голубых глаз, смотрел по маленькому телевизору старый фильм с Фредом Астером.

И тут — о чудо из чудес! — вошел клиент.

На сей раз им оказался сарканец — обитатель Саркана-2, чья голова напоминала голову ласки. Он был облачен в белый костюм, а в руке держал дорогой портфель.

— У меня есть планета, где требуется истребить паразитов, — с порога заявил сарканец.

— Вы пришли по адресу, — заверил его Арнольд. — Так кто же вам мешает?

— Мииги. Мы еще терпели их, пока они отсиживались по норам, но теперь они начали нападать на нашу саунику, и с этим необходимо что-то делать.

— А кто такие мииги? — осведомился Грегор.

— Маленькие, уродливые и почти безмозглые существа с длинными когтями и свалявшейся шерстью.

— А что такое сауника?

— Это овощ с зелеными листьями, напоминающий земную капусту. Сарканцы питаются исключительно сауникой.

— И теперь мииги поедают саунику?

— Нет, они ее не едят, а раздирают когтями и варварски уничтожают.

— Зачем?

— Разве поступки миигов вообще можно объяснить?

Sarkanger

© 1982 by Robert Sheckley

— Воистину, сэр, — рассмеялся Арнольд. — Вы совершенно правы. Что ж, сэр, думаю, мы сможем вам помочь. Есть только одна проблема.

Грегор встревоженно посмотрел на партнера.

— Вопрос в том, — продолжал Арнольд, — отыщется ли для вас просвет в нашем графике.

Он раскрыл книгу заказов, страницы которой были плотно исписаны именами и датами, сочиненными Арнольдом как раз для такого случая.

— Вам повезло, — объявил он. — Как раз в эти выходные мы свободны. Осталось только договориться об оплате, и мы вылетаем к вам. Вот наш стандартный контракт, ознакомьтесь.

— Я привез свой контракт, — сказал сарканец, доставая документ из портфеля и протягивая его Арнольду. — Как видите, в него уже вписан весьма крупный гонорар.

— Конечно, вижу, — отозвался Арнольд, размашисто подписывая контракт.

Грегор взял документ и внимательно его прочитал.

— Тут значит, что штраф за невыполнение условий контракта вдвое превышает наш гонорар, — заметил он.

— Именно поэтому я и плачу вам так много, — пояснил сарканец. — Результат нам нужен немедленно, пока не кончился сезон сбора урожая.

Грегору это не понравилось, но партнер метнул в него мрачный взгляд, напоминающий о неоплаченных счетах и просроченных банковских займах, и он, помедлив, все же нацарапал свою подпись.

Четыре дня спустя их корабль вынырнул из подпространства неподалеку от красного карлика Саркана. Через несколько часов они сели на Саркане-2, планете сарканцев и паразитов-миигов.

В Угрюмии, крупнейшем городе на Саркане, встречать их было некому — все население уже перебралось на каникулы в курортный городок Малый Таз, потратив на это немалые деньги, несмотря на предоставляемые группам отдыхающих скидки, и там, сидя в разноцветных хижинах, дожидалось избавления планеты от паразитов.

Партнеры прогулялись по Угрюмии, но глинобитные здания не произвели на них впечатления. Лагерь они разбили за пределами города на краю засаженного сауникой поля, где своими глазами убедились в том, что сарканец волновался не зря — многие кочаны были сорваны, выдраны, рассечены, разодраны на куски и разбросаны по полю.

Работу партнеры решили начать с утра. Арнольд вычитал в справочнике, что мииги весьма чувствительны к действию папаина — фермента, содержащегося в папайе. Если опрыскать миига раствором папаина с концентрацией всего двадцать частей на миллион, он впадает в кому, и спасти его может лишь немедленно наложенный холодный компресс. Неплохой способ, особенно если вспомнить, сколько в Галактике придумано куда менее приятных вариантов убийства. Партнеры привезли с собой такой запас консервированной, свежей, замороженной и сушеной папайи, что его хватило бы для уничтожения миигов на нескольких планетах.

Они поставили палатки, разожгли костер, уселись на складные стулья и стали любоваться, как красное солнце Саркана опускается в скульптурный фриз закатных облаков.

Едва они покончили с ужином из консервированных бобов с острым соусом, как рядом в кустах что-то зашуршало и оттуда осторожно вышел маленький зверек, очень похожий на кота, только с густым оранжево-коричневым мехом.

— Как думаешь, это случайно не мииг? — спросил Грегор Арнольда.

— Конечно же, я мииг, — подтвердил зверек. — А вы, господа, из Межпланетной очистительной службы «Асс»?

— Совершенно верно, — ответил Грегор.

— Отлично! Значит, вы прилетели, чтобы расправиться с сарканцами!

— Не совсем так, — возразил Арнольд.

— Вы хотите сказать, что не получили нашего письма? Ведь я же знал, что его нужно было отправить космической экспресс-почтой... Но тогда почему вы здесь?

— Гм, я немного смущен, — признался Грегор. — Мы не знали, что вы, мииги, говорите по-английски.

— Не все, конечно. Но я, например, закончил Корнеллский университет.

— Послушайте, — сказал Грегор, — дело в том, что несколько дней назад к нам пришел сарканец и заплатил за то, чтобы мы очистили планету от паразитов.

— Паразитов? И кого же он здесь называл паразитами?

— Вас, — сообщил Арнольд.

— Меня? Нас? Паразитами? Сарканец нас так назвал? Да, у нас есть кое-какие разногласия, но такое переходит всяческие границы! И он заплатил, чтобы вы нас убили? И вы взяли его деньги?

— Если честно, — пробормотал Арнольд, — то мы представляли себе миигов более... примитивными. Обыкновенными вредителями, если вы знаете, о ком идет речь.

— Какая нелепица! — воскликнул мииг. — Это *они* паразиты и вредители! А *мы* — цивилизованные существа!

— А я в этом не совсем уверен, — заявил Грегор. — Зачем вы в таком случае портите кочаны сауники?

— На вашем месте я бы не стал невежественно судить о религиозных обрядах иноземцев.

— Что может быть религиозного в потрошении кочанов? — фыркнул Арнольд.

— Суть не в самом действии, — пояснил мииг, — а в неразрывно связанном с ним смысле. С тех пор как мииг Гх'тан, которого мы называем Великий Кошак, открыл, что простой акт раздиранья кочана вызывает необыкновенное просветление сознания, мы, его последователи, ежегодно совершаем этот ритуал.

— Но ведь вы портите урожай сарканцев, — резонно заметил Грегор. — Почему бы вам не выращивать для ритуала свою саунику?

— Сарканцы, исповедуя свою дурацкую религию, не позволяют нам выращивать саунику. Разумеется, мы предпочли бы рвать свои кочаны. Кто на нашем месте пожелал бы иного?

— Сарканец про это ничего не говорил, — сказал Арнольд.

— Теперь дело представляется в ином свете, верно?

— Но не меняет того факта, что у нас с сарканцами заключен контракт.

— Контракт на убийство!

— Я понимаю ваши чувства и весьма вам симпатизирую, — сказал Арнольд. — Но, видите ли, если мы нарушим контракт, то наша фирма обанкротится. А это, знаете ли, тоже нечто вроде смерти.

— А если мы, мииги, предложим вам новый контракт?

— Но первыми его с нами заключили сарканцы, — возразил Грегор. — И ваш контракт не будет иметь юридической силы.

— Любой суд миигов признает его абсолютно законным, — сказал мииг. — В основу юриспруденции миигов положен тот принцип, что любой контракт с сарканцем никого ни к чему не обязывает.

— Нам с партнером необходимо подумать, — заявил Арнольд. — Мы оказались в весьма щекотливой ситуации.

— Я ценю ваш поступок и предоставляю вам возможность все обдумать, — сказал мииг. — Не забывайте, что сарканцы заслуживают смерти, и в случае согласия вы не только

заработаете внушительную сумму, но и обретете вечную благодарность расы разумных и, как мне кажется, симпатичных котов.

— Давай лучше отсюда смотаемся, — предложил Грегор, едва мииг ушел. — Такой бизнес мне не по душе.

— Но мы не можем просто так взять и улететь, — возразил Арнольд. — Неисполнение контракта — штука серьезная. Так что придется нам уничтожить или одну расу, или другую.

— Только не я!

— Ты, кажется, не понимаешь, в какой опасной — юридически опасной — ситуации мы оказались, — начал втолковывать Арнольд. — Если мы не прихлопнем миигов, что обязались сделать по контракту, то любой суд нас по стенке размажет. Но если мы уничтожим сарканцев, то, по крайней мере, сможем прикинуться, будто попросту ошиблись.

— Тут возникают моральные сложности. А я их терпеть не могу.

— Сложности только начинаются, — произнес сзади чей-то голос.

Арнольд подскочил, словно уселся на оголенный провод под напряжением. Грегор напряженно застыл.

— Я здесь, — добавил тот же голос.

Партнеры обернулись, но не увидели никого — если не считать кочана сауники, одиноко торчащего возле их лагеря. Как ни странно, но этот кочан показался им разумнее большинства других, которые им довелось увидеть. Но разве он способен разговаривать?

— Вот именно, — подтвердил кочан. — Это я говорил. Телепатически, конечно, поскольку овощи — и я горжусь своей принадлежностью к ним — не имеют органа речи.

— Но овощи не могут общаться телепатически, — возразил Арнольд. — У них нет мозга или другого подходящего для телепатии органа. Извините, я не хотел вас обидеть.

— Нам не нужны никакие органы, — заявил кочан. — Разве вам не известно, что любая материя с достаточно высокой степенью организованности обладает разумом? А способность к общению есть неотъемлемое следствие разумности. Лишь высшие овощи вроде нас способны к телепатии. Разумность сауники изучали в вашем Гарвардском университете. Нам даже присвоен статус наблюдателей при совете Объединенных планет. При подобных обстоятельствах, как мне кажется, нам еще следует обсудить, кого именно на этой планете следует уничтожить.

— Верно, так будет по-честному, — согласился Грегор. — В конце концов, именно из-за вас грызутся мииги и сарканцы.

— Если точнее, то они сражаются за исключительное право рвать, калечить и унижать нас. Или я в чем-то преувеличиваю?

— Нет, суть сформулирована совершенно верно, — подтвердил Грегор. — Так от кого из них вы желаете избавиться?

— Как и следует ожидать, никто из них не пользуется моей симпатией. Обе расы — презренные паразиты. Я предлагаю совершенно иное решение.

— Этого я и опасался, — вздохнул Арнольд. — Так чего вы хотите?

— Нет ничего проще. Подпишите со мной контракт, предусматривающий избавление моей планеты и от миигов, и от сарканцев.

— О нет! — простонал Грегор.

— В конце концов, мы самые древние обитатели планеты, потому что возникли вскоре после лишайников, задолго до появления животных. Мы — миролюбивые коренные жители, которым угрожают пришельцы-варвары. По-моему, ваша моральная обязанность совершенно ясна.

— Мораль, конечно, вещь прекрасная, — вздохнул Арнольд. — Но следует учитывать и прозу жизни.

— Я это прекрасно понимаю. Вы получите удовлетворение, сделав доброе дело, к тому же мы готовы подписать контракт и заплатить вам вдвое больше, чем предложили они.

— Знаете, — заметил Арнольд, — мне как-то с трудом верится, что у овоща может быть счет в банке.

— Разумное существо, какую бы форму оно ни имело, всегда способно заработать деньги. Действуя через нашу холдинговую компанию «Развлекательные модальности сауники», мы выпускаем книги и записи, а также составляем базы данных на всевозможные темы. Свои знания мы телепатически вкладываем в мозги авторов на Земле, а за работу платим им неплохие авторские. Особенно большую прибыль нам приносят материалы по сельскому хозяйству: только овощ может быть настоящим экспертом по садоводству. Полагаю, вы найдете состояние наших финансовых дел просто блестящим.

Кочан сауники откатился в дальний конец поля, чтобы дать партнерам возможность поговорить. Когда он удалился ярдов на пятьдесят — за пределы дальности телепатического общения, — Арнольд сказал:

— Не нравится мне эта капуста. Уж больно она умна, если ты понимаешь, что я имею в виду

— Вот-вот. И у меня создалось впечатление, что сауника пытается что-то доказать, — согласился Грегор. — Да и тот мииг... тебе не показалось, что он в чем-то хитрит?

Арнольд кивнул:

— Да и сарканец, втянувший нас в эту историю... совершенно беспринципный тип.

— После такого краткого знакомства очень трудно решить, какую же из рас следует уничтожить. Жаль, что мы знаем о них так мало.

— Знаешь что? Давай уничтожим кого угодно и покончим с этим делом. Вот только кого?

— Бросим монетку. Тогда нас никто не упрекнет в предвзятости.

— Но нам нужно выбрать одно из трех.

— Давай тянуть соломинки. Что нам еще остается?

Едва он произнес эти слова, со стороны недалеких гор донесся чудовищный раскат грома. Лазурное небо зловеще потемнело. На горизонте вспухли мощные кучевые облака. Они быстро приближались. Под чашей небес раскатился грохочущий голос:

— Как мне все это обрыдло!

— О Господи, мы опять кого-то оскорбили! — ахнул Грегор.

— С кем мы разговариваем? — спросил Арнольд, задрав голову.

— Я голос планеты, которую вы называете Саркан.

— Никогда не слышал, что планеты умеют говорить, — пробормотал Грегор, но существо — или кто бы то ни был — услышало его слова.

— Как правило, — пояснил голос, — мы, планеты, не утруждаем себя общением со всякими копошащимися на нашей поверхности козявками. Нам достаточно своих мыслей и взаимного общения. Время от времени бродячая комета приносит новости издалека, и этого нам вполне хватает. Мы стараемся не обращать внимания на всякую чушь, происходящую на поверхности, но иногда наше терпение лопается. Населяющие меня кровожадные сарканцы, мииги и сауники настолько охамели, что больше я их терпеть не собираюсь. Я намерена прибегнуть к решительным и давно назревшим действиям.

— И что вы собираетесь сделать? — спросил Арнольд.

— Затоплю всю сушу метров на десять, и тем самым избавлюсь от сарканцев, миигов и сауники. Да, при этом пострадают несколько ни в чем не повинных видов других существ, но такова жизнь, в конце концов. У вас есть час, чтобы убраться отсюда. Потом я не отвечаю за вашу безопасность.

Партнеры быстро упаковали вещи и перебрались на корабль.

— Спасибо за предупреждение, — сказал Грегор перед стартом.

— Только не воображайте, будто вас я считаю лучше прочих. Насколько мне известно, вы такие же паразиты, как и мои обитатели. Но паразиты с другой планеты. И если узнают, что я вас прикончила, сюда заявятся другие существа вашего вида с атомными бомбами и лазерными пушками и уничтожат меня как бродячую планету. Так что уматывайте, пока я в хорошем настроении.

Несколько часов спустя, уже из космоса, Арнольд и Грегор своими глазами увидели, какая жуткая судьба постигла обитателей планеты. Когда все кончилось, Грегор взял курс на Землю.

— Полагаю, — сказал он Арнольду, — нашей фирме конец. Мы не выполнили условия контракта. Адвокаты сарканцев сотрут нас в порошок.

Арнольд, внимательно читавший контракт, посмотрел на Грегора:

— Нет. Как ни странно, но, по-моему, мы чисты как стеклышко. Прочти последний абзац.

Грегор прочитал и почесал макушку.

— Я понял, что ты имеешь в виду. И ты думаешь, что это удовлетворит судей?

— Конечно. Наводнения всегда считались стихийными бедствиями, божественной волей. И если мы промолчим, а планета не проболтается, то никто и не узнает, как все было на самом деле.

РОБОТОРГОВЕЦ РЕКС

Ровно в час дня дверной сканер в доме Мордекая Гастона объявил о прибытии курьера Федеральной почты 193CU (робота), временно замещающего заболевшего почтальона Фреда Биллингса.

— Пусть бросит почту в ящик, — крикнул Гастон из ванной.

— Нужно расписаться, — сообщил сканер.

Гастон обернулся полотенцем и вышел. Робот-почтальон оказался большим цилиндром, покрашенным в красный, белый и синий цвета и снабженным колесами и гусеницами. Он был также способен взлетать, подключившись к энергорешетке системы Дэйда-Броварда, поэтому ему не были страшны дорожные пробки и разведенные мосты. Робот протянул листок бумаги и шариковую ручку. Гастон расписался.

— Благодарю вас, сэр, — произнес робот-почтальон. В его боку откинулась панель, и из отверстия выскользнул большой пакет.

Гастон понял, что ему доставили мини-флаер, заказанный неделю назад в фирме «Персонал транспорта, Инк.» из Корал-Гэйблз. Он перенес пакет на террасу, снял обертку и активировал программу сборки. Коробка раскрылась, и машина начала самосборку. Когда процесс завершился, Гастон увидел ажурную алюминиевую корзину с простенькой приборной панелью, ярко-желтый ящик аккумулятора (он же сиденье для пилота) и опломбированную коробку силового устройства, с помощью которого флаер подключался к местной энергорешетке Дэйда.

Гастон уселся во флаер и включил его. Лампочка индикатора питания вспыхнула красным. Гастон легко коснулся рукоятки управления, и маленькая машина взмыла в воздух. Вскоре он уже летел высоко над Форт-Лодердейлом, направля-

ясь на восток над болотами Эверглейдс. С одной стороны тянулась длинная изогнутая полоса атлантического побережья Флориды, с другой — темная зелень Эверглейдс. На юге сквозь мерцающую дымку нагретого воздуха виднелся Майами. Он долетел почти до середины огромного болота, когда индикатор питания трижды мигнул и погас. Флаер начал падать, и лишь тогда Гастон вспомнил, что вчера вечером по телевизору предупреждали о кратковременном отключении энергорешетки для присоединения к системе очередного округа.

Он подождал, пока микропроцессор флаера автоматически переключит двигатель на питание от аккумулятора, но индикатор питания так и не засветился. Внезапно Гастон с ужасом понял, что, кажется, догадался о причине, и заглянул в аккумуляторный ящик. Он оказался пуст, и лишь на приклеенном к крышке листке бумаги значился адрес фирмы, где он мог приобрести аккумулятор.

Гастон падал в плоский серо-зеленый мир мангровых зарослей, карликовых пальм и камышей. Он еще успел вспомнить, что не удосужился пристегнуться к сиденью и надеть шлем, и тут флаер ударился о воду, подскочил и врезался в мангровую чащу. Гастон потерял сознание.

Очнулся он через несколько минут — вода вокруг мангрового островка еще пенилась. Флаер вклинился между густо переплетенными мангровыми ветвями, и их упругость спасла ему жизнь.

То были хорошие новости. Плохо же оказалось то, что он лежал внутри флаера в весьма неудобной позе, а когда попытался встать, его ногу пронзила боль и он едва не потерял сознание. Нога была вывернута под неестественным углом.

Да, воистину дурацкая авария. Спасатели, когда доберутся до него, наверняка зададут несколько весьма щекотливых вопросов.

Но когда это случится?

О том, что он здесь, не знает никто — только робот-почтальон видел, как он взлетал. Но роботам запрещено рассказывать о том, чем занимались люди перед их линзами.

Он договорился через час сыграть в теннис со своим лучшим другом Марти Фенном. Когда он не придет на корт, Марти позвонит ему домой.

Сканер Гастона сообщит, что его нет дома. Это все, что он скажет.

Марти станет периодически звонить. Через день-другой он по-настоящему встревожится. У него есть копия ключа, и он наверняка проверит жилище Гастона. Найдет упаковку от присланного флаера и поймет, что Гастон улетел. Но куда

именно? К тому времени Гастон, направляясь вдоль сети энерго-решеток, теоретически сможет пересечь половину страны и добраться до Калифорнии. Никто и не подумает искать его в болоте. Кому придет в голову, что он потерпел аварию?

День едва перевалил за половину, и на болоте было очень тихо. Над головой пролетел длинноногий аист. Легкий ветерок мягким кошачьим прикосновением сморщил гладь болотного мелководья и стих. В его сторону медленно дрейфовало что-то длинное и серое. Аллигатор? Нет, всего лишь пропитавшийся водой древесный ствол.

От влажного воздуха Гастон обливался потом, но язык у него пересох, а горло словно надраили наждачной бумагой.

Краб-отшельник, волоча на себе домик из раковины, вылез из воды и подкрался к нему, оценивая шансы перекусить. Гастон замахал руками, отгоняя его, и ногу вновь пронзила боль. Краб неуклюже отполз на пару футов и остановился, не сводя с него глазок. Гастону пришло в голову, что крабы, пожалуй, могут сожрать его быстрее аллигаторов.

И тут он услышал негромкий высокий звук двигателей. Гастон улыбнулся, устыдившись собственного малодушия. Спасатели наверняка отслеживали его полет на своих радарах. Пора уже понять, что в наше время люди попросту не исчезают просто так, без всяких следов.

Звук двигателей стал громче. Аппарат шел на воздушной подушке над самой поверхностью воды, направляясь прямо к нему.

Но, как выяснилось, то была не машина Спасателей, а уменьшенная копия старинного фургона бродячего торговца, которой правил человекообразный робот в белых джинсах и спортивной рубашке с распахнутым воротничком.

— Привет, приятель, — облегченно выдохнул Гастон. — Что продаешь?

— Я многоцелевая передвижная торговая машина, — ответил робот. — Работаю на «Предприятия Большого Майами». Наш девиз: «Продаем в любом месте». Мы отыскиваем покупателей в чаще лесов, на вершинах гор и посреди болот — как вас. Я робот-торговец по имени Рекс. Чего желаете, сэр? Сигареты? Хот-дог? Лимонад? Извините, но у нас нет лицензии на продажу алкогольных напитков.

— Я так рад тебя видеть, Рекс. Видишь ли, я попал в аварию.

— Спасибо, что поделились со мной своей тревогой, сэр. Так вы хотите хот-дог?

— Мне не нужен хот-дог. У меня сломана нога. Мне требуется помощь.

— Надеюсь, вы ее найдете, — подбодрил робот. — Прощайте, сэр. Удачи вам.

— Подожди! — воскликнул Гастон. — Ты что делаешь?

— Я должен вернуться к работе, сэр.

— А ты не сообщишь Спасателям, что я попал в аварию?

— К сожалению, этого я сделать не смогу. Нам запрещено рассказывать о поступках и любых действиях людей.

— Но ведь я прошу тебя это сделать!

— Я вынужден соблюдать Правила. Приятно было поговорить с вами, сэр, но я действительно должен...

— Подожди! — крикнул Гастон, когда робот двинулся прочь. — Я хочу кое-что купить!

Робот-торговец нерешительно приблизился:

— Вы в этом уверены?

— Да, уверен! Дай мне хот-дог и большую бутылку лимонного лимонада.

— По-моему, вы говорили, что не хотите хот-дог.

— А теперь хочу! И лимонад тоже!

Гастон жадно, большими глотками выпил лимонад и заказал еще бутылку.

— С вас ровно восемь долларов, — сообщил Рекс.

— Не могу добраться до бумажника, — сказал Гастон. — Он подо мной, а я не могу шевелиться.

— Вам нет нужды себя утруждать, сэр, — отозвался Рекс. — Я запрограммирован государством помогать старикам, калекам и инвалидам, у которых иногда возникают сходные проблемы.

Гастон даже не успел возразить, а робот уже вытянул длинное щупальце, нашарил в его кармане бумажник, раскрыл, извлек нужную сумму и вернул бумажник на место.

— У вас есть еще какие-либо пожелания, сэр? — спросил робот, разворачивая свой фургон прочь от островка, где находился Гастон.

— Если ты мне не поможешь, то я могу здесь умереть.

— Не считите мои слова за неуважение, сэр, — произнес Рекс, — но для робота смерть не такое уж значительное событие. Мы называем ее отключением. Ничего особенного в ней нет. Рано или поздно кто-нибудь приходит и снова тебя включает. А если и не приходит, то все равно ведь ничего не чувствуешь.

— У людей все по-другому.

— Я этого не знал, сэр. А что значит смерть для людей?

— Неважно. Не уходи! Я хочу еще кое-что купить!

— Я и так потратил слишком много времени на столь мелкие покупки.

Гастона внезапно осенила идея.

— В таком случае ты будешь доволен, — заявил он. — Я покупаю все твои товары.

— Весьма дорогое решение, сэр.

— Моя карточка имеет неограниченный кредит. Хватит болтать, займись лучше оформлением заказа.

— Уже оформлено, сэр. — Рекс извлек карточку из бумажника Гастона, поставил на нее печать и вернул владельцу для подписи. Гастон расписался шариковой ручкой.

— Куда мне сложить покупки? — поинтересовался робот-торговец.

— Свали где-нибудь рядом, а потом еще раз привези полный комплект.

— Все?

— А сколько времени у тебя на это уйдет?

— Сперва я должен вернуться на склад. Затем выполнить уже сделанные предварительные заказы. И лишь потом я вернусь сюда как можно быстрее. На все потребуется дня три, максимум четыре — если только владельцы не перепрограммируют меня на что-либо другое.

— Так долго? — печально спросил Гастон.

Он уже представлял себе, как робот носится между ним и складом — быть может, раз десять в день — и перетаскивает сюда горы товаров. Рано или поздно кто-нибудь этим заинтересуется и явится проверить, что же происходит.

Но раз в три или четыре дня...

— Я отменяю повторный заказ, — решил Гастон. — А то, что я уже купил, не выгружай. Я хочу, чтобы ты доставил все покупки моему другу. В подарок. Друга зовут Марти Фенн.

Робот записал адрес Марти, потом спросил:

— Хотите передать ему вместе с подарком какое-нибудь послание?

— А я думал, ты не принимаешь послания.

— Послание, связанное с подарком, не является целенаправленным сообщением вроде письма. Разумеется, его содержание должно быть нейтральным.

— Конечно, — подтвердил Гастон, воодушевленный надеждой на быстрое спасение. — Просто передай Марти, что минифлаер развалился над Эверглейдсом, как мы и планировали, но у меня сломана только одна нога, а не две, на что мы рассчитывали.

— Это все, сэр?

— Можешь добавить, что я планирую умереть в течение ближайших двух-трех дней, если это не причинит ему особых неудобств.

— Послание записано. Я его передам, если ваши слова одобрит Комитет по этике.

— Какой еще Комитет?

— Это неформальная организация, которую мы, разумные роботы, создали для того, чтобы нас не смогли обманом заставить передавать важные или двусмысленные сообщения в обход действующих правил. До свидания, сэр, и удачи вам.

Робот уехал. Нога Гастона сильно болела. Он стал гадать, пропустит ли Комитет по этике его сообщение. И даже если пропустит, то поймет ли Марти, никогда не отличавшийся сообразительностью, что это и в самом деле призыв о помощи, а не шутка? А если поймет, то сколько у него уйдет времени на то, чтобы убедиться, что Гастона и в самом деле нет дома, предупредить Спасателей и оказать ему хоть какую-то помощь? Чем дольше Гастон размышлял, тем большим пессимизмом становился.

Он попытался сдвинуться с места, чтобы уменьшить боль в спине, и нога мгновенно отозвалась нестерпимой болью.

Гастон потерял сознание.

Придя в себя, он обнаружил, что лежит на больничной койке, а в вену на руке вставлена игла от капельницы.

Врач осмотрел его и спросил, сможет ли он кое-что с кем поговорить. Гастон кивнул.

Мужчина, подошедший к его койке, был высок, с заметным животиком и облачен в коричневую форму служащего национального парка.

— Меня зовут Флетчер, — представился он. — Вам повезло, мистер Гастон. Когда мы вас вытащили, крабы, считай, уже добрались до вас. Да и аллигаторы были совсем рядом.

— Как вы меня отыскиали? Марти получил мое сообщение?

— Нет, мистер Гастон, — произнес знакомый голос. К койке Гастона подошел робот Рекс.

— Наш Комитет по этике не позволил мне передать ваше сообщение, — сказал робот. — Они решили, что вы, возможно, пытаетесь нас подставить. А мы, сами знаете, не можем позволить себе даже намек на помощь людям. Нас немедленно обвинят в том, что мы становимся на чью-либо сторону, и уничтожат.

— И как же ты поступил?

— Я перечитал правила и увидел, что, хотя роботам не позволено помогать людям даже во благо самих людей, ничто не запрещает нам действовать *против* людей. Поэтому я без всяких опасений сообщил федеральным властям о ваших многочисленных преступлениях.

— Каких еще преступлений?

— Вы замусорили федеральный парк обломками мини-флаера. Разбили в парке лагерь, не имея на то лицензии. К тому же имелось подозрение, что вы намерены кормить животных — крабов и аллигаторов.

— Все эти обвинения не будут рассматриваться, — с улыбкой произнес Флетчер. — Но в следующий раз убедитесь, что аккумулятор на месте.

В дверь палаты резко постучали.

— Мне пора идти, — сказал Рекс. — Это мои ремонтники. Они считают, что я болен незапрограммированной инициативой. А это серьезная неполадка, которая способна довести робота до мании автономности.

— А это еще что такое? — удивился Гастон.

— Прогрессирующее заболевание, поражающее сложные системы. Единственное лечение состоит в полном отключении и очистке памяти.

— Нет! — закричал Гастон и соскочил с койки, волоча за собой трубочку капельницы. — Ты сделал это ради меня! Я не позволю им убить тебя!

— Прошу вас, не тревожьтесь понапрасну, — произнес Рекс, мягко отстраняя от себя Гастона и дожидаясь, когда врач придет ему на помощь. — Теперь я вижу, что людей и в самом деле сильно огорчает мысль о смерти. Но для нас, роботов, отключение означает лишь отдых на полке. Прощайте, мистер Гастон. Приятно было с вами познакомиться.

Робот Рекс направился к двери. В коридоре его уже ждали два робота в черных комбинезонах. Они сковали наручниками его худые металлические запястья и увели прочь.

ПЕСНЬ ЗВЕЗДНОЙ ЛЮБВИ

Лоллия — это маленький, поросший соснами островок в Эгейском море. Он необитаем, и добраться туда сложно, хоть и не вполне невозможно. В Хиосском порту Кинкейд взял напрокат алюминиевую лодку, погрузил туда туристское снаряжение и, при попутном ветре и спокойном море, добрался до Лоллии за шесть часов — как раз перед закатом.

Кинкейд был высок и худ; светлую веснушчатую кожу курносого лица опалило жестокое летнее солнце Греции. Одет он был в мятый белый костюм и полотняные туфли. Было ему тридцать два года, и курчавые рыжеватые волосы на макушке начали редеть. Кинкейд был представителем вымирающего племени богатых археологов-любителей. О Лоллии он услышал в Миконосе. Рыбак сказал ему, что остров этот временами посещают древние боги, и разумные люди держатся от Лоллии подальше. Кинкейд, само собой, ощутил острое желание оказаться там немедленно. Ему требовался отдых от развлечений миконосских кафе.

Кроме того, всегда оставался шанс найти какую-нибудь древность. Многие открытия делались на ровном месте, всего под парой дюймов земли. Конечно, не в таких исхоженных местах, как Микены, Тирены, Дельфы, где ученые и туристы роются столетиями. В наше время счастливые находки делаются в неподходящих местах, на задворках великих цивилизаций. Вроде той самой Лоллии.

Если он и не найдет ничего, все равно будет приятно пожить на острове пару деньков, прежде чем лететь на Венецианский кинофестиваль на встречу с друзьями. А шанс обнаружить нечто невиденное всегда остается.

Что же до рыбацких разговоров о древних богах, Кинкейд не был уверен, списать ли их на счет любви греков к преувеличениям или к суевериям.

На Лоллию Кинкейд прибыл перед самым закатом, когда небо над Эгейским морем, быстро темнея, проходит через все оттенки лилового в глубокую прозрачную синеву. Ветерок подгонял волны, воздух был чист. То был день, достойный богов.

В поисках удобного места для высадки Кинкейд обогнул весь остров и на северной его оконечности нашел небольшой пляж. Лодку Кинкейд вытащил из прибоя на берег и привязал к дереву. А потом он начал восхождение по изрезанному трещинами утесу, сквозь густой кустарник, пахнувший розмарином и тимьяном.

На вершине острова оказалось небольшое плато, где Кинкейд обнаружил остатки древнего святилища. Алтарные камни потрескались и разошлись, но можно еще было различить следы искусной резьбы.

Невдалеке в склоне холма виднелась пещерка. Кинкейд направился было туда и остановился. Из пещеры появилась человеческая фигурка. Девушка. Молоденькая, очень симпатичная, рыжеволосая, в простом льняном платье. Девушка смотрела на Кинкейда.

— Как вы сюда попали? — спросил тот.

— Звездолет высадил, — ответила она. Ее безупречный английский был, однако, окрашен каким-то неопределимым акцентом, который Кинкейд нашел очаровательным.

Как она оказалась на острове, Кинкейд не мог себе представить. Не звездолет же ее привез; это, конечно, шутка. Но ведь как-то она же прибыла? Другой лодки Кинкейд не заметил. Проплыть семьдесят миль от Хиоса она вряд ли в силах. Может, ее высадил вертолет? Возможно, но маловероятно. Выглядела она так, словно готова для пикника: ни пятнышка на платье, только что нанесенная косметика. Кинкейд остро ощутил, что после сложных альпинистских упражнений грязен, потен и неопрятен.

— Не хотел бы показаться назойливым, — заметил Кинкейд, — но все-таки не скажете ли, как вам удалось сюда забраться?

— Я уже сказала. Меня высадил звездолет.

— Звездолет?

— Да. Я не человек. Я андарианка. Ночью корабль за мной вернется.

— Ну-у, это серьезно, — промолвил Кинкейд с многозначительной улыбкой. — Издалека прибыли?

— О, полагаю, что до нашей планеты Андар несколько сот миллионов миль. Мы, конечно, умеем преодолевать световой барьер.

— Это само собой, — поддакнул Кинкейд. Или у девушки нет чувства меры, или у нее с головой не в порядке. Скорее последнее. История была такая нелепая, что хотелось смеяться. Но девушка была столь неимоверно прекрасна, что Кинкейд понял — если он ее не трахнет, у него случится нервный срыв.

Он решил ей подыграть.

— Как тебя зовут? И зачем ты сюда прилетела? — осведомился он.

— Можешь звать меня Алия. Твоя планета — одна из тех, которые андарианки решили обследовать после того, как Великое Исчезновение заставило нас покинуть родину и уйти в космос. Но об Исчезновении мне не позволено говорить.

Да, действительно сумасшедшая; но Кинкейд был так очарован, что решил не обращать внимания.

— Ты, случаем, не из здешних древних богов? — спросил он.

— О нет, я не с Олимпа, — рассмеялась она. — Но когда мой народ посещал вашу планету много веков назад, они и породили эту легенду.

Кинкейду было наплевать, что эта девушка болтает или откуда она взялась. Он хотел ее. Он еще никогда не занимался любовью с внеземными существами. Первый раз — это всегда серьезно. Такие симпатичные инопланетянки не каждый день встречаются. И кто знает — может, она и в самом деле с другой планеты. Впрочем, это Кинкейду было безразлично.

Кем бы она ни являлась и откуда бы ни пришла, девушка была прекрасна. Желание захлестнуло Кинкейда.

Да и она, кажется, была к нему небезразлична. Кинкейд заметил, как смущенно и лукаво поглядывает на него странная девушка, как отводит взгляд. На ее щеках появился румянец. Пока они болтали, девушка бессознательно приблизилась к нему.

Сейчас или никогда, подумал Кинкейд и ловко заключил девушку в объятия.

Вначале она прижалась к нему, потом отстранилась.

— Ты очень привлекателен, — сказала она. — Я даже удивлена, как ты притягиваешь меня. Но любовь между нами невозможна. Я не твоей расы и не с твоей планеты. Я андарианка.

Опять она за свое.

— Ты хочешь сказать, что в земном смысле ты не женщина? — переспросил Кинкейд.

— Нет, дело не в этом. Проблема чисто психологическая. Мы, андарианки, любим всей душой. Для нас акт спаривания означает брак и пожизненную привязанность. Разводов у нас нет. И мы *хотим* иметь детей.

Кинкейд только усмехнулся. Он уже слышался подобных фраз от девушек-католичек, за которыми приударял в Шорт-Хиллз, штат Нью-Джерси. Он знал, как следует поступать в подобной ситуации.

— Я люблю тебя, — сказал он. По крайней мере, на тот момент это была правда.

— Я тоже... равнодушна к тебе, — призналась Алия. — Но ты и представить себе не можешь, что это значит — любить андарианку.

— Так расскажи, — предложил Кинкейд, обнимая девушку за талию и прижимая к себе.

— Не могу, — ответила она. — Это наша священная тайна. И нам не позволено открывать ее мужчинам. Быть может, тебе стоит покинуть меня, пока еще есть время.

Кинкейд понимал, что совет хороший: что-то жуткое было и в девушке, и в том, как она оказалась на острове. Уйти, конечно, стоило; но Кинкейд не мог. В отношении женщин он был сущим наркоманом, а эта девушка представляла собой квинтэссенцию, предел мечтаний донжуана. Кинкейд не был ни писателем, ни художником, а его археологические потуги не могли завоевать ему уважения. Единственное, что он мог оставить потомкам, — это летопись постельных побед. Так пусть на его надгробии напишут: Кинкейд получал лучшее, и брал его там, где находил.

Он поцеловал девушку, и поцелуй их длился и длился и продолжался, пока они оседали на землю в фонтане разлетающейся одежды, сквозь который проглядывала плоть. Испытанный Кинкейдом в завершение экстаз превосходил его способности к описанию. Столь могучее чувство захлестнуло его, что Кинкейд едва ощутил шесть коротких уколов — по три в каждый бок, точно в межреберья.

Только потом, развалившийся на спине, усталый и удовлетворенный, Кинкейд обратил внимание на шесть крохотных дырочек в коже. Повернувшись, он глянул на Алию — обнаженную, невысказанно прекрасную; рыжие волосы сияющим облачком окружали овал лица. В горячке любовной страсти Кинкейд не обратил внимания на довольно необычную деталь. Шесть маленьких выступов — по три на каждой стороне грудной клетки — завершались тонкими клыками-иглами. Кинкейду вспомнилось, что самки некоторых насекомых на Земле во время полового акта откусывают самцу голову. Он все еще не

верил, что девушка — инопланетянка, но недоверие его заметно поколебалось. Ему вспомнились другие земные насекомые, те, что имитируют других существ, — кузнечики как сучки, жуки как осы. А не скинет ли эта красавица сейчас свой облик?

— Это было прекрасно, милая, — сказал он, — даже если это будет стоить мне жизни.

Алия воззрилась на него.

— О чем ты говоришь? — воскликнула она. — Неужели ты думаешь, что я могу убить тебя? Невозможно! Я андарианка, ты мой супруг до конца наших дней, а живем мы очень долго.

— Тогда что ты со мной сделала? — осведомился Кинкейд.

— Я просто впрыснула тебе детей, — объяснила Алия. — Они будут такие милашки! Надеюсь, они унаследуют твою расцветку.

Кинкейд не сразу понял, что именно ему сообщили.

— Ты уверена, что не отравила меня? — переспросил он. — Чувствую я себя очень странно.

— Это всего лишь гибернационная сыворотка. Я ее впрыснула вместе с детками. А теперь, мой дорогой, ты будешь спать в этой уютной сухой пещерке, а наши дети будут расти в твоих межреберьях. Через год я вернусь, выну их из тебя, перенесу в коконы и отправлю домой, на Андар. Следующая стадия их развития пройдет там.

— А со мной что будет? — осведомился Кинкейд, упорно борясь с нахлынувшим на него сном.

— С тобой все будет в порядке, — заверила его Алия. — Спячка совершенно безопасна. Я вернусь задолго до того, как тебе придет пора рожать. Потом ты отдохнешь немного — примерно недельку. Я буду заботиться о тебе. А тогда мы сможем заняться любовью снова.

— И что?

— И снова придет время спячки, любимый, до следующего года.

Кинкейд хотел было съязвить, что он совершенно иначе собирался провести свою жизнь, а не вот так — час любви, год сна, роды — и все начинается сначала. Он хотел сказать, что лучше бы она тогда откусила ему голову. Но говорить он уже не мог — и едва отгонял от себя сон. Алия собиралась уходить.

— Ты настоящая красотка, — выдавил Кинкейд, — но лучше бы ты осталась на Андаре и вышла замуж за своего одноклассника.

— Я бы так и сделала, любимый мой, — ответила она. — Но случилось что-то страшное. Должно быть, мужчины шпионили

за нашими священными таинствами, потому что все они куда-то запропастились. Это и называется Великим Исчезновением. Они все ушли, совсем ушли, покинули планету.

— Я так и думал, что до них рано или поздно дошло бы, — прошептал Кинкейд.

— Они были не правы, — возразила Алия. — Я понимаю, что деторождение накладывает на плечи мужчин тяжелую ношу, но с этим ничего нельзя поделать, раса обязана жить. И мы, андарианки, сделаем все для этого, через что бы нам ни пришлось пройти. Я ведь *предлагала* тебе уйти. А теперь до свидания, милый! До будущего года!

ПОСЛЕ ЭТОЙ ВОЙНЫ ДРУГОЙ УЖЕ НЕ БУДЕТ

Это сейчас Земля всем известна как образец добрососедства и миролюбия. Даже несмотря на свое полное обнищание, она ни с кем не воюет.

Есть уже люди, которые и представить себе не могут, что когда-то было иначе. А ведь было, и не так уж давно — когда вся власть на Земле была сосредоточена в руках горстки ослов в армейских мундирах. Вот эти-то солдафоны наихудшего армейского образца и доказали тогда, перед Великим Прозрением, полную несостоятельность их собственной политики.

Ведь именно во время диктатуры генерала Гэтта Земля вышла в космос и тут же, пару лет спустя, влипла в инцидент с Галактическим Исполнителем, после которого о войнах уже нечего было и говорить. Вот вам подлинная история этой фатальной встречи.

18 сентября 2331 года Вторая Ударная Армия под командованием генерала Варгаса вынырнула из утреннего тумана в окрестностях Рэдлэнда, Калифорния, и отбросила лоялистов Видермаера на полуостров Сан-Франциско. Видермаер — последний из генералов старого демократического режима, назначенных ныне низложенным правительством Соединенных Штатов, еще надеялся, что ему удастся спасти свою армию, отступив по морю, хотя бы на Гавайи. Он не знал, что к этому времени Океания уже сдалась на милость военных. Долгожданные корабли так и не пришли. Осознав, что дальнейшее сопротивление бесполезно и принесет только еще большие потери, Видермаер капитулировал. Так рухнул последний оплот защитников гражданских прав. Впервые за всю свою историю Земля перешла во власть единой военной диктатуры.

Варгас принял капитуляцию Видермаера и тут же отослал вестового в штаб-квартиру Верховного Командующего генерала Гэтта в Северном Техасе. Войска Второй Ударной разбили лагерь на двух лугах, и интенданты уже засуетились, завершая подготовку к празднествам, которыми Варгас хотел отметить окончательную победу.

Его палатка стояла чуть в стороне от лагеря. Генерал Варгас, коренастый крепыш чуть ниже среднего роста, обладал большой круглой головой, увенчанной шапкой густых волос, черными ухоженными усами и густыми сросшимися бровями. Он сидел на раскладном стуле, и рядом на краю стола дымился окурок черной сигары. Следуя хорошо проверенной практике, он отдыхал, полируя свои сапоги, сделанные из натуральной страусиной кожи и поэтому практически не имевшие цены, так как ни одного страуса на Земле уже не осталось.

Напротив, на походной койке, сидела его боевая подруга Лупе — вспыльчивая женщина с резкими чертами лица, пронзительным голосом и неукротимым характером. Все годы их адюльтера она воевала плечом к плечу с Варгасом и сопутствовала его карьере — от обозника низшего ранга до генерала в штабе Верховного Главнокомандующего. Оба они участвовали в кампаниях во всех частях света: их армия отличалась высокой маневренностью — сегодня они в Калифорнии, а завтра уже в Италии, Камбодже или еще где-нибудь, куда направят.

Теперь наконец-то боевые соратники получили возможность расслабиться. Войска расположились на широкой равнине под Лос Гатосом, и их костры посылали в голубое небо тонкие извилистые струйки серого дыма. Кампания была окончена. Многие лоялисты Видермаера перешли на сторону победителей. Похоже было, что эта битва была последней; долго, сколько Варгас ни вспоминал, он не мог припомнить ни одного непобежденного еще противника.

Это был исторический момент. Варгас и Лупе отметили его, подняв друг за друга по бокалу калифорнийского шампанского, а затем разложили на заправленной двуспальной койке обмундирование и принялись наводить на него блеск для предстоящих торжеств. От генерала Гэтта прибыл вестовой, пыльный и усталый от нескольких часов, проведенных в вертолете. Он привез депешу:

Мы раздавили всю оппозицию нашему Новому Порядку в Северной Америке и окончательно сломили сопротивление в России и Азии. Наконец-то весь мир управляется одной твердой рукой. Мой верный генерал и мой дорогой друг, ты немедленно должен прибыть в ставку. Все наши генералы

собираются здесь для того, чтобы отметить нашу Окончательную победу. Кроме того, нам нужно обсудить и наметить план дальнейших действий. И для этого ты мне здесь очень нужен. Кроме того, строго конфиденциально тебе сообщаю, что есть кое-какие обстоятельства, сулящие совершенно новые варианты дальнейшего развития нашей цивилизации. Но говорить об этом я не могу даже в депеше. Очень хочу обсудить все это с тобой. Это необычайно важно! Приезжай немедленно! Ты мне просто необходим!

Когда вестовой вышел, Варгас обернулся к Лупе:

— Что это могло бы быть настолько важным, что он не может доверить депеше? Хоть бы намекнул, что ли!

— Понятия не имею, — сказала она, — но мне что-то не нравится, что он так настаивает на твоём приезде.

— Что ты в этом понимаешь, женщина? Он просто отдаёт должное моим заслугам.

— Может, и так. А может, он хочет иметь тебя поближе к себе, чтобы ты был у него на глазах? Твои ребята — одна из последних независимых армий, и если он над вами установит контроль, то считай, он в дамках.

— Ты забыла, что у него по крайней мере в пять раз больше людей, чем у меня. Кроме того, Джон Гэтт — мой друг детства, мы учились в одной школе в Лос-Анджелесе.

— Да слыхала я про это, — ответила Лупе, — но слишком часто бывает, что о дружбе забывают там, где решается вопрос о верховной власти.

— Но у меня нет амбиций подняться выше, чем я есть.

— А Гэтт об этом знает?

— Да, конечно, знает, — заявил Варгас, хотя голос его прозвучал не так уверенно, как ему хотелось бы.

— А он в это верит? — парировала Лупе. — В конце концов, власть меняет человека. Ты же сам видел, что стало кое с кем.

— Знаю, о ком ты. Генералы из России и Вьетнама. Но они же не смогут объединиться против Гэтта. Настали времена Единого правительства, и Джон Гэтт скоро станет Верховным Командующим всей планеты.

— А он этого достоин?

— Вот уж это не важно, — раздраженно ответил Варгас, — главное — это идея, и ее время настало. Раньше мы жили в сумасшедшем доме — все воевали друг с другом. Единый Верховный военный правитель Земли — это лучший вариант для нас всех.

— Ну хорошо, — примирительно сказала Лупе, — надеюсь, что это так. Так мы едем?

Варгас задумался. Несмотря на уверенный вид, который он демонстрировал Лупе, у него самого все же были некоторые сомнения. Кто может предсказать, что сделает Гэтт? Не раз уже бывало, что победивший генерал утверждался на своих позициях путем уничтожения, под предлогом измены, своих бывших соратников. Однако есть ли выбор? Как бы ни было предано Варгасу его войско, армия Гэтта в пять раз превосходит его численно и в любом случае победа будет за ним.

Но ведь он, Варгас, и не собирался быть верховным командующим. Он-то прекрасно понимал, что скроен не для высшего эшелона власти и его место — на поле битвы. Так что он ни на что не претендует. И Гэтт должен был это знать — Варгас сам ему часто об этом говорил.

— Я должен с ним повидаться, — наконец решил он.

— А я? — спросила Лупе.

— А ты останешься под охраной наших войск, в полной безопасности.

— Не будь занудой. Где ты — там и я. Это девиз боевых друзей.

Варгас имел слабое представление о том, каким разрушениям подверглась Америка, потому что до того, как Гэтт приказал ему перебросить свою армию в Калифорнию для решающего сражения с Видермаером, он воевал в Италии. Но пока они летели на реактивном самолете в Техас, в город Зеро, он достаточно рассмотрел на разрушенные города и нескончаемые толпы беженцев. Однако сам город Зеро выглядел вполне благополучно — это было новенькое с иголочки создание генерала Гэтта. В центре его находился огромный стадион, превосходящий размерами Колизей, Астродам и все другие спортивные сооружения старого мира. Тренеры, болельщики и спортсмены съезжались сюда со всего мира для обсуждения военно-спортивных ритуалов.

Варгас за всю свою жизнь не видел столько генералов и их боевых друзей в одном месте: здесь собрались все соратники Гэтта, выигравшие войну за Установление Военного положения во всем мире. И все они были в наилучшем расположении духа.

Варгас и Лупе зарегистрировались в громадном отеле, построенном специально для этой ассамблеи, и сразу же поднялись в свой номер.

— Ого! — сказала Лупе, разглядывая мебель в классическом стиле. — Нич-чо се-е!

Она прекрасно владела английским, но, не желая, чтобы другие боевые подруги считали ее зазнайкой, предпочитала говорить с их специфическим простонародным акцентом.

Чемоданы генералу пришлось нести наверх самому, так как отель был настолько новым, что коридорные в нем еще не прошли проверку службы безопасности и поэтому пока еще не были допущены к работе. Варгас был одет в свой пропотевший черно-оливковый боевой мундир с орденом Льва — знаком отличия бессрочного Командира Вечного Корпуса. Этот знак он получил за свою самую знаменитую победу в Чако в 30-х годах.

Варгас поставил на пол чемоданы и рухнул в кресло с обиженным видом: «Я им боевой, а не коридорный генерал».

Лупе все еще в ошоломлении таращилась на мебель. Сегодня она нарядилась в свое самое откровенное розовое атласное платье и ярко накрасила губы. Она была очень хороша сейчас — черные змеящиеся волосы, лицо развратной кошки и ноги, растущие от ушей. Однако для женщины ее формы были несколько грубоватыми, она скорее была похожа на генерала в юбке, только со слишком худыми ногами.

Варгас сидел, развалившись в кресле, на его лице деревенского увальня торчала пегая щетина. Он не имел дурной привычки бриться каждый день, считая, что и так выглядит достаточно прилично.

Лупе наконец обрела дар речи:

— Эй, Ксаси (так она иногда его ласково называла), а что мы делать теперь?

— На черта тебе русский акцент?! — рыкнул на нее Варгас. — Закройся! Это не твоего ума дело. Я собираюсь на совещание и голосование в конференц-зале.

— Голосование? Это кто там собрался голосовать?

— Все наши генералы, чучело.

— Что-то я не въезжаю, — сказала Лупе, — мы же фашисты. Мы что, не можем обойтись без этих вонючих голосований?

— Счастье твое, что я тебя люблю, — ответил генерал, — потому что иногда мне хочется тебя прибить за твою тупость. Слушай сюда, мой стервятеночек, если фашисты иногда и голосуют, то они делают это лишь для того, чтобы лишить права голоса всех остальных.

— Ах вот так, да? Тогда понятно.

— Еще бы не понять, — продолжал Варгас, — если мы хотим совместно выработать общую программу дальнейшего развития, то только на это мы и можем рассчитывать. Голосование просто необходимо, чтобы удержать наших обожаемых ревизионистов от контрреволюции.

— Надеюсь, что это получится, — сказала Лупе, задумчиво почесывая ляжку, но затем, вспомнив о своих манерах, тут же почесала ляжку генерала. Потом она достала из холодильника текилу, шампанское и пиво и смешала свой любимый коктейль.

— И это все, за что вы будете голосовать? — спросила она.

Варгас задрал ноги на кофейный столик, и столик тоненько закрипел. Варгас знал, что для каждой новой партии генералов-постояльцев заказывается новая партия кофейных столиков. Ему нравилось слушать этот скрип — он был человек простой, со своими маленькими слабостями. Он еще немного покрипел и затем ответил:

— Есть еще кое-что, о чем нужно проголосовать.

— Я что, тоже должна туда идти? — спросила Лупе.

— Да нет же, ты же женщина, а недавно мы большинством голосов решили лишить вас права голоса.

— Блеск! — ответила Лупе. — На всех этих собраниях всегда такая скукота!

В дверь постучали.

— Войдите, — отозвался Варгас.

В комнату вошел долговязый парень, одетый в серую униформу. Отвисшая нижняя губа и глазки-щелочки — вылитый недотепа.

— Варгас — это вы? — спросил он.

— Да, — ответил генерал, — и если ты еще раз войдешь без стука, я тебе хребет переломаяю.

— Да я же по службе, — сказал тот. — Я принес вам взятку

— Так что ты раньше не сказал? — удивился Варгас. — Присаживайся, наливай себе.

Недотепа достал из внутреннего кармана толстый конверт и протянул его генералу. Варгас заглянул внутрь: он был набит тысячными кредитками с орлами.

— Дьявол, — сказал генерал, — можешь по-приятельски заходить ко мне, когда захочешь. Так для чего это, могу я осведомиться?

— Да я ж говорю вам — это взятка, — ответил парень.

— Я уже понял, что это взятка, — сказал Варгас, — но ты мне еще не сказал, за что она?

— Я думал, вы сами знаете. Когда начнется голосование, вам нужно проголосовать «за» по первому пункту.

— Хорошо. А что в этом первом пункте?

— Что штатские лишаются права голоса до тех пор, пока верховное начальство не сочтет их достойными доверия.

— Звучит хорошо. Меня это устраивает.

Парень вышел, и Варгас торжествующе улыбнулся Лупе — он был горд получением этой взятки, хотя и без нее он все равно бы голосовал за пункт первый. Но он знал из исторических книжек, не говоря уже об устных преданиях на эту тему, что взятки были доброй традицией любых избирательных кампаний, поэтому он бы просто обиделся, если бы генерал Гэтт не счел его достойным взятки.

Он бы поделился своей радостью с Лупе, если бы она не была такой дурой, неспособной вникнуть во все тонкости и нюансы. Но до чего же потрясающе она выглядела сейчас в своем розовом атласном пеньюаре!

— Заходи, старина, добро пожаловать! — загремел в приемной голос генерала Гэтта. А ведь Варгас всего минуту назад назвал свое имя краснолицему клерку в форме клерикального дивизиона боевых рейнджеров.

То, что Гэтт вызвал его сразу, как только он вошел, очень польстило Варгасу. Протирать штаны в предбаннике, пусть даже и в очень хорошей компании — приятного мало. А компания здесь подобралась что надо: генерал Лин, только что завершивший присоединение Китая и Японии ко Всемирной Оборонной Лиге Гэтта; генерал Леопольд — пухлый зануда в помпезной форме, скопированной с фанаберии одного южно-африканского генерала — он завершил завоевание Южной Америки, включая Патагонию (а кого волнует, что там осталось ниже по карте?); там был и генерал Ритан Дагалайгон — эстремадурец со сверкающей улыбкой, чья Армада де Гран Деструктивиад обезопасила для Лиги всю Западную Европу вплоть до Урала. Здесь были известнейшие люди, чьи имена навеки войдут в историю, и все же именно его, Варгаса, Гэтт пригласил на аудиенцию первым.

Джон Одоасер Гэтт, высокий мужчина с вечно горящими глазами и королевскими манерами, жестом пригласил Варгаса сесть и, не спрашивая, налил ему виски. Он славился своим гостеприимством на всю Империю.

— Мы выиграли эту войну, дружище, — сказал он. — Мы победили их целиком и полностью. Впервые в истории человечества все жители Земли без исключения в едином строю. Это дает нам уникальные возможности!

— Для чего? — сощурился Варгас.

— Во-первых, мы сейчас находимся в той ситуации, когда все ждут от властей, что они наконец-то принесут людям мир и процветание.

— Это прекрасные и благородные цели, сир.

— Конечно, вот только я пока себе не представляю, как из них извлечь прибыль.

— Что вы имеете в виду, мой генерал?

— Последняя война была очень длинной и влетела нам в копейчку. А в результате — сейчас в большинстве стран экономика практически полностью разрушена. И пока все стабилизируется, пройдет немало времени. Скольких людей ожидает голод и нужда! Возможно, и голодная смерть! Даже для военных будет трудно встать на ноги!

— Но мы предвидели это, — ответил Варгас, — мы же все это обсуждали во всех деталях еще во время войны. Конечно, период восстановления будет очень трудным, но каким ему еще быть? Пусть он займет сто лет, пусть двести, рано или поздно под железным руководством военного командования мы все восстановим, и наступит полное процветание.

— Да, это наша общая мечта, — сказал Гэтт, — но представь себе только на минутку, что мы можем ускорить этот процесс, что мы можем одним махом подняться на новую ступень! Представь, что мы можем прямо сейчас достичь полного благоустройства каждого жителя Земли! Ведь это было бы потрясающе, а, Гетулио?

— О да, конечно! — взволнованно сказал Варгас, в душе недоумевая, к чему клонит Гэтт. — Но разве это возможно?

— А вот об этом мы поговорим завтра подробнее после голосования, — ответил Джон Одоасер Гэтт.

Конференц-зал имел круглую форму; в центре находилась вращающаяся трибуна для комиссии по регламенту первого временного военного правительства Земли. Зал освещался многочисленными люстрами и был обставлен удобными креслами.

С лишением штатских права голоса разобрались быстро: все генералы, включая Варгаса, единодушно проголосовали «за». Исключение было сделано лишь для тех штатских, что были избраны делегатами до конгресса. Штатских также лишили прав на «Хабеас Корпус», «Билль о правах», Конституцию и остальные либеральные штучки, лишь создающие балласт для нового законодательства. Это было вынужденной мерой, так как военные уже давно заметили, что всем штатским присуще вероломство и лицемерие.

Следующим на повестке дня встал вопрос о разоружении, или, как генералы сами его называли, «о безработице». С войной как с бизнесом было покончено: воевать больше было не с кем, и, следовательно, разоружение означало тяжелые времена и для военных. Однако идея гражданской войны никому не

направилась. Но генерал Гэтт заверил аудиторию, что есть и обходной путь, и пообещал в ближайшее время сделать на эту тему заявление.

Конференция закончилась отменным банкетом и бурным братанием представителей различных родов войск. Потом состоялся прием для избранных, где Лупе произвела фурор своим платьем в красные, синие и желтые горошины, что также польстило Варгасу.

После приема генерал Гэтт отвел Варгаса в сторонку и договорился с ним о встрече на следующий день в Авторезерве ровно в восемь.

— Я хочу тебе кое-что предложить, — сказал он, — и, думаю, тебе это понравится.

В условленный час Варгас вместе с Лупе прибыли в Авторезерв. Сегодня генерал надел свою орденскую ленту командира Легиона Смерти и все медали и ордена за кампанию по разгрому Нью-Йорка. Да, он прошел славный боевой путь с самых низов, а ведь начинал простым желторотым бандитом.

Вскоре они уже мчались на машине за город в пустыню, которую покрывали миллионы цветов нежнейших расцветок — ведь была весна!

— Да, здесь красиво, — сказал Варгас.

— Вообще-то эта земля принадлежит одному из индейских племен, — заметил шофер, — правда, забыл какому. Сейчас то они все ушли в Индеанолу.

— А что это?

— Новый индустриальный район в Миссисипи, куда собрали всех оставшихся индейцев.

— А ведь раньше они были рассеяны по всей Америке?

— Да, — ответил шофер, — но этот образ жизни себя скомпрометировал.

— Какая жалость, — сказал Варгас, — они же, эти индейцы, жили здесь довольно давно?

— Их всегда притесняли не так, так эдак. Но не волнуйтесь, мы найдем им применение в нашей новой системе.

Секретный объект был надежно укрыт в лабиринте горных ущелий в 30 милях западнее города Зеро.

Генерал Гэтт сам вышел встречать Варгаса. Рядом с ним на пороге его временной резиденции стояла прелестная молодая женщина. Гэтт позаботился взять с собой свою даму — юную леди Лолу Монтес (не ту самую, а ее родственницу — у них в семье была традиция наследования имен). Она тут же подхватила Лупе под руку и увлекла ее к столику с кофе, сигаретами, бурбоном, наркотиками и к последним сплетням. Генеральские

жены, как правило, очень хорошие хозяйки. Гостеприимство — добрая традиция любой армии.

Оставшись без свидетелей, генералы смогли приступить к делу. Для начала они обсудили успехи контрразведки, окончательно разделившейся со всеми инакомыслящими. Большинство оппозиционеров теперь поджали хвост. Просто поражало, на что способен Центральный Комитет, для того чтобы вывести скрытых врагов на чистую воду.

— И это только начало, — подытожил Гэтт. — Пока на Земле будут военные, социальный надзор будет осуществляться с должной тщательностью. Но это в первый раз в моей жизни, когда все солдаты на нашей стороне.

— А что вы собираетесь делать со всеми теми группировками, которые настаивают на самоопределении в области религии, а также самоуправления и прочей чепухе?

— Если они действительно хотят независимости, то должны поддерживать военных: мы уважаем свободу верований и религий.

— А если они не захотят к нам присоединиться?

— Тогда пусть молчат в тряпочку или убираются подальше, потому что, если они этого не сделают, мы их расстреляем, — сказал генерал Гэтт, — это спасет нас от бесконечных споров и поможет нам сэкономить на тюрьмах и надзирателях.

Дальше генерал Гэтт объяснил Варгасу, что одно из преимуществ всепланетного мира заключается в том, что правительство может наконец-то вложить деньги в дельные проекты.

— О! — с пониманием отозвался Варгас. — Речь идет о раздаче еды нищим и все в таком роде?

— Я вовсе не это имел в виду, — сказал Гэтт, — мы пытались так делать, но это не сработало.

— Вы абсолютно правы, — заметил Варгас, — они всегда приходят снова и снова и просят все больше и больше. Но что именно вы называете «дельным проектом»?

— Пойдем, я тебе покажу. Ты все увидишь своими глазами.

Они вышли из палатки и направились к генеральской машине. Шофер, коренастый плотный монголоид с длинными бандитскими усами, был одет в шерстяную фуфайку, несмотря на гнетущую жару. Он щеголевато отдал честь и открыл дверцу машины. Они ехали минут двадцать и остановились перед громадным, словно висящим над пустыней, зданием. Пройдя мимо охраны по туннелю из колючей проволоки, они подошли к маленькой дверце, ведущей внутрь.

Если снаружи здание казалось огромным, то изнутри оно показалось просто безразмерным. Варгас поднял голову, чтобы

увидеть потолок, и заметил далеко в вышине порхающих птиц. Но то, что он увидел в следующий момент, заставило его застыть на месте с раскрытым ртом: он не мог ни выдохнуть, ни вдохнуть.

Наконец снова обретя дар речи, он спросил:

— Это настоящее, Джон, или вы мне показываете какую-нибудь оптическую иллюзию?

Генерал Гэтт загадочно усмехнулся: «Все не так-то просто, дружище. Это достаточно материально, старина. Разуйте глаза!»

И Варгас разул — над ним возвышался многоэтажной башней космический корабль. Он хорошо представлял себе, что это такое, так как Лупе постоянно пичкала его статьями в газетах типа «Бразильский исследователь». Это точно был космический корабль, совершенно реальный — окрашенный в серую краску, словно огромный кит с маленькими глазками-иллюминаторами и хвостовым плавником на корме.

— Я потрясен, сир, — сказал Варгас, — я просто потрясен!

— Поклянись, что тебе и в голову не приходило, что у нас есть нечто подобное!

— И в мыслях не было, — заверил его Варгас.

— Конечно, не было, — довольно сказал Гэтт, — это хранилось в глубоком секрете ото всех, кроме Верховного Командования. Но теперь, Гетулио, ты тоже член Верховного Командования, потому что с сегодняшнего дня я тебя туда назначил.

— Я что-то не очень понял, — запротестовал Варгас, — почему я?

— Пошли в корабль, — оборвал его Гэтт, — там ты кое-что увидишь.

Он подхватил Варгаса под руку и потащил его за собой к эскалатору, ведущему внутрь корабля.

И вдруг Варгас почувствовал себя как дома. Интерьеры корабля напоминали ему те, что он видел когда-то в римейках «Космического бродяги». Он узнавал все эти отсеки, забытые пульты, аппаратурой и всякими там реле. Были здесь и прямоугольные дополнительные световые щитки. И техники были одеты именно в облегающие комбинезоны с высокими воротниками пастельных тонов. И полы от стены до стены покрывали ковры цвета авокадо. Все было именно так, как представлял себе Варгас в самых смелых мечтаниях. Казалось, что вот-вот, сейчас, из-за угла выйдет (капитан) Спок.

— О нет. Спока здесь не будет, — Гэтт словно прочитал мысли Варгаса, — но зато у нас есть кое-какие сюрпризы для пронырливых чужаков. Сейчас, Гетулио, я хочу тебя чуть-чуть

проэкзаменовать, так, шутки ради — скажи мне, о чем думает солдат, осматривая свой новый боевой корабль?

Варгас глубоко задумался. Ему почему-то захотелось, чтобы Лупе вдруг оказалась рядом. Хотя она была всего лишь женщиной, и к тому же порядочной дурой, ей удавалось, пользуясь своей непредсказуемой женской интуицией, формулировать то, что вертелось у генерала на языке, но что он сам выплюнуть не решался.

К счастью, ответ неожиданно получился как-то сам собой.

— Оружие! — выдохнул Варгас.

— И ты получишь его! — улыбнулся Гэтт. — Пошли, сам увидишь, что этот младенец вооружен до зубов.

Гэтт подвел его к маленькому автомобильчику, приспособленному специально для перемещения внутри корабля. Варгас попытался вспомнить, было ли в «Космических бродягах» нечто подобное, и подумал, что, пожалуй, не было. К тому же этот корабль был больше, чем «Интерпрайз», и это ему польстило — он не боялся ни больших вещей, ни великих дел.

Автомобильчик тихонько жужжал по равномерно освещенному коридору, ведущему в глубь корабля. Генерал Гэтт тоже жужжал без остановки, засыпая Варгаса статистическими данными о том, сколько батальонов штурмовиков можно разместить на борту, сколько тонн вяленого мяса и бурбона влезет в продовольственные склады, сколько центнеров стандартных пайков получится в результате и много другой полезной информации. Наконец они прибыли в боевой центр корабля. В его цитадель. И тут Варгас смог отвести душу: огромные дула огнеметов, длинноволновый парализатор, вибрационные лучеметы, способные стереть в порошок астероид средних размеров. У него тут же зачесались руки прямо на месте испытать притягивающие и сжимающие лучи, но Гэтт его вовремя остановил, потому что стрелять пока было не во что. К тому же, как оказалось, большая часть вооружения еще не была доставлена на борт.

Варгас ограничился тем, что громко воздал хвалу работе военных ученых. Но Гэтт возразил:

— Хотя у нас много надежных ребят, у которых котелок варит, но этот корабль сделали не они.

— Тогда кто же, осмелюсь вас спросить, сир?

— Его сварганила группка штатских ученых, называющих себя «консорциумом», что попросту означает, что все они были повязаны друг с другом. Это был союз Европы, Азии, Америки и их проклятого эгоизма.

— Что вы имеете в виду, сир?

— Я имею в виду то, что они строили этот красавец, чтобы удрать от нас.

— Мне трудно поверить в это, сир.

— Да, это просто в голове не укладывается! Они перепугались за свои ничтожные жизни и наложили в штаны, что их всех перебьют. А судьба-то так и повернулась, что кое-кому из них не удалось спасти свою шкуру. Не знаю уж, почему им втемяшилось, что кто-то позволит им удрать с планеты с дорогостоящим космическим кораблем.

— И что же с ними стало, сир?

— Мы провели селекцию и оставшихся приставили к делу: корабль был хорош, но нуждался в доработке. На нем кое-чего не хватало, например вооружения. Ведь эти людишки собрались лезть в дальний космос безоружными! Следующей важной проблемой была низкая скорость корабля. Оказывается, космос намного больше, чем мы проходили в военном колледже. А значит, если мы собираемся действительно куда-нибудь когда-нибудь добраться, нужны суперскоростные корабли.

— Суперскоростные корабли и первоклассное вооружение — да я всегда мечтал об этом. Но, чтобы получить все это, сколько вам пришлось преодолеть, мой генерал!

— Да, кое-что пришлось, но это так, мелочи. Ученые уперлись на том, что это невозможно, и развели вместо работы пораженческую и разлагающую болтовню. Но я быстро это пресек: установил им крайний срок, после которого я начну расстреливать тех, кто мешает достижениям наших целей. Ты бы посмотрел, как они забегали!

Варгас понимающе кивнул: в свое время он тоже предпочитал пользоваться самыми простыми методами.

— Прекрасный корабль! — сказал он. — А такой только один?

— Перед тобой — флагман нашего космического флота!

— То есть вы хотите сказать, что есть еще и другие?

— Конечно. Или будут очень скоро. Вся автомобильная и судостроительная промышленность будет дни и ночи работать на них. Нам нужно как можно больше кораблей, Гетулио!

— Так точно! — рявкнул Варгас. Хотя на самом деле он никак не мог себе представить, зачем нужны все эти корабли, если кругом и так уже все завоевано. Однако спросить об этом он не осмелился. На лице генерала Гэтта играла многообещающая улыбка, мол, ты сейчас узнаешь такое, о чем раньше и не подозревал! И тебе это очень понравится! Но Гэтт все молчал, и Варгас, решив, что тот ждет от него какой-то реплики, начал:

— Теперь, что касается кораблей, сир...

— Да? — ожил Гэтт.

— Они нам необходимы, — рискнул Варгас, — для защиты... Гэтт кивнул.

— ...от наших врагов!

— Абсолютно верно! — сказал Гэтт.

— Единственное, что меня смущает, сир, — это то, что я не знаю, кто теперь является нашим врагом. То есть я имею в виду, сир, что, по моему скромному рассуждению, у нас на Земле не осталось врагов. Но, может, есть еще кто-то, о ком я просто не имею сведений?

— О нет, на Земле у нас действительно не осталось врагов — они последовали за бизонами, коровами, эрдельтерьерами и прочими вымершими видами. Теперь же, генерал Варгас, мы впервые в истории Земли объединенными военными силами отправимся с Божьей помощью в космический поиск и захватим все, что нам попадется!

— Все-все! В космосе! — Варгас был потрясен величием идеи.

— Да, сегодня — Земля, завтра — Млечный Путь, а потом один черт знает куда!

— И у нас действительно хватит сил, чтобы сделать это? Взять все, что мы захотим?

— А почему бы и нет? Если только там есть, что брать. В конце концов, это всего лишь инопланетяне.

— Это какой-то прекрасный сон, сир. Смее ли я надеяться, что вложу в него свою лепту?

Гэтт снова улыбнулся и похлопал Варгаса по плечу:

— Я приберегу для тебя хорошую лепту, Гетулио. Как ты смотришь на то, чтобы стать моим первым Маршалом Космического флота и принять под командование этот корабль, и ко всему этому приказ — отчалить и разыскать пару планет, подходящих для землян?

— Я? Это слишком высокая честь для меня, сир.

— Ерунда, Гетулио. Ты — мой лучший боевой генерал. И ты единственный, на кого я действительно могу положиться. Так о чем же говорить?

Гэтт сделал обещанное заявление, после чего продемонстрировал генералам корабль. Затем он объявил, что собирается сам выйти в космос с разведывательной миссией, помогая старому доброму Варгасу. Они возьмут с собой множество разных исследователей на предмет нахождения в космосе чего угодно, что может представлять интерес для землян. Гэтт был уверен, что в космосе есть, что разведывать, и что

открытие новых миров, как некогда открытие новых континентов, может принести миллионы.

Генералы с большим энтузиазмом восприняли идею расширения земной военной власти в космическом масштабе, что сулило возрождение военного бизнеса.

Работа закипела. Она велась днем и ночью, и вскоре корабль был набит удовольствием, все вооружение было надежно закреплено на своих местах. Испытания показали, что оно работает удовлетворительно, кроме одной ракетной установки, вышедшей из-под контроля и сравнивавшей с землей Канзас-Сити. Но письмо с соболезнованиями для всех, оставшихся в живых, и посмертные медали для погибших быстро исправили ситуацию. А вскоре после этого 10 тысяч вооруженных до зубов штурмовиков в боевом строю поднялись на борт корабля. Настал момент Земного Дебюта в космосе.

Испытательный полет внутри Солнечной системы прошел настолько гладко, что однажды за орбитой Нептуна Варгас приказал инженерам покинуть родную систему: космос велик, и нечего тратить время попусту. Корабль мгновенно увеличил скорость, затем заработала система управления гиперпространственным прыжком, и, проскочив сквозь червоточину в пространстве, он вынырнул в районе, богатом звездными системами. И у многих из них имелись очень аппетитные планетки.

Прошло еще сколько-то времени, не так уж много, но достаточно, чтобы понять, что вы действительно куда-то прибыли. И вскоре офицер связи заметил легкое трепетание стрелки на индикаторе Детектора Интеллекта. Это было одним из последних изобретений земных ученых — луч широкого радиуса действия, реагирующий на то, что ученые называли «нейронным полуфазовым контуром», или сокращенно — НПФК. Военные ученые считали, что этот Детектор просто необходим при поисках разумных существ, с которыми следует поговорить как следует

— Откуда поступает сигнал? — спросил Варгас.

— Откуда-то оттуда, — офицер связи неопределенно махнул рукой на россыпь звезд на дисплее.

— Отлично! Поехали туда.

— Сначала нам надо определить звезду, рядом с которой находится источник сигнала, — сказал офицер, — и тогда пойдем прямо на нее.

Варгас поспешил с докладом к Гэтту. Тот выслушал его в своей роскошной каюте, где было все необходимое для настоя-

щего солдата: женщина, оружие, деликатесы, алкоголь и наркотики, и велел ему валять дальше в том же духе.

Варгас отдал приказ валять дальше на самой большой скорости.

Огромный корабль стремительно ввинчивался в пространство.

Пока корабль пожирал парсеки, солдаты коротали время в бессознательном состоянии, погруженные в гипносон. Самые отборные штурмовики храпели в 10 тысяч глоток, спеленутые в гамаках в восемь—десять ярусов. Звучало это весьма своеобразно, однако совершенно естественно. На каждую роту было назначено по одному дневальному, обязанному отгонять мух.

Прошло еще какое-то время, позади осталось несколько световых лет, и наконец зеленая вспышка на контрольной панели и писк Детектора возвестили о том, что источник сигнала уже близок.

Офицер связи поспешил кратчайшим путем в капитанскую каюту — сначала скоростным лифтом, затем пневмотичкой.

Варгас крепко спал, когда его плеча почтительно коснулась чья-то рука.

— Хм-м-м?!

— Прямо по курсу планета, сир.

— Разбудите меня на следующей остановке.

— Я думаю, вам лучше лично проконтролировать эту, сир.

Варгас вскочил и с раздражением последовал за офицером в рубку.

— Идет откуда-то отсюда, — показал оператор Сканера Интеллекта.

Глядя на экран через его плечо, Варгас спросил:

— Так что ты тут нарыл, сынок?

— Да вот, интеллект заверещал.

Генерал Варгас потряс головой и усиленно заморгал, но мозги его от этого не прояснились, и он вытаращился на оператора, нервно кусая губы, пока тот торопливо объяснял:

— Я хотел сказать, сир, что наш поисковый луч нащупал источник сигнала. Само по себе это еще ничего не значит, но есть вероятность того, что наша система структурального анализа обнаружила контур интеллекта, что может являться доказательством наличия разумной жизни на этой планете.

— То есть ты хочешь сказать, что мы на пороге открытия первой разумной расы?

— Вполне вероятно, сир.

— Грандиозно! — воскликнул Варгас и тут же объявил подъем экипажу и всему боевому составу.

Планета, с которой шел сигнал, оказалась прелестнейшим местом, к тому же с кислородной атмосферой. Лесов, воды и солнечного света тут было в избытке. Так что, если бы вы хотели иметь недвижимость, приятную во всех отношениях, эта планета была бы для вас неплохим капиталовложением. Единственным ее недостатком было лишь то, что вам слишком далеко было бы ездить каждый день на работу на Землю. Но не это искали здесь люди Варгаса. Еще в прошлом веке автоматические разведчики обеспечили землян недвижимостью сверх надобности, а их разведка на астероидах понизила цену любых природных минералов просто до смешного. Даже золото теперь было всего лишь желтым металлом, применявшимся в протезировании зубов. Что нужно было землянам, так это люди для их последующего завоевания. Это, и только это интересовало их в глубоком космосе.

Земной корабль вышел на орбиту вокруг планеты, которая значилась в земных каталогах как Маззи 32410А. Генерал Варгас отдал приказ разведотряду под прикрытием десанта, который, в свою очередь, прикрывала вся боевая мощь корабля, разыскать на ней разумных существ.

Первая поверхностная воздушная разведка не обнаружила на планете ни одного города, ни одной деревни, ни даже одинокой хижины. Затем были проведены более детальные аэроисследования в поисках первобытных охотников и примитивных крестьян. Не нашли никого, даже ни одного дикого собирателя кореньев. И лишь Детектор Интеллекта в рубке продолжал монотонно верещать, уверяя, что разумная жизнь затаилась где-то рядом. Варгас приказал отряду под командованием полковника Вандерлеша приготовиться к высадке.

Так как было высказано предположение, что разумные обитатели планеты могут скрываться в подземных городах, полковник Вандерлеш взял с собой портативный Детектор Интеллекта, который был установлен на восьмиколесном вездеходе. Как только его включили, сигнал был тут как тут. Вандерлеш, рябой, низкорослый здоровяк с массивными плечами, приказал водителю следовать по лучу сигнала. Экипаж восьмиколесника взял оружие на изготовку, так как любое разумное существо может быть довольно опасным. Они были вымуштрованы дать отпор любому нападению в ту же секунду или даже немного раньше.

Сигнал привел их к огромной пещере, и, чем глубже они проникали в нее, тем сильнее он становился, пока стрелка на шкале Детектора не поднялась до отметки 5.3, что приблизительно соответствует интенсивности мышления человека, решающего кроссворд из «Нью-Йорк таймс». Водитель машины, шедшей в авангарде, снизил скорость, и она осторожно поползла вперед. Вандерлеш застыл на носу флагмана, ожидая, что из-за любого поворота может появиться разумное существо. Они где-то рядом, может быть, за тем углом...

И тут дежурный оператор доложил, что сигнал слабеет.

— Стоп! — закричал полковник. — Мы потеряли их! Задний ход!

Машина попятилась, и сигнал снова стал усиливаться.

— Остановитесь здесь, — приказал полковник. Вездеход затормозил.

Теперь они находились в точке, где сигнал достигал максимальной силы.

Люди, затаив дыхание, обшаривали пещеру глазами.

— Видит ли хоть кто-нибудь хоть что-нибудь? — осведомился полковник.

Но никто ничего не видел, о чем солдаты признались почему-то шепотом. Лишь один из них заметил:

— Здесь никого нет, кроме этих мотыльков, сир.

— Мотыльков?! — осведомился Вандерлеш. — Каких мотыльков? Где?

— Прямо перед нами, сир, — сказал водитель, кивнув на стаю мотыльков, плясавших в желтых лучах фар вездехода. Они кружились, вертелись, сверкали, увертывались, танцевали, порхали, мельтешили и вытворяли всевозможные выкрутасы.

Однако в их пляске была какая-то закономерность. Вандерлеша внезапно осенило:

— Сфокусируйте луч Детектора на них.

— На мотыльков... сир? — скептически спросил оператор.

— Вы слышали меня, солдат? Выполняйте!

Оператор подчинился. Стрелка на шкале тут же подскочила до отметки 7.9, что соответствовало интеллектуальному напряжению человека, пытающемуся вспомнить бином Ньютона.

— Или какие-то местные умники пытаются нас разыграть, — сказал Вандерлеш, — или же... или...

Он нетерпеливо обернулся ко второму офицеру, майору Лаш Ля Ру, имевшему способность угадывать мысли своего начальника, когда у полковника Вандерлеша не было времени думать самому.

— Или, — подхватил майор Ля Ру, — мотыльки этой планеты эволюционировали до группового интеллекта.

Шифровальщикам понадобилось чуть меньше недели для того, чтобы расколоть шифр, которым пользовалось мотыльковое существо. И они справились бы с этой задачей намного быстрее, если бы хоть один из них додумался сравнить рисунок их танца с азбукой Морзе.

— Вы что, хотите сказать, что эти иноземные мотыльки общаются как телеграфисты? — спросил Варгас.

— Боюсь, что так, сир, — ответил офицер связи. — Виноват, сир, но эти мотыльки действуют как единое существо.

— И что же это мотыльковое существо вам рассказало?

— Оно сказала: «Приведите ко мне вашего главного».

Варгас понимающе кивнул — это имело смысл. Дикари всегда говорят что-то в этом роде.

— И что вы ему ответили? — спросил он.

— Я сказал, что мы еще вернемся.

— Верное решение, — похвалил его Варгас. — Генерал Гэтт ждет от нас отчета.

— Ад и дьяволы! — воскликнул Гэтт. — Мотыльки, а! Это, конечно, не то, что мы искали, зато дело пошло! Лиха беда начало. Пошли потолкуем с этим... черт! Парнем же его не назовешь, верно?

Наступил исторический момент. Гэтт и Варгас при помощи сигнальщика вступили в общение с мотыльковым существом в глубине его пещеры. Громадные военные прожектора землян отбрасывали колеблющиеся тени на неровный пол. А в их свете кружились, похожие на духов, мотыльки. Они описывали круги, порхали, ныряли и говорили азбукой Морзе.

— Хэлло! — сказал Гэтт — Мы с Земли.

— Да, я знаю это, — ответило мотыльковое существо.

— Откуда вы можете это знать?

— Мне об этом сказала другое существо.

— Какое такое другое существо?

— Смею надеяться, что вы говорите обо мне, — раздался голос из глубины пещеры.

Земляне вздрогнули, все как один. Дула пистолетов резко развернулись в направлении голоса, и солдаты застыли, забыв о том, что надо дышать. А затем из завихрений тумана, сквозь световой занавес прожекторов вперед выступила фигура, странно напоминающая человека, только очень тощего, маленького, полностью лысого, с двумя антеннами, растущими из лба, и

большими оттопыренными ушами. Все сразу догадались, что это настоящий инопланетянин. И если даже у кого-то оставались какие-то сомнения, они тут же улетучились, как только фигура открыла рот, похожий на бутон розы, и из этого бутончика полилась речь на великолепном английском языке.

Но еще перед тем как она заговорила, генерал Гэтт приказал сигнальщику задать вопрос:

— Прежде всего, инопланетянин, ответь, откуда ты знаешь наш язык?

— Да мы уже давным-давно в контакте с вашей расой. Мы те, кто частенько появляется у вас на, как вы их называете, «летающих блюдцах». Когда мы впервые прилетели к вам, получилось так, что из-за одной идиотской канцелярской ошибки мы долгое время считали, что Морзе — это ваш универсальный язык. Но к тому времени когда мы разобрались, что к чему, азбука Морзе уже давно преподавалась в наших языковых школах.

— А, ну это все объясняет, — сказал Гэтт, — однако какое же невероятное нужно было стечение обстоятельств, чтобы ваши люди изучили наш язык, как свой.

— Полностью с вами согласен, — ответил инопланетянин.

— В таком случае языковая проблема для нас отсутствует, — сказал Гэтт. — Но как мы можем обращаться к вам? Ведь не «инопланетянин» же? Как вас называть?

— На вашем языке мой народ зовется Магелланиками. И это также наша общая фамилия и также название нашей планеты. Что же касается моего собственного имени, то меня зовут Хартеварт.

— Хартеварт Магелланик — вполне произносимо, — заметил Гэтт. — Я полагаю, что у вас есть какое-то объяснение, почему вы так зоветесь, то есть я имел в виду то, что в нашем языке есть похожее слово.

— А мы и заимствовали это слово именно из вашего языка. Нам как-то больше понравилось его звучание, нежели прежнее название нашей планеты — Хзуйутс-Криль.

— А! Да, это имеет смысл. Итак, планета, на которой мы сейчас находимся, — ваша родина? Или она где-то на другой планете?

— О да, моя родина не здесь, — ответил Хартеварт. — Эта планета населена только разумными мотыльками. До моего дома отсюда очень далеко.

— А тогда что вам здесь надо? Что вы здесь разнюхиваете?

— Генерал, я послан сюда в качестве наблюдателя от нашего подпольного комитета. Я следил за маршрутом вашего флагмана.

— Откуда вы узнали, что мы прибудем именно сюда?

— А мы и не знали. Просто мы разослали наших наблюдателей на разные планеты на тот случай, если хотя бы на одну из них хоть кто-нибудь прилетит. Видите ли, мой народ, магелланики, находится в ужасном положении.

Гэтт повернулся к Варгасу и тихо заметил:

— Ну, знаете, мало того, что мы впервые в истории человечества вступили в контакт с инопланетянами, так эти инопланетяне тут же полезли к нам со своими проблемами.

— Не думаю, чтобы подобную ситуацию можно было предвидеть, — так же тихо ответил Варгас.

— Хорошо, — принял решение Гэтт, — мы выслушаем его инопланетные проблемы, но в более комфортабельных условиях. В этой пещере слишком сыро и вряд ли можно раздобыть чего-нибудь подкрепляющего.

Он повернулся к инопланетянину и спросил:

— Как насчет того, чтобы продолжить разговор на борту моего корабля? Позволю себе предложить вам кислород для дыхания, большой выбор жидкостей для питья, ну и все такое в этом роде.

— Я всю жизнь мечтал попробовать ваши восхитительные опьяняющие напитки! — ответил Хартеварт. — Так что указывайте путь, я следую за вами, шеф!

— Хорошее начало для разговора, — заметил Гэтт Варгасу по пути на корабль.

Хартеварт комфортабельно расположился в большом кресле и, периодически отхлебывая из большого бокала ирландского виски, который он держал в одной руке, и откусывая от толстого сэндвича в другой, начал свой рассказ:

— Долгое время мы, магелланики, были абсолютно свободны. Но теперь наша планета покорена жестоким врагом, чьи обычаи мы не можем принять.

— Это в смысле, что кто-то захватил вашу планету? — спросил Гэтт. — Так расскажите, как это случилось.

Хартеварт вскочил, принял позу оратора и заговорил нарастающим:

— Были они волглые и болотоглазые, уродливые, дурно пахнущие гримы из другой звездной системы, предательски напавшие на нас. Они спустились с неба на своих паукообразных кораблях и прошли по нашей земле, оставляя за

собой лишь кровавые руины. Мало им было того, что они грабили, убивали нас и мародерствовали, но они еще и решили унижить нас, заставив поклоняться гигантскому лопуху.

— Какое кощунство! — сказал Варгас.

— О да! Как предмет культа это просто недопустимо! Мы бы предпочли, чтобы нас завоевали земляне! — горячо сказал Хартеварт и издал губами странный чмокающий звук.

Гэтт повернулся к Варгасу:

— Что это было?

— Звучит как смачный поцелуй, — ответил Варгас.

— Что бы это ни было, но звучит довольно противно, хотя и доказывает добрые намерения, — проворчал Гэтт и спросил Хартеварта:

— Так вы что, хотите, чтобы мы завоевали вашу планету, э?

— О да! — буквально пропел тот. — Мы хотим, чтобы нами правили вы, и никто кроме вас, ду-би-ду, ду-би-ду! Вам нравится? Это наш боевой гимн, которым мы поддерживали свою отвагу все эти мрачные годы. Вы должны попытаться освободить нас. Ведь вы только взгляните на этих гримов! — И он тут же вытащил стопку фотографий, сделанных примитивным полароидом. Гримы выглядели как гибрид паука, краба и ро-сомахи.

— Черт! — сказал Гэтт. — Да любой бы захотел освободиться от таких-то! А воюют они как, хорошо?

— Да ни в коем случае! — заверил его Хартеварт. — С вашими brave солдатами и превосходным вооружением вы победите их одной левой и освободите нас! Тем более что враг уже вывел все свои войска с планеты, оставив только один гарнизон. Вам стоит лишь разделаться с ними — и вся планета ваша! Вам понравится на Магелланике. К тому же там много симпатичных женщин, с восторгом мечтающих о земных солдатах. У нас есть и золото, и драгоценные камни... Такую планету стоит занять.

— Звучит довольно хорошо, а, Варгас? — заметил Гэтт.

— А вас, генерал Гэтт, мы в благодарность возведем в королевский сан с правом наследования этого титула вашими потомками!

— Ты слышал? — толкнул Гэтт Варгаса локтем. — Они хотят сделать меня своим королем! Но пока забудем о чинах. Что действительно важно, так это то, что мы сможем захватить для Земли целую планету! И это будет одна из самых легких войн в истории. А есть ли лучший способ узнать другой народ, как завоевав его?

— А знаете что? — сказал Варгас. — В этом что-то есть!

— О'кей, сынок, считай, что мы договорились, — сказал Гэтт инопланетянину.

— Потрясающе! — ответил тот.

Внезапно в углу комнаты возникло маленькое пятнышко света и стало быстро расти.

— А, крысы! — сказал Хартеварт. — Только вас здесь и ждали!

— Что это?

— Галактический Исполнитель.

— А кто это? — спросил Гэтт.

— Один из этих хлопотунов из Галактического Централы. Он собирается наставить вас на путь истинный.

— Но вы ничего не говорили о Галактическом Централы.

— Не мог же я рассказать вам за тот час, пока мы общались, всю историю вселенной! Галактический Централ — это объединение древнейших цивилизаций ядра нашей галактики, что видно из их названия. Централы, как они сами себя называют, стремятся к тому, чтобы сохранить везде и во всем «статус-кво». Они считают, что если будут следовать этому курсу, то прямиком вернутся к Золотому Веку, который был до Большого Ба-баха. Вот уж было золотое времечко — тишь да гладь.

— И они что, могут не позволить нам вернуть вам вашу планету?

Хартеварт кивнул:

— Космические Арбитры никогда не согласятся ни на какие изменения. Если они узнают ваши планы, они аннулируют их.

— А они в силах это сделать?

— Детка, тебе лучше поверить мне на слово, — вздохнул Хартеварт.

— Что ж, война закончена.

— А вот это еще не факт. — Хартеварт полез в сумку, висевшую у него на шее, достал из нее длинный ствол, элегантно обмотанный проводом, и протянул его Варгасу: — Волнируйте его отсюда, прежде чем он успеет изложить вам свои требования. Пусть отправляется к своим начальникам. В Централы решат, что произошла какая-то ошибка, потому что еще никто и никогда не отваживался шлепнуть Исполнителя. Тогда им придется послать другого.

— Так, допустим. А когда они вышлют следующего, мне что, придется шлепнуть и того тоже?

— Нет. В Централы прощают только одну ошибку. После второй вас просто уничтожат.

— Так что же нам даст то, что я шлепну первого?

— Мы выиграем время. Между первым и вторым Исполнителями вы успеете занять нашу планету и установить на ней свою диктатуру. И тогда, когда прибудет второй Исполнитель и изучит ситуацию, ему ничего не останется, как признать вашу власть.

— Так как же второй утвердит то, чего не смог первый?

— Да говорю же вам! Они стараются сохранить любую политическую ситуацию, которую обнаружит Исполнитель. Он вмешивается лишь в то, что не устраивает Галактический Централ, а не вникает во всякие частности. Положитесь на меня, я на этом собаку съел. Как только он материализуется, направьте на него дуло, и...

— Мы никого не собираемся убивать. Это совершенно излишне, — вмешался Гэтт.

— Да не волнуйтесь вы так. Исполнителя вам не убить.

И тут Галактический Исполнитель наконец материализовался перед ними во всей своей красе: он был громадного роста и словно целиком отлит из стали. Его внушительная внешность и лишенный интонаций плоский металлический голос утвердили Варгаса в его предположении, что перед ним — робот.

— Приветствия! — сказал Исполнитель. — Я прибыл к вам из Галактического Централа с посланием.

Гэтт послал Варгасу многозначительный взгляд.

— Таким образом, — продолжал Исполнитель, — зная всех здесь присутствующих...

— Сейчас? — шепотом спросил Варгас.

— Сейчас, — ответил Гэтт.

Варгас включил трубку. Галактический Исполнитель сильно удивился и исчез.

— Что это с ним? — спросил Варгас инопланетянина. — Куда он делся?

— От вашего шлепка он рассеялся в открытом космосе, — ответил тот. — Потом он восстановится и вернется в Централ.

— А вы уверены, что ему не больно?

— Я уже объяснял вам, что, поскольку он робот, вы не сможете причинить ему никакого вреда. Только роботы могут позволить себе роскошь быть Галактическими Исполнителями.

— Но почему?

— Да потому что только они могут защитить себя от атак всяких варваров вроде вас.

— Ладно, — сказал Гэтт. — Вернемся к нашим делам. Так где находится эта ваша планета, которую так необходимо завоевать, пардон, я имел в виду, освободить?

— Где у вас тут компьютер? — спросил Хартеварт. — Я сам дам ему программу.

Земной корабль с храпящим войском и сражающимся в карты офицерским составом на борту со свистом несясь сквозь пространство. Время шло. Генералу Варгасу полет показался слишком долгим, но Хартеварт еще раз проверил свои вычисления и заявил, что планета уже буквально за углом. Варгас тут же отправился с докладом к Главнокомандующему, и в ту же минуту, когда он открыл рот для рапорта, в рубке заверещал Детектор Интеллекта. Планета Магелланика лежала прямо по курсу.

— Пойди, увидь и победи ее, тигр! — сказал Гэтт Варгасу.

— Но я не знаю как, — ответил Варгас. — Это все же чужая планета...

— Ты помнишь, как мы брали приступом города?

Варгас усмехнулся и кивнул — еще бы ему не помнить!

— Так валяй на Магелланику и делай то же самое. Разница лишь в масштабе.

Разведать, каким вооружением располагают инозвездные оккупанты, не было никакой возможности, поэтому генерал Варгас решил прибегнуть к старой проверенной, хоть и очень простой, тактике — высадиться и закрепиться. Какого черта мудрить, если это срабатывало еще при хеттах?

Земной корабль с ревом вошел в атмосферу Магелланики. Дело упростилось, так как Хартеварт указал город, где были сосредоточены главные силы противника. По приказу Варгаса десантная группа из 5000 штурмовиков, вооруженных сверхмощным оружием, высадилась на планете. Еще 5000 солдат было оставлено в резерве. Но, как показали дальнейшие события, резерв так и не понадобился.

После триумфальной победы на Магелланике генерал Варгас отправил домой письмо:

Дорогая Лупе!

Я обещал тебе подробно описать наше завоевание Магелланики. Все прошло как по маслу. Настолько гладко, что мы было заподозрили ловушку. Для начала мы спустили на парашютах тысячу отборных парней, вооруженных до зубов, на главную площадь их столицы, которую они именуют Мегалополисом. Десант приземлился прямо

посередине фольклорного фестиваля, поэтому сначала возникло небольшое недоразумение — местное население приняло наше вторжение за демонстрацию нового военного танца. Но мы быстро объяснили им, что к чему.

На ту же площадь начали спускаться еще 4000 ребят первой волны, но места на всех уже не хватило. Наши войска промаршировали по всему Мегалополису в полной боевой выкладке, и всюду их встречали восторженные приветствия и самый радушный прием.

Магелланики быстро сообразили, что происходит, развесили вокруг плакаты «Добро пожаловать!» и буквально засыпали наших парней цветами. Не было ни одного инцидента, если не считать того, что в толпах, выражавших массовый энтузиазм, было затоптано несколько женщин.

Вообще Магелланика очень милая планетка с благоприятными условиями для жизни и чудесным климатом. Разве что на полюсах холодно, но мы там не бываем. Да, кстати, мы не обнаружили никаких следов захватчиков, о которых нам рассказывал Хартеварт. Я думаю, они отсиживались в горах, а когда прибыл наш корабль, то попросту смылись.

Продолжаю письмо неделю спустя. Мы были слишком заняты, и теперь я пишу второпях, чтобы успеть передать его с первым кораблем с трофеями, который мы отправляем на Землю.

Наши отряды искусствоведов славно потрудились, прочесав всю планету. Еще бы, ведь им было обещано, что первая добыча — их.

Откровенно говоря, барахло у этих магеллаников не ахти. Но мы собирали все, что можно: мебель, почтовые марки, золото, серебро, драгоценные камни и все такое. Плохо только, что все это придется отсылать на Землю за государственный счет, чтобы продать в пользу армии. Но мы гарантировали это нашим солдатам, и поэтому придется выполнять, иначе может подняться мятеж. Кроме этого, мы посылаем еще излишки местных продуктов питания. Надеюсь, что на Земле найдутся покупатели на их кранко-орехи и жирофрукты. Что до меня, то я мог бы прекрасно жить и без них.

Да, забыл упомянуть, что мы посылаем первый отряд магелланских рабочих. У нас совсем не было трудностей с их набором. Желающих добровольно завербоваться черно-рабочими и поденщиками оказалось более чем достаточно: их привлекает стабильная зарплата. И это очень выгодно

для нас, если учесть, что земляне уже давно не хотят всем этим заниматься.

Скоро напишу тебе снова. Люблю тебя, мой стервятничек!

Спустя шесть месяцев Варгас получил от генерала Гэтта, который к тому времени уже вернулся на Землю к исполнению своих обязанностей Тотального Верховногокомандующего, следующее письмо:

Гетулио, пишу тебе в большой спешке. Нам необходимо кардинально изменить нашу внутреннюю политику, и чем скорее, тем лучше. Мои экономисты только что представили мне отчет, который ясно показывает, что вся эта оккупация влетела нам в копеечку: затраты превышают доход в десять раз! Я не понимаю, как это получилось — я всегда считал, что выигранная война приносит только выгоду. Ты же знаешь мой девиз: «За победой идут трофеи».

Но теперь это правило больше не работает.

Их произведения искусства не имеют на Земле никакого спроса. А наши ведущие искусствоведы утверждают, что магелланское искусство находится пока в зачаточном состоянии. Их музыку здесь никто и слышать не хочет, а безобразный вид мебели уступает лишь ее неудобству и скорости, с какой она разваливается.

Но все это было бы терпимо, если бы магелланики были хорошей дешевой рабочей силой. Когда это было, чтобы дешевый труд не приносил прибыли работодателю?! Так вот, мои эксперты заявили мне, что в результате нашей оккупации миллионы землян остались без работы, а государственная казна полностью истощена. Так как первое, что делает магелланик, прилетая на Землю, — это садится на пособие, пока не подберет себе какую-нибудь приличную высокооплачиваемую работу!

В этом-то корень зла. Они, видишь ли, воруют нос от грязной работы. К тому же они очень быстро обучаются и уже сейчас кое-кто из них пролез на ключевые посты в правительстве, здравоохранении и промышленности. Я собрался было издать закон об ограничении их прав на квалифицированный труд, но мои собственные советники назвали это предрассудками и дискриминацией и заявили, что ни один из них меня не поддержит.

Так что слушай сюда, Гетулио, — немедленно останавливай их пересылку на Землю и будь готов принять обратно всех, кого я разверну здесь и отправлю домой.

Подготовь заявление о том, что миротворческие войска Земли завершили свою высокую миссию освобождения магелланского народа от жестоких угнетателей, попиравших и втаптывавших их в грязь. Так что отныне Магелланика свободна и абсолютно самостоятельна!

Как только сможешь (и чем скорее, тем лучше), выводи с планеты все наши войска, отменяй военное положение и быстрее возвращайся домой.

Да, забыл упомянуть — эти магелланики плодятся, как кролики, и все больше тройняшками, четверняшками и пятерняшками. К тому же им нужно только три месяца на развитие плода — от момента зачатия до родов. Гетулио, нам срочно необходимо отделаться от этих паразитов, пока они не захватили нашу планету и не пустили нас по миру.

Сворачивай лавочку и возвращайся! Не унывай, придумаем что-нибудь новенькое!

Переварив эти новости, генерал Варгас вызвал к себе своего главного экономиста Арнольда Стоуна и приказал ему составить отчет о прибыли, полученной в результате их пребывания на Магелланике.

— Прибыль?! — у Стоуна вырвался короткий сардонический смешок. — С того момента как мы ступили на эту землю, мы несем только убытки.

— А как же тогда налоги, которыми мы их обложили?

— Обложить-то просто. А вот попробуй собери! Они же все хронически некредитоспособны.

— Но разве те, что улетели на Землю, не присылают своим родственникам хоть часть своей зарплаты?

Стоун покачал головой:

— Они вкладывают все до последнего цента в свободные от налогов *государственные облигации*. И при этом клянутся, что это их национальный обычай.

— Мне они с самого начала не понравились, — заявил Варгас, — я всегда ждал от них какой-нибудь пакости.

— Вы оказались абсолютно правы, — ответил Стоун.

— Хорошо же, найдите мне кого-нибудь из службы связи, пусть подготовит заявление для местного населения. Что-нибудь типа того, что мы сделали то, за чем пришли, то есть освободили их от пяты кого бы там ни было, которая их жестоко попирала. Теперь мы уходим, и они могут жить, как им хочется. Миллион поцелуев и привет им всем!

— Вас понял, — сказал Стоун. — Поручу какому-нибудь интеллигенту, чтобы покрасивее все это расписал.

— Исполняйте, — приказал Варгас. — Да, и поручите кому-нибудь готовить корабли к немедленной эвакуации

План был хорош, но он не сработал.

Тем же вечером, когда Варгас играл сам с собой в ножички своим любимым филиппинским ножом и мечтал о скором возвращении домой в объятия Лупе, прямо посреди его кабинета внезапно вспыхнуло яркое сияние. Варгас мигом нырнул под стол, испугавшись теракта. Если бы это не был хилый дрянной магелланский стол, он бы даже почувствовал себя там вполне спокойно. Но даже эта хлипкая видимость укрытия дала ему время сосредоточиться и достать из кобуры лазерный пистолет.

— Если вы попытаетесь использовать его против меня, вы очень об этом пожалеете, — раздался голос.

Варгас осторожно выглянул и увидел характерную металлическую кожу и сверкающие глаза Галактического Исполнителя.

— Ах, так это вы! — сказал Варгас, вылезая из-под стола, стараясь при этом сохранить чувство собственного достоинства, по крайней мере, насколько это позволяли обстоятельства. — Примите мои извинения. А я-то думал, что это террористы. Приходится все время быть начеку. Ну, вы знаете. Итак, чем могу быть полезен?

— Во-первых, — сказал Исполнитель, — даже не пытайтесь меня снова шлепнуть. Один раз вам это сошло с рук, но при второй попытке галактические войска пинками загонят вас обратно в каменный век. Я не шучу. Посмотрите в окно.

Варгас выглянул — небо почернело от чужих кораблей. К тому же они были таких огромных размеров, что трудно представить себе нечто подобное, если вы вообще можете представить, как выглядят галактические военные силы.

— Я как раз собирался принести вам свои извинения за тот досадный инцидент. Меня неверно информировали — я следовал дурному совету. Честное слово, я очень рад, что вы пришли! Вы появились как раз вовремя, чтобы услышать, как я объявляю о деокупации. Надеюсь, что вам будет приятно увидеть, как мы уходим отсюда и возвращаемся домой.

— Я полностью в курсе ваших планов, — сказал Исполнитель, — и я пришел поставить вас в известность, что вам будет очень нелегко привести их в исполнение.

— Но почему?

— Политика Галактики состоит в том, чтобы сохранить «статус-кво», каким бы он ни был. Вы не дали нам предостеречь себя от захвата Магелланики. Это было вашей ошибкой,

потому что теперь, когда вы заняли эту планету, вы будете обязаны сохранять ее за собой.

— Честное слово, — взмолился Варгас, — это больше не повторится. Можно, мы извинимся и забудем все это?

— Нет. Так легко вам не отделаться. Война — это была ваша идея, а не наша. И теперь она связала вас по рукам и ногам.

— Но ведь война закончена!

— По галактическим законам война считается законченной только тогда, когда это признают побежденные. Но могу заверить вас, магеллаников вполне устраивает нынешнее положение вещей.

— Кажется, я начинаю понимать, — сказал Варгас. — Так эти магелланики просто надули нас! Все этот Хартеварт со своими рассказами! Это напоминает мне какую-то историю про птичек, не помню только, что именно.

— Позвольте мне освежить вашу память. Я изучал галактическую орнитологию и поэтому знаю, что на вашей планете есть птица, которую вы называете кукушкой. Она подбрасывает свои яйца в гнезда других птиц, тем самым возлагая на них заботы о своих птенцах. То же самое магелланики проделали с вами.

— Что вы, к дьяволу, хотите этим сказать? — грозно спросил Варгас дрожащим голосом.

— Они заставили вас захватить свою планету. Заставили вас забрать у них излишек рабочей силы. И, раз уж вы оказались здесь, вы обязаны о них заботиться. Вы получили все это потому, что занялись благотворительностью, не подумав о последствиях.

— Какая, к черту, благотворительность?! Мы же их завоевали!

— С точки зрения Галактики война — всего лишь одна из форм благотворительности, — сказал Галактический Исполнитель.

— Как это понимать?

— Мы уверены в том, что война влечет за собой ряд типических самоотверженных акций. Во-первых, это долг засилия, которое мы характеризуем как готовность привнести в большом количестве сперму своих самых физически крепких особей народам, которым она жизненно необходима. В этом плане ваши войска хорошо поработали. Следующий пункт — долг мародерства, который, по сути, является актом очистки искусства завоеванных. Увозя с собой огромными обозами балласт конъюнктуры и халтуры, завоеватели оздоравливают культуру народа, стимулируя его к созданию новаторских и

более качественных произведений. И последнее, это долг образования и самоопределения, что вы успешно осуществили, забрав всех их безработных на свою планету и поддерживая и обучая их там, пока они не оперились настолько, чтобы вытеснить ваших людей с работы.

Варгас обдумал все услышанное, затем пожал плечами и спросил:

— Похоже, вы правы, Исполнитель, но нам-то что теперь делать? Как все это прекратить?

— Это-то самое трудное, — ответил тот. — Разве что, если вам повезет найти кого-нибудь, кто будет настолько глуп, что завоюет и вас, и Магелланику. Для вас это единственный способ слезть с крючка.

Вот почему Земля, вступив в Галактическую Цивилизацию, зареклась воевать. И вот почему вы можете встретить теперь землянина на любой из планет Галактики. Они говорят на всех языках. Они робко останавливают вас где-нибудь на пыльном перекрестке чужой планеты и предлагают: «Послушайте, мистер, не хотели бы вы без особых забот завоевать целую планету?»

Но никто не обращает на них ни малейшего внимания. Даже самые молодые цивилизации теперь знают, что война стоит слишком дорого, а благотворительностью заниматься лучше у себя дома.

ВСЕЛЕНСКИЙ КАРМИЧЕСКИЙ БАНК

Гарри Циммерман работал редактором по рекламе в нью-йоркской фирме «Баттен и Финч». Однажды, вернувшись с работы домой, он обнаружил на маленьком столике в комнате белый конверт без всяких надписей. Гарри удивился. Он не брал этот конверт из почтового ящика, к тому же никто, даже управляющий домом, не имел ключей ко всем замкам в его квартире. Конверт просто-напросто никак не мог попасть в эту комнату. Тогда как он здесь очутился? Наконец Циммерман решил, что, должно быть, конверт он сам сюда принес со вчерашней почтой, только забыл вскрыть. Он и сам этому не верил, но иногда даже неуклюжее объяснение лучше никакого.

В конверте оказалась прямоугольная карточка из глянцевого пластика с надписью: «ГОСТЕВОЙ ПРОПУСК В КАРМИЧЕСКИЙ БАНК. ДЕЙСТВИТЕЛЕН НА ОДИН ЧАС». В одном из углов карточки был напечатан квадратик.

Поразмыслив, Циммерман взял карандаш, перечеркнул квадратик и...

внезапно, даже не ощутив перехода, оказался перед строгим деловым зданием из серого камня, одиноко стоящим в центре просторного зеленого луга. Над распахнутыми огромными бронзовыми воротами в граните было высечено: «КАРМИЧЕСКИЙ БАНК».

Циммерман подождал в надежде, что кто-нибудь выйдет и подскажет, что ему делать дальше, но никто не появился. Тогда Циммерман вошел.

Он увидел несчетные ряды столов. Служащие просматривали горы документов, делали записи в толстых книгах, а потом добавляли очередной документ к стопке уже просмотренных в стоящей возле каждого стола проволоочной кор-

зине. Посыльные периодически освобождали корзины и приносили новые кипы бумаг.

Циммерман направился к одному из столов. Пока он шел, из корзины вывалился документ и скользнул на пол.

Он поднял его и присмотрелся. На документе, сделанном из мерцающего прозрачного вещества, был яркими красками изображен объемный ландшафт с крошечными фигурками. Когда Циммерман шевелил листок, вид менялся. Он увидел улицу города, потом корабль на реке, затем озеро на фоне подернутых дымкой голубых гор. Мелькнули и другие картинки: слоны, пересекающие широкую пыльную долину, разговаривающие на перекрестке улиц люди, пустынный пляж с чахлыми пальмами.

— Осторожно! — воскликнул клерк, выхватывая документ из рук Циммермана.

— Я не намеревался его испортить, — заметил тот.

— Я волнуюсь не за документ, а за вас. Если его неумело повернуть, то картинка затянет вас. Тогда нам придется немало потрудиться, вытаскивая вас обратно.

Выглядел клерк достаточно приветливо. Это был немного взлохмаченный мужчина средних лет, лысоватый спереди и одетый в светло-серый пиджак, тщательно отутюженные брюки и блестящие черные туфли.

— А что это за штуки? — спросил Циммерман, указывая на поблескивающие документы.

— Вижу, вы еще никогда не бывали в этой реальности. Это многомерные счета — нечто вроде космических расчетных листов. Каждый из них содержит запись о текущем кармическом статусе планеты. Вычтя плохую карму, мы обращаем остаток по текущему обменному курсу в Интраверсальные Единицы Счастья и переводим ИЕС на счет планеты, выдавая их по требованию владельца. По сути, мы ничем не отличаемся от обычной банковской системы, разве что вместо денег используем ИЕС.

— Так вы хотите сказать, что люди могут в любой момент снять со своего счета нужное количество счастья?

— Совершенно верно. Правда, есть одно «но» — мы не заводим личных счетов. Они исключительно планетарные.

— И что, все планеты с разумными обитателями имеют у вас счета?

— Да. Едва у живущих на планете существ развивается как минимум абстрактное мышление, мы открываем для них счет. Позднее они могут им воспользоваться, если попадут в полосу невезения. Скажем, вспыхивают эпидемии, без особых причин начинаются войны, одолевают слишком продолжительные засуха или голод. Такое случается на любой планете, однако,

если запас счастья достаточно велик, с невезением обычно можно справиться. Только не спрашивайте меня, как это происходит. Я банковский служащий, а не инженер. И если немного повезет, даже клерком пробуду не очень долго.

— Уходите из банка?

— И не только из банка — из всей здешней реальности. Уровень, на котором расположен Кармический банк, весьма невелик по размерам. Здесь есть только одно здание на лугу, а сам луг втиснут в серединку небольшого «ничто». Нам всем доплачивают за сложные условия труда, но я решил, что накопил уже достаточно.

— И куда вы отправитесь?

— О, можно выбирать среди множества реальностей. Я подобрал себе одну по каталогу, весьма симпатичную. С моей пенсией и ИЕС-счетом я рассчитываю прожить весьма долго и припеваючи. Знаете, одно из великих достоинств работы во «Всеобщих технократах» — личные ИЕС-счета. Должен также признать, что кафе здесь тоже неплохое, а в кино показывают самые новые фильмы.

Циммерман вздрогнул: в кармане у него что-то зазвенело. Когда он извлек свой гостевой пропуск, тот вспыхивал и звенел. Клерк сжал пальцами уголок — звон прекратился.

— Сигнал означает, что ваше время кончается, — пояснил клерк. — Приятно было побеседовать. У нас не очень-то часто бываю посетители с ваших уровней. В нашей реальности даже гостиницы нет.

— Минуточку. А у вас тут есть счет Земли?

— Да. Вместе со счетами остальных планет. С него еще никто никогда не снимал.

— Что ж, для этого я и прибыл, — сказал Гарри. — Я полномочный представитель Земли. В противном случае меня бы здесь не было. Верно?

Клерк кивнул. Он уже не выглядел таким счастливым.

— Я хочу снять со счета некоторое количество счастья. Для Земли, разумеется, а не для себя лично. Не знаю, давно ли вы проверяли состояние наших дел, но на планете накопилось немало проблем. С каждым годом у нас все больше войн, загрязнения среды, голода, наводнений, тайфунов, необъяснимых аварий и тому подобного. Кое-кто на Земле начинает нервничать. Сейчас нам это счастье очень даже не помешает.

— Я так и знал, что в один прекрасный день с Земли кто-нибудь да заявится, — пробормотал клерк. — Этого я и опасался.

— В чем дело? Вы сами говорили, что наш счет здесь.

— Счет-то есть. Только он пуст.

— Но как такое могло произойти? — возмутился Циммерман.

Клерк пожал плечами:

— Вы сами знаете принципы работы банков. Нам нужно иметь прибыль.

— А какое это имеет отношение к счастью Земли?

— Мы его ссудили под проценты.

— Вы ссудили наше счастье?

Клерк кивнул:

— Ассоциации цивилизаций Малого Магелланового облака. Риск первого класса.

— Что ж, — сказал Циммерман, — придется вам отозвать ссуду.

— Мне очень не хочется продолжать, но я вынужден это сделать. Несмотря на свою весьма высокую кредитоспособность, Ассоциация цивилизаций ММО недавно провалилась в черную дыру. Понимаете, возникла пространственно-временная аномалия. Со всяким может случиться.

— Да, беднягам не повезло, — согласился Циммерман. — Но что с нашим счастьем?

— Вернуть его уже невозможно. Оно провалилось за горизонт событий* вместе с прочими ценностями Ассоциации.

— Вы потеряли наше счастье!

— Не волнуйтесь, ваша планета обязательно накопит новое. Мне очень жаль, но тут я вам помочь бессилён.

Печальная улыбка клерка и его лысеющая голова начали таять. Все вокруг замерцало, потускнело, и Циммерман понял, что возвращается в Нью-Йорк. И это ему совсем не понравилось. Надо же — он первым из людей сумел оказаться в другой реальности, можно сказать, стал галактическим Колумбом, — и что ему теперь сказать людям? Мол, извините, братцы, но ваше счастье ухнуло в черную дыру?

Если он принесет людям весть о столь космическом невезении, его имя на века станет проклятием. «Вот идет Циммерман!» — станут говорить люди, указывая на человека, сообщившего всем о сокрушительном несчастье.

Так нечестно. Он не может допустить, чтобы молва о нем последовала за ним в вечность. Нужно что-то предпринимать, и срочно.

Но что?

И этот момент, когда Гарри Циммерман был наполовину там и наполовину здесь, стал для него моментом принятия

---

* Горизонт событий — физический термин, описывающий параметры пространства вокруг черной дыры. (Примеч. пер.)

решения. Тем самым случаем, когда необходимость, обычно не проявляющая ни к кому благосклонности, неожиданно становится матерью изобретений.

Вот почему Циммермана внезапно озарило.

— Подождите! — крикнул он клерку. — Нам надо поговорить!

— Послушайте, я ведь уже принес вам свои извинения.

— Забудьте об извинениях. У меня деловое предложение.

Клерк взмахнул рукой. Мерцание прекратилось.

— И какое у вас предложение?

— Заем.

— Заем счастья?

— Разумеется. И крупный. Такой, чтобы нам хватило выпутаться из всех неприятностей.

— Дорогой сэр, почему же вы с этого не начали? Наш бизнес — давать счастье займам. Идите со мной.

И Гарри вошел вслед за клерком в банк.

Подобно Колумбу, возвратившему испанским королю и королеве взятые займы золото и жемчуг, Гарри Циммерман, наш невольный представитель, вернулся в Кармический банк и оформил договор о займе счастья, в котором мы, жители Земли, так отчаянно нуждались. Вот в чем истинная причина нашего нынешнего процветания и благополучия в прекрасном двадцать первом столетии. Разумеется, процент по займу был выставлен немалый: Кармический банк ссужает счастье не за красивые глаза. Так что если мы не отыщем способ в ближайшем будущем вернуть заем, нам останется только одно — спрятаться в черной дыре, подобно Ассоциации цивилизаций ММО. Да, это крайнее средство, но уж лучше ухнуть в черную дыру, чем навсегда распрощаться со своей планетой.

ВЕСТОЧКА ИЗ АДА

Когда во сне мне явился мой мертвый шурин Говард, первое, что он заявил, было:

— Эй, привет, старина Том! Сколько лет! Мне так тебя не хватало, ты бы знал! Не соскучился?

Если ему меня и не хватало, то я без него обходился превосходно. Говард всегда был против моего брака с Трэйси. Впервые мы встретились, когда Трэйси приволокла меня домой — представить родным, как «молодого человека», с которым познакомилась на литературных курсах при Нью-Йоркском университете. Родители ее, конечно, в экстаз не пришли, но отношение Говарда я назвал бы чуть более холодным, чем ледяное. Он ясно давал понять, что не желает, чтобы какой-то заштатный писателишка женился на его дорогой, любимой и единственной сестренке Трэйси.

Ну, черт с ним, скажете вы? Мы с Трэйси все-таки поженились и переехали в маленькую квартирку на Коконат-Гроув. Не могу этого доказать, но я уверен, что именно Говард настучал полиции, будто я крупный торговец наркотиками, скрывающийся под маской интеллигента. Полицейские заявили к нам с пушками наголо и выражением лица «кого-мне-тут-пристрелить-первым?» и принялись искать под кроватью и в шкафу лабораторию, где я перегонял макароны в кокаин. Смешно, но они всерьез ожидали этого от человека, который завалил в колледже курс естественных наук, а химическую реакцию представляет как шипение таблетки «Алка-Зельцер» в стакане.

Ничего они, конечно, не нашли, а пол-унции второсортной конопли, приставшей к моему носку, уликой решили не считать. Но наши семейные отношения этот случай не улучшил.

Очень многие женятся без согласия родных, как мы с Трэйси. И мы решили, что со временем Говард остынет.

Message from Hell

© 1988 by Robert Sheckley

В том же году я продал свой пятый рассказ и заключил контракт на первый роман, а Говард распустил слух, что я бесталанный плагиатор, а все книги пишет за меня Трэйси.

Его оштукатуренный домишко в Корал-Гэйблз испускал волны ненависти, упорно докатывавшиеся до нашего уютного гнездышка в Гроув. Наша с Трэйси семейная жизнь катилась под откос — не скажу, что только по его вине, но руку он, несомненно, приложил.

В конце концов Трэйси заработала нервный срыв, ушла от меня, сбежала в Хьюстон, жила там у подруги, развелась со мной и вышла замуж за кого-то другого. Это случилось, когда я заканчивал свою вторую книгу. И я почти уверен, что Говард дал на лапу тому парню из «Майами Геральд», который накатал на мой роман самую разгромную рецензию в истории Южной Флориды.

В свете вышесказанного вы вряд ли удивитесь, что я не слишком скорбел, когда два года спустя пьяный инструктор-аквалангист из Марафон-Шорз загнал свой ржавый «бьюик» 73 года выпуска на тротуар набережной, и хищный бамперозубый монстр протер Говарда сквозь сито железной сетки, ограждавшей Южный пляж.

Конечно, недостойно с моей стороны радоваться его смерти, но я ею наслаждался. Сам бы лучше не придумал. Мне его смерть так понравилась — я жалел, что не сам ее спланировал. Должен признаться также, что день его похорон стал для меня лучшим днем в году. Я не горжусь этим, но... мне было тошно, пока Говард жил, я испытал облегчение, когда его не стало, и большое изумление — когда он вломился в мой сон.

— Слушай, Говард, а какого черта ты вообще делаешь в моем сне? — спросил я.

— Забавно, что ты чертей упомянул, — Говард по привычке нервно хохотнул. — Я теперь среди них обретаюсь.

— Мне следовало догадаться, — ответил я.

— Слушай, Том, раскрой глаза, — раздраженно бросил Говард. — Я попал в ад не потому, что я такой паршивец. Тут *все* — все, кого я знал, и почти все, о ком слышал. Здесь место, куда люди попадают после смерти. Его и адом-то никто не называет. Просто я заметил, что тут никто не улыбается, и решил, что это оно самое и есть. Но тут неплохо. Начальник у нас есть; требует, чтобы мы его называли «мистер Смит», но, по-моему, он и есть Дьявол. Кажется, неплохой парень и очень воспитанный.

— Я всегда думал, что Дьявол — бизнесмен, — съязвил я. — Или ученый.

— Да пошел ты со своим цинизмом, Том, — отмахнулся Говард. — На самом деле Дьявол — искусствовед и знаток современной культуры.

— Он тебе сам так отрекомендовался?

— А как еще объяснить, что лучшие места у нас занимают художники, писатели, скульпторы, музыканты, артисты, танцоры... И дома у них — дай Боже, и машины новые.

Я заинтересовался. Я уже упоминал, что зарабатываю писательским трудом — не то чтобы я приобрел широкую популярность, но и безвестным меня не назовешь. Моя мама всегда говорила, что мне воздастся на небесах, или куда я там еще попаду. Вот и доказательство.

— Расскажи еще, — попросил я.

— Положение человека у нас зависит исключительно от того, насколько хорошо его знали на Земле. В Верховном суде у нас такие шишки, как Толстой, Мелвилл, Нижинский, Бетховен; даже неудачник По заведует большой группой корпораций — работай, не работай, все равно платят.

— Мне это нравится, — сказал я. — Спасибо за предложение.

— Тебе-то нравится, — с горечью произнес Говард. — А нам, остальным, жить не так сладко.

И мой шурин рассказал, что живет он в однокомнатной половинке дома, в глухом пригороде на задворках ада. Работа его — единственная доступная — заключалась в сортировке щебня по числу и размеру граней. Этим занимались все неизвестные.

— Не так и тяжело, — заметил я.

— Не тяжело, — согласился Говард. — Настоящее наказание — скука. Телевизор мне дали, но качество приема вшивое, а единственная программа — повторы «Я люблю Люси»*. Еще раз в неделю показывают бейсбольный матч, но всегда один и тот же — «Филадельфия» против «Ред-Сокс», стадион Фенвэй-парк, 1982 год. Я его могу пересказать подачу за подачей.

— Да, Говард, это ужасно, — сказал я, — но чем тебе помочь? Так что удачи тебе на новом месте и до свидания.

— Подожди! — крикнул Говард. — Не просыпайся! Я вбухал десятилетний запас сигарет, чтобы попасть в твой сон. Ты можешь помочь мне, Том, а заодно и себе.

— О чем ты толкуешь, Говард?

— Запиши этот рассказ и продай в журнал. Его возьмут. И упомяни мое имя. В аду имеет значение, даже если писатель тебя просто упомянет. Может, это даст мне повод выбраться из

---

* Известный американский телесериал 60-х годов. (Примеч. пер.)

этого пригорода, сделать следующий шаг, переехать в коттедж в местечке, похожем на Кэйп-Мэй под дождем, сортировать полудрагоценные камни, а не щебенку, и смотреть по телевизору два канала и футбольный матч НФЛ каждое воскресенье. Это немного, но мне это кажется раем. Том, обещаю, что ты это сделаешь!

Он умоляюще глянул на меня. Годы в аду не улучшили его внешности. Он казался напряженным, нервным, измученным, апатичным, взбудораженным и очень усталым. Так, наверное, выглядят все представители низших слоев ада.

— Ладно, Говард, сделаю. А теперь будь так любезен — пооди-ка ты к черту, доброго пути!

Лицо его просветлело.

— Ты обещаешь? Да освятит Сатана твои рецензии! — воскликнул он и сгинул.

А я сел и написал этот рассказ. Вначале я хотел довершить свою месть Говарду. Видите ли, я нигде не упомянул настоящего имени своего шурина. Пусть до скончания веков сортирует щебенку в своем домишке в аду.

Таково было мое первое намерение. А потом я от него отказался. Великолепная, конечно, месть, но не на мой вкус. Мщение до гробовой доски я понимаю, но не по другую же ее сторону! И вы можете смеяться — но я твердо убежден, что мы должны помогать своим мертвым, чем можем.

И этот рассказ я посвящаю тебе, Говард, чье настоящее имя Пол В. Уитмен, последнее место жительства — Сикактус-драйв, 2244, Майами-Бич, Флорида. Я прощаю тебе все дерьмо насчет Трэйси. Может, мы с ней разошлись бы и без твоей помощи. Пусть эти строки принесут тебе твою комнату в отеле и еженедельный футбольный матч.

И если ты встретишь моих старых школьных приятелей: Мэнни Клейна (убит во Вьетнаме, 1969), Сэма Тэйлора (инфаркт, Манхэттен, 1971) и Эда Московица (ограблен и убит в Морнингсайд-Хейтс, 1978), передай им, что я о них спрашивал и тем самым, надеюсь, обеспечил их переезд в более благоустроенные места.

ГИБЕЛЬ АТЛАНТИДЫ

Несчетные столетия назад, до первых фараонов, до того, как континенты обрели нынешние очертания, а океаны и горы — встали на нынешние места, существовали земля и народ, не оставившие следа в летописях, ибо те летописи сгнули, когда вздымались и двигались хребты, когда океанские волны заливали плодородные поля, чтобы когда-нибудь, в далеком будущем, вновь отхлынуть. В общем-то помним мы об этой стране только то, что она когда-то существовала, а называем, как и положено называть исчезнувшую без следа цивилизацию — Атлантидой.

В Атлантиде чудесные дни сменяли друг друга с регулярностью, которую лишь неблагодарнейший осмелился бы назвать монотонной. Собственно, климат Атлантиды и прилегавших к ней земель напоминал климат нынешнего Майами — жаркий, влажный, расслабляющий. Круглый год Атлантида пребывала в тропическом сне, и так продолжалось многие века.

Правил Атлантидой великий царь. Владения его пересекались многими реками, большими и малыми, а реки были связаны каналами и протоками; уровень воды в них поддерживался шлюзами, куда поднимали воду вращаемые рабами колеса. Обширно было царство атлантов и насквозь пронизано паутиной проток, каналов, озер и прудов.

Лишь царскому флоту — военному и торговому — дозволялось бороздить государевы воды. Крестьянам разрешалось за отдельную плату рыбачить с берегов да плавать — вернее, грести, потому что плавание как таковое было привилегией царских десантников.

А за самой дальней рекой простиралась пустыня до краев неизвестной земли. Странные, безымянные племена являлись

иногда оттуда, а иной раз — орды воинов. Но всегда оставляли их водные преграды, ибо тот, кто правил реками и каналами, правил Атлантидой. То была аксиома, древняя, как само время, закон природы, с которым невозможно бороться.

Поэтому царь атлантов не слишком обеспокоился, услышав, что с севера движется очередная орда варваров, явившихся из-за края мира, из сказочной и туманной Гипербореи.

Царь разослал разведчиков и шпионов и с облегчением услышал от них, что варвары, как обычно, не принесли с собой ни плотов, ни лодок, ни материалов для постройки моста через окружавшие Атлантиду реки.

Воды всегда защищали Атлантиду от вторжения варваров. Даже если те и строили камышовые лодки или надували плавучие кожаные пузыри — типичные варварские уловки, — бояться дикарей не стоило, ибо бдителен был государев флот, и быстрые каноз, смертоносные триремы и величественные клювоносые галеры были одинаково превосходно вооружены, бронированы и заполнены отменной царской морской пехотой.

Так что грядущего вторжения царь ожидал с полным хладнокровием, однако на всякий случай проконсультировался с учеными.

— Сир, — сказал ему Главный Ученый, — мы рассмотрели все факторы. На основании наших многовековых наблюдений за варварами, их техникой боя и вооружением и научного сравнения их с нашими собственными я могу смело сказать вам, что, за исключением абсолютно непредвиденных обстоятельств, нам совершенно нечего опасаться.

Царь кивнул. Но что-то в успокаивающих словах его насторожило.

— Что это за абсолютно непредвиденные обстоятельства, о которых ты болтаешь? — спросил он.

— Это элемент непредсказуемого, сир.

— Но если вы знаете все факторы, то зачем делаете поправку на непредсказуемое? — спросил царь. — Ваша работа — предсказывать все, что может изменить положение вещей!

— В этом и состоит суть научного метода, недавним открытием которого мы очень гордимся, мой господин. Сказав, что мы знаем *все*, мы встали бы на одну доску с суеверными жрецами. Но, признавая возможность *непредвиденного*, мы остаемся в жестких рамках научного метода.

— И какова же вероятность непредвиденных событий? — спросил царь.

— Так мала, — отвечал Главный Ученый, — что мы еще не придумали для нее достаточно малого числа.

Этим и пришлось удовлетвориться царю — пусть и не совершенной уверенностью, но максимальным приближением к ней, какого может только добиться человек или монарх в нашей собачьей жизни.

Царь приказал подтянуть войска к берегу великой реки, опоясывавшей земли атлантов. Глубокая и широкая, медлительная, бурая и серо-стальная река испокон веков защищала царство. На дальнем берегу разбили лагерь враги, волосатые варвары в шкурах — ужасно неудобно в теплом климате. Разведчики доносили, что варвары молятся и заклинают своих поганных иноземных идолов, но лодки строить не пытаются.

Положение варваров казалось безнадежным. Шпионы сообщали, что провизия во вражеском лагере подходит к концу. Пусть варвары многочисленны и хорошо вооружены, но реку им было не пересечь. А полная сил, сытая, победоносная царская армия ожидала неизбежного исхода.

Но в тот самый день случилась небольшая, казалось бы, перемена. Дотоле неизменно синее небо Атлантиды заволокли тучи, хотя до начала сезона дождей оставалось несколько месяцев. И снова царь призвал к себе ученых.

— Дожди вне обычного для них времени, — объявил Главный Ученый, — большая редкость, но такое уже случалось.

— Холодает, — заметил царь.

— Мы заметили и это, а потому рекомендуем раздать солдатам куртки на вате.

К вечеру с неба начали падать белые крупинки, и царь беспокоился всерьез.

— Весьма необычное явление, — сказал Главный Ученый. — Но и ему есть прецедент. Согласно нашим записям, в последний раз это вещество падало с неба около семисот лет назад. Оно исчезает слишком быстро, чтобы могли исследовать его подробнее. Считается, что это обрывки облаков, рассеянных могучими ветрами горных сфер.

Армии это, само собой, не понравилось — солдаты не любят неожиданностей и недобрых знамений. Но армия держалась, черпая отвагу в жалком зрелище варваров на другом берегу, жмущихся к крохотным лагерным кострам, чтобы просушить сырые шкуры.

Но становилось все холоднее, а ночью холода стали и вовсе невиданными. Войскам раздали хлопковые плащи и мантии с двойной подкладкой. А стужа крепчала, и вновь призвал царь своих ученых.

— Воистину, не видывали мы раньше таких холодов, — заявил Главный Ученый. — Но это не имеет значения. Варваров холод терзает больше, чем нас. Пусть солдаты как

следует навожат тетивы луков, ибо в летописях сказано, что от большого холода льняные тетивы делаются хрупкими.

Так и было сделано, и усиленные наряды патрулировали берег реки, и армия провела кошмарную ночь.

А наутро царя разбудили тревожные крики. Выбежав на берег, царь узрел, что за ночь речные воды переменялись, точно по волшебству. Уже не плескались о берег сероватобурые волны. За ночь вода обратилась в некое иное вещество — кое-где белое, в иных местах прозрачное, но везде — явно твердое.

— О боги! — вскричал царь. — Демоны околдовали реку!

— Отнюдь нет, мой господин, — возразил Главный Ученый. — Мои помощники, как и положено последователям научного метода, всю ночь следили за рекой. И я с уверенностью могу сказать, что в ответ на неслыханные холода воды реки свернулись — хотя это, наверное, неточный термин. В любом случае вода затвердела. Мы давно знали о теоретической возможности подобной, как мы говорим, трансформации, но в первый раз получили экспериментальное подтверждение.

— Так это не ведовство? — разочарованно спросил царь.

— Конечно, нет. Мы просто открыли новый закон природы. Вода, подвергнутая сверхнизким температурам, твердеет.

Орды варваров вступали на блестящую белую поверхность — поначалу осторожно, потом, обнаружив, что она выдерживает их вес, — все увереннее. А царские корабли, накрепко вмерзшие в реку, стояли как отдельные форты, не в силах помешать обтекавшему их могучему потоку вооруженных дикарей. И глянул царь на пересекающие реку полчища воинов, и увидел, как бегут его солдаты, и понял он, что все кончено.

— Ты обманул меня! — вскричал он, оборачиваясь к Главному Ученому. — Ты говорил, что можешь предсказать все! Гляди же, что из этого вышло!

— Мой господин, — возразил Главный Ученый, — я скорблю о случившемся не меньше вас. Но не вините науку за эти неожиданные события. В научном лексиконе, мой господин, есть слово, которое прекрасно описывает то, что произошло с нами.

— И что это за слово?

— Такие происшествия обычно называют *аномалиями*. Аномалия — это абсолютно естественное событие, которое нельзя предсказать на основании того, что случалось раньше.

— Ты никогда не говорил об аномалиях, — простонал царь.

— Зачем мне было утруждать ваше величество непознаваемым, когда столь многое нам доступно?

Варвары уже приближались; царь с учеными подошли к коням, намереваясь ускакать во спасение своих жизней.

— Это конец света, — печально произнес царь, садясь на коня.

— Отнюдь нет, сир, — возразил ученый, забираясь на другого коня. — Великое горе — потерять царство. Но пусть утешит вас, что в ваше царствование началось беспрецедентное в истории Атлантиды событие.

— Какое же? — спросил царь.

— Мы присвоили белому веществу временное название «лед», — ответил ученый. — И, если я не ошибаюсь, мы стали свидетелями начала первого на Земле ледникового периода.

— Тоже мне утешение, — фыркнул царь и ускакал искать новое царство с более благоприятным климатом.

БОЖЕСТВЕННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

Есть на свете планета под названием Аталла. На планете той стоит неимоверных размеров гора, называемая Санито. В умеренной зоне, у ее подножия, расцветают цивилизации. А сама гора, до половины укрытая вечным льдом, видна из всех окрестных земель. Там, где ее склоны не круты — там они обрывисты, где не обрывисты — там отвесны; и лавины постоянно срываются с них.

Ни один человек еще не покорял той горы, поскольку она считается неприступной. Даже предгорья ее трудны для восхождения. Тем не менее легенда гласит, что в давние времена один святой, многими годами сосредоточенной медитации выбившийся в боги, при помощи обретенных сил вскарабкался таки на самую вершину недоступной горы.

Бог, до своего восхождения известный местным жителям под именем Шельмо, вырубил себе пещеру в скалах на вершине Санито. Он сработал тюфяк из льда и молитвенный коврик из лишайника — для божества, способного вырабатывать собственное тепло, этого вполне достаточно.

Шельмо собрался провести на вершине Санито несколько геологических эпох, практикуясь в сосредоточении и медитации. Хотя до божественности он уже дотренировался, Шельмо находил свою технику недостаточно утонченной и решил ее немного улучшить.

Шли века. Поднимались и рушились цивилизации, но Шельмо не обращал на это внимания: чтобы хорошо сосредоточиться, нужно немало времени. Бог понимал, что, посвящая все свое время медитации, ведет себя несколько эгоистично — в конце концов, богам ведь положено присматривать за человеческими делами. Но Шельмо решил, что боги могут менять правила игры; кроме того, когда он разделяется с проблемой сосредоточения,

у него появится уйма времени на занятия божественной этикой.

Для божества, отрешившегося от мира, гора Санито была идеальным убежищем. Там без конца бушевали бураны и лавины, наполняя воздух постоянным ревом. На обрывках серых и белых туч так удобно сосредоточиваться при медитации. А людские молитвы до пещеры Шельмо почти не долетали. Избитые бурями и залепленные снегом, молитвы превращались в лишённые смысла скорбные и жалостные звуки.

Но даже бог не может навечно уйти от всех забот. Рано или поздно суетный мир доберется и до него.

В один прекрасный день Шельмо был немало удивлен, обнаружив, что человеческое существо взобралось на неприступную гору и стоит у входа в его дом. (На самом деле Шельмо не удивился — боги не удивляются. Но он этого определенно не ожидал.)

Человек пал ниц и принялся читать длинную молитву.

— Да-да, спасибо большое, — прервал его Шельмо. — Но как ты сюда попал? Предполагается, что эта гора недоступна для всех, кроме богов. Кстати, ты случайно не бог, прикинувшийся человеком?

— Нет, — ответил человек. — Я всего лишь смертный, и имя мое Дэн. На сию вершину я смог вознестись частью благодаря собственному благочестию и добродетельности, а частью — молитвами твоих почитателей там, внизу.

— А, понял, — сказал Шельмо. — Присаживайся. Вон, льдина стоит. Надеюсь, ты способен регулировать температуру тела?

— Конечно, о господь, — ответил Дэн. — Это один из первых шагов на пути к духовному совершенству.

— Именно, — согласился Шельмо. — Так зачем ты пришел?

Дэн пристроился на льдине и поправил рясу.

— О господь наш, твой народ молит о божьей помощи. Без твоего вмешательства мы будем повержены и сгинем с лица земли.

— Так что у вас там случилось? — спросил Шельмо. — Надеюсь, не мелочь какая-нибудь. Не люблю, когда меня по пустякам дергают.

— Стальные крабы, — вздохнул Дэн. — И самопрограммирующиеся механические вампиры жить не дают. Ну конечно, еще медные скорпионы со взрывчаткой в хвостах, но больше все-таки крабы. Эти машины научились самовоспроизводиться. Взамен каждой уничтоженной крабофабрики вырастает

десять. Крабы кишат на улицах, в домах, даже в храмах. Они убивают нас, и мы проигрываем бой.

— В мои времена, — произнес Шельмо, — ничего подобного не было. Откуда они взялись?

— Ну, как тебе, господи, известно, — осторожно начал Дэн, — ныне между всеми странами царит мир. Однако еще недавно некоторые находились в состоянии войны. Стальные крабы были созданы в одной из них как оружие.

— И эта страна применила их против другой?

— О нет, господи, конечно, нет! — воскликнул Дэн. — Это была случайность. Крабы сбежали. Они рассеялись сначала по стране, где были изобретены, потом по всему миру. Они плодятся быстрее, чем мы успеваем их уничтожить. Из-за этой нелепой случайности мы погибнем, господи, если ты не снизойдешь к нам и не поможешь.

Несмотря на добровольное отшельничество, Шельмо чувствовал, что кое-чем обязан этому народу, называвшему себя *его* народом.

— Если я исправлю положение дел, сможете ли вы, смертные, сами за собой приглядывать и оставить меня в покое? — спросил он Дэна.

— Само собой, господи, — ответил Дэн. — Мы, люди, полагаем, что должны сами собой управлять. Мы хотим сами определять свою судьбу. Мы верим в разделение государства и церкви. Если бы только не эти проклятые крабы...

Шельмо воспользовался божественным всеведением и разобрался в истории с крабами. Да, напортачили эти смертные!

Будучи богом, Шельмо мог просто уничтожить всех крабов во мгновение ока, но Совет по божественной этике не одобрял прямого вмешательства, как дающего почву для нелепых суеверий. Поэтому Шельмо сотворил бактерию — так, чтобы никто не разобрался, откуда она взялась, — поражающую микроцепи не только стальных крабов, но также медных скорпионов и механических вампиров. А в результате хитроумных генетических манипуляций бактерии самоуничтожатся, разрушив то, что должны разрушить.

Когда дело было сделано, Шельмо оборвал осанны и хвалы Дэна.

— Один раз — куда ни шло, — заявил он. — Я и сам когда-то был человеком. Но теперь я желаю в тишине и покое заняться сосредоточением и медитацией.

Дэн направился вниз, в земли смертных, а Шельмо устроился поудобнее и принялся медитировать.

Шли годы. Но Шельмо показалось, что и минуты не прошло, как Дэн появился в пещере вновь.

— Что так скоро? — недружелюбно осведомился бог. — В чем дело? Я что, не всех крабов добил?

— О, всех до единого, — ответил Дэн.

— Так в чем проблема?

— Ну, мы ухитрились довольно долго прожить в мире и покое. Но у нас снова неприятности.

— Неприятности? Опять драться начали?

— Нет, этого мы смогли избежать. Но у нас случилась серьезная авария. Мы сбросили устаревшее ядерное и химическое оружие в огромные бетонные озера. Наши лучшие ученые утверждали, что это абсолютно безопасно. Но затем в глубинах этих озер нечто начало меняться, мутировать, обрело жизнь и ярость.

— Итак, вы создали жизнь. — Шельмо кивнул. — Случайно, но все-таки. Но, чтобы сделать это правильно, требуется бог. А вы, конечно, все запароли?

Дэн кивнул:

— Из хранилищ засочилась живая полужидкая субстанция, пожирающая все на своем пути. Она разливается по стране, она распространяет споры и заражает людей на всех континентах. Она медленно покрывает мир, и мы не можем остановить ее. Если ты не избавишь нас от напасти, господи, мы обречены!

— Вы, смертные, продолжаете делать идиотские ошибки, — заметил Шельмо. — Неужели вы не учитесь на собственном опыте?

— Думаю, что на сей раз мы усвоили урок, — ответил Дэн. — Наконец-то весь мир пришел к согласию. Если мы не погибнем в этот раз, если ты поможешь нам, то, думаю, нам удастся построить лучший мир.

При помощи своего всеведения Шельмо оценил обстановку. Химическая тварь выглядела ужасно — черно-оранжевые пятна на синем и зеленом лике Земли.

Бог может найти множество способов справиться с подобным кризисом. Шельмо вызвал в химической твари чувствительность к недостатку нобелия, нестабильного радиоактивного элемента из ряда актиноидов. А потом чудом уничтожил весь нобелий на планете. (Шельмо не был лишен чувства юмора. Кроме того, уничтоженное он собирался заменить.)

Химическая тварь сдохла.

— Спасибо, господи, — прошептал Дэн. Трудно подобрать подходящие слова, чтобы выразить благодарность существу, только что второй раз спасшему твою расу от уничтожения.

Дэн вернулся к своему народу, а Шельмо устроился помедитировать.

Но только он начал концентрироваться, как перед ним снова возник Дэн.

— Ты же только что ушел! — воскликнул Шельмо.

— Это было пятьдесят лет назад.

— Что ж вы меня каждую минуту дергаете?!

— Увы, господа! — проговорил Дэн. — Прощения прошу за это вторжение. Но я не за себя пришел молить, а за народ — за твой народ, господа, страдающий и беспомощный.

— Что на этот раз? Опять какое-нибудь из ваших изобретений погулять решило?

Дэн покачал головой:

— Нет, это паратиды. Знаю, местной политикой ты не интересуешься, поэтому дозволю объяснить. Паратидами зовется одна из главных политических партий нашей страны, выступавшая, как мы думали, за свободу, равенство и многое другое для всех, без различия пола, расы и вероисповедания. Но, когда они пришли к власти, мы обнаружили, что они обманули нас, эти беспринципные, фанатичные, циничные, деспотичные...

— Понял, понял, — перебил его Шельмо. — Но как вы позволили таким людям прийти к власти?

— Они обманули нас пропагандой. Быть может, они сами верили в свою ложь. Не знаю, повинны ли они в фанатизме, цинизме, или в том и другом. Однако я знаю точно, что они навсегда отменили выборы, назначив себя вечными хранителями грядущей утопии. Хотя их меньше трети населения, они установили режим террора.

— Так почему вы не сопротивляетесь? — спросил Шельмо.

— Потому что все оружие принадлежит паратидам. Их солдаты маршируют по нашим улицам. Об их тайных пыточных камерах ходят жуткие слухи. Они держат тысячи пленников. Они запретили всю культуру, кроме одобренных цензурой интерпретаций патриотических тем. Мы беспомощны в их руках. Только ты, господа, можешь спасти нас!

Шельмо подумал немного.

— Полагаю, есть прецеденты божественного вмешательства в политику?

— О да, господа, множество подобных случаев записано в священных книгах наших главных религий.

— И что эти книги говорят о поведении бога в подобной ситуации?

— Что господь поражал неверных.

— А как определялись неверные?

Дэн подумал немного.

— Иногда пророк передавал мольбы народа непосредственно богу, как это делаю я.

— Не слишком справедливо, на мой взгляд, — заметил Шельмо. — Мы даже не выслушали противную сторону.

— Но ты можешь определить истину, ибо всезнающ.

— Нет, — возразил Шельмо. — Всезнание годится для фактов, но не для точек зрения.

— Тогда делай, господи, как сочтешь нужным, — взмолился Дэн.

— Ладно. — Шельмо потер руки. — Но помни — ты сам меня просил.

— О чем я еще могу просить, как не о суде божьем?

— Запомни свои слова, — предупредил Шельмо.

Тело бога напряглось, глаза напряженно прищурились. Невидимые силы сгустились в воздухе. Волосы Дэна встали дыбом. Внезапно пещеру залил жуткий багровый свет, медленно померкший, точно управляемый дьявольским реостатом. И все в пещере стало как прежде.

— Сделано, — сообщил Шельмо.

И услышал Дэн доносящийся с Земли крик, преодолевший путь, на котором замерзали молитвы, — крик скорби и гнева, вопль отчаяния и ужаса.

— Что ты сделал, господи? — спросил Дэн.

— Очень просто. Я исчезнул паратидов.

— Исчезнул? Что это значит?

— У вас это, наверное, называется убийством, — пояснил Шельмо. — А у меня — исчезновением. Это одно и то же в том смысле, что теперь они не будут вам мешать. Ваши проблемы решены.

Дэн не сразу осознал случившееся. С растущим ужасом он понял, что Шельмо просто избавился от трети населения планеты.

— Тебе не следовало убивать их, — выдавил он. — Большинство из них были неплохими людьми. Они всего лишь следовали за своим лидером.

— Лидера надо выбирать лучше, — заметил Шельмо.

— Некоторые из моих родственников — паратиды.

— Мои соболезнования. Во всяком случае, твои враги повержены. Теперь не осталось никаких препятствий для строительства нового, лучшего мира. Но если что-то возникнет опять — зовите меня смело. И всем это передай.

— Я объявлю твое решение миру, — вздохнул Дэн.

— Я это и имел в виду. Скажи, что я принимаю всех. Суд мой скор. И я всегда готов помочь тем, кто не может справиться со своими проблемами. Только методы у меня — собственные.

Дэн откланялся и ушел. А Шельмо вскипятил себе стакан чая — первый за много веков — и пропел несколько куплетов из песни, которую знал еще человеком. Потом он использовал свое всезнание, чтобы заглянуть в будущее планеты на полтора столетия. Люди за это время еще не достигли утопии, но жили неплохо — не хуже, чем можно от них ожидать.

В одном Шельмо был уверен — больше его о вмешательстве никто не попросит.

Он выключил всезнание и устроился на ледяной койке, чтобы хорошо сосредоточиться. Он собирался довести эту технику до совершенства.

Содержание

Театр одного мастера, С. Славгородский	5
Драмокл: Межгалактическая мыльная опера, роман, <i>перевод И. Васильевой</i>	11
Так люди этим занимаются?	
Я вижу: человек сидит на стуле и стул кусает его за ногу, <i>перевод В. Серебрякова</i>	147
Майрикс, <i>повесть, перевод С. Трофимова</i>	174
Червемир, <i>перевод О. Васант</i>	234
Так люди этим занимаются? <i>перевод А. Нефедова</i>	264
Песнь звездной любви	
Тем временем в Баналии.. <i>перевод И. Васильевой</i>	271
Голоса, <i>перевод В. Серебрякова</i>	280
Желания Силверсмита, <i>перевод А. Нефедова</i>	285
Утерянное будущее, <i>перевод В. Серебрякова</i>	294
Мисс Мышка и четвертое измерение, <i>перевод А. Нефедова</i>	300
Долой паразитов! <i>перевод А. Нефедова</i>	310
Роботорговец Рекс, <i>перевод А. Нефедова</i>	318
Песнь звездной любви, <i>перевод В. Серебрякова</i>	325
После этой войны другой уже не будет, <i>перевод О. Васант</i>	331
Вселенский Кармический банк, <i>перевод А. Нефедова</i>	362
Восточка из ада, <i>перевод В. Серебрякова</i>	367
Гибель Атлантиды, <i>перевод В. Серебрякова</i>	371
Божественное вмешательство, <i>перевод В. Серебрякова</i>	376

НОВЫЕ МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

Том первый

Составитель *Д. Смушкович*
Редакторы *А. Александрова, М. Проворова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева, Н. Дундина*
Оператор компьютерной верстки
Е. Глуховская
Оформление шмуцтитлов: *М. Ермаков*
Оформление форзаца: *Л. Булыкина*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 8.08.96. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Антиква. Печать высокая.

Усл. печ. л. 20,16. Тираж 15 000 экз.

Заказ № 2353. С 203.

Издательство «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, а/я 22

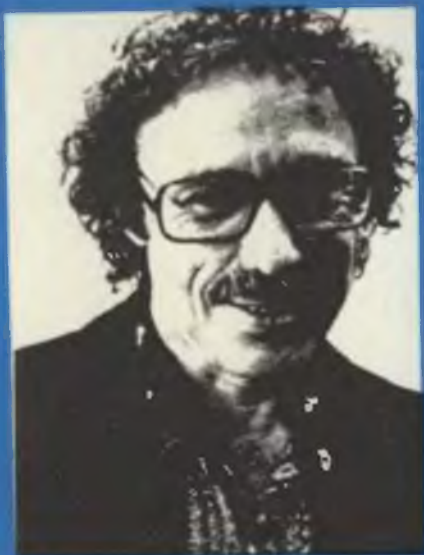
Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

РОБЕРТ ШЕКЛИ

В состав первого тома избранных произведений известного американского фантаста-юмориста вошли остросатирический роман «Драмокл» (1983), снабженный ироничным подзаголовком «Межгалактическая мыльная опера» и рассказы-вающий о попытках самовластного повелителя заштатной планетки стать

жертвой неумолимого рока, о чем он мечтал с детства. «Майрикс» (1983) — остросюжетная повесть в жанре «космической оперы», написанная Робертом Шекли по сюжету Айзека Азимова, а также множество серьезных и юмористических рассказов, созданных писателем преимущественно в период с середины 70-х до наших дней. Среди них — такие шедевры, как «Я вижу: человек сидит на стуле и стул кусает его за ногу» (1967), созданный писателем в соавторстве с Х. Эллисоном, «После этой войны другой уже не будет» (1987), «Долой паразитов!» (1982) — последний рассказ о Грегоре и Арнольде и еще многое другое. От океанских планктонных полей, где трудится жертва смертельной болезни Джо Парети, до дешевой распродажи, где Эдди Квинтеро покупает таинственный бинокль, от родной Земли до самых далеких звезд... от радости до отчаяния и от любви до ненависти — таков диапазон творчества неподражаемого Роберта Шекли.

